

Анна Чернышева

Звезда бессмертия

16+

Анна Анатольевна Чернышева

Звезда бессмертия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40513300

SelfPub; 2019

Аннотация

Это роман о чудесах, которые способна творить настоящая любовь. Главная героиня – Лиза, студентка технического вуза, считала себя заурядной материалисткой и неудачницей. Молодой человек, в которого после мимолетной встречи она с первого взгляда влюбилась ещё в детстве, кажется ей волшебным принцем. Только через много лет Лиза неожиданно встречает его. А после выясняется, что они любили друг друга и в прошлой жизни.

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЧЕРНЫШЕВА.

ЗВЕЗДА БЕССМЕРТИЯ.

РОМАН.

Из Сибири до солнечного Сочи поезд добирается четверо суток, за это время путники успевают в подробностях поведать друг другу всю свою жизнь. Моя соседка по купе ярко и эмоционально рассказала мне удивительную историю своей любви. Рассказывала она примерно так:

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО

Роскошная брюнетка под душем. Вода льется по груди, спине, бедрам, мокрые волосы лежат на смуглых плечах, пар обнимает стройную фигуру, рука скользит по плоскому животу... Эротично?

Ничего подобного! Мокрая пятка поскользывается на гладкой плитке, я теряю равновесие и лечу на пол. Падая, жутко стучаюсь головой о край ванны, задеваю еще что-то железное, мокрое, все! Пол! Всем телом ощущаю, какой он холодный и твердый. Лежу. Боюсь открыть глаза, дышу осто-

рожно. Как громко шумит вода...

–Лиза, Лиза!

«Откуда он взялся? А, да, щеколда на двери, давно сломана. Зачем он так орет?»

Открываю глаза, Серега сидит рядом на полу в плавках и одном носке, держит мою голову смотрит дико. К горлу подкатила противная тошнота, Серега, конечно, гад, но не на столько же! Хочу приподняться, желудок сразу лезет наружу.

–В постель, – командую я, очень дохлым голосом.

Наконец-то, тепло и сухо! Вот он рай! Расслабляюсь, закрываю глаза, кайф.

–Лиза!

«Что еще?»

–Мне надо идти, ты тут сама справишься?

Наверное, я ответила, потому что он ушел. Настала тишина. Спать, спать...

Еще не совсем проснувшись, щелкаю кнопку телевизора, диктор сразу же сообщает мне, что президент Ельцин отлично себя чувствует. Вот бы и мне такое самочувствие. Президент опять куда-то намылился, с кем-то встретился, новости как новости, ничего особенного. Армагидона все еще нет, а предсказывали-то, предсказывали! 1999 – поворотный год! Обыкновенный год. Терпеть не могу политику! Решительно выключаю телевизор.

Сижу перед зеркалом в полном ужасе. Вокруг правого гла-

за сияет густая синева. Если буду спать на одном боку, чтобы синяк не стек к переносице, будет похоже на жирную подводку. Нет! Это ужасно! Веко вспухло, моргать больно. Это же надо, сама себе глаз подбила! На лбу – большой прыщик, губы потрескались, кожа сухая. Да, как меня только мужчины любят?!

Нет, нет! Я еще очень ничего! Подумаешь, двадцать три! Брюнетка с голубыми глазами, лоб высокий, и фигура отличная: ноги длинные, грудь, талия, все при мне. Вообще, я красавица! Вот только синяк! Черт бы его побрал! Как хорошо, что институт можно прогуливать! Плюнуть на все, и валяться в постели. Все, решено, так и сделаю. Быстрее, быстрее, в теплую кроватку. А ведь голова-то болит!

Звонок в дверь, только не это! Не буду открывать, не буду! И все равно иду покорно к двери, шоркаю тапочками, запахиваю халат.

–Кто там?

–Открывай, открывай, – несется из-за двери, долго я еще буду ждать?!

Светка. Умеет она придти вовремя. Сейчас начнутся охи, вздохи, как бы не показывать ей синяк?

–Лиза, я первым делом к тебе, я такую кофточку видела, отпад! Ох, Лиза, что с тобой?

И на лице отразился вселенский ужас! Моя Светка маленькая блондинка с огромным темпераментом. Всегда в ярком: красном, синем, желтом или с ног до головы в черном.

У нее нет полутонов ни в одежде, ни в жизни, либо в восторгах, либо в депрессии.

–Ой, что случилось? Неужели, Сергей? – она даже за сердце схватилась.

–Да, нет, – машу я руками, – я сама поскользнулась в ванной. Сделала ремонт на свою голову.

–Точно? – она щурится недоверчиво, – ты его не выгораживаешь?

–Боже упаси! Если б он только попробовал, я б ему сковородкой ответила! Ну, что мы застряли в коридоре, пошли на кухню, у меня еще торт остался.

Она сбрасывает сиреневое пальтишко и миру открывает-ся нечто настолько пестрое, что в глазах рябит. Слава богу, Света настроена благостно! Взобравшись с ногами на уютный диван, она стрекочет без умолку. Пока я кручусь с чаем, Света повествует: о головокружительной страсти к предпринимателю Никите, новой сногшибательной квартире дяди Игоря, непереносимой духоте в парикмахерской и ценах на рынке.

–Пей, пока не остыл.

–Сейчас, дай дорассказать. Ты видела новую историчку? Нет? Зовут Полина Уговна. Это где ж такие имена? – ответов Светке не требуется, – говорят, на экзаменах зверствует...

Я терпеливо внимаю, киваю головой, а голова моя продолжает болеть и мечтать о воссоединении с подушкой.

–Что-то у тебя вид кислый, – наконец заметила Света.

Я прикладываю руку к синяку, морщусь...

– Болит? – наивно спрашивает подруга.

– Не очень.

– Но выглядит, конечно, ужасно безобразно.

– Спасибо, умешь ты утешить.

– Ну, что поделаешь, если это жутко. Слушай, а косметикой? Тональным, пудрой пробовала?

– И пробовать не буду, тут хоть гипс наложи, ничего не спрячешь, фонарь неугасимый.

– Тогда надо темные очки!

– Придумала тоже. В темных очках под осенний дождь. По твоему они сочетаются с сапогами и пальто?

– Да, так еще быстрее заметят, – соглашается Светка.

– Заметят и придумают черте что, не надо мне такого внимания.

– Что же ты будешь делать?

– Выход есть! – заявляю я, – останусь дома, буду плющиться под одеялом. Хоть отосплюсь, а то так голова болит.

– Ой, это же может быть сотрясением мозга!

– Похоже, оно и есть.

– А ты скорую вызывала?

– Нет.

– Вызови!

– Теперь-то зачем? Синяком любоваться?

– Надо вызвать, обязательно!

Какая же она все-таки паникерша!

–Ты не представляешь себе, возможные последствия. Это же так серьезно! С сотрясением шутить ни в коем случае нельзя! Я читала в «Космополитен», что одна женщина упала вот так, и память потеряла...

–Но я-то тебя помню, и кто такой дядя Игорь не забыла. Значит это не мой случай.

–А еще в мозгу может лопнуть сосудик, тебя парализует, и ты не сможешь даже пошевелиться!

Я принимаюсь прыгать и отплясывать твист, в доказательство, что со мной не случился инсульт.

–Я похожа на паралитика?

–Нет, конечно, – охотно соглашается Света и набирает побольше воздуха, чтобы поведать мне и миру еще что-то душераздирающее, но я спешу сбить ее с темы.

–Хватит меня пугать! Кто в прошлый раз жаловался, что помирает без взбитых сливок? Лопай, пожалуйста.

Ядвигаю ближе к ней блюдце с большим куском торта. Светка смолкает занявшись им. Я тоже кладу себе десерт и с радостью отмечаю, что розочки и фиалки из крема, доставляют мне массу удовольствий. От противной тошноты и следа не осталось, и голова болеть перестала. Сладстена я отпечтая. А Светка принялась опять за свое:

–Это еще что! Я тут вспомнила историю про одного мужика... кто же мне ее рассказывал, ладно, неважно. Толи Игорь, толи Никита?

–Так что же было с мужиком? – бурчу я сквозь набитый

рот.

Она отодвигает пустое блюдо, принимает живописную позу, поправляет кулон на груди.

–Так вот, он отдыхал на Багамах...

–Начало мне уже нравится!

–Купался в океане...

–Еще лучше!

–И заснул на надувном матрасе, посреди бела дня!

–Ага, свалился во сне в воду, зашиб акулу, получил «производственную» травму, и теперь на страховку живет на Багамах до сих пор. А акулу сдали в музей.

–Нет, – смеется Светка.

–А куда дели? Съели? Всю?

–Да нет же, не перебивай! Он получил солнечный удар и стал ясновидящим.

–Ну, уж это мне не грозит. Здесь совсем не Багамы, и не Гавай.

–И солнышка что-то маловато, – закивала Светка, глядя на тучную серость за окном.

Мы смеемся, пачкаемся кремом, пьем чай, благодать! А кто-то скучает на лекциях.

После Светкиного ухода, я совсем ожившая мою посуду, пол, хватаюсь за стирку, пылесос – все сразу! Решительно застилаю постель, а может... по окончании стирки я уверена, что застилала ее зря. Взбиваю подушку, потягиваюсь... опять звонок! Шлепаю в коридор, ну что за невезенье! Резко

дергаю дверь, у порога горбится здоровенный тип в фуфайке.

–Слесаря вызывали?

–Нет.

–А у меня записано.

–Я никого не вызывала.

–Точно?

–Да, точно.

–А муж?

–Что муж? – не понимаю я.

–Это он тебя? – басит, сочувственно кивает на мой синяк.

Я хлопаю перед ним дверью. Достали! Снова хватаюсь за пылесос. Короче говоря, в постели я оказываюсь только в два часа ночи. Страшно измотанная и усталая. Закрываю глаза, а передо мной все плывет, моя немыслимо чистая квартира. Я засыпаю...

Клинок обжег мне плечо, я отбил удар, отскочил. Перед лицом молниями носились еще две шпаги. Сколько же их? Выпад, удар, выпад. Кого-то задел, хоть бы Мончини. Будь он проклят! Правая рука слабеет, перебросил шпагу в левую, уже не то. Правая повисла плетью, рукав стал алым. Шаг назад, шаг вперед, туше!* противник свалился прямо мне под ноги. Я запнулся, едва не упал. Удар, и моя шпага сломалась у самого эфеса.** Мончини смеется злорадно, я отбил его клинок своим обломком и изо всех сил шархнул массивной

гардой*** ему по челюсти. Он кубарем покатился по лестнице. Я бросил обломок, схватил лавочку и запустил в наступавших, повалил шкаф. Пока они выбирались из-под мебели, я успел кое-как перезарядить пистолеты. Два выстрела закончили дело. Совершенно без сил я опустился прямо на пол. Гостиная была похожа на поле боя: трупы, кровь, битая посуда, перевернутая мебель, оборванные шторы, пороховой дым.

–А-ах!

Вошла баронесса, глянула и сползла по стеночке. Только женщины в обмороке мне сейчас и не хватало! Я с трудом поднялся, на ватных ногах поплелся к ней, присел рядышком. До чего же она красива! Даже в обмороке лежит, будто позирует художнику. Что делают в таком случае? Где-то я видел воду. Дотянулся до вазы с розами, выбросил цветы, все равно завяли, и плеснул воду в лицо Жанне.

–Прости, любимая, на что сил хватило.

Она тут же очнулась, посмотрела на меня огромными темными глазами, ничего не понимая. Голубой шелк лифа намок и потемнел, на груди блестели капли воды, с ее светлых волос капало.

–Что случилось? Боже мой! Ты жив?

–Кажется, – поморщился я, кровь с руки капала на роскошное платье.

–Ты ранен, а Мончини?

–Твой муж скоро очухается, вон там, в углу за комодом.

Так что мне надо уйти отсюда как можно скорее.

–Где он? Что с ним?

Она вскочила, торопливо поправила юбки, направилась к комоду.

–Антонио, Антонио, как ты?

Уж таковы женщины. Она, вдруг, обернулась.

–Тебя надо перевязать!

Баронесса схватила шелковую скатерть со стола, вернулась ко мне.

–Кто тебя? Он? – спросила она строго.

–Он.

–Сейчас.

Жанна подобрала на полу брошенный кинжал, разрешила скатерть на полосы, стала перевязывать мне руку.

–Ты идти можешь?

–Пока могу.

–Жаль, я слуг отпустила. Придется тебе все делать самому.

Коня моего у ворот не было. Мончини позаботился. Пришлось возвращаться к конюшне. Перед глазами уже плыли темные круги, страшная усталость тянула к земле. Я прислонился к стволу дерева, закрыл глаза.

–Эй, сеньор.

Прямо передо мной Мончини, половина лица залита кровью. Мне в грудь упирается дуло пистолета.

«Какая мерзкая у Манчини улыбка...»

Выстрел...

И я просыпаюсь. Слава Богу жив! Чего только не привидится после такой драки. Все тело болит. Совсем не отдохнул за ночь. И правый глаз заплыл, это наемник Мончини меня двинул канделябром. Надо встать, умыться, побриться.

«Черт! Где это я?! Убожество, какое! Потолки низкие беленные, окошко как бойница, комнатка как шкаф. Что это? Трактир? Тюрьма? А за окном-то что? Фу, дрянь какая! Башка болит!»

Стою посреди комнаты, сжимаю руками голову, медленно соображаю.

«Стоп, стоп, стоп... что было сном? Мончини? Не может быть! А это что? Когда? Где?»

На стене зеркало. Подхожу, смотрю.

«Я схожу с ума!!

Вдруг все встает все на свои места. Я спала и просто видела сон про... про...про то, что меня ... убили.

«Приснится же такое! Да, еще так натурально, во всех подробностях.»

Я даже проверяю, нет ли шрама на руке.

«Никогда ничего подобного во сне не переживала. Я фехтовала, стреляла, а наяву и понятия не имею, как это делается. Наверное, просто фильмов насмотрелась... так ничего исторического уже давно не смотрела. Какие же это времена? Шпаги, платья, шляпы с перьями... похоже на семна-

дцатый век, где-нибудь в Европе. Бурная же у меня фантазия. А эта Жанна ... редкостная! И вашим и нашим. И надо же такому присниться! Ого, уже двенадцать часов! Надо быстренько просыпаться, гладить юбку и бежать к соседке, позвонить Галке. Может она хоть хлеба мне принесет, есть хочется! Только побриться сперва надо. Тьфу ты!»

—

*туше (фр.) – в фехтовании касание, точный выпад.

**эфес – защищенная рукоять холодного оружия.

***гарда (фр.) чаша на шпаге, защищающая руку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ХОЧУ ЛЮБВИ БОЛЬШОЙ И ЧИСТОЙ!

Надоело мне читать про чужую любовь! И фильмы смотреть не могу больше! Где ты, принц, на розовом слоне! Где тебя черти носят?

А Серега? Ну, что Серега? Он, конечно, милый, но всю жизнь с ним! Да, я озверею! Он прекрасен тем, что появляется время от времени. Просто было одиноко и скучно, было много людей и шампанского. Прозаично, как детские прописки. А потом он пришел с девушкой, и я из озорства стянула все внимание на себя. Спутница была забыта, а я купалась в своей непобедимости. У дверей он «со смыслом» глядя мне в глаза, спросил: «— Я вернусь?», а я бездумно кивнула. Вот и все.

А хочется, хочется чего-то такого! Пресно мне стало после этого дурацкого сна. Будто не хватает чего-то важного, от чего глаза горят, и жить хочется.

Сажу на диване среди подушек и уговариваю себя, что не все так уныло. Надо срочно вспомнить что-нибудь яркое, на всю катушку! Перед глазами опять мелькают шпаги, шляпы с перьями... к черту сны, что у меня наяву впечатлений не хватает? Тупо смотрю в стену. В квартире тихо, слышно, как льется вода у соседей, воробьи дерутся за окном, электричка шумит за рекой. Я прислушиваюсь к стуку колес, вот она романтика: поезда, новые города, новые люди. И я вспоминаю как бешено, билось сердце под такой вот стук колес далеко-далеко в зимнем Питере. Как давно это было! Мне пятнадцать лет, я первый раз в Санкт-Петербурге, глаза распахнуты, смотрю на все жадно, сама себе не верю, а электричка легко и стремительно несет меня из пригорода в центр. За окном сугробы, елки, совсем как дома. Остановка, отрываюсь от окна, смотрю на входящих людей. Хмурая тетка с авоськами, деловой мужичок в смешной кепке, девочка с бабушкой, дергает ее за руку, что-то щебечет, ватага студентов с гитарой и каким-то оборудованием. Вдруг, я прячу глаза, даже жмурюсь. Я влюбилась, глянула и влюбилась. Увидела и обожглась. Боже! куда спрятаться? Смешно, а я чуть не умерла. Он высокий, красивый, уверенный, большие темные глаза, бархатный голос. Сама элегантность и обаяние. А я пятнадцатилетняя страшилка в прыщах и в красной шапке с

помпонами. Он меня и не замечает, а я так хочу раствориться в воздухе, что дышать боюсь. Студенты совсем рядом, шумят, смеются, я смотрю на него украдкой. Так страшно и так сладко.

Когда он выходит, мне становится легко и грустно. Что сейчас четыре года разницы, подумаешь. А тогда это была бездной. Дней десять я каждое утро езжу на электричке в центр, и каждый раз таю и прячу глаза, увидев его. А потом я возвращаюсь домой, и он остается в далеком и прекрасном Санкт – Петербурге. И никогда больше у меня так не замирает и не бьется сердце. Наверное, дело в тревожной и волшебной поре юности, а может быть в том незнакомце.

Я сижу улыбаюсь прошлому, постепенно образы бледнеют, тают. Я снова вижу до тошноты знакомые стены. Трясу головой, пора возвращаться к действительности. Тем более, что действительность так и требует к себе внимания: на плите надрывается, свистит чайник, кто-то терзает дверной замок, форточка хлопает от ветра. Закрываю форточку, открываю дверь, бегу снимать чайник. Серега вваливается на кухню сосредоточенный, как спикер парламента, падает на табурет, смотрит на меня молча. Я удивленно поднимаю брови.

– Давай жить вместе, – рожает Серега, и смотрит натужно.

– Это что, предложение руки и сердца или тебя из дома выгнали? – легкомысленно интересуюсь я и отворачиваюсь заваривать чай.

– Надоело мне мотаться туда сюда, хочу жить здесь, – буб-

нит он мне в спину, – не все ли тебе равно, а мне каждый день не мотаться через весь город.

–Ну, предположим не каждый день.

–Не важно, у тебя же все равно три комнаты...

–А у твоих родителей только две, логично.

–Ну, вот и я также подумал, поживем вместе, попробуем.

Ты будешь готовить, стирать...

–А ты? – я обернулась.

–Я буду тебе помогать, – заверяет он, ну всякие мужские дела делать.

–Начинай, – я решительно указываю на засорившуюся раковину.

Он сморщился, заерзал на табурете.

–А как?

–Руками, – огрызаюсь я.

–Это же раскручивать, там грязь...

–А ты как думал.

–Ладно, я сделаю попозже. Чаю попью, переоденусь, вечером сделаю. Поесть есть что-нибудь?

–Вечером.

–Ну, что ты такая злая? Я пришел, в хорошем настроении, хотел по-человечески...

–По-человечески? – смеюсь я, передразниваю его. «– Ну, это, мне ездить далеко, так ты мне теперь готовь, стирай, а я тоже, может быть, тебе чего сделаю. » Великолепно.

–А как тебе еще надо?

–«Лизонька, милая, я без тебя скучаю, хочу больше времени проводить с тобой, помогать тебе во всем. » Например.

–Но это же лесть! – сидит и смотрит на меня честными глазами.

–Зато я обрадовалась бы.

–Ты меня выгоняешь? – и губы надул как ребенок.

–Да, нет, оставайся, – пожимаю плечами я.

Чай мы пьем уже по-семейному. И телевизор смотрим вместе, и вещи его раскладываем. Серега светиться от удовольствия, зато, едва я напоминаю о раковине, он сразу гаснет и морщится.

–Потом.

–Почему? – я делаю наивное лицо.

–Ну, давай, – тяжело вздыхает он.

Серега неохотно встает с дивана, топает на кухню, усаживается под раковиной, вздыхает. Собравшись с духом, он откручивает трубу, и подает ее мне.

–На, промой.

–Купишь машину, будешь меня звать менять колеса? «Они же грязные!» давай ты уж все сам, открутить и сломать, я и сама могу. Заканчивай с сантехникой, а я пока приготовлю суп на вечер.

О, как он на меня смотрит. Вот вам семейная жизнь в картинках. Мне дико захотелось остановиться и подумать, хочу ли я этого прямо сейчас.

Обнаружив, что в доме нет хлеба, я радостно бросаюсь

одеваться. Забывая, о своем твердом намерении, не покидать квартиру в ближайшие дни.

–Ты куда? – ловит меня Серега у самых дверей.

–За хлебом, я быстренько.

–Надо было утром купить.

–Я никуда еще не ходила.

–Как можно, чтобы в доме не было хлеба...

Я хватаю шляпу, выбегаю из квартиры плащ застегиваю на ходу. Уже в лифте вспоминаю, что синяк еще не прошел. Хочу вернуться, но представляю себе возмущение Сереги, и глубже надвигаю на глаза шляпу. Только бы никого не встретить!

Бреду по улице задумавшись, вижу только мокрый асфальт и острые носы сапог. Первые желтые листья, лужи, толстых голубей, шустрых воробьев. Иду и не знаю, чего хочу. Жить одна не хочу, надоело – тоскливо и однообразно, но и делить свою свободу на двоих – ругаться, мириться, стучаться лбами каждый день, ой, не надо! Наверное, мне рано заводить семейную жизнь. Или дело в Сереге? Он же бывает таким ласковым, заботливым и... и занудным. Будет свои порядки наводить, носки везде раскидывать, ему надо готовить вовремя, котлеты, пельмени. Футбол вместо хорошего фильма смотреть. Да еще...

Я во что-то упираюсь и останавливаюсь, упорно хочу сдвинуть преграду.

–Девушка.

–Ну что еще? – бурчу я, глядя в асфальт.

–Девушка, – в голосе слышна улыбка.

Я поднимаю глаза, черный кожаный плащ прямо у носа, задираю голову. Сердце заколотилось и замерло. Откуда он здесь? Мой питерский незнакомец. Так не бывает!

–Извините, что прервал ваши мысли, но столкновение было неизбежно, – говорит тот самый голос.

И правда, мы столкнулись на узком перешейке между двумя огромными лужами. Я стою, как дура, не знаю что сказать. Только смотрю на него во все глаза. Он улыбается.

–Может, тогда уж познакомимся?

–Да, – выдохнула я.

–Александр.

–Знаю, – чуть не ляпнула я, вспомнив, как в электричке к нему обращались друзья, – а я Лиза.

–У вас чудесное имя. Вы спешите?

И тут я вспоминаю про синяк. Я уже готова сказать «спешу», мне становится плохо, очень плохо. Это он, а я! Что он подумает!

–Да, я спешу!

–Жаль, а можно вам позвонить?

–Да, – сияю я.

–А номер?

Он смотрит насмешливо, значит, заметил синяк. Я торопливо называю телефон, он обещает запомнить, а я так хочу, чтобы он записал. Ведь забудет же!

Мы еще потолклись на пяточке и разошлись, я вспоминаю, что спешу и бегу. Несусь по лужам, и ругаю себя последними словами. Выдыхаюсь, перехожу на шаг, площадная брань кончается. Остается тупое негодование. Ворчание незаметно сложилось в стишок:

До чего же я умна, просто загляденье,
И под глазом светиться синее виденье,
И мужчинам нравиться, просто мастерица,
В эдакое чучело, как же не влюбиться?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ.

Все врут, что самое худшее ждать и догонять. Когда за кем-то бежишь, ты действуешь, нет ни секунды на тоску и панику. Ждать – вот, что самое отвратительное. Я завидую тем, кто умеет ждать. А я не могу отвлекаться от этого занятия, ни на минуту: сижу – жду, мою посуду – жду, читаю – жду. Сплю – тоже жду. Я жду звонка!

Ведь знаю же, знаю, что не позвонит. И все равно смотрю на телефон, как на икону. Он и не собирался запомнить мой номер, а я дура, дура. Решительно заставляю не думать о вчерашней встрече.

Время идет, и вот уже смотрю в окно электрички, мимо несутся желтые березки, угрюмые потемневшие елки. На коленях стоит корзинка с грибами, остро пахнет осенним лесом, электричка шумит весело, ехать еще долго. Серега си-

дит рядом, уткнувшись в газетку, зря в электричке торгуют газетами, поговорить не с кем, все читают. От нечего делать разглядываю пассажиров: напротив седой старичок в серой кепке, тоже с грибами. У входа огромная тетка в красном пуховике. Как ей не жарко? Трое мальчишек сидят, повалившись друг на друга. А эту женщину я знаю, только откуда? Такие крупные черты лица, глаза светлые. Кто же она такая? Жанна! Точно, это же Жанна из моего сна. Нет, выглядит она совсем иначе, но я совершенно уверена, что это она. Стоп, стоп. Это что же получается? Во сне, в XVII веке та же самая тетка, что здесь в электричке?

Выходит, она мне снилась, только совсем другая: темно-волосая, смуглая. Сама-то я во сне, вообще мужчина. Нет, от таких рассуждений совсем спятить можно. Я перевожу взгляд на спящих мальчишек, устраиваюсь на плече Сереги, закрываю глаза...

Телегу нещадно трясло, большие колеса гревели по мостовой, старая кляча вяло махала из стороны в сторону дражным хвостом, шла неровно, дергала телегу. Рассвет едва занимался, еще не освещал узкие улицы. Пахло сыростью, первый морозец ползал по коже. Я жалась, дрожа от холода и страха на маленькой кучке соломы. Тонкая изорванная рубашка не спасала от пронизывающего ветра. Меня, как настоящую ведьму, везли греться на костре. Над ухом кто-то басил самоуверенно:

—Охрана так уверенна, что после пытки я уже не сбегу, даже не связали! А зря, герцог больше пугал, чем мучил, а клеймо мне не помешает.

Монахи шествовали рядом с пудовыми свечами.

—Отпевают, гады, козлиными голосами, мою бессмертную душу. Бояться, не успеть. Смотри-ка, палач вышагивает впереди, сволочь, важный и жирный, ручищи в бока упер. И подмастерье здесь же, еще жирней хозяина. Чтоб они оба сдохли!

С трудом подняла тяжелую голову, я так замерзла, что зуб на зуб не попадал, посмотрела на говорившего. Молодой здоровенный детина, похожий на крестьянина чесал пятерной капну спутанных волос, хитро поглядывал по сторонам.

—До площади еще далеко, успею нырнуть в темный переулок, главное выбрать время.

Здоровяк окинул меня критичным взглядом, как товар на рынке. И хмыкнул разочарованно:

—Худая как мощи, смотреть не на что. Другая в одной рубашке выглядела бы аппетитнее, а ты синий кузнечик. Глаза от страха больше рта. А вот если тебя откормить, переодеть, то я бы... да-а, если меня сожгут, то за похоть...

Неожиданно, палач споткнулся и растянулся прямо перед клячей. Лошадь шарахнулась, телега накренилась, монахи пороняли свечи.

—Ой, мамочка!

—Пора! По-ра...

-Лиза, Лиз, проснись, приехали.

Ну, зачем, зачем на самом интересном месте? Хоть бы узнать сбежал ли он... и я или нет?

Сергея тормозит меня и твердит, что приехали. Я неохотно стряхиваю с себя сон. Здорово, все-таки почувствовать себя в чужой шкуре, судя по всему, той ведьмочке не больше пятнадцати лет.

-Пошли, пошли к дверям, – суетиться Серега.

-Подожди, пусть люди выйдут.

Я сладко потягиваюсь, не спеша застегиваю куртку, ищу глазами женщину, которую приняла за Жанну. Наверное, из-за нее мне и приснился сон про... про все это. В XVII веке ведьм на кострах уже не жгли или жгли? Я так загрузилась этим размышлением, что едва не наворачнулась со ступенек. Грибы раскатились по асфальту.

-Лиза! Что ты делаешь?! – завопил Серега.

Паникер несчастный! Сажусь на корточки подбирать опять. Серега что-то возмущенно бубнит, лучше бы помог. А я все думаю про свои странные сны, откуда они взялись? Романы исторические не читаю, фильмы не смотрю – взрослые люди рядятся в смешные кружева и банты, машут оружием, чушь собачья! И вдруг такое, главное все про меня. Столько деталей, подробностей! Откуда? Все что еще помню из школьной программы, а там-то уж точно не было ничего подобного. Ну, откуда все эти фехтовальные приемы...

–Лиз, о чем ты так задумалась, очнись!

Опять Серега, мы уже пилим в троллейбусе, надо же, совсем дороги не заметила.

–Лиза, ты меня слушаешь?

–Да, да, конечно.

–Так вот, я говорю, чего тянуть, давно пора покупать.

–Пожалуй, – бормочу я, совсем не понимая о чем речь.

–Нет, ты скажи, разве я не прав? – насаждает Сергей.

–Прав, конечно.

–Не увиливай, я тебя знаю. Наверняка, ты против, просто спорить не хочешь. А потом скажешь, что так и знала. Выкладывай свои аргументы.

–Потом, дома.

–Не тяни резину в долгий ящик. Говори.

На мое счастье, на другом конце троллейбуса освобождается место. Я бросаюсь туда. Серега отстает и опять уходит в свои подсчеты. Хмурится, шевелит губами. Интересно, все таки, что он там придумал. Ладно, дома спрошу. Отворачиваюсь к окну, на стекле капельки дождя. Мимо ползут хмурые дома, облетающие березки, зонты. темнеет, что-то скрепит, совсем как телега во сне. И что этот странный сон может значить? А прошлый? Если разбирать по Фрейду то... черт его знает! Там я мужчина. Это, что подсознательное желание быть мужиком или изощренный сексуальный изврат? Боже упаси! Бриться в жару и холод, ходить в брюках и еще эти глупые галстуки! А лысины! Нет, что хорошо во сне, наяву

немыслимо. Дурак, этот Фрейд!

Стоявшая рядом женщина смотрит на меня и пятиться. Да, представляю, какую рожу я сквасила от таких мыслей. Моя остановка. Делаю лицо попроще и пробираюсь к выходу. У самых дверей огромная грязная лужа. Шагаю осторожно, Серега хватается меня за руку, тащит куда-то.

–Быстрее, закроется!

–Что закроется?

–Банк! Ну, чем ты слушала?!

Я решительно торможу.

–В банк сейчас не пойду, ни за что!

–Нет, надо сейчас, пока не закрылся, час остался.

–Не пойду!

Я надуваю губы, а Серега смотрит на меня как на невероятного синего зайца с рогами.

–Почему?!

–В этот новый банк не пойду, там все такие крутые, а я не одета.

–То есть?

–В джинсах, старой куртке, сапогах, с грибами, грязная. И вообще, я не накрашена! Пойдем завтра!

–Завтра суббота! – вопит Серега так, будто суббота конец света.

–Тогда в понедельник, – я никак не понимаю причину его истерики.

–Ждать еще неделю!

–Всего два дня!

–О боже! Я же тебе объяснял, автомобильный рынок работает только в выходные.

–Так ты решился купить машину, – начинаю понимать я.

–Я тебе уже битый час об этом твержу. С тобой говорить невозможно! Сейчас сниму деньги, а завтра – на рынок.

–Иди куда хочешь, а я домой! Я устала и выгляжу как бомж. Самое время шастать, по крутым банкам.

–Ну, хоть на улице подожди!

Я уступаю и консенсус найден. Мы несемся к банку. К центральному входу ведет тенистая аллея, вся засыпанная желтыми листьями. Хорошо, что строители оставили деревья на месте.

–Я тебя тут подожду, листьями пошуршу.

–В лесу не нашуршалась? Ладно, я быстро.

–Стой, грибы оставь. У тебя хоть паспорт с собой?

–Все документы здесь, – он с важностью, похлопал себя по карману и бегом побежал к мраморной лестнице.

Я осталась с двумя огромными ведрами, резко пахнущими лесной сыростью. Ждать совсем не хочу! Хочу домой – раздеться, помыться и плюхнуться у телика. Вот-вот, начнется классный боевик. Все нормальные люди уже на своих диванах, пьют чаек, на улице только я одна, как дура. Нет, смотри-ка, еще двое парней заходят в банк, неужели тоже спешат завтра на авто-рынок? И чего Сереги так приспичило покупать машину? У него и родительских денег – то хватит

только на развалюху, купит крутой запорожец и будет страшно гордиться. При нынешних ценах на бензин, дай бог, выберемся разок на шашлыки, а потом будем только мыть машину и ремонтировать.

Настроение мое портиться, с каждой минутой. Я мерзну и злюсь. Ну, сколько можно?! Вон парни уже вышли, стоят курят. Круто, я стою за кустом, наблюдаю, а они меня и не видят. Только Серега-то куда провалился! Собираю последние остатки терпения, прыгаю чтобы согреться, мысли мои письменно передать можно только многоточиями и восклицательными знаками. Вспоминаю то родителей, то отдельные части тела. Наконец-то, Серега выплывает из дверей с идиотской улыбкой. Так и светиться, человек – прожектор. Неспешно спускается, вышагивает важно, как гусь! Парни сразу двинулись к нему, чего еще?

–Пистолет, честное слово, у одного из парней пистолет!

В меня черт вселяется, я пулей вылетаю из-за укрытия, несусь к ним. Я точно знаю, что сильнее их. Успеваю заметить удивленные рожи. Хватаю парня за запястье, выкручиваю руку, пистолет падает, пинаю его в траву. Парень наклоняется за ним, я с размаху ребром ладони бью по бритому затылку, грабитель падает. Второй худой, длинноволосый, замахивается, я нагибаюсь, он опять замахивается, я не ставлю блока, продлеваю его движение и отступаю, он грохается мордой вниз, воет что-то, про мою мать. Я оборачиваюсь к Сереге, таким обалдевшим мне еще не приходилось его ви-

деть.

–Бежим, быстро!

Он торчит, как фонарный столб.

–Надо милицию, – мямлит мой храбрец жалостно.

–Не советую, – слышу я уверенный, зычный голос.

Охранник из банка, весь закомуфляженный, как спецназовец, вальяжно прислонившись к зеркальной двери, нагло смотрит на меня.

–А ты ничего!

Один побитый соскребает себя с асфальта. Я хватаю Серегу за руку и тащу к нашим ведрам. А ведер-то и нет! Уже спер какой-то паразит!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

До самой квартиры, я шагаю крайне решительно, думаю только об украденных грибах. Переступаю порог и коленки сразу подгибаются, я плавненько сажусь на пол. Вся дрожу мелкой дрожью и слова сказать не могу.

–Лиза, что с тобой?

Я молчу, Сергей стаскивает с меня грязные сапоги, сгребает меня в охапку и тащит на диван, устраивает удобно, садиться рядом.

–Успокойся, тише, тише, все уже кончилось!

Я утыкаюсь в него как в подушку и громко рыдаю. Правая

рука сильно ноет, я прижимаю ее ладошкой к груди и крепко держу второй рукой, будто потеряй.

–Лизонька, Лиза!

Сергея гладит меня по голове, а я от этого еще больше реву. Мне так страшно просто ужас. Он сует мне свой огромный носовой платок, спрашивает тихо:

–Пить хочешь?

Я киваю, икаю как в детстве, вытираю мокрые щеки, сморкаюсь и всхлипываю. Серега возвращается с водой. На его куртке темное пятно от моих слез. Я хватаюсь за стакан обеими руками, жадно пью, успокаиваюсь. Мой успокоитель стягивает с меня куртку, спрашивает участливо:

–Чего ж ты теперь рыдаешь? Возле банка вела себя как Рембо, а теперь раскисла.

–Я не знаю... как я все это...

–Ты где русскому стилю училась?

–Я никогда ничему не училась. Я только балетом в детстве занималась.

–И там такому учат?! – Сергей даже сел.

–Нет, я ... не знаю... я .. я была сама не своя...

–Как будто не в себе? – подсказывает Сергей.

–Нет, наоборот, больше в себе, чем всегда. Я как будто освободилась или проснулась, как будто так и должно быть. Теперь я замерзаю, так всегда после слез. Я тяну на себя плед, кутаюсь, поджимаю ноги.

–Так ты не умеешь драться? – все не верит Серега.

–Совсем, совсем... – мотаю я головой.

–А этот прием с пистолетом?

Меня даже передернуло.

–Я страшно боюсь оружия. Я вся цепенею от страха.

–Ну, ну, я видел.

–Нет, правда, ты же сам знаешь, какая я трусиха.

–Знал, до сегодняшнего дня.

–Я сама не знаю, что это было!

–Боевиков насмотрелась, – решает Серега, – вообразила себя Чаком Норисом.

–Мне кажется, все было совсем не так, – пытаюсь объяснить я, – я ничего не воображала... я была сама собой, но ничего не боялась... знала свою силу... как в том первом странном сне, помнишь, я тебе рассказывала?

–Во сне тебя прибили!

–Но, пока не прибили, я чувствовала себя такой свободной. Тело само знало, что делать.

–Это называться память тела, – авторитетно заявляет Серега, – только откуда оно у тебя такое помнит?

–Представления не имею, – пожимаю плечами я.

–Чертовщина, какая-то!

Вот сижу и не верю, что это было со мной на самом деле. Правда, чертовщина какая-то, и есть так хочется!

–Амлет, будешь? – Серега будто мысли читает.

Я радостно киваю. Амлет я не люблю, но такой вкуснятины, я еще не пробовала. Правду говорят, что голод – лучшая

приправа. Смотрю, как мой сожитель моет посуду, и плющусь от нежности. До чего же Серега бывает хорошим, жаль, редко!

–Серый, я тебя люблю!

За это заявление я получаю такое море нежности и ласки, что едва не тону. Утро субботы я не забуду еще долго. Давно мои глаза так не увеличивались от удивления. Пробуждаюсь, как Белоснежка от поцелуя. Лежу, боюсь открыть глаза. Серега тихонько шепчет мне на ушко:

–Засоня, вставай!

Я потягиваюсь, жмурюсь, растягиваю удовольствие.

–Завтрак подан!

–Что? – разом просыпаюсь я.

На тумбочке у кровати красуется поднос с аппетитными бутербродами и одуряюще пахнущее кофе.

–С молоком, как ты любишь, – хитро улыбается Серега.

–Откуда вдруг такая красота?

–Из леса вестимо!

Я усаживаюсь, сую подушку за спину, беру поднос, набрасываюсь на бутерброды.

–Ветчина! Обожаю!

Уплетаю за обе щеки, но все-таки, не выдерживаю, спрашиваю с набитым ртом:

–В честь чего ты такой замечательный?

–Так, захотелось, – пожимает Серега плечами, – суббота, день хороший.

–А-а, это ты после вчерашнего, испугался, что я дерусь?

–При чем тут это?! Это случайность... просто... ты вчера так плакала, а сегодня будешь только улыбаться! Я обещаю!

–Обещаешь? – я недоверчиво щурюсь.

Обжигаюсь кофе, но так нестерпимо улыбаться. Смотрю на будильник.

–Ого, уже полдвенадцатого! И каков наш план действий на субботу?

Сергея притворяется обиженным.

–Ты забыла?

–А, Мерседес, – вспоминаю я, идея покупки машины уже не кажется мне такой глупой. И тут Сергей меня снова удивляет:

–Знаешь, я конечно в машинах разбираюсь и в мастерской год работал, но все равно, как-то побаиваюсь покупать сам, такие деньжищи! Куплю еще какую-нибудь дрянь! Короче, пошли со мной, тебе тоже в ней ездить.

–А что мне там делать? – протестую я.

–Пошли!

–Там же скукатища!

–Но, там есть такие тачки, – горестно вздыхает Сергей.

Я соглашаюсь, может быть и правда, там есть на что посмотреть. Я весело собираюсь, крашусь, и мы едем. На одном автобусе, другом, третьем. По мере удаления от центра, транспорт все страшнее. Начинали мы с новенького блестящего немецкого автобуса, теперь трясемся на куче ржаво-

го металлолома. Нюхаем бензин, слушаем скрип и скрежет. Меня укачивает, молчу и медленно зеленею. Мой спутник смотрит виновато.

Наконец-то, полуживая я выползаю на твердую землю, ноги подкашиваются, готова опуститься прямо на грязь. К счастью, мне подвернулась шаткая скамейка. Сажусь, дышу изо всех сил. Кругом лежат распаханые поля и торчат жидкие деревца.

–Где же твой рынок? – спрашиваю я с неприязнью.

–За твоей спиной холмик, мы его обогнем и все! Там кофешки, шашлыки, потом перекусим, отдохнем!

Мой желудок ломанулся наружу, но вернулся на место.

–Фу-у, можешь ты помолчать пять минут?!

Вот он – мужской рай и ад! Как у них горят глаза при виде этих вонючих железок. Грудь колесом, походка величавая, вид победный. Друг на друга смотрят свысока, беседуют степенно, со знанием дела.

На мой взгляд, мы зашли не туда. Со всех сторон сверкают и переливаются на солнце громадные новенькие джипы, скалятся радиаторы, машины пучат квадратные фары. Серега смотрит на этот парад тяжелой техники счастливо и растеряно, как ребенок в магазине игрушек. Бедный мой Серега всех его сбережений хватит разве что, на одно колесо такого монстра. Он даже спрашивает цену одного темно-синего джипа. Хозяин топорщит пальцы, выпячивает пузо и загибает такую цену, что мне и представить страшно. Глаза Се-

реги гаснут, плечи поникают, шаркающей стариковской походкой, тащиться он дальше. Я за ним, иду тихонько, боюсь напомнить о себе. Ну, чего расстроился, дурак?! Ведь сразу знал, что такая машина ему не по карману. Идет, чуть не плачет, как маленький мальчик, что луну не достал. Справа, слева уже не хищные джипы, а уважаемые мерсы и форды, только роус-ройсов не хватает. И серебристые, и ярко-красные, большие и спортивно плоские, ослепительно белые и мутно-фиолетовые, то с четырьмя дверцами, то с двумя. Серега уже и не смотрит, а я наоборот кручу головой. А где же спрячутся недорогие, старенькие, битые, вполне пригодные, которые покупают не для понтов, а для дела?

Ряд кончается, мы поворачиваем, и тут Серега бросается вперед, как барс на добычу. Я ничего не понимаю, смотрю на него с тупым видом:

–Ты куда?

–Лиза, Лиз, это же она! – кричит Серега, не оборачиваясь.

–Кто?

Я начинаю искать среди продавцов и покупателей знакомую женщину, но тщетно! Женщин вокруг не больше, чем розовых слонов. Несусь за Серегой. В этом ряду сразу видно, что машины здесь значительно дешевле и народу гораздо больше. Толпятся, толкаются, прут на пролом с какими-то не мыслимыми железяками. Серега пропадает из вида за каким-то толстяком. Куда он рванул? И что за антилопа гну его так привлекла? Наконец, я обнаруживаю Серегу. Он уже

расплачивается. Вот это скорость! Смотрю, за что он платит, и... и глаза лезут из орбит. Он с ума сошел! Лучше бы трактор купил! А он оборачивается счастливый, хватает меня за руку.

–Смотри, смотри, это же фورد 1945 года!

–Он что, коллекционный? – спрашиваю я растерянно.

–Нет, серийный, таких сохранилось много, коллекционеры такие не берут. Тут еще вмятина, короче мне еще уступили за полцены!

–Ты отдал все деньги?

–Должен еще пару тысяч, займу у Лехи.

–Эта рухлядь дороже хорошего «москвича»? – возмущаюсь я.

–Конечно! – радуется Серега, – мне страшно повезло!

–Она хотя бы ездит? – не верю я.

–Да, представляешь, простояла больше двадцати лет в гараже и все еще на ходу!

Я морщу лоб, считаю возраст консервной банки.

–Ей же скоро шестьдесят!

–Ага, – констатирует Серега восторженно.

–Боже мой, – вздыхаю я, грустно рассматриваю машину.

Черный фورد, точно как автомобили в фильме про Штирлица. Двери открываются шиворот навыворот, стекла мутные, в боку вмятина, салон ужасный, воняет бензином и еще какой-то гадостью. Я готова возмущаться, но обо мне уже забыли. Серега влюблено глядя на невзрачного старичка азарт-

но, как футбол, обсуждает с ним запчасти: свечи, карбюратор, коробка передач, стартер, тросики, гранаты, колодки. Аккумулятор, подвеска, стойки, выхлопная труба и бензобак...

Я смертельно засуччала. Отошла в сторонку, рассеяно смотрю на толпящихся мужиков со всякими странными железяками и старательно гащу раздражение. Чтобы рассмешить себя представляю, как один мужик с размаху надевает другому на шею сразу две покрышки. Сверху еще одну, а вон, вон тот пузатый тужится и сдувает огромную кепку с грузина, тот обижается и давай тыкать толстой ржавой трубой ему в пузо. А мужик в костюме хватает не крашенное автомобильное крыло и долбит им всех подряд....

Щиты разлетались вдребезги, палицы* и секиры** крушили шлемы и кирасы.*** Мечи сверкали на солнце, как молнии, рассекали всадников до седла, кони дико ржали, сталкивались в страшной тесноте. Стрелы летели как стаи пчел, их нектар – смерть. Грохот, скрежет, крики, стоны, хрипы. На белых плащах алая кровь и грязь. Кресты христиан и полумесяцы мусульман – все смешалось! Небо закрыли знамена и проклятья...

–Лиза, ты чего?

–А...

–У тебя такое лицо, будто ты на войне!

–Я и была...

–Где? О чем ты?

Смотрю на Серегу, вокруг себя, стою там же, кругом народ мирно толчется. Ощущение такое, что не была здесь очень давно. Где-то там, где я была только что, провела всю жизнь. Надо же, я видела все как наяву, даже ярче. Там и пахло не бензином, а как-то страшно – смертью, войной.

– Не впадай в транс, ждать уже не долго. Осталось часть документов переоформить. Это можно сделать здесь же, рядышком, остальное в ГАИ позже.

Серега тащит меня за руку, я покорно плетусь следом, совершенно оглушенная. Дожилась, наяву брежу. Понимаю еще сны смотреть, но так...

Сижу на скамейке, жду Серегу. Хочу есть, пить и спать. Хочу домой! Ну, сколько можно?! Серега подбегает злой, взъерошенный.

– Лизок, дело затягивается еще на часика полтора, может, пока посидишь в кафе, поешь чего-нибудь?

Я решительно встаю со скамейки:

– Раз так, я отправляюсь домой, поесть приготовлю. Борщ будешь?

Серега с неохотой меня отпускает, и я тороплюсь на остановку. На удивление недолго жду маленький, вонючий автобусик. Трясусь в нем, пересаживаюсь, зеленею, матерю транспорт. Но все таки, добираюсь с грехом пополам домой. И первым делом – к телефону. На автоответчике тишина! Когда, когда он позвонит? Да, ну что ж, вздыхаю, мой замечательный Александр давно забыл мой номер!

Сергея вернулся больше чем через три часа. Когда у меня уже был готов суп и даже компот. Я уже перестала переживать, что вместо мягкого сиденья новенькой машины, меня обратно привезли, мяли и трясли садисты – автобусы. Я успела отдохнуть и успокоиться. Сергей усталый, но счастливый наворачивает борщ.

–Суп замечательный, ты классно готовишь!

–Это ты говоришь? – я не верю своим ушам.

–Я.

–Повтори.

–Ты классно готовишь.

–Еще, еще, – смеюсь я.

–Еще здорово печешь, стираешь, вяжешь, – стал загибать пальцы Сергей, – еще эротично моешь пол.

Я притворно отворачиваюсь, Сергей крадется, обнимает сзади, и шепчет на ухо:

–И любовница самая лучшая!

Вы целовались когда-нибудь с бензовозом? О, бездна ощущений! Только нос лучше зажать.

–В ванну, быстро!

Сергей мчится галопом в ванну, выглядывает из-за двери:

–А тебе белый очень пойдет!

–Это ты о чем? – настораживаюсь я.

Мой сожитель опять выглядывает, но переводит тему:

–Знаешь, почему я эту машину купил? Потому что она моя!

–В смысле?

–Вот ты вчера вспомнила каратэ, а я сегодня – свою машину. Это я ее разбил, только-только из Берна выехал, и в столб. Дурак пьяный! Хорошо машину развернуло боком, я только ногу сломал.

–Когда? – тупо спрашиваю я.

–Году так... в 48.

–Сколько же тебе было?

–Лет сорок. Реинкорнация.

И дверь закрывается. Я загружаюсь, выходит не я одна такая странная. Неужели, каждый помнит, что-нибудь эдакое?! Но Серега опять не дает додумать:

–Лиз, выходи за меня замуж, – доносится из-за двери и тут же неистово начинает шуметь вода.

Я будто громом пораженная, дохожу до зала, опускаюсь на диван. Вот уж чего от него не ожидала! Так он хочет со мной всю жизнь прожить, а я все время думаю о другом. Придумала себе великую любовь. Сережка вот он, живой и веселый, а тот, мистический герой где? От телефонного звонка вздрагиваю всем телом. Хватаю трубку.

–Алло?

–Добрый вечер, это Александр...

*палицы – дубины с металлическими наконечниками.

**секиры – большие топоры на металлической рукояти.

***кирасы – часть рыцарского доспеха, защищающая

грудь и спину.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СХОЖУ С УМА.

Честное слово, хотела все спокойно обдумать еще вечером, но я так устала от чудес этого дня, что думать совсем не могла. Да и Серега мешал изо всех сил.

Просыпаюсь медленно-медленно. Воскресенье – святой день. Тянусь, ленюсь, только бы не открывать глаза. Свидание назначено на семь вечера, вот тогда и начну беспокоиться и выбирать. Щеки гладит мягкое осеннее солнышко, хорошо! Телефон заходится в истерике, раздирает мой ленивый рай. У-у, гады!

Серега тычет трубку под ухо:

–Это тебя, Маринка.

Я морщусь, Маринка работает в милиции, вырабатывает командный голос, вечно звонит не вовремя.

–Лизка, где вы вчера были? Я звонила весь день, где вас черти носят?

–Что у тебя случилось? – сонно спрашиваю я.

–Это у тебя случилось! Ты в розыске!

–Что?! – резко сажусь на кровати, сна как не бывало.

–Проходишь по делу, как подозреваемая в убийстве. Ордер на арест пока не выдали, но думаю, скоро будет.

Она сыпет терминами, я ничего не понимаю, трубка в руке

дрожит.

–Я никого не...

–Спокойно, ты где была шестнадцатого в девятнадцать часов пятнадцать минут, у отделения 172596 по 50 лет Октября?

–Что? Когда?

–Позавчера, перед самым закрытием была в Бизнесбанке напротив твоего дома?

–Да, но я...

–Спокойно, драка была?

–Да, но...

–Так, свидетель видел, как ты убила парня. Как было дело?

Я могу только не членораздельно мычать.

–Соберись, – командует Маринка, – утром на ступенях банка нашли труп со следами побоев. Камера работала на наблюдение, записи нет, но охранник подробно тебя описал. Компьютер – сволочь, сразу выдал имя и адрес, тут теперь про всех есть. Вспоминай!

–Я ... я видела, как они оба встали и пошли, и Серега видел.

–Оба? Серега видел? Хорошо! Результатов экспертизы еще нет. Вечно тянут! Дай бог, этот урод умер не от твоих ударов. Но пока все не выяснится, тебя могут продержат в обезьяннике.

Я становлюсь холодной, как покойник, язык не слушается,

звук доносится словно издали:

– Лиза, слушай внимательно! – говорит Марина спокойно и уверенно, – тебе надо исчезнуть хотя бы на пару дней. Родня, друзья не подходят, сразу проверят. Погоди, есть идея, я перезвоню!

В трубке гудки, в сердце ужас, в теле дрожь. Боже! Боже! Боже! В голове ни единой мысли. Губы сами шепчут молитвы. Господи, спаси! На кого еще остается мне надеяться?! Серега спрашивает:

– Что случилось?

Ничего не вижу, ничего не слышу, говорить не могу. Сижу, вцепившись в телефон. Господи, господи!

Звонок! Я пугаюсь так, что роняю телефонный аппарат. Серега держит трубку сам, я еле хриплю:

– Алло.

– Так, слушай, – из трубки доносится командный голос Маринки, – я нашла вариант. Ты слушаешь?

– Да...

– Так. Сейчас бери сумку, кидай туда документы...

– Какие? – тупо стону я.

– Паспорт, полис. Дальше, халат, тапки, белье, зубную щетку, мыло. Что еще? Деньги возьми, могут пригодиться!

– Зачем это все?

– Собирайся! Сдам дежурство и через минут сорок заеду.

Опять длинные гудки. Не думая, не чувствуя, мечусь по квартире, собираю вещи. Серега ходит за мной хвостом.

–Что происходит, Лиза?

Я объясняю чужим голосом, бестолково смотрю на пакет с попугаями, что еще взять с собой?

–Лиз, все образуется, мы же видели, что он жив! Экспертиза все докажет! Только надо переждать пару дней. Я с тобой.

Он обнимает меня, я утыкаюсь ему в плечо, и плачу, но... звонок в дверь. Я готова со страху лезть под кровать или прыгать в окно. А Серега уже открывает дверь, Маринка, слава богу!

–Так, ты готова? Собралась? Почему все еще в начнухе? Одевайся, быстро!

Я открываю шкаф, она отодвигает меня, сама быстро выбирает вещи, кидает их мне, командует Серегой.

–Да, нужен комплект постельного белья, положи. Расческу, взяли, нет? Клади, зеркало тоже. Лиз, быстрее, шевелись!

Уже в машине спрашиваю:

–Куда мы едем?

–В больницу, я договорилась со своей теткой, пересидишь в ее отделении.

–Найдут!

–Там и искать не станут, – странно улыбается она.

Я возмущенно смотрю на нее. Нашла время шутить. Еще года не проработала в милиции, а уже так изменилась – говорит резко, командным голосом. Одевается строго и скучно, волосы обстригла, лицо сразу заострилось. Не девушка,

а служебный рапорт.

«Куда это мы едем? Загород? Зачем?» Мимо мелькают тополя, я никогда здесь не была.

Маринка сворачивает влево, на разъезженную, грязную, без асфальта дорогу.

–Все, почти приехали!

Действительно – все! Впереди только пустырь, грязь, кусты и руины пятиэтажки. Здание, потемневшее от времени, с отвалившейся штукатуркой, разбитые ступени крыльца, рыжие от ржавчины двери, мутные окна за жуткими решетками.

–Что это?

Ужас уничтожает во мне все остальные чувства и мысли. Ответ уже не потрясает меня, а добивает окончательно:

–Психушка, – буднично сообщает Марина, – ты не пугайся, внутри немного приличней. На ремонт все денег нет. Финансируют в последнюю очередь.

–Главное чтобы этот кошмар быстрее кончился. Я не собираюсь встречать новое тысячелетие в психушке!

–Не бойсь, до нового года еще уйма времени. Но вообще-то, лучше быть здесь, чем в тюрьме. Пошли.

Я тащусь за ней. Внутри у меня холодно и пусто, как в морге. Оказалось, «приличней» – это тоже самое, только вымазанное в белый цвет: потолок, стены, решетки, мебель, хмуро-сонные санитарки. Заходим через диспансер. Здесь еще терпимо, похоже на обычную поликлинику: реги-

стратура, длинный коридор, двери кабинетов, лавочки, хмурые унылые посетители. Марина шагает уверенно, открывает двери, заглядывает, здоровается, тащит меня дальше. Резким жестом указывает мне на лавочку у стены:

—Сядь, подожди.

Она заходит в кабинет и пропадает. Время тянется томительно медленно. Ничего не происходит. Кругом тихо, пусто, страшно. Я с тоской гляжу на оконные решетки. Почему-то, их вид особенно угнетает. Ожидание похоже на вязкую головную боль. Недавние шустрые тревожные мысли, превращаются в медленное тягучее оупение. Даже лень посмотреть на часы. Какая разница!

Стук двери, Марина подает новую команду:

—За мной, быстро.

Стремительно идем по коридору, поворачиваем за угол. Нас сопровождает костлявая тетка в белом халате. Дорогу перекрывает новая решетка, тетка достает из кармана ключ, отпирает железную дверь, мы проходим, и она запирает ее. Идем дальше. Опять решетка, снова тот же ритуал с ключом. Меня опять оставляют на скамейке, я покорно жду, наблюдая, как другие тетки, видимо работницы этого чудного места, привычно отпирают и запирают решетки, каждая своим ключом. Марина манит меня на лестницу, молча поднимаемся, преодолеваем еще одну решетку, подруга указывает на ближайшую дверь.

—Так, заходи, это твоя палата. Твой дом на ближайшие

двое суток. – Она подталкивает меня в открытую дверь, – ну, смелей.

Первое что я вижу – частый переплет порыжевших от ржавчины решеток на окне без штор. Стены противно зеленые, шесть коек в ряд.

За спиной хлопает дверь, я резко поворачиваюсь назад, взгляд упирается в облупившуюся краску. Заперли! Замуровали демоны!! Затылком чувствую, что меня разглядывают. Поворот. Прижимаюсь спиной к двери. На меня настороженно глядят четыре пары глаз. Тревожная тишина. Сжимаю зубы. С наглым лицом иду к пустой кровати у стены. Ставлю свой пакет на пол, сажусь на нее и проваливаюсь так, что колени оказываются у самого подбородка. Ничего себе, сетку растянули! Скриплю, устраиваюсь, шуршу пакетом. Глаз не поднимаю. Все молчат. Звук голоса раздается внезапно, я так и подскакиваю.

–Тише нельзя?

–Нет! – выпаливаю я неожиданно резко.

На соседней кровати из под одеяла поднимается лохматая голова, поворачивает ко мне удивленное лицо.

–Ты новенькая? Тогда понятно. Как зовут?

–Елизавета.

Я стараюсь держаться с достоинством, но чувствую, что выгляжу крайне глупо. Видны только мои тонкие ножки, колени и сразу – голова. Вот тебе и ноги от ушей.

Обладательница лохматой головы оказалась тучная особа

с крупными, но довольно красивыми чертами лица и темными кудрями.

–Мария, – произносит она, усаживаясь, потом кивает в мою сторону, и спрашивает, – Это кто так тебя?

Сразу понимаю о чем речь. Синяк почти прошел, и я так надеялась, что его никто не заметит, да видно зря! Я отмываюсь, мычу что-то неопределенное. Продолжаем знакомство.

Все молчат. Мария тыкает в них пальцем.

–Ира, Лена, Вера, Пуся.

–Пуся?

–Ее все так зовут. Пуся она и есть Пуся.

Пуся сидит на своей кровати, монотонно гладит рукой по одеялу. Выцветший халат застегнут не на ту пуговицу. Она маленькая, коротконогая, с пухлыми ручками, лицо угрюмое, нос картошкой, глазки водянисто-серые, реснички светлые. Точно Пуся.

–Она тихая, – заверяет Мария.

На вид Пуся еще подросток, но Мария предупреждает:

–Не гляди, что она такая маленькая, ей уже за тридцатник.

Самая молодая у нас Верка. Ей всего пятнадцать, из интерната прислали. Там с ней не справляются.

Верка глядит с вызовом. Ничего себе пятнадцать! Девочка – цветочек, борец сумо на отдыхе! Вместо тапочек у кровати – две речные баржи, с сиреневыми бантиками. На зеленом халате ярко красные громадные цветы. Ногти фиолето-

вые, губы жирно оранжевые, светлые волосы коротко острижены. Лежит, жует.

А мне бедной все хуже и хуже! Хочется скулить и лезть под кровать.

–Че уставилась? – мило интересуется Верка.

Я поспешно отвожу глаза.

–Поесть притащила? – спрашивает Мария деловито, – здесь совсем не кормят, три раза в день разливают по железным мискам какую-то баланду. Приносят прямо в палату, больше всего, эта еда напоминает тюремный паек.

–Нет, – мямлю я.

–Что же ты, так здесь долго не протянешь.

–Мне не надо долго, – возражаю вяло.

–Теперь уж, это не от тебя зависит, – заверяет Мария.

Моя кровать жалобно скрипит, я чувствую себя жалким лягушонком, раздавленным на тропинке.

–Ладно, давай похаваем, – предлагает Мария и заныривает в свою тумбочку.

На белый свет извлекаются печенье, халва, бутерброды с колбасой и сыром, и даже стеклянная банка набитая пельменями. Другие уже тащат сок, хлеб, огурцы. В углу стоит столик, но табуретка только одна, поэтому пиршество устраивается прямо на кровати. Покрывало мгновенно превращается в скатерть самобранку. Ни тарелок, ни стаканов, дикий пикник на обочине медицины. Все усаживаются на пол вокруг импровизированного стола. Я тоже выбираюсь из своего ко-

рыта и присаживаюсь сбоку. Почему-то сразу хочется есть.

–Налетай!

И мы дружно налетаем на бутерброды. И они исчезают, как по мановению волшебной палочки. Следом за ними пропадают огурцы и соленые, и свежие.

Набитые рты вовсе не мешают общению, даже наоборот. Все принимаются болтать не очень членораздельно, но весело.

–Я слышала, к буйным новенького привезли, – рассказывает Мария, – он думает, что он – колибри.

–И что, летает? – усмехается Верка.

–Ага, то с беседки сигает, то с дерева. А недавно с крыши детского сада скоканул. И так как птицы штанов не носят, он и прыгнул, в чем мать родила.

–Разбился? – наивно спрашивает детским голоском Пуся.

–Не, тогда бы его не к нам, а в морг отвезли. Этот летун до смерти напугал воспиталку из садика, а дети его обступили и давай рассматривать.

–Зачем? – спрашивает Пуся.

–Никогда голую птичку не видели.

Я едва не давлюсь от смеха.

–За что же его к буйным, он же не дрался! – деловито интересуется Ирина, не переставая жевать.

–Не, не дрался, – смеется Мария, – он только чуть – чуть поклевал двух ментов и трех санитаров. Рыжий так и светит фингалами.

–Рыжий – это тот громила из мужского отделения?

–Ага.

Я отвлекаюсь от рассказа, ибо с головой ухожу в банку с пельменями. Там осталось уже совсем немного. Скользкие пельмени так и носятся по гладким стенкам, ловко ускользая от нашей единственной вилки. Успокаиваюсь, только словив последний. Облизываю жирный подбородок, запиваю все яблочным соком. Соседки мои жуют печенье, смеются, сплетничают. Я продолжаю их рассматривать.

Ирина, очень худая, с резкими движениями, длинными руками и тонкими пальцами, острыми ноготками, бледной кожей. Часто щурит глаза и морщит нос, кривит тонкие губы. Лицо у нее длинное, и прямые темные волосы это еще больше подчеркивают. Голос у нее неприятный и смех похож на кашель.

Пуся смеется очень тихо, а у Маши красивый грудной голос. Она должна хорошо петь.

Лена больше молчит, ей лет сорок – сорок пять. В русых волосах проглядывает седина. Лицо усталое, на лбу морщинки. Прическа ей не идет – грязный жидкий хвостик.

–Вы слышали, на той неделе ждут спонсоров. Идиоты! – восклицает Ирина, – врачи сами здесь с катушек съехали. Кто им сюда что повезет?

–Сейчас модно телевизоры и видики дарить, – замечает Маша.

–На кой нам тут видик?! Лучше бы пожрать привезли. Без

мультиков проживем.

–А я бы посмотрела, – вставляет Пуся.

–Телевизор, конечно, здорово, только к нему надо еще добавить постельное белье и мебель, – вмешивается Верка, – нам в приют тоже привезли телик, а туфли только на малышню. Мы с Юлькой одни на двоих носим.

Мария поднимается с пола, выпрямляется, принимает гордую позу.

–Представьте, девчата, набегут сюда молодые неженатые спонсоры, увидят нас и...

–И околеют.

–Нее, посмотрят и...

–И сбегут.

–Да, нет же, увидят нас и ...

–И превратятся в жаб, – не сдается Ирина..

–Ну, тебя, – надувает губы Маша.

–Нет, нет, почему в жаб? – смеется Верка, – почему в жаб – в тараканов. Вон их здесь сколько, видно уже приходили.

Неожиданно дверь распахивается, весь дверной проем занимает громадная фигура в белом халате, женщина так широка, что даже видна не вся. Она громко вздыхает, поворачивается боком и буквально протискивается в палату. За собой тащит тележку, уставленную стаканчиками. Я никогда раньше не видела людей такого размера, разве что в мультиках. Из нее одной можно было бы слепить десяток теток. Непомерно маленькая голова произносит почти басом:

–Лекарства.

Она оглядывает нас, как удав кроликов.

–Быстро!

Все покорно плетутся к тележке, горстями глотают разноцветные кружочки, запивают из крохотных мензурок. Я сжимаюсь в комочек, не знаю, что делать. Взгляд монстра останавливается на мне. Чувствую себя насекомым:

–Тебе ничего, – произносит она, выталкивает тележку в коридор, и тяжело ступая, уносит себя прочь. Дверь закрывается.

–Что это было? – спрашиваю я мертвым голосом.

–Санитарка, Алефтина Африкановна.

–В просторечье – Фрикаделька.

–Это она «фрикаделька»? – не верю я, – скорее слониха.

–Значит, «слонячья фрикаделька», – смеется Пуся.

Как же здесь медленно идет время. Дома день пролетит и не заметишь, а в больнице час как год. Делать совершенно нечего. Скука смертная! Нечем отвлечься от своих мыслей и страхов. Уж скорее бы все разрешилось с этим трупом. Когда Маринка все узнает и заберет меня из этой клетки?! Решетки угнетают. А вдруг это я его убила? Я же была сама не своя. Нет, нет, не думать об этом! Я не попаду в тюрьму, не попаду! Только не я! От тюрьмы да от сумы не зарекайся! Ой, мамочка!! Не думать, не думать!

Все маются от безделья, пытаются убить время. У Лены карты, раскладывает на подушке пасьянс. Верка смотрит в

окно, Пуся в синюю стенку, Маша роется в своей бездонной тумбочке, извлекает потрепанную книжонку.

–Кто сегодня читает?

–Я вчера за день пол книги прочитала, – зевает Ирина. – Теперь твоя очередь.

Маша устраивается на кровати с ногами, сует подушку под спину.

–На какой главе вчера остановились?

–Там закладка.

–Ага, нашла.

Она читает вслух какую-то фантастику. Все слушают со скучными лицами. Другой книжки нет, я мощусь на своей кровати, подушечка у меня совсем маленькая, чувствую спиной холодную стену. Стараюсь вникнуть в смысл повествования. Только бы заткнуть собственные мысли. Но рассказ не очень-то увлекательный. Я тайком наблюдаю за своими новыми соседками. Пытаюсь понять, почему они здесь. Ведь просто так в психушке не лежат. На первый взгляд тетки как тетки. Ну, с Пусей все понятно. Она так и осталась ребенком. Только сомневаюсь, что таблетки от этого вылечат. Ирка с Веркой наверное, истерички. А Мария – здоровая, красивая, веселая. С ней-то что? Так я ничего и не понимаю.

Долгожданный ужин подвергает меня в уныние. Зеленоватая манная каша тщательно размазанная по тарелке, одно утешение кусок хлеба с маслом и чай. Хорошо, что мы успели как следует подкрепиться.

Вечером я не нахожу себе места. И все потому, что вспомнила вчерашний звонок, приятный мужской голос:

–Добрый вечер, это Александр...

Боже мой, это было только вчера! А мне кажется, что сто лет назад, во сне. Ведь мы назначили встречу на семь вечера. На часах пол восьмого, он, конечно, пришел, не дождался и ушел! Подумал, бог знает что! Если звонил домой – еще хуже! Серега взял трубку, представляю, что он ему мог наговорить! Так нельзя, нельзя! То помпон, то синяк, то это все. Ну, все наперекасяк!

От полноты чувств я уже готова сочинять длинный, печальный стих, но под рукой ни ручки, ни бумаги. Тоска...

Глава шестая.

Второй день.

Всю ночь я ловлю подушку. Эта зараза оказалась в четыре раза меньше, чем моя наволочка. Она выскакивает из-под головы, будто кусок мыла в ванной. Два раза извлекала ее с пола, так как матрас гораздо короче кровати, и она проваливается в дырку между сеткой и спинкой. Где только взяли эту уродскую койку!

Пробуждение отвратительное, все тело ноет, лежу вытянувшись как мумия в саркофаге. Глаза открывать не хочется. Кто-то настойчиво требует:

–Вставай, скоро обход.

Со стоном выбираюсь из своей постели. Сразу же вижу «фрикадельку» выползающую за дверь. Мария плещется у умывальника. Ирка воюет с расческой. Пуся прыгает на кровати.

–Хватит дрыхнуть, – заявляет Верка, натягивая кофту, – мы уже таблеток нажрались, градусники согрели, не отставай от коллектива.

Я оглядываюсь, все по-прежнему в домашних халатах, тапочках, а мне так хочется натянуть джинсы, я вовсе не чувствую себя дома, но выделываться мне не к чему, я же прячусь.

Подтягиваемся к столу, чтобы увидеть ту же прекрасную манку, опять вся моя еда – чай с бутербродом. Хочу домой!

Пара дней, в моем понимании это – вчера и сегодня. С самого утра начинаю ждать освобождения. Когда, ну, когда появится Марина?

Часы идут, она все не появляется. Я теряю терпение. Думаю только об этом, ничем не могу отвлечься. Машка опять читает вслух, от Стругатских с души воротит, и как мне раньше могло это нравиться?! Хочу домой!

Похоже, это не только мое настроение. Все какие-то хмурые, неразговорчивые. Машка читает монотонно, Ирка рвет какие-то бумажки, Верка взяла у Лены карты, гадает, морщится, Пуся обняла подушку, свернулась на кровати калачиком.

Маша захлопывает книгу:

–Все, надоело, Ирка, читай!

–Сейчас обход.

–Ну и что?

–Меня выпишут.

–С чего ты взяла? – с усмешкой спрашивает Верка.

–Я здесь уже двенадцать дней.

–И что?

–Меня выпишут! – упрямо повторяет Ирка, – меня дома ждут.

–То-то к тебе никто не ходит.

–Вер, не трогай ее, – устало просит Машка.

Я сразу заметила, что она здесь, как бы главная. Все ее слушаются и не спорят. Верка хмыкает, возвращается к своему гаданию, потом сердито смешивает карты.

–Ну, ничего сегодня не выходит!

Ирина пугается ее резкого жеста, как заяц, лихорадочно собирает свои бумажки, потом вдруг все бросает. Белые клочки кружатся в воздухе будто снег.

–Собирай, – советует Маша, – на обход зав. отделением придет. Опять будет про порядок вещать.

–Не буду, – бубнит Ирка, – меня сейчас выпишут.

–Это врятли, – рассуждает Верка, – психов так быстро не отпускают.

–Я не псих! – опять кричит Ирка, хватая подушку, швыряет в лицо Веры, – я нормальная, это ты дура! Дура!

На голову обидчицы обрушивается покрывало, одеяло,

простыня. Ирка спеленывает ее всю и начинает бить кулаками, коленками, головой. Все происходит так быстро, что никто не успевает вмешаться, потом все разом бросаются разнимать. Я тоже пытаюсь быть полезной. Маша с Леной вдвоем изо всех сил держат Ирку, я разворачиваю Верку, она хватается ртом воздух, Пуся уже бежит с кружкой воды. Все тяжело дышат как после кросса.

– Дура! – наконец, выдавливают Вера.

– А ты больно умная, – отчитывает ее Мария. – зачем ее заводишь? Ведь, не в первый раз уже. Еще бы чуть-чуть, и санитары бы прибежали!

– Да нужна она мне, – огрызается Верка.

Ирку трясет, она смотрит на нас с ненавистью, но вдруг вся сжимается и начинает рыдать, громко, задыхаясь, и всхлипывая, как ребенок. Машка отпускает ее, а Лена обнимает по-матерински, гладит по голове, успокаивает. Я смотрю на них, и чувствую как безумно мне самой хочется, чтобы меня вот также пожалели. Честное слово, я завидую Ирке.

– Тише, тише, – мягко говорит Лена, голос у нее такой спокойный домашний, – не ссорьтесь. Всех вас скоро выпишут, в этом отделение никто долго не лежит. Все скоро будут дома. Все, все, Ирочка, все хорошо. Верка пошутила, она же знает, какая ты умница и все правильно поймешь.

– Меня выпишут? – всхлипывает Ира.

– Конечно, только надо успокоится, чтобы Ольга Семеновна увидела, что у тебя все хорошо и могла тебя отпустить.

На, выпей водички, – уговаривает она ее как ребенка.

Пуся тащит кружку и для Ирки. Она затихает, дышит ровнее, достает из кармана платок, трет глаза и сморкается, идет к умывальнику. Мы расслабляемся, Пуся собирает бумажки, Верка перестилает Ирину постель, Лена подходит ко мне, наверно заметила, что я тоже готова разрыдаться.

– Не переживай, в больницах всем как-то страшновато! А здесь тем более – решетки, запоры. Но зав. отделением отличный врач, и человек хороший. С ней всегда можно поговорить.

– Спасибо, – отвечаю я, мне действительно становится легче.

Едва палата обретает прежний вид, к нам заходят сразу три врачихи, удивительно похожих друг на друга в своих белых халатах. Я пытаюсь угадать, которая из них Ольга Семеновна. Они задают вопросы, что-то записывают, уводят Пусю и Веру «поработать в кабинете». На меня никто не обращает внимания. Уже в дверях одна оборачивается:

– Ирина Юрьевна, я, конечно, попрошу заведующую зайти к вам, но она скажет тоже самое.

Дверь закрывается и с Ирккой опять начинает твориться что-то неладное. Ее снова трясет, она хватается за спинку кровати, ожесточенно дергает ее, будто хочет оторвать, зубы стучат, глаза дикие:

– Выпишите меня, выпустите!

Мы опять пытаемся ее унять, она дерется не на шутку.

Мне прилетает в глаз, тут еще кто-то грубо отпихивает меня, я падаю на пол. Два огромных амбала в белом, скручивают Ирку, привязывают к кровати, сестра тут же со шприцем. Две минуты и все кончено.

–Если еще такое повторится, переведем к буйным, – обещает сестра, закрывая дверь.

Ирка лежит неподвижно, Лена медленно поднимает меня с пола.

–Не ушиблась?

–Глаз больно, – жалуясь я.

Она вздыхает, мочит полотенце и прижимает к моей дурной голове. Лена, наверное, ровесница моей мамы. Рядом с ней так спокойно. Что она делает в этом безумном месте?

В палату входит пожилая высокая, строгая на вид женщина. Смотрит на меня сквозь толстое стекло очков:

–Вы Лиза?

Я энергично киваю. Она продолжает негромко, но твердо:

–Я Ольга Семеновна. Марина вам говорила?

Я снова киваю.

–Пойдемте в мой кабинет.

Я спешу за ее быстрыми, решительными шагами. Кабинетик у нее крохотный – стол, да шкаф.

–Подождите минутку, я сейчас, – предупреждает она и уходит.

Я присаживаюсь на жесткий стул, рассматриваю от нечего делать, бумаги лежащие на столе. Все в безукоризненном

порядке, ничего лишнего. Она быстро возвращается, садится к столу.

–Елизавета, Марина обрисовала мне вашу ситуацию, к сожалению, пока еще ничего не прояснилось.

–Марина не звонила? – спрашиваю я упавшим голосом.

–Как только что-то будет известно, я сразу вам сообщу.

–А пока ничего?

–Нет. Здесь у вас все в порядке?

–Да, да, спасибо.

–В палате с соседями проблем нет?

–Нет, нет, все хорошо. Я даже не понимаю, зачем они здесь.

–У каждого свое, – устало вздыхает Ольга Семеновна, снимает и крутит в пальцах очки.

Внезапно у меня возникает нестерпимое желание рассказать ей обо всех своих злоключениях.

–Вы знаете, у меня здесь такое впечатление, что я тоже немного чокнутая.

–Это почему? – удивляется она.

–Вся эта история с убийством случилось из-за того, что я сама была не своя, не такая... это все началось с того, что я ударилась головой, – захлебываясь, тороплюсь объяснить я.

–Ударились сильно?

–Да, упала в ванной, с тех пор со мной творится черте что!

Я во всех подробностях рассказываю ей свои сны и видения. С тайной надеждой, что она как профессионал разве-

ет мои страхи и объяснит все просто, материалистично, без мистики. Но что я слышу в ответ, от этой строгой деловой женщины?!

–А, реинкарнация.

–Что? – не верю я.

–Переселение душ, я думаю, падение тут не при чем.

–А эти сны? А наяву?

–Это нормально. Сейчас очень многие вспоминают отрывки своих воплощений.

–Воплощений, – повторяю я, пробуя на вкус новое слово и не верю своим ушам.

–Случается, что люди во всех подробностях помнят прошлую жизнь, а иногда и не одну.

–Как это?

–Уже многие светила психиатрии давно доказали, что под гипнозом человек может вспомнить не только все события детства, но и прошлую смерть, например. Некоторые специалисты рекомендуют этим методом лечить стойкие фобии.

–Получается, это все правда?! Книжки про переселение душ, фильмы, значит, доказали – душа есть?

–Это даже физики доказали, – просто отвечает зав. отделения.

«Значит, я нормальная? И Серега со своей антикварной машиной тоже.»

–А вы помните что-нибудь? – решаюсь спросить я.

–Во время первой мировой войны я была пехотинцем. За-

дохнулась во время газовой атаки.

–Вам тоже кажется, что вы были мужчиной?

–Что в этом странного?

–И вы убивали?

–Была война.

Резко и так некстати звенит телефон, Ольга Семеновна берет трубку, коротко, деловито называет какие-то латинские термины, диагнозы, лекарства. Я сижу перевариваю все услышанное. Ничего себе открытие! Она заканчивает разговор, возвращает меня к действительности:

–Елизавета, меня здесь несколько дней не будет. Я лишних людей посвящать не хочу, но вы не волнуйтесь. Как только прояснится с милицией, я сама или Марина вас заберем.

Легко сказать «не волнуйтесь», я возвращаюсь в палату в полном загрузе. А там суета и приготовления: все носятся, прихорашиваются, сдувают пылинки. Только Лена спокойно раскладывает пасьянс, да Ира все еще спит.

–Спонсоры изъявили желание посмотреть, как живут больные, – объявляет Мария, – поскольку в этом дурдоме, мы самые нормальные, то решили показывать нас.

–Нас?

–Ну да, сейчас их привезут.

–Прямо сюда?

–Да, да не тормози, на расческу – расчешись.

Я покорно причесываюсь. Замечательно! Крутые, богатые дядьки придут посмотреть на меня в дурдоме. А если мы по-

том встретимся, а если кто-то знакомый?! Нет, пока у меня нет знакомых из большого бизнеса.

Медперсонал тоже суетится, забегают по очереди., осматривают, проверяют, уносятся «ветром гонимые». Наконец, из другого конца отделения раздается радостно:

–Идут!

Из нашего окна, видно как у позорного полу– развалившегося крыльца тормозят навороченные джипы, из них выползают пузатые дядьки. Шустрые ребята в дорогих костюмах, достают из машин коробки, передают санитарам. Те тащат их в корпус, лопааясь от важности. Выскакивают врачи, стараются держаться солидно, но видно сразу, с какой жадной радостью они провожают взглядом каждую коробку.

–Ой, глядите, какой хорошенький, – взвизгивает Верка.

–Кто? Где? – оживает Мария.

Я тоже невольно присматриваюсь.

–Вон, вон, высокий, черненький.

–В синем пиджаке?

–Да, нет же, не пузатый. Вон возле красного джипа. Все, девки, я влюбилась! – Верка мечтательно закатывает глаза.

А я все не могу никак увидеть, кто ее так впечатлил.

–Тот, что достает большую коробку, – подсказывает мне Маша. – Вон, пиджак снимает.

–Какие у него плечи! – радуется Вера.

Я, наконец, понимаю о ком это они. Да, фигура у него классная.

–Ну, обернись, – хором требуют Маша и Вера.

Он поворачивается, объяснять что-то заведующей, и у меня земля уходит из-под ног. Александр! Саша! Меня охватывает паника. «Он здесь! Здесь! А я .... Он меня увидит! Увидит в психушке! Вот вам и свидание! Боже! Что он подумает? Но я же не псих! Как же быть? Как быть?!»

Лена замечает мое состояние.

–Что случилось?

–Я его знаю.

–Кого, красавчика? – подскакивает Верка.

–Да, – выдыхаю я скорбно.

–Так это же здорово! Везет же людям!

–Что везет? Он меня узнает!

–Классно!

–Здесь не то место, чтобы встречаться, – напоминает Лена.

Верка никнет, надувает губки. А Маша сразу находится:

–Мы тебя не покажем, будем стоять все кучей, он тебя и не заметит.

–Точно, их много, нас много, авось не разглядит.

–Может, мне лучше спрятаться? – глупо спрашиваю я.

–Куда? В тумбочку? – уточняет Маша.

Я сдаюсь, ждем спонсоров и как только они заваливаются целой толпой, сбиваемся в кучку. Я осторожно выглядываю из-за Машкиного плеча. Вот он мой долгожданный, мой единственный стоит среди толстых, важных дядек с сотовы-

ми. Только руку протянуть, мне безумно хочется броситься к нему, чтобы защитил от всех напастей. Чтобы посмотрел ласково, и я забыла обо всем, обо всем. Я совсем уже готова шагнуть на встречу, но один особенно важный спонсор лениво поинтересовался:

–Я так понял, здесь не буйные, а опасные у вас есть?

Мой порыв разом гаснет, к моему ужасу Александр поворачивается к нам, мне даже кажется, что он меня видит. Я пытаюсь стать прозрачной, и тут Пуся стягивает общее внимание на себя.

–Это мы-то не буйные?

Она подскакивает к гостям, хватает их за руки и тянет за собой напевая:

–Встаньте дети, встаньте в круг, встаньте в круг...

Спонсоры дико таращат глаза.

–Делайте, что она хочет, а то у нее начнется страшный приступ! – подыгрывает Лена.

Пуся строит спонсоров в круг, они испуганно подчиняются. Через минуту в палате, точно как в фильме про Золушку, кружится хоровод из важных пузатых дядек в малиновых пиджаках. Под веселое Пусино пение они даже пытаются притопывать, повторяя ее движения. Зрелища уморительней мне видеть еще не приходилось.

Озадаченные поначалу врачи, еле сдерживают смех. Ну, кто мог ожидать такое?!

Лица лихо отплясывающих остаются тревожно-серьезны-

ми, зато Александр не захваченный хороводом, не выдерживает и хохочет до слез. Всех зрителей охватывает бурное веселье, Пуся тоже смеется. Пляски останавливаются, раскрасневшиеся толстяки отдуваются с обиженным видом.

Думаю спонсоры больше сюда не приедут.

Стою у окна, смотрю, как разворачиваются, уезжают крутые джипы. Видно не судьба, нам быть вместе. Саша, Сашенька... обидно до слез, и ничего, ничего не изменишь!

Девочки меня жалеют, Машка развлекает разговорами:

– Не грусти, вернешься домой, все наладится! А потом расскажешь ему все, объяснишь! Он поймет, ну, подумаешь психушка.

– Эх, если бы только это!

– Не грузись, у других и хуже бывает!

– А ты здесь почему? – спрашиваю я, хоть и решила не лезть с вопросами.

– О, это целая история с ведьмами и мистикой.

– Расскажи!

Мы усаживаемся поудобнее, и Маша начинает:

– Все началось с того, что меня угораздило по уши влюбиться в женатого мужика. И не то чтоб красавец, так себе, но я втрескалась как дура! А он-то – сволочь! Нет чтоб погасить мои страсти, ответил мне полной взаимностью, сбежал от жены, снял квартиру и позвал меня к себе жить. Я чуть не померла от радости. Все там отмыла, вычистила, обеды, завтраки, ужины. Семейная идиллия, да и только.

–И за это тебя в дурдом? – прерывает ее сонный голос Ирки.

–Проснулась, наконец, соня.

–Как себя чувствуешь? – сочувственно спрашивает ее Лена.

–Голова трещит.

–Чайку хочешь?

Чаепитие устраиваем как на именины. Спонсорских сладостей еще на неделю хватит. Пока все жуют, Мария продолжает:

–А потом такое началось! Не вышептать. Жена пошла в наступление. У нас был дрянной замок. И в наше отсутствие она проникла в квартиру, разодрала все мои вещи, истыкала мои фото булавками, сунула вонючую сушенную птичью лапу под подушку. Мы сменили замок. Она подожгла дверь. Сняли другую квартиру, выходки прекратились.

–Наверное, ее в буйное отделение свезли, – предполагает Ирка.

–Туда ей и дорога, – соглашается Верка.

–Не знаю, что с ней стало, – качает головой Маша, – только нам стало еще хуже. Семен злой как собака, чувства как корова языком слизала. В доме все ломается, рвется, бьется. Мы ругаемся, мать говорит, что нас сглазили. Я жгу церковные свечи, лью святую воду, не помогает. По ночам спать не могу, задыхаюсь, будто кто-то душит. А если и засну, кошмары снятся.

–Точно сглазили, – авторитетно заявляет Ирка.

–Короче, через неделю такой жизни я поняла, что хочу в дурдом.

–И пошла сама?

–Сама.

–Помогло?

–Еще как! Сплю как младенец, ем с удовольствием, даже поправляюсь.

–А мне тоже странные сны снятся, – решаюсь признаться я, – из прошлого, будто бы из прошлой жизни.

–Расскажи!

–Да, рассказывать –то нечего, одни обрывки.

–А я вот думаю из таких снов роман написать, – заявляет Маша. – мне с детства снится одна история.

–Рассказывай, рассказывай, – требуем мы хором.

–Мне гораздо проще прочесть. Уж слишком много времени убила на то, чтобы собрать из обрывков целую историю. У меня получился настоящий рассказ, как из книжки. Сама не ожидала.

–Так он у тебя с собой?

–Да, заканчивала писать уже здесь, – разволновалась Маша, – Ну, так читать?

–Читай, читай скорее!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

МАШИНА ИСТОРИЯ,

ИЛИ ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Весна 1242 года. Северная Русь.

Далеко забрел цыганский табор от родных южных степей. Тесны стали бескрайние степи, не разминуться с дикими племенами, что несутся как пожар – от края до края, стрелами застилая небо, криком пугая птиц.. Их кони – ветер, их сабли – кривые молнии. Не понять их черной злости мирным цыганам.

Скрываясь от стремительных татарских отрядов, катили кибитки по лесным дорогам. Стеной поднимались деревья – великаны, страшно было молоденькой цыганочке. Ей едва исполнилось шестнадцать, мир был юн и свеж для нее. Её черные волосы завивались в тугие колечки, отливали синевой, закрывали шалью хрупкие плечи. Она куталась в огромный тулуп и все равно мерзла, закрыла свое смуглое личико большим воротом, только темные глаза сверкали из-под длинных ресниц .

Дед задремал, выпустил поводья, усталые кони медленно брели за первой кибиткой по раскисшей дороге.

Весна не спешила, снег таял медленно, сугробы едва осели, набухли влагой. Среди темных как ночь елей голые березы торчали как белые обглоданные зимой корешки .

Зарема потянула деда за рукав :

– Скоро мы приедем? Я устала и замерзла, есть хочу!

– Ефим говорил, ещё до заката покажется городишко, – неохотно пробурчал он себе в седую кудрявую бороду.

– А нас там примут? – не отставала Зарема.

– Русичи всех принимают. Да мы и едем не с пустыми руками.

– Чего же мы им дадим?

– Не дадим, а обменяем, – дед назидательно поднял палец. – У южных народов мы выменяли дорогие камни. Русичи любят лалы и крупные яхонты. Они дадут нам пищу и защиту, а за твои песни знойные и мёду нальют.

– Мы и свадьбы у них справлять будем? Здесь так холодно.

– Холодно, да мирно, – дед нахмурился, косматые брови закрыли глаза. – Там, где война – нет ни обмена, ни торговли. Грабеж, смерть и слезы. Нам там делать нечего! А тепло скоро и в лес придёт, снег растопит, землю согреет.

– Неужели, и здесь цветы зацветут? – не поверила Зарема.

– И цветы будут и ягодки, – улыбнулся старик. – Все поляны будут полны.

– А ягоды здесь красные?

– И красные, и чёрные, а сладкие как рахат-лукум.

– Не может быть! – звонко рассмеялась девушка.

К их кибитке подлетел всадник, от коня валил пар, молодой цыган распахнул короткий полушубок под ним красная рубаха как грудь снегиря, лицо разругнянилось, тёмные волосы трепал ветер.

– Ух, еле вас догнал! Хотел зайца поймать, да ушёл косой!

– На зайца силки нужны, – крикнул дед. – Одни дурни за ними гоняются!

– Какие же силки, когда мы в этом лесу в первый раз, – возмутился парень.

– Это ты в первый, а я уж не первый раз бывал.

– Что ж силки не расставил? – огрызнулся Селим.

Зарема хихикнула в кулачок. Дед хотел обругать молоко-сосу, но только рукой махнул.

– Я вперед поскачу, на моём скакуне шагом тащиться, только коня портить, – хвастливо заявил Селим.

Он поднял своего вороного на дыбы и понесся с гиканьем. Зарема восхищённо смотрела ему в след, дед усмехнулся:

– Погоди, погоди, снег сойдет, трава проглянет, и справим вам свадебку.

– Красиво? По всем правилам? – мечтательно спросила Зарема.

– А как же. Весь табор знает, как вы с детства друг к другу тянетесь.

– Деда почему у нас имена не цыганские?

– Так родились – то вы у теплого моря, у тамошних народов имена красивые. Вот и выбрали для вас самые лучшие.

– А ты где родился?

– Того уже никто не помнит. Я же самый старый в таборе.

– Смотри, смотри, – перебила девушка, – Селим возвращается.

– Беда! Беда! – ещё издали закричал парень.

– Что ещё ?! – насторожился дед, остановил коней.

Все кибитки остановились, люди окружили Селима. Он стал рассказывать, волнуясь, махал руками, торопился.

– Сгорел весь город, сгорел! Одни головешки кругом!

– Как сгорел?! – не верили цыгане.

– Весь! Дотла!

– Не может быть !

– Я своими глазами видел! Сгорел город!

– Может, это другой город, не тот в который мы шли? – с надеждой спросила Зарема.

Дед угрюмо покачал головой.

– Другого тут нет и не было никогда.

– Как же он так весь сразу?!

– Татары, – вздохнул дед, уже и сюда добрались. Что с людьми? – спросил он у Селима.

– Нет никого, – судорожно сглотнул цыган, – только трупы.

Зарема ахнула, закрыла лицо руками. Цыгане испуганно зашумели.

– Куда теперь?

– Что ж нам делать?

– Перемерзнем здесь все!

Барон – пожилой, тучный, в рыжей лисьей шубе, крытой яркой восточной тканью, неспешно вышел вперед. Перед ним почтительно расступались. Он взял коня Селима под уздцы, погладил по морде, постоял задумавшись, и произнес

веско :

– Дальше пойдем, севернее за большим озером есть огромный город. Русичи зовут его Новым городом. Там богатая торговля, товары со всего света. Туда пойдем.

Спорить с ним никто не решился, но многие бурчали в бороды, что зря ушли с юга. Там – солнце, фрукты, пряности, здесь только елки и снег.

Кибитки снова тронулись в путь, Зарема испуганно жалась к деду, он устало сутулился, кони шли опустив морды к самой земле, даже Селим притих, молча ехал рядом.

Лес кончился неожиданно, по глазам ударило желтое весеннее солнце, Зарема жмурилась, закрывалась ладошкой. На полях снег уже почти стаял, кое– где показалась рыжеватая земля. Над этими островками суетились шумные птицы. Дорога обогнула небольшой холм, справа угадывалась речушка еще покрытая одеялом льда и снега, а впереди все было черным-черно, в нос ударил горький запах гари.

– Что это?! – испугалась Зарема.

– Город, – мрачно отозвался дед.

Кибитки выехали на пожарище, под колесами хрустели головешки, мертвые, опаленные деревья склонялись над дорогой, от домов остались кучи черных бревен и кирпичи печей. Кони заржали, испуганно шарахнулись в сторону. Зарема увидела, как шумно поднялась стая воронья, загалдела, закружилась над головой. На земле остались исклеванные, обгорелые трупы. Девушка уткнулась деду в плечо.

– Поедем, поедем от сюда скорей!

Над пожарищем стояла такая тишина, что вороний грай казался оглушительным. Вдруг, к нему прибавились новые звуки: конский топот, гиканье.

Татары вылетели из леса, окружили кибитки. Цыгане замерли, не зная чего ждать. Дед успел толкнуть Зарему вглубь кибитки. Она смотрела через крохотную дырочку на странных людей, живущих чтобы воевать: шубы мехом наружу, шапки с хвостами, глаза щелочки на круглых лицах. Кони коротконогие, крепкие, дышат ровно, будто и не скакали. Один татарин привстал в стремях. Он был одет лучше других, из-под меха видны дорогие китайские шелка, кривая сабля украшена золотом и камнями, на груди цепь с украшением красоты удивительной, такой работы Зарема никогда не видела.

”Интересно, краденное оно, или у этого народа тоже есть свои чудо-мастера?” –подумала Зарема.

Татарин свысока осмотрел табор, сказал что-то резко, горланно. Дед Заремы бросился к нему. Он знал так много языков, что и сам со счета сбился. Старик низко поклонился всаднику, заговорил торопливо. Татарин махнул рукой, воины ринулись шарить в кибитках, выталкивать детей, выкидывать тряпки. Зарема залезла под старую шкуру, сжалась в комочек, затаилась. Она слышала чьё-то дыхание, каркающие слова похожие на ругательство, кибитку качнуло, татарин спрыгнул. Но она всё боялась вылезать. Долго слушала

непонятные крики, плач, знакомые голоса. Женщины умоляли, посылали проклятия. Зарема и уши зажала. Ей показалось, что выпрягают коней, и вскоре всё стихло.

Голос деда позвал:

–Зарема, детка!

Она выбралась из-под шкуры, кинулась на шею старику.

–Что случилось, дедушка? Я так боюсь.

–Всё хорошо, теперь все хорошо, – он гладил её по голове, – Не нашли тебя злодеи.

–Я спряталась. Страшно! Ой, а где наши кони?

–Забрали и других забрали. Всех хороших коней увели!!

–И у Селима забрали?

Дед вздохнул горько, отвернулся.

–Что? Что с ним случилось? – вскрикнула девушка.

–Увели. Забрали всех молодых, сильных мужчин. Женщин, детей оставили. Решили, что не дойдут.

–Куда?

–До рынков, где рабами торгуют.

Зарема не могла, отказывалась понять, что больше не увидит Селима. Ей всё казалось, он сейчас их догонит, вернется. Она невольно прислушивалась, ждала быстрого стука копыт по дороге, вот-вот Селим появится на своем черном коне, поднимет его на дыбы, засмеется весело. Но дни шли и её надежды таяли.

Татары оставили табору только четырех пузатых кобыл. Все женщины, дети, старики набились в две большие кибит-

ки. Лошади еле тащили их по раскисшим лесным дорогам. Цыганки не переставали плакать и причитать.

– Молчите, дуры! – срывался дед, – новую беду накличете. Девушка жалась к нему, она очень боялась новой беды.

– Хорошо, что они камни не нашли, – пробасил барон.

Татары забрали его дорогую шубу, и он мерз в драном тулупчике.

– Доберемся до Новгорода, обменяем, коней купим. – радовался дед.

– Мужей наших, ни за какие лалы не вернёшь – всхлипнула толстая, беременная Сабина.

– За лалы-то как раз и вернули бы, купили бы, как другие себе рабов покупают. Да где их теперь искать, – вздохнул барон. – Кто знает, куда их теперь погнали.

– Да-а, на наших клячах за конницей не угонишься, – согласился дед.

– Придётся вам новых мужей искать, – сказал барон, и все смолкли, задумались.

Когда до Новгорода остался один день пути и все чаще стали попадаться навстречу путники, что на разных языках расхваливали великий город, дед свернул с дороги.

– Куда? – удивилась Зарема.

– Гляди, – он указал кнутом вперед, – Там, за рощей шатры.

– Цыгане! – захлопала в ладоши Зарема.

– Вряд ли, шатры слишком большие, яркие. Но если люди кочевые, у них и переночуем.

Девушке захотелось петь от радости. Она так устала уютиться в кибитке, спать сидя, тесно прижавшись друг к другу. Так конечно было теплее, но всё тело ныло от неудобной позы, дети толкались, барон скрипел зубами, дед кряхтел, а Сабина говорила во сне. После нападения они не ставили шатров, боялись, и все были рады переночевать под чьей-то защитой.

Зарема жадно всматривалась вперед. Яркие белые, высокие шатры из тяжелых дорогих тканей выстроились ровными рядами. Сытые, холёные кони мирно стояли у каждого шатра. Девушка никогда не видела таких стоянок. Она смотрела во все глаза, всё хотела увидеть обитателей этого роскошного табора. Но он был тих и пуст, будто вымер. Только кони звенели дорогой упряжью, да перебрёхивались большие, поджарые собаки с длинными, узкими головами.

–А где же все люди? – недоуменно спросила Зарема у дед.

–Да, кто ж их знает, внучка. Может перебил кто.

–Какой ужас! – похолодела Зарема, – И здесь... Всех?!

–Не пугайся зря. Если бы перебили всех, то сразу бы пограбили. Чего столько добра пропадает. Нет, таких народов, чтобы не грабили, – успокоил её дед.

–Так где же они?

–Пьют! – уверенно заявил старик. – Набились в один шатер, как в муравейник, и пьют за здоровье, а может за упокой.

Словно в подтверждение его слов из дальнего самого

большого шатра неверной походкой вышел грузный мужчина, постоял в задумчивости, шагнул ещё и повалился как мешок. Следом появились ещё двое, широко жестикулируя, перешагнули первого, решительно направились прочь, обернулись, опять замахали руками и принялись поднимать упавшего. Он вставать не хотел, отмахивался, валил помощников на землю. Возня вышла уморительная, и Зарема звонко смеялась, позабыв свои страхи.

Кибитки нещадно скрипели, медленно тащились вперед. Зареме очень хотелось подгонять коней, но несчастные животные еле переставляли ноги.

– Миленькие, ну еще чуть-чуть! – умоляла девушка.

Она от нетерпения не могла усидеть на месте.

Зарема соскочила с повозки и зашагала рядом. Она готова была бежать впереди, но дед глядел строго. Из серого мартовского снега там и сям торчали ветки и камни. Как дед ни старался, кибитка не миновала их, страшно накренилась, закрипела, и большое оббитое железом колесо покатилося само по себе, завалилось в сугроб.

Все выскочили из кибитки, загалдели, стали орать на деда, давать опоздавшие советы, бестолково махать руками, шлепать любопытных ребятишек. Зарема тихонько отошла в сторонку. Теперь застряли на долго. Она с грустью смотрела на шатры сквозь голые ветки каких-то кустов. Цыгане всё бранились, а из большого прямоугольного шатра выходили новые люди. Зарему удивляла, что все они были рос-

лыми воинами в блестящих доспехах и одинаковых плащах с нашитыми крестами. Ни вездесущих детишек, ни шумных женщин, ни немощных стариков не было с ними. Все были широкоплечи, сильны, у каждого на боку висел огромный длинный совершенно прямой меч. Девушка никогда прежде не видела такого оружия. Каким надо быть силачом чтобы поднять его! Ещё её удивлял цвет волос этих богатырей, куда светлее чем у всех, кого она знала. У некоторых головы были совсем жёлтые как солома на полях, а кожа у незнакомцев была светлая почти как снег.

–Какие странные люди, – шептала Зарема. – Неужели, в этих холодных землях все такие? Интересно, а женщины у них красивые? -спросила она сама себя. Она представила каскад длинных золотых волос, и замечталась. – Мне бы такие.

За спиной всё ещё слышалась гортанная ругань и препирательство. Девушка глубоко вздохнула, Оглянулась с упреком. Никто не обращал на неё внимания. Зарема решила и медленно стараясь остаться незамеченной, за кустами и молодыми елочками, одна отправилась к шатрам. Ей только хотелось подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть незнакомцев. Она очень боялась, что её почувют эти большие длинноногие собаки. Но к счастью ветер дул ей в лицо, и Зарема благополучно добралась до крайнего шатра, осторожно выглянула из-за тёмного полога, но ничего не увидела кроме ...

Своего отражения! Оно было ярче и четче чем в любой

воде. Она ясно видела свои огромные испуганные глаза и растрепанные волосы. А тут ещё отражение заговорило на неизвестном языке.

Зарема сжалась и лицо закрыла руками. Вокруг было тихо, и ничего ужасного не происходило. Она решилась открыть глаза. отражения больше не было. Перед ней стоял один из светлоголовых незнакомцев совсем молодой, улыбающийся, с невероятными голубыми глазами, ясными как небо над головой. Зарема хотела убежать, он удержал её за руку, рассматривая с любопытством. Она смущённо отвернулась, но бежать передумала. Он что-то говорил, спрашивал она не понимала ни слова. Хотя дед и обучал её языку северян. Наверное он не был россом. Зарема махала смуглой ладошкой, пожимала плечами, показывала, что не понимает. Он тоже перешёл на жесты:

–Кто ты?

–Зарема.

–Я – Фридрих.

Он всё ещё не выпускал её озябшие пальцы из своей тёплой ладони. И ей это было приятно. Зарема совсем перестала бояться этого чужака. У него была открытая улыбка и девушка тоже улыбалась, сама не зная чему. Он опять непонятно заговорил, а она просто слушала его низкий мягкий голос. Ей показалось, что он извиняется за что-то. Фридрих подал Зареме что-то плоское, круглое, она взяла. С одной стороны на эмали портрет девочки в желтых кудряшках, а с

другой ... она снова увидела сама себя.

Только теперь её щёки горели румянцем, а глаза светились радостью как на праздник.

–Spiegel, – попытался объяснить Фридрих.

Зарема вспомнила, как дед рассказывал ей, что далеко-далеко за тёплым морем есть удивительный город, где умеют из стекла делать разные чудеса. И даже пластины в которых всегда ясное отражение, их не надо ни чистить, ни натирать, только нельзя ронять, чтобы не разбить.

–Зеркало! – обрадовалась девушка, полюбовалась ещё и протянула вещицу хозяину. Он властным жестом отвел её руку.

–Оставь себе.

Она не решалась принять такой дорогой подарок. Опять хотела вернуть, он нахмурился, отрицательно покачал головой. Зарема прижала зеркальце к груди. Фридрих снова заулыбался. Девушка знала, что он её не поймет, но всё равно быстро-быстро затараторила слова благодарности.

Тут грубый, хриплый голос окликнул Фридриха. Он обернулся, ответил что-то и снова стал извиняться перед Заремой:

–Я должен идти, – поняла девушка и ей вдруг стало очень грустно.

–Приходи ещё, – услышала она в его словах, или ей просто хотелось это услышать.

Он отпустил её руку и быстро убежал, гремя своими до-

спехами. Зарема осталась совсем одна. Она сразу почувствовала как сильно замерзла и проголодалась. Она спрятала подарок под тулупом и заспешила обратно к кибиткам. Она очень торопилась, ноги проваливались в талый снег, в коротких сапожках уже давно было мокро, сердце билось словно пойманная птица.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ (продолжение).

Колесо уже вернули на место, цыганки рассаживали по кибиткам детей, дед поправлял сбрую, собирался ехать дальше.

– Ты где была?! – напустился он на внучку.

– Ходила к шатрам, – потупилась Зарема.

– Кто тебе разрешил?!

– Я осторожно.

– А если б что случилось!

– Меня никто не видел, – солгала Зарема и покраснела.

– А ты, что видела? – смягчился дед.

– Там все воины с большими мечами, – торопилась поделиться девушка. – Они все высокие, и волосы у них светлые, и глаза голубые, – проболталась она.

– И глаза рассмотрела, – хитро сощурился дед.

– А на плащах кресты, собаки худые, высоченные, -про-

должала Зарема, всё показывая руками.

Дед слушал её серьёзно, хмурил брови, чесал бороду, потом прервал на полуслове:

–К ним не поедем.

–Почему ?– надула губки Зарема.

–Сиди здесь, – велел старик, откашлялся, – Пойду с бароном переговорю.

Они долго совещались в полголоса за кибиткой. Зарема прислушивалась, но слышала только тяжёлое сопение бороны, кашель деда, да обрывки фраз.

«-... воины. Неспроста, это немцы...

–... Разорят Новгород... Будут убивать всех подряд.

–Лучше держаться подальше... Пусть воюют между собой. Наше дело сторона.»

Зарема прыгала на месте, чтобы согреться. Ей очень хотелось поселиться рядом с таинственными воинами. Она осторожно достала зеркальце, глянула и поспешно спрятала, пока никто не видел. Дед вернулся, кряхтя полез на козлы, стал разворачивать лошадей.

–Куда?! – возмутилась Зарема.

–У самого озера встанем, подальше от этих вояк.

Зарема отвернулась и долго, глотая слёзы обиды выглядывала из-за полога, смотрела, как удаляются заветные шатры.

Табор осиротел, в неудобствах и хлопотах дороги это было не так заметно, но когда остановились, разбили шатры, стало сразу видно, как всё изменилось. Никогда ещё не были

так длинны и тоскливы вечера. Никто не пел, разговаривали в полголоса. Зарема стала уходить далеко от табора. Бродила среди берёз, гладила их белые стволы, грустила. Как не хватало ей веселого, звонкого голоса Селима, его тёмных лукавых глаз, дерзких шуток. О чём бы девушка не думала, мысль упрямо возвращалась к прошлым счастливым дням. И обжигало “НИКОГДА! НИКОГДА!” Зарема горько плакала, растирала слёзы по щекам. Сквозь кусты и хлипкие сугробы бежала от страшных мыслей не разбирая дороги...

Очнулась : кругом ровные, белые стволы, снег, тревожная синева неба над головой.

–Куда же теперь ? – спросила она вслух.

Отвечали ей только по весеннему шумные птицы. Девушка жалобно всхлипнула:

–Неужели заблудилась?! Нет, нет, я недалеко ушла.

Зарема решительно поправила цветастую шаль, вытерла покрасневший нос кулачком. Круто повернула назад, и зашагала обратно по своим следам, они глубоко отпечатались в рыхлом снегу. Зарема сама удивилась, как сильно петляла, забирала влево.

–Так я буду долго плутать, – решила девушка, –надо срезать путь.

Но так получилось ещё хуже. Она потеряла из виду свои следы и брела наугад. Места казались ей незнакомыми. Наконец, впереди показался просвет, деревья стали реже, Зарема уже сильно устала, но прибавила шагу.

К своему величайшему удивлению она вышла на берег замерзшего озера. Зарема стояла в полной растерянности, и тяжело дышала. Воздух был полон птичьего гомона, и ярко светило солнце, оно отражалось ото льда, слепило глаза. Девушка зажмурилась.

–Зарима?!

Она резко обернулась на голос. Совсем рядом на уступе берега стоял, светловолосый воин подаривший ей зеркальце. Зарема так сильно обрадовалась ему, что даже сама удивилась.

–Ф... Фридрих? – несмело произнесла она и застенчиво улыбнулась.

Он сразу стал что-то говорить, объяснять, вертеть головой.

–Ты меня искал? – удивилась девушка. Он закивал, показал, как расстроился, что не нашел ее. Взял за обе руки и заулыбался так счастливо и глупо, что Зарема расхохоталась. Воин тоже рассмеялся, потом снова стал рассказывать. Ей нравился его низкий, сильный голос, чуть растянутые слова. На юге так ни кто не говорил. Язык его был незнаком Зареме. Ей даже показалось, что он один, на всей земле, говорит на этом языке.

Он обвел озеро широким жестом.

–Schone!

Она смотрела растерянно. Он указал на нее и повторил:

–Schonheit!

Она не понимала. Фридрих сложил ладони лодочкой, вертел перед своим лицом.

– Это зеркало, – догадалась Зарема.

Она бережно достала дорогой подарок. Он опять указал на неё, на зеркало:

– Schonheit!

Зарема уставилась в зеркальце. Фридрих подошёл совсем близко, обнял и неожиданно поцеловал. У Зареми захватило дух. С Селимом они часто целовались, но он спешил, будто воровал. А светловолосый был смел и спокоен словно хозяин. Он был так высок и могуч, что Зарема себя чувствовала крошечной птичкой в его объятиях.

– Не надо, – она робко высвободилась и тут же пожалела.

Фридрих смотрел на неё и улыбался. Зарема прятала глаза, не знала, что теперь делать. Вдруг, удивила сама себя, прильнула к воину и подставила губы.

Они стали встречаться каждый вечер. Прошло всего несколько дней, а Зареме казалось, что они знакомы целую вечность. Было совсем не важно, что она не знала слов, она всё понимала. Зарема засыпала, вспоминая каждую минуту свидания, и едва проснувшись, начинала ждать вечера.

Но в этот день она твёрдо решила не ходить к озеру. Дед расхворался, лежал в лихорадке, Зарема боялась от него отойти, поила травяным отваром, поправляла сползавшее одеяло, слушала его ворчливое рассуждения:

– Ты, внучка, слушай меня, я жизнь прожил, много чего

повидал. Когда одна останешься....

–Дедушка!

–Не перебивай! Люди вечно не живут. Боюсь я за тебя, – дед хмурился, кашлял.

Зарема поднесла к его губам чашку с горячим питьём, он хлебнул и снова за своё:

–Эх, не успел тебя замуж выдать! Не думал, что так может получиться. Где теперь наш Селим?! Знать не судьба тебе с молодым орлом травы мять.

Зарема покраснела, опять принялась поправлять старик-ку одеяло. Достала тайком зеркальце,дохнула на него, стала протирать.

–Не надо, дед.

–Молчи, – рассердился старик. – Ишь, свиристель! Может тебе и лучше с молодым мужем, только мне виднее. Как помру, иди за барона он сразу возьмёт.

–За барона?! – Зарема выронила из рук зеркальце. Оно упало и разбилось на множество мелких осколков. – Я не хочу! Он страшный, толстый и злой!

–Дура! Где теперь красавцев брать?! Селима больше нет. Забудь его и делай как говорю!

Зарема поспешно собрала осколки и выбежала из шатра. Её душили слёзы. Стало так себя жалко, она сжалась в комочек и громко всхлипывала как в детстве.

–Вот, это всё из-за того, что я забыла своего Селима с этим чужим воином! Боги покарали меня за распутство.

Она плакала о дедушке, о Селиме и убеждала себя забыть вечера над озером. Но сердце не хотело слушать разумных слов.

–Надо сказать Фридриху, что я больше не приду, – решила девушка.

Зарема заглянула в шатер. Дед заснул, дышал ровно, глубоко. Она вытерла слёзы и побежала к озеру. Хотя было ещё рано, но она очень торопилась, даже в ушах шумело. Она выбежала на берег и замерла.

Озеро всегда тихое и заснеженное, было до краёв полно конского топота. Подкованные копыта гремели по льду как по наковальне. Сердце сжало предчувствие беды. Девушка испуганно вертела головой. У дальнего края озера стеной стояли пешие воины с короткими мечами. Но грохот слышался не оттуда. С другой стороны на них медленно и страшно как туча двигались закованные в железо всадники. Зарема узнала воинов из белых шатров. Их длинные плащи украшали кресты. Девушка пыталась среди всадников найти Фридриха, но все лица были закрыты шлемами, похожими на ведра. Впервые они не казались Зареме красивыми. По спине полз холодок страха. Крестonosцы двигались молча сомкнутыми рядами. Только строй был какой-то странный – не то клин без верхушки, не то свинья без ушей.

Строй пеших двинулся вперёд с неистовым криком, и две армии сошлись прямо напротив оцепеневшей на крутом берегу девушки. Она замерла, не могла шевельнуться, хотела и

не могла убежать. С высокого берега ей были хорошо видны лица пеших воинов. Дед называл их русичами. Они защищали свой Новый город. Какая безумная храбрость вела их в бой с железными всадниками!?

Воздух наполнился стрелами. Крестоносцы огромными, двуручными мечами рубили пеших не защищенных воинов. Тела без рук, без голов падали под копыта коней. Лед заливала алая кровь, он шипел и таял под ней. Все становилось красным: зимнее озеро, белые плащи рыцарей и рубахи новгородцев, оружие, кони и само небо! Русичи уворачивались, толкали коней с такой силой, что они валялись на бок, придавливали всадников. Тяжёлые крестоносцы уже не могли подняться. Их убивали Русичи, затаптывали тяжелые кони. Гремело железо, кричали люди, ржали кони,

Оглушенная увиденным Зарема, зажала уши руками, упала на колени, раскачивалась, кричала и стонала, как от сильной боли.

Совсем рядом с ней два гиганта схватились на смерть. Крестоносец в горящих на солнце латах прокладывал себе путь длинным мечом и казался несокрушимым. Русич подсёк своим коротким мечом ноги его коня, тот заржал, повалился вперёд, всадник перелетел через его голову, но быстро поднялся. Рыцарь взмахнул мечом, удар был страшен, но русич отбил его. С оружия сыпались искры. Меч русича сломался у самой рукояти, воин отступил, схватил со льда упавшую стрелу. Крестоносец широко замахнулся, русич отча-

янно ринулся вперед и воткнул стрелу в щель забрала. Законный в железо воин закричал, выронил меч, схватился за голову, повалился на колени. Противник подобрал его оружие и нанес смертельный удар.

Пешие воины были отчаянно храбры, но крестоносцы быстро теснили их. Вдруг, им в спину, из-за леса вылетел отряд всадников. Их вёл князь в развивающемся алом плаще. Крестоносцы оказались в окружении, пытались разворачивать своих тяжелых коней, те неуклюже скользили, падали, бились на красном от крови льду.

Солнце стало заметно припекать, на гладкой поверхности озера появились лужи и трещины. Кони крестоносцев стали проваливаться под лед, тяжелые доспехи тянули всадников на дно. Кони отчаянно бились увеличивая полыньи....

Зарема не могла больше смотреть! Сама не своя от ужаса она бросилась прочь от страшного места, но грохот битвы и пронзительные крики еще долго преследовали ее. Девушка бежала, заливаясь слезами, бормоча несвязные слова, задыхалась, не видела дороги. Только спрятавшись в теплой темноте родного шатра, она смогла немного успокоиться, Ее мучил озноб, Зарема сжалась в комочек, куталась в пестрое одеяло.

Весь день она просидела спрятавшись в шатре. Дед поправлялся, лихорадка отступила, вечером он даже встал.
—Пойду с бароном потолкую.

Зарема кивнула, говорить она всё ещё не могла. Страшная битва стояла перед глазами. Дед долго не возвращался, пришёл довольный.

–Завтра едем в город. Было большое сражение. Новгородцы победили, перебили рыцарей.

–Всех?! – ужаснулась Зарема.

– Зачем всех. Кое-кого взяли в плен. Теперь на радостях будут много денег тратить. Самое время для торговли.

Город поразил девушку строгой белизной огромных храмов с горящими на солнце куполами, и затейливостью резных деревянных, расписанных красным теремов. Он не был таким пестрым и шумным как караван-сарай. В нем была своя строгая и величавая красота. Здесь не было душного сочетания пряностей и верблюжьего пота, суеты. Холодный, свежий воздух пах сосной и берёзовым дымком. Люди были степенны и серьёзны. Их голоса казались Зареме необыкновенно низкими и сильными.

Кибитки долго кружили по улицам, высланными потемневшими длинными досками. Зарема не могла себе представить, из каких громадных деревьев их сделали. Наконец, дед остановил лошадей.

–Вот здесь, у Ефима на подворье и встанем. Он мужик богатый. Я с ним сколько раз торговал. Не скупится, не торгуется, платит сколько скажешь.

За домом у него большой пустырь, там шатры и разобьём. Теперь нам много места не надо, – вздохнул старик.

У Ефима праздновали. Все домочадцы были пьяны. Хозяин сам отворил ворота, обрадовался цыганам как родным.

– Вовремя вы, вовремя! Заезжайте, и сразу к столам, потом скарб разберёте.

Зарема совсем не понимала язык северян, и дед шёпотом объяснял ей. Ефим был рослый, плотный, седоволосый с густой курчавой бородой, розовощёкий и улыбчивый. Он обнял и расцеловал деда Заремы. Засыпал его вопросами:

– А это кто? Внучка твоя? Красавица! Чего же так долго не приезжали? Что ж вас так мало? И кони где? Не бойсь, уже продал, старая бестия?

– Татары, – вздохнул дед.

Хозяин помрачнел.

– Ну нечего, нечего. У нас здесь пока тихо. А немцев били и будем бить! Эй, Иван, Трофим, Васька! Принимайте дорогих гостей.

Дед с Заремой вошли в дом, а остальные цыгане покатали свои кибитки на пустырь. Следом уже несли обильное угощение. Сыновья у Ефима были русоголовые, высокие, статные. Как на подбор. Хоромы светлые, просторные. Большущий деревянный стол уставлен яствами. Вдоль него полно гостей, пьют, хохочут. Зарема пристроилась с краешку, по сторонам глазеть боялась, смотрела в свою расписную миску. Хозяин кормил вкусно. Хмельной мёд девушка пробовать не решилась. А дед рядом пил и побряхтывал:

– Крепок медок. Эх, ядрёный!

Ефим поднялся, гости затихли, повернулись все в его сторону. Дед переводил заплетающимся языком, Зарема его почти не слушала.

– А теперь, гости дорогие, хочу вас позабавить. Был у дедов наших славный обычай – отпускать пленников.

Гости зашумели не то одобрительно, не то возмущённо. Зарема стала прислушиваться. Хозяин продолжал:

– Пять дней назад мы отбили у татар обоз с русичами, были там и басурмане. Мне достался один парнишка. По виду турок, но кто такой не говорит. А вчера, взял я немца. Так думаю, устроить между ними кулачный бой. Кто победит, того отпущу.

Гостям идея понравилась, все поднялись и направились к дверям. Зарема ничего не понимала, потянула деда за рукав, но его сморило от выпитого мёда. Старик уснул прямо за столом. Девушка попыталась его разбудить, но ничего не добившись, вышла во двор вслед за остальными.

Народу собралось много, яблоку негде упасть, но в центре оставили большое, круглое поле. Все чего-то ждали. Зарема не могла понять, что они собираются делать. Народ зашумел громче. Она забралась на какую-то колоду, чтобы хоть что-то разглядеть. Пустая поляна стала видна как на ладони.

Зарема вскрикнула от неожиданности, когда в центр круга сыновья Ефима вывели темноволосого, курчавого парня. Зарема узнала Селима. Она так обрадовалась, что не знала плакать или смеяться. Она прыгнула с колоды и стала про-

биваться к нему.

– Жив! Жив! Здесь! Рядом! Вернулся!

Но её не пропускали.

– Это Селим ! Это мой жених! – пыталась объяснить цыганка.

Её не понимали, сердито отмахивались. Девушка дёргала пожилого соседа за рукав рубахи.

– Он цыган, он свой, он друг! Он из табора! Жених!

Её не слушали.

– Он мой, – всхлипывала девушка.

Толпа опять зашумела, Зарема поспешно забралась на своё прежнее место, она увидела Селима, а напротив него стоял гордо подняв голову....Фридрих! Зарема опять хотела кричать, что она его знает, но замерла, боясь на мгновение отвлечься.

Ефим что – то громко объяснял, потом махнул рукой. Зарема поняла, что Фридрих и Селим будут драться. Противники смотрели друг на друга, не двигались. Вдруг, Селим бросился на немца, получил тяжелый удар в челюсть и упал на спину. Но быстро вскочил, тряся головой. Рядом с Фридрихом он казался подростком, худым и вертлявым. Цыган непрерывно атаковал немца со всех сторон, получал увесистые удары, уворачивался, отскакивал, и снова нападал.

Зарема смотрела с ужасом. Она сама не знала, кому желает победы. Оба были ей дороги.

Новгородцы веселились, подзадоривали бойцов, свисте-

ли. Оба пленника стали уставать, вытирали с лиц пот и кровь. Но немец был явно сильнее, теснил цыгана. Селим опять упал, отполз в сторону, собрался весь, выхватил из-за голенища короткий нож и метнул в противника. Зарема охнула и прижала кулачки к шее. Фридрих схватился за горло, руки сразу стали красными. Он покачнулся и упал замертво.

Зарема страшно закричала. Новгородцы загудели, ринулись бить цыгана за нарушение правил, но Ефим остановил их и указал Селиму на ворота. Победитель медленно побрёл прочь.

Кибитки медленно тащились по весенним, раскисшим дорогам. На деревьях проклюнулись первые листочки, воздух был дурманяще свеж, птичий гомон заглушал скрип колёс. Целый год провели цыгане в богатом Новгороде.

Зарема прижимала к груди своего розовенького малыша и подолгу смотрела на него с нежностью. Всё о чем она мечтала год назад, исполнилось в её жизни. Дед выздоровел, Селим был рядом. Она подняла глаза на мужа, он гордо гарцевал на новом роскошном жеребце. Отчего же так бесконечно грустно? Зарема незаметно смахнула слезинку.

– Спи ,спи, мой маленький.

Но сын не хотел спать, смотрел на неё небесно– голубыми глазками и улыбался.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ СТРАШНЕЙ.

Яркий свет, решительно убивает приятные, безмятежные сны. Просыпаться, думать, понимать что я все еще взаперти. Не хочу! Я накрываюсь одеялом с головой, поворачиваюсь к стене, воздух быстро кончается. Я вытаскиваю нос, подглядываю одним глазом...

Со стены, у самого лица, на меня пристально глядит, деловито шевелит усами, отвратительный, рыжий, огромный таракан. С диким визгом, я пулей вылетаю из кровати, отмахиваюсь подушкой, отпрыгиваю назад, на кого-то налетаю. За спиной что-то обрушивается, катится по полу. В это время таракан галопом бежит по кровати, достигает края, подергав усами, спрыгивает и, к моему непередаваемому ужасу, на двух маленьких рыжих крылышках благополучно перелетает на пол и приземляется у моих ног. С боевым криком я хватаю тапочек обеими руками, подымаю его над головой, и обрушиваю на насекомое. Только увидев жалкое пятно на линолеуме, я могу спокойно выдохнуть и обернуться. Незнакомая мне сестра крутит пальцем у виска:

–Дурдом!

Я с победным видом осматриваю поле битвы: по всему полу валяются бутылки, таблетки, шприцы, медсестра собирает их на деревянный лоток, как у коробейников в кино. Шприцы большие, стеклянные, уложены в железные коробки. Уже в который раз, мне кажется, что в этом месте время

остановилось, застряв где-то в послевоенных годах.

– Уколы? – удивляюсь я, – вчера же их не было.

– Вот именно, не было, – соглашается сестра, – нечего было колоть, мы и не кололи.

Женщина она неприятная, с крупным носом, большими ушами, руками, ногами; в старом, застиранном, явно малом ей белом халате с засученными рукавами. Она почему-то напонила мне, колоритного палача из средневековых сказок.

Все мои подружки по заключению восседают на своих заправленных кроватях, уже одетые и причесанные, словно проснулись давным-давно. Сестра ставит свой латок на Иркину тумбочку, достает из своих железных коробок шприцы, ампулы. К моему удивлению, все настроены благостно.

– Мой церебрализинчик, – радуется Пуся, словно встретила старого друга.

– Моя валерьяночка, – в тон ей вторит Ирка.

Можно подумать, они даже рады лечению, только Лена, на мой взгляд, ведет себя адекватно. Она брезгливо морщится и честно признается:

– Терпеть не могу церебрализин, он плохо рассасывается. Я вообще не люблю уколы.

– Люблю, не люблю, – ворчит сестра, – подставляй задницу.

Уколы она ставит размашисто, отчаянно, словно мстит за давние оскорбления. И почему процедурные сестры так не любят своих пациентов? Я искренне радуюсь, что экзекуция

меня не касается.

После ухода палача в белом халате мы мирно стучим алюминиевыми ложками по своим железным мискам, борясь с сильным желанием вылить кашу в раковину. Так есть хочется! Но каша все равно, совсем не похожа на еду.

День медленно плетется дальше. Как обычно, Пуся радостно прыгает на кровати. Я пытаюсь приспособиться на краешке своей, принять удобную позу, но снова и снова скатываюсь по растянутой сетке вниз.

–Теперь понятно, как эти кровати приобретают свою форму, – замечаю я, кивая на Пусю. – Интересно, кто лежал здесь до меня? Наверняка, такая же любительница попрыгать. Узнать бы, где она теперь.

–Здесь лежала очень милая дама, – живо реагирует Маша. – Ее выписали перед самым твоим приходом. Теперь она поселилась в розовом домике.

–Что еще за розовый домик? – настаиваю я.

Верка весело подключается к разговору, как-то недобро усмехнувшись:

–Ну, розовый домик, разве ты не знаешь? Возле каждой больницы есть такой маленький домик для самых любимых пациентов.

Я ничего не понимаю:

–О чем вы говорите? Это какая-то шутка?

Лена вздыхает устало и объясняет по-человечески, серьезно и даже грустно:

– Они говорят про морг. Его обычно устраивают в отдельном маленьком домике, и неизвестно почему, всегда белят в розовый цвет.

– Она что умерла?! – я вскакиваю от возмущения, – до меня здесь лежал труп?!

– Успокойся, успокойся. Они пошутили, – уверяет Лена. – Пациентку лежавшую на твоей кровати просто выписали домой.

Я спокойно вздыхаю, опускаюсь обратно на свою кровать, и как всегда проваливаюсь, чуть ли не до самого пола. Только я успеваю подумать, что Лена нормальный приятный человек, как она встает, набрасывает на плечи покрывало и раскинув руки словно крылья начинает плавно кружиться по комнате. Я гляжу на нее с недоумением.

– Обычное дело, – бросает Маша. – она думает, что она моль и может летать.

– Ерунда, какая-то, – не верю я. – Чего ради ей так думать?

– Говорят, она свихнулась после дефолта. Прямо перед тем как накрылись все вклады, ее муж продал машину, гараж и дачу, они собирались переезжать в теплые края. Само собой, до поры положили все деньги в банк. Узнав, что обратно ничего получить нельзя, она и стала молью. Это еще что, порой ей кажется, что за ней с мухобойкой гоняются сам Ельцин и Гайдар. Во, во, смотри, начинается.

«Моль» резко поворачивается и мечется по палате. Она запрыгивает на кровати, на колченогий стульчик, на тумбоч-

ки. Ее движения полны ужаса. Накрывшись с головой своими «крыльями», Лена наконец затихает.

–«И такая дребедень каждый день», – смеется Маша. – Психи, что с них возьмешь?

После обеда, объявляют сон час, для меня это полная неожиданность.

–Я здесь уже третий день, почему вчера не было никакого сон часа? – недоуменно спрашиваю я у сторожил.

Маша охотно объясняет и это.

–«Элементарно, Ватсон». Вчера были спонсоры, ради этих толстых дядек изменили весь режим. А позавчера, ты явилась как раз после сон часа. Все очень просто.

–И долго продолжается этот ваш сон час? – уныло интересуюсь я.

–Три часа, – радостно откликается Верка.

–Я не смогу спать так долго! – Заявляю я.

–Сначала все так говорят!

... Я поправила белый передничек, оглядела себя в старенькое мутное зеркало. Оттуда на меня смотрела миловидная девушка, в темно – коричневом платье горничной.

–Как хорошо, что меня взяли на эту работу. Спасибо, тебе господи, – тихонько прошептала я, – хозяйка такая молодая, элегантная, утонченная, говорят, она танцовщица, человек искусства. Такая не станет слишком придираться и бить слуг.

Я снова любовно оправила свой передник потянула воротничок за уголки. Труднее всего было замотать в тугую шиш-

ку, мои упрямые кудряшки. Вот одна опять выбилась над ухом. Я принялась ее поправлять, когда услышала громкий, но мелодичный приятный звон серебряного колокольчика.

–Ой, госпожа Айсидора, – спохватилась я и бросилась из комнаты.

Я вихрем влетела на лестницу, но все равно опоздала, мадам уже вышла из будуара, одетая для прогулки, торопливо натягивала перчатку.

–Вы слишком медленно ходите, моя милая. В слугах я ценю стремительность, – рассмеялась она добродушно, – сегодня я вернусь поздно постарайтесь не опоздать с ужином.

Она стала уже спускаться, а я заметила брошенный на ее кресле, длинный шелковый шарф. Наверняка она примеряла его, перед тем как одеть на прогулку. Я влетела в комнату, подхватила шарф двумя пальцами, аккуратно сложила на ладони и бросилась к госпоже вслед.

–Мадам, мадам, вы забыли ваш шарф!

Она обернулась, так грациозно, что с нее надо было бы писать картину.

–Что?

–Ваш шарф, мадам.

Я на вытянутых руках подала ей струящуюся легкую материю.

–Спасибо, милочка, я совсем забыла. А без него, мой наряд, был бы явно не полным.

Она взяла свой шарф, обмотала вокруг шеи и элегантно

перебросила через плечо, его длинный конец свисал до самого пола. Я проводила ее до двери. Приятный молодой человек, помог сесть ей в автомобиль. Размотавшийся шарф, длинным краем почти задевал пыльную дорогу за несшимся автомобилем...

Мне страшно не хватает воздуха! Я открываю глаза – все плывет! Хочу кричать, не могу! Меня кто-то душит! Горло сжимают цепкие пальцы. Я пытаюсь отбиваться! Хочу отцепить от себя душителя...

–Ты меня убила! Ты меня убила! – визжит кто-то.

Меня спасают, разжимают смертельную хватку. Я хватаю ртом воздух, дышу как собака. Вокруг меня толпятся подружки по палате. А напротив двое дюжих санитарок с трудом удерживают кричащую и вырывающуюся Пусю.

Пусю сразу уводят, я стараюсь придти в себя, трясую головой. Шея болит и противно хочется все время покашливать.

–Чего это она? Вы что знакомы? – пристает с расспросами Маша.

Я только отрицательно мотаю головой. Она разглядывает мою шею, констатирует уверенно:

–Синяки останутся. Интересно, кого к нам теперь подселят? Бедная Пуся надолго переселится к буйным.

–Так, она сюда больше не вернется? – хриплю я.

–Не, не бойся, за такое ей точно сменят прописку.

–А почему же, Ирку в тот раз не забрали? – недоумеваю я.

–Я слышала, санитары определяют степень безумия по силе сопротивления. Чем сильнее псих, значит, тем меньше он собой владеет. Ирка Верку лупила-лупила, да все обошлось даже без синяков. А маленькая Пуся чуть не угробила тебя, и санитары с ней еле справились. Пену изо рта у нее ты видела?!

Я только киваю, и очень радуюсь про себя, что сегодня можно будет заснуть не боясь не проснуться. И все-таки так странно и так жалко её.

Вечер сменяет скучный длинный день, за решетками окон опускаются сумерки, крохотная полоска неба стремительно темнеет. Кирпичная стена какого-то строения, закрывающая всякую видимость из окон нашей палаты, становится непроглядно черной. Пора спать. Мы расходимся по кроватям, гаснет свет. Я ворочаюсь, кровать громко жалобно скрипит. Уснуть не могу, закрываю и снова открываю глаза. Наконец, я не выдерживаю, сажусь на кровати и тихонько зову:

–Маша, ты спишь?

К моему немалому удивлению, с соседней кровати доносится скрип, тяжелый вздох и решительный голос:

–Нет, не сплю. Черт знает что! Со мной такого с роду не было. Все из-за полнолуния.

–Сегодня полнолуние?! – удивляюсь я.

–Еще бы, смотри какая дура на небе висит!

Я поднимаю глаза, и действительно вижу, круглую, яркую луну, зависшую прямо напротив. Даже в палате стало свет-

лее.

– Вот, из-за нее-то, наши психи и бесятся. Еще классики писали, что в полнолуние у всяких чудиков обострение.

– Но Пуся, напала на меня днем, – пожимаю плечами я.

– Какая-то логика у тебя, прямо из анекдота! Можно подумать, луна реально исчезает, если ты ее не видишь!

– И все таки, я не никак не могу понять, почему она на меня набросилась. Пуся совсем не похожа на Айседору Дункан.

– При чем здесь Дункан? – удивленно спрашивает Мария, и тоже садится на кровати.

Деваться мне некуда, приходится подробно рассказать ей свой сон. Маша восторженно слушает, не перебивает.

– ... а что было дальше ты и сама знаешь.

– Ну и ну! – выдыхает Маша, – вот это история. Или вы смотрели один и тот же сон, но тогда... Или все это просто совпадение. Не верю я в такие совпадения! Слушай, это же готовый рассказ!

– Только слишком короткий, – замечаю я.

– А можно я твою историю напишу? Я еще дополню, такого напридумаю.

– Валяй! – охотно соглашаюсь я.

– Такая история не должна пропасть, – воодушевляется Маша. – Я из нее конфетку сделаю!

– Так и назовешь «случай в дурдоме»? – усмехаюсь я. – Кстати, я все не могу поверить, что ты могла добровольно сюда придти.

–Конечно, не добровольно, – морщится Маша. – Я тоже здесь не по собственному желанию. Я собиралась совсем в другое место.

–Куда?

–На кладбище... сюда свозят всех, кого откачали после суицида. Я пыталась решить все проблемы разом. Теперь понимаю, насколько была не права. А ты тоже вроде не похожа на психа, так чего здесь торчишь?

Я уже собираюсь начистоту выложить все свои тайны, но в палату заглядывает разъяренная врачиха, и страшно шипит, что все должны спать. Приходится соблюдать тишину. Мы ложимся, темнота и тишина делают свое дело, и я, наконец-то, засыпаю.

Главным событием следующего дня становится прогулка. Мне и в голову не могло придти, что в подобных заведениях бывают прогулки. Но Маша заверяет меня, что очень редко, но такое все же случается.

–И когда вы гуляли последний раз? – на всякий случай спрашиваю я.

–Честно говоря, давным-давно, – признается Маша, – я так и не поняла по какому принципу здесь назначают дни прогулки. Буйных, я думаю, гулять не пускают.

Мы ожидаем редкого события с радостью и опаской, я и вовсе не могу предположить, на что это похоже. Первая половина дня пролетает незаметно. Обычные, уже хорошо знакомые процедуры обходятся без приключений. И вот, нас

строго предупреждают, что сейчас мы идем одеваться, и если что, прогулку вообще отменяют. Мы клянемся вести себя образцово, нам приносят наши вещи. И вот он великий миг!

Обшарпанная дверь открывается, здравствуй воздух, осень, свобода! Не тут-то было. Нас выпускают на небольшой кусочек земли, с четырех сторон затянутый металлической сеткой, словно загон для диких животных. Чахлая трава, пара убогих кустов, скамейка из гнилых досок – вот и все. Из кустов рванула какая-то рыжая дворняга, шмыгнула в угол ограды, и нырнула в незаметную ямку под сеткой. Свободная псина с громким лаем, весело размахивая драчным хвостом, бросилась бежать прочь. Я с завистью смотрю ей в след. Поднимаю глаза вверх, надо мной бескрайнее небо. Не голубое, уныло серое, в мрачных рваных облаках, но такое огромное и прекрасное, после низких беленных потолков. Холодный, пронизывающий ветер, кажется мне подарком судьбы.

Лена с Ирой усаживаются на скамейке, мы с Машей мечтательно смотрим в даль, где за ровным рядом облетевших тополей видна дорога, шмыгают туда сюда автомобили. Там свобода, там люди! А здесь за нами неусыпно следит грузная недовольная врачиха. Спрятав руки в рукава своей куртки, она стоит у нас за спиной, у двери в больницу. Погодка ей явно не нравится. Врачиха хмурится и поеживается.

Тягучую нудную действительность резко прерывает неприятный звук. Врачиха за нашими спинами оглушитель-

но чихает, сморкается, вздыхает и скрывается за дверь. В то же мгновение, стоявшая как соляной столб Верка, одним прыжком пересекает нашу клетку и оказывается возле скамейки, сталкивает с нее Ирку с Леной, прыгает на сиденье. Одна из досок ломается, Верка набрасывается на нее, отламывает совсем и бросается с доской в руках к ямке, через которую выбралась собака. С озверелым выражением лица она начинает ковырять землю обломком доски, стараясь увеличить ямку. Мерзлая земля и щебень поддается ее напору, отверстие быстро растет и пять минут спустя Верка бросает свою доску, садится на землю и лезет под сетку. Ей удается легко протиснуться, она вскакивает на ноги и мчится к заветной дороге.

Все словно застыв, смотрят ей вслед. Мне кажется, что это происходит во сне, а во сне можно все. Сердце у меня замирает, сама себя не помня, я подбегаю к яме, повторяю Веркин маневр, и завалившись на спину ногами вперед лезу под сетку. Я благополучно пробираюсь дальше, дальше и вдруг застреваю. Приходится отогнуть край сетки, для того чтобы освободиться. Я вскакиваю на ноги, не отряхивая джинсы и куртку бегу, что есть сил, следом за Веркой.

Вожделенная дорога быстро приближается. Верка поворачивает куда-то в сторону и пропадает из виду. Я подбегаю к дороге, вижу притормаживающий перед остановкой автобус, машу руками, бегу к нему. Опаздываю, опаздываю! На мое счастье, водитель решил меня подождать. Влетаю на зад-

нюю площадку, двери сразу закрываются. Я сквозь них последний раз вижу злополучную больницу. Держусь за поручень, поворачиваюсь к пассажирам. Сидящая рядом, бабка смотрит на меня недовольно и с подозрением. Я негромко, но так чтобы слышала не только она, объясняю:

–На работу опаздываю, бежала на автобус, поскользнулась, упала.

Я старательно нарочито неторопливо отряхиваюсь. Бабка потеряв ко мне интерес отворачивается к окну. Стою на задней площадке, смотрю в большое запыленное стекло. Автобус быстро едет вперед, подпрыгивает на колдобинах, а мое сердце скачет от радости. Хорошо, что никто сейчас не видит моего лица, растянутого счастливой победной улыбкой. Ни о чем думать я не способна. Будь, что будет!

Долгое автобусное путешествие заканчивается, я выскакиваю, так и не заплатив. Чтобы добраться до дома, придется еще столько же трястись на троллейбусе. На остановке долго торчать не приходится, вскоре я уже втискиваюсь в душную тесноту очередного транспорта. Качаюсь зажатая, как сельдь в банке, нет нужды даже держаться. А мне хорошо, я улыбаюсь! Просто-напросто, я ярко представляю как вернусь домой, наполню ванну, и буду лежать в душистой пене. Удовольствие доставляет даже прозаическая мысль о родном унитазе. Своем собственном! Самым ужасным, в далекой уже психушке, для меня были походы в туалет по длинному холодному коридору в сопровождении злой санитар-

ки. Дверь без щеколды и вечный окрик: «Быстрее давай!». Я улыбаюсь тому, что кошмар закончился, разглядываю пассажиров от нечего делать.

Толстенный дядечка занимает пол троллейбуса, пыхтит, отдувается, вытирает пот со лба. Он совсем придавил к стенке худющую серую тетку. Устало и обречено, смотрящую в одну точку. В глаза бросается чья-то спина, в возмутительно красном засаленном пальто. Волей не волей, разглядываю грузную женщину. О господи! Это красное приведение безо всяких сомнений процедурная сестра из психушки! Та самая, которая так явно напомнила мне палача. Она стоит спиной, видеть меня не может, но у меня сердце выпрыгивает со страху. А вдруг... Жду остановки как спасенья, а троллейбус все едет, едет. Наконец, он замедляет ход, останавливается, двери открываются. Ура! Я пулей вылетаю на остановку.

Двери закрываются, транспорт движется дальше, увозя грозную медсестру. Я топчусь на месте, не зная, ждать следующий троллейбус или отправляться пешком. До дома еще далеко, я остаюсь ждать. Время идет, холод и сырость подстегивают мое нетерпение. Выглядываю на дорогу, в пределах видимости нет ничего похожего на нужный мне транспорт. Решено! Уж лучше топать пешком и двигаться, чем стоять и замерзать здесь.

Я сворачиваю с центральной улицы, срезаю путь через дворы. Я все еще не разобралась, происходит ли все наяву или во сне. Только что мне показалось, что все происходя-

щее реально, и я вполне владею ситуацией, как реальность снова от меня ускользает. Ну, не бывает такого на самом деле!

Я шагаю через незнакомый двор, аккуратно обходя лужи и грязь, только смутно представляя, куда я должна выйти. Двор самый обыкновенный: старые дома, кривые голые деревья, поломанные лавочки, собаки, голуби... и конь. Хороший такой конь, красивый, рыжий. Помнится, такая масть называется гнедой. Откуда мне это помнится?! Я опять решаю, что все происходящее это только сон и успокаиваюсь. Действую, как в голову взбретет.

На этот раз мне взбрело не благоразумно пройти мимо, а направиться прямехонько к коню. Странная фантазия. Ведь я всегда боялась лошадей.

Видимо не всегда! Я сама с удивлением наблюдаю, как подхожу к коню, смело глажу его по шее. И даже не удивляюсь, когда он тянется ко мне как к старой знакомой. Дальше я сражаю себя наповал. Я или не я, а то что мною движет, опирается ногой на кривой пенек, легко и весело вскакивает на спину коню. Мало того, что я никогда в принципе, не была способна на подобное безумство. Так ведь на коне нет никакой сбруи. Я ничего не понимаю. Сон, просто сон! Честное слово, я бы не удивилась даже, если бы оседланный мною гигант повернулся и представился по-русски или, скажем, по-английски:

—Hi, my name is Dick.

Понятия не имею, как можно заставить лошадь двигаться. Тем не менее, я что-то делаю, и огромная, чудовищно сильная зверюга покорно и плавно двигается в ту сторону, куда мне и нужно.

Сижу, раскачиваюсь, боюсь, размышляю о том, что окончательно спятила и еду себе, еду. Один двор сменяет другой, мы уверенно приближаемся к моему дому. Только придется выбраться из дворов и пересечь центральную улицу. Странно, я всегда полагала, что кони боятся машин, а рыжий абсолютно спокоен, словно всю жизнь прогуливается по городу.

Если бы я спала, я бы сразу проснулась! Оглушительный милицейский свисток пугает меня до полусмерти.

–Сержант Попелев, – представляется низенький круглый гаишник.

Тут мой конь громко хамски ржет.

–Ну, что вы смеетесь? – обижается сержант. – Моя фамилия происходит от настоящих польских королей! А вы чего нарушаете?! – приосанился царственный постовой.

–Я? А что нельзя? Я не знала, – мямлю я, слезая с теплой конской спины.

–Нарушаете! – грозно повторяет потомок польских королей.

Пока я лихорадочно соображаю, что денег на штраф у меня все равно нет, конь сам решает возникшую проблему. Он не выслушивает длинную речь сержанта о том, какие пункты и параграфы мы нарушаем, и просто скачет обратно во

дворы, откуда и появился. Когда животное исчезает из вида, похоже не мне одной кажется, что его и не было. Сержант прокашливается, делает под козырек и поворачивается ко мне спиной. Окружающая меня реальность закачалась и стала медленно покрываться рябью, как вода в пруду от дуновения ветерка...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. СМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.

Я просыпаюсь, но медлю, боюсь открыть глаза. Вдруг все: и побег, и автобус, и конь было только сном. И открыв глаза я опять обнаружу, что по-прежнему нахожусь в больничной палате. На всякий случай, сначала принимаюсь. Запахи вокруг не знакомые, но на больничные совсем не похожи. Я решаюсь открыть глаза.

—Господи боже, да что ж это такое?!

Я не в больнице, но я и не дома! Где я?! Двухспальная кровать, чужая комната, незнакомая обстановка. Шкаф, тумбочки, круглое зеркало, желтые шторы. Открывается балконная дверь, шторка отодвигается, в комнату вваливается абсолютно незнакомый мужик в семейных трусах и тапочках. Судя по сильному запаху, на балкон он выходил покурить. Мужик гнусно усмехается, подмигивает мне и произносит:

—Головка-то бобо.

Я хочу в ответ сделать энергичное отрицательное движе-

ние головой, и понимаю, что он прав. Голова трещит неимоверно. Мужик тем временем чешется весьма не эстетично и тащиться вон из комнаты. Я тем временем осматриваю себя. Руки, ноги при мне, синяков нет. Одежды тоже. Джинсы, футболка, лифчик – все валяется на полу, разбросаны между дверью и кроватью.

– Неужели я... с ним... – возмущаюсь я вслух.

Меня никто не слышит и не дает ответа на мой отчаянный вопль. Я опасливо выбираюсь из под одеяла, насколько могу, быстро натягиваю одежду. И как ошпаренная, вылетаю из спальни. Сразу оказываюсь на крохотной кухне. За столом подперев сидит все тот же мужик, по-прежнему гнусно ухмыляясь сообщает:

– Ты правильно сделала, что не стала ждать кофе в постель. Кофе нет. Будем пить чай.

Не хочу я с ним ничего пить! Хотя, от кофе я бы не отказалась, уж больно голова болит. Но именно кофе нет! Хочется кого-нибудь убить, но больше не способная на резкие действия, я бессильно опускаюсь на табуретку. Совсем рядом назойливо шумит вода, когда этот звук прекращается, даже в голове светлеет. Дверь рядом с кухней открывается, я не свожу с нее глаз, ожидая всего чего угодно. Из ванной комнаты завернутая в полотенце, с мокрыми волосами неспешно выплывает соседка Зинка.

– Я смотрю, вы с моим Колькой уже познакомились, – весело замечает она, закручивая длинные волосы в полосатое

полотенце.

Зинка плюхается на табурет, машет рукой, словно муху прогоняет.

–Коль, иди погуляй! Нам с Лизой надо посекретничать.

В очередной раз, гнусно усмехнувшись, тип в семейных трусах неспешно удаляется из кухни. Из соседней комнаты сразу начинает орать телевизор. Зинка смотрит на меня с видом заговорщицы, подмигивает, спрашивает лукаво:

–Рассольчику хлебнешь?

–А надо?

–Надо, Федя, надо!

Она достает из холодильника литровую банку с мутной жидкостью, наливает полный стакан, протягивает мне. Я неохотно беру его, начинаю пить дано проверенное средство от головной боли после вчерашнего. И память покорно возвращается. Я вспоминаю все. И сразу жалею, что вспомнила.

...расставшись с царственным гаишником и оставшись без лошади, я сразу чувствую, как сильно успела промерзнуть в своей тоненькой курточке, и быстро насколько хватает сил бегу домой. Благо, теперь уже совсем близко. Я залетаю в подъезд, не хочу даже пользоваться лифтом, несусь через две ступеньки, чтобы согреться. Возле родной двери успеваю порадоваться, что не послушалась Маринку и взяла с собой ключи. Отпираю замок, захожу. В квартире совсем тихо. Видимо, Серега еще на работе. Только в ванной противно капает вода. Терпеть не могу этот звук! Едва успев разуться,

топаю закручивать кран.

Распахиваю дверь в ванную и застываю, разом лишившись даже речи. Передо мной разворачивается сцена из Голливудского фильма: в благоухающей ванной наполненной белоснежной пеной и алыми цветочными лепестками, закрыв глаза нежится роскошная блондинка.

Я уже открываю рот и набираю воздуха, чтобы наброситься на нее с расспросами, когда из воды выныривает Серега. Мой Серега! Как я могла его не заметить сразу?! Он тупо хлопает глазами, что-то мычит. Что бы вы сделали на моем месте? Я выскочила из ванной, хлопнула дверью и закрыла защелку снаружи. Не хочу этого видеть, не хочу знать! Даже рядом находиться не хочу!

Я направляюсь в комнату, резко сажусь на диван, вскакиваю. Не могу сидеть! Они здесь сидели! Бегу на кухню. Они здесь ели! Они...здесь... в моей квартире... на моей кровати...

– У-У!! Гады! Ненавижу!

Из ванны долетает возня, пленники пытаются выйти.

–Лиз, открой!

–Фиг вам! И слушать не буду, и вообще уйду! Сидите там до второго пришествия.

Я методично обуваю один сапог, второй, застегиваю. Беру с тумбочки ключи, выхожу и запираю за собой дверь, кладу ключи в карман.

–«Ну, и что делать дальше?»

Я недолго мучаюсь этим вопросом, просто пересекаю площадку, и нажимаю в соседский звонок. Если когда-то он имитировал птичьи трели, то теперь у него большие проблемы. Вместо мелодичных голосов птиц, из-за двери слышно противное козлиное бляенье. Открывает сама Зинка и спрашивает с готовностью скорой помощи:

–Что стряслось? На тебе лица нет!

–Серега – гад! Сволочь!

Соседка ничуть не удивляется, впускает маня в квартиру, поддакивает:

–Все они сволочи!

–Стоило мне только уехать... он сразу... ты знаешь эту блондинку?

–Так она блондинка, – отмечает Зина, – значит, у тебя соперница. Этого следовало ожидать. Мужиков нельзя долго оставлять без присмотра.

–Меня не было всего несколько дней! – возмущаюсь я.

–Тебе срочно надо выпить!

–Зачем?

–Сразу полегчает.

Я верю ее убежденному тону, иду к ней на кухню и напиваюсь до беспамятства. Стало ли мне легче? Не помню! Помню только, когда я пить больше не могла, Зина предложила лечь спать...

Воодушевленная тем, что все стало ясно и пристыженная

тем, что именно я вспомнила, прощаюсь с соседкой, отказавшись продолжить вчерашнюю оргию. Я возвращаюсь в свою квартиру, в надежде никого там уже не застать. Хотя совершенно не могу себе представить, как именно должны были выбраться из запертой ванной комнаты, злополучные любовники. Опасаюсь, что дверь, Серега просто выбил.

Первое что я замечаю, переступив порог, то что дверь ванной все еще цела и широко распахнута. Иду дальше, цветы на кухонном подоконнике совсем завяли. Я поворачиваюсь к раковине, чтобы набрать воды и полить заморышей, и обнаруживаю, что раковина погребена под громадной горой грязной посуды.

– Вот уроды!

– Сейчас все помою, – неожиданно раздается за спиной вкрадчивый голос Сереги.

Я резко поворачиваюсь к нему, замахиваюсь... От звонкой пощечины мне становится легче. Он трет щеку, делает вид, что очень удивлен.

– За что? Неужели из-за посуды?

– Да причем здесь посуда?! Не притворяйся идиотом! Я же сама все видела.

– Видела что?

Почему-то, его наивные глазки совсем не успокаивают. Я чувствую, что опять закипаю.

– Мой! – я властно указываю на гору посуды.

Серега на удивление покорно приступает к ненавидимой

им работе, а я начинаю допрос:

–Что это было?

Сожитель мой молчит, притворяется, что не расслышал меня. А я уже не могу остановиться:

–Давай-давай, соври мне что-нибудь! Ты опять чистил канализацию? А блондинка – слесарь из ЖЕКа?! Крутая у них теперь униформа. Зато удобно стирать не надо!

Сергея только сопит, сосредоточенно намывает грязные тарелки. Я увлеченно перебираю варианты:

–Я понимаю, видимо, я не права! Блондинка просто твоя коллега по работе! Вы обсуждали годовой отчет, вода нужна была для конспирации, конкуренты замучили.

Наконец, мой сожитель не выдерживает:

–Да не было ничего, не было! Тебе показалось!

–Показалась?! – взрываюсь я.

–Конечно, – он убийственно серьезен.

–Скажи еще, что блондинки вообще не было!

–Не было, – не моргнув глазом, заявляет Сергей.

–Так я ее придумала?

–Не знаю, может быть, – мнется Сергей. – во всяком случае здесь никакой блондинки нет! Нет и не было, хочешь – проверь!

–И проверю! – кричу я и несусь в ванную.

Само собой, я не нахожу ни малейших признаков недавнего происшествия. Их нет ни в зале, ни в спальне. Ни одного светлого волоска, ни забытой вещи, ни запаха чужих

духов. Вдруг, я неумолимо ярко представляю себя со стороны. Уже победивший посуду Серега ходит следом. Я опять набрасываюсь на него:

–Прекрати делать из меня дуру!

Сожитель мой только плечами пожимает. Я резко сажусь на кровать, вскакиваю, снова сажусь. Серега еще смеет успокаивать:

–Не волнуйся, ты только что из больницы. Марина мне все рассказала. Быстро тебя выпустили.

–Слишком быстро, ты даже любовницу спрятать не успел! – парирую я.

–Тише, тише, не надо волноваться.

Этими словами он меня окончательно допек! Именно в этот момент, я вижу на ковре один единственный длинный золотистый волос. Все! Конец моему терпению!

–Знаешь что, Сережа, – начинаю я почти мягко, – иди к черту!

Он удивленно хлопает глазами, не может поверить в то что услышал.

–Иди к черту! – повторяю я, – С вещами на выход!

А в одиночестве есть масса приятного, я понимаю это, как только закрываю за Серегой дверь. Боже мой, как он мне, оказывается, мешал все это время! В квартире сразу как будто прибавилось воздуха. Больше никогда, никого сюда не пущу!

Истеричный звонок телефона нарушает мое недолгое спокойствие. Я забегаю в комнату, хватаю трубку:

–Алло.

–Лиза, ты дома! – восторженно кричит в трубку Марина. – Это точно ты? Ты одна?

–Абсолютно, – радостно подтверждаю я.

–Ну, ты сволочь! Я тебя обыскала! Приезжаю в больницу, в палате только три дуры, а тебя нет. Спрашиваю, куда делась. Мне говорят – сбежала с какой-то малолетней Веркой. Куда, никто не знает. Звоню домой – трубку берет какая-то девица, заявляет, что никакой Лизы здесь нет и не было. Я опять звоню, звоню, никто не отвечает. Где ты шлялась?

–Это длинная история, – успеваю вставить я.

–Так, – успокаивается Марина. – Сейчас я к тебе приеду. У меня тоже есть, что тебе рассказать.

В трубке раздаются гудки. Ждать Маринкиного появления мне долго не приходится. Уже минут через пятнадцать, она появляется на пороге, невозмутимая и деловая, как всегда.

–Так, ставь чайник. На улице дикий холод. У меня зуб на зуб не попадает.

Заполучив чашку с горячим чаем и наворачивая ложкой вишневое варенье, Марина приступает к объяснениям:

–Я собственно тебя искала, чтобы сообщить, что волноваться тебе больше не о чем. Значит так, пострадавший, то есть труп, оказался наркоманом со стажем. Не удивительно,

что ты так легко с ним справилась. Болячек у нарка было до черта. Патологоанатом даже сомневался, какая из них его доконала. Одно несомненно, твоя драка никакого отношения к этому не имела. Ты тут не при чем, поняла?

Я слушаю ее слова как музыку, только становится обидно.

–Так что же, я зря торчала в психушке?!

–Твое счастье, что только в психушке, а не в обезьяннике.

За милую душу могли засунуть до выяснения.

–Спасибо, утешила, – язвительно отмечаю я.

Почему-то, мне совсем не хочется выспрашивать подробности возможного пребывания в изоляторе временного содержания. Марина подытоживает выше сказанное:

–Дело закрыто за отсутствием состава преступления, так что можешь жить спокойно. Пока, – добавляет она по милицейской привычке.

Моя деловая подруга, как всегда спешит, отказывается разделить со мной беззаботную радость освобождения. Ох уж, мне вечно занятые люди! Я неохотно провожаю принесшую хорошие новости Марину. Медленно закрываю за ней дверь и ощущаю как нестерпимой тяжестью наваливается на меня усталость. Буквально ноги подкашиваются. Зря мне раньше не верилось, что душевные волнения отнимают силы почище любой работы. Из последних сил тащу себя до дивана и падаю. Как давно я не засыпала так безмятежно!

Сплю сладко как в детстве, безо всяких снов и страхов. Даже телефонный звонок звучит как-то нежно и ласково.

–Я слушаю, – мурлычу я в трубку и слышу в ответ:

–Лиза, это Александр. Я рад вас слышать, как ваше здоровье?

Мое сердце обрывается и падает куда-то далеко вниз. Я не могу издать ни звука.

–Я звонил пару дней назад, ваш брат сказал, я уверен, что брат, муж совсем бы не стал со мной разговаривать. Он сказал, что вы заболели.

Какой же Саша умница! Сам все так прекрасно объяснил! Конечно, муж не стал бы так с ним даже разговаривать, надеюсь, Серега не наговорил лишнего.

–Сейчас уже все в порядке, обыкновенный бронхит, – तो роплюсь сообщить я. – Меня уже выписали.

–Это замечательно! – искренне радуется Саша. – Нам обязательно надо встретиться, потому что... Даже не знаю как сказать. В общем, я вижу вас там, где вас нет.

–Например? – с ужасом спрашиваю я.

–Везде и всюду, – беззаботно отвечает собеседник, – так когда мы можем встретиться?

Нет, так много счастья сразу просто не бывает. Я боюсь поверить, что все происходит на самом деле. Честно говоря, совершенно забыв о гордости и хороших манерах, я готова крикнуть в трубку: немедленно, прямо сейчас! Александр галантно спасает мою репутацию:

–Наверное, сегодня вам неудобно, завтра я сам слишком занят, отец опять придумал какое-то мероприятие. Может

быть после завтра?

– Да, да, – радостно соглашаюсь я, не успев даже задумать-ся о необходимости наверстать пропуски в институте.

Но Александр, кажется, позаботился и об этом:

– Вечер у вас свободен?

– Да, да.

– Тогда может быть в шесть, у поющего фонтана? Если это не слишком романтично.

– Романтики я не боюсь, я люблю романтику, – заявляю я, разом забыв, что всегда считала смешным и устаревшим все романтическое.

До чего же медленно тянется день, посвященный учебе. Мои институтские приятели, похоже, и вовсе не заметили моего долгого отсутствия. Хоть и делают вид, что волнуются и выспрашивают, что со мной могло случиться. Я отшучиваюсь. И мои не слишком правдоподобные ответы всех устраивают. Беру списать лекции и отправляюсь скучать домой.

Ожидание, худшее из зол на этой планете. Ну, может не самое худшее, ну почему-то ждать всегда так трудно! Ожидание чего-то хорошего кажется бесконечным, зато неизбежные неприятности всегда приходят слишком быстро. Скорее всего, рассуждаю я чересчур наивно и меня легко упрекнуть в незнании жизни, но по-другому я пока не умею. Из всех сил стараюсь не думать о предстоящей встрече, а сердце то и дело бешено бьется от надежд и предчувствий.

На следующий день, с самого утра, начинаю готовиться

к встрече. Какой тут институт?! Учеба забыта и заброшена, заслоненная мечтами и волнениями. Я влюблена по самые уши! Клялась, божилась, что уж со мной-то этого не произойдет, зло смеялась над подружками потерявшими голову, казалась себе умнее их. И вот тебе пожалуйста, не могу больше ни о чем думать. Все на свете стало для меня абсолютно неважно. Чувствую себя глупой и счастливой! Ой, мамочки!

Никогда еще я не подходила так тщательно к выбору одежды. Сегодня я должна выглядеть на все сто! Куртку – в космос! Достаяю из шкафа новенькое элегантное пальто, подаренное родителями. И почему оно мне так не нравилось?! Сапоги выбирать не приходится, все равно единственные. Начинается самое трудное – скорее всего, на улице мы торчать не станем, благо совсем рядышком с фонтаном, есть вполне приличное кафе. Боже, что мне надеть?! С джинсами все понятно, а свитерок? Достаяю из шкафа и кидаю на кровать вещи. Белый, желтый, синий – все не то!

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. ЗНАКОМСТВО С КРОХОЙ.

Опять! Опять я все делаю не правильно! Надо было бы вести себя легкомысленно и загадочно, как настоящая барышня и чуть-чуть опоздать на первое свидание. А я не выдерживаю, и прихожу намного раньше. Честное слово, я прилагала массу усилий, для того, чтобы потратить больше време-

ни на сборы, но это оказалось совершенно невозможно!

И вот я, как настоящая дура, стою, мерзну возле давно не работающего фонтана, разглядываю его абсолютно безобразную без воды конструкцию. Еще совсем недавно, летнее солнышко золотило веселые струи, поднимала радуги над брызгами. Все радовались красоте и прохладе. Теперь я заглядываю в пустой бассейн, из которого уродливо торчат трубы, вижу окурки, мятые бумажки, бутылки, шелуху от семечек, важного воробья, снующего среди мусора. Настроение гадкое, как фонтан осенью. Я абсолютно уверена, что никто не придет, я зря здесь торчу и смотрю на часы.

Вот Александр опаздывает уже на целую минуту!

–Простите, если я опоздал. Часы безнадежно стоят, – сразу начинает с оправданий Саша.

Я глупо улыбаюсь счастливая, что моя уверенность меня обманула.

–Вы, наверное, уже давно ждете? – сочувственно спрашивает он.

Как пить дать, заметил мой красный нос. Зря я приперлась так рано. Надо было бы все-таки опоздать, не была бы сейчас такой окоченевшей.

–Сегодня очень холодно, нам срочно нужно в тепло, я так замерз, – заявляет Александр.

Что-то не похож он на замершего, даже куртка распахнута. Приятно все-таки иметь дело с вежливыми людьми.

–За углом есть приличное кафе, – радостно сообщаю я, –

идем туда.

Наверное, благодаря холодному ветру, простенькое кафе полно посетителей. Мы с трудом находим свободный столик, здесь светло и тепло, на этом достоинства этого места заканчивается. Потолок и бежевые стены давно просят ремонта, щетинятся старой краской, квадратные столики явно много повидали на своем веку. Получив чашку, обжигающего горячего кофе, я вцепляюсь в нее обеими руками, ладони быстро согреваются, и каждый глоток, возвращает меня к жизни. Вот я уже в состоянии заметить, как еще много вкусного расставляет Саша на столике. Теперь надо что-то говорить. Но все мое остроумие улетучивается. В панике я набиваю рот пирожными. Это хоть как-то объясняет мое молчание. Сижую, жую и слушаю:

–А я точно знаю, что будет дальше! – заявляет мой спутник.

–И что будет? – чавкаю я.

–Сейчас я не выдержу, выболтаю вам все свои тайны. Вы решите, что я сумасшедший, придумайте благовидный предлог и сбежите.

–Не сбегу! – уверенно заверяю я, логично полагая, что после побега из психушки, не имею права никого осуждать. – Начинайте.

Я элегантно вытираю рот салфеткой, подпираю голову рукой, готовлюсь выслушать невероятную историю.

–Заберите у меня котенка, – очень неожиданно просит

Саша.

–Какого котенка? – не понимаю я, – вам не нравятся котята?

Подобного поворота я никак не ожидала. Я-то уже приговорила к замысловатому повествованию о романтических тайнах, в духе моих собственных снов. И вдруг какой-то банальный котенок.

–Только не смейтесь, но этот котенок главная моя проблема. Дело в том, что моя матушка заделалась директором кошачьего клуба. Она буквально помешалась на своих кошках, – торопливо объясняет Александр, – теперь всем, кто ей хоть немного симпатичен, она дарит породистых котят. А мне как самому симпатичному, – усмехается мой собеседник, – на днях она вручила уже второго. Мало мне одного, огромного толстенного английского кошака, противного, капризного, так на холодильнике сидит и дрожит крохотное, худое чудовище.

–Почему чудовища? – возмущаюсь я.

–Вы только представьте себе этого «дымчатого сфинкса»!

–Как я могу себе представить то, что никогда не видела?!

–Ваше счастье, – воодушевляется Саша, – он абсолютно лысый, морщинистый, худой, ушастый, дрожит и громко орет.

–Бедный, – сочувствую я, то ли котенку, то ли его новому хозяину.

Зачем я это только сказала?! Александр понял мое сочув-

ствие, как готовность помочь.

–Так вы его берете? – радуется он.

Я возмущена! Так он позвал меня в кафе, только для того, чтобы сплавить облезлую кошку?! До чего же мне везет на дурацкие ситуации! Нет! Ни за что не буду ему помогать!

–Хорошо, хорошо, я возьму котика, – нежно улыбаюсь я. И сама себя ненавижу, за такую вопиющую беспринципность.

–Ой, как здорово! – ликует Саша, – мать говорила, что эта порода страшно дорогая, но если я перепродам ее подарок, сразу стану врагом номер один. Я подарю вам это чудо природы... только при одном условии.

–Еще и условия? – вслух возмущаюсь я.

–Только самое маленькое, давайте перейдем на ты.

Ура! Котенок это только предлог, нейтральная тема для разговора. Я готова прыгать от радости! Сразу забываю про всех котят на свете и лысых, и лохматых. Я так счастлива, что вся моя молчаливость тут же улетучивается. Мне хочется смеяться и болтать глупости...

Неожиданно все освещение разом гаснет. В помещении маленькие окна, но и они не дают света. На улице не видно ни одного фонаря. Все тонет в ночном мраке. Я пытаюсь крутить головой, смотреть по сторонам, и не вижу буквально ничего. Кругом черная-черная тьма. Не надеясь разглядеть что-то новое, я задираю голову к потолку и разеваю рот от

удивления. Успеваю порадоваться, что меня никто меня не видит. Я вообще больше не знаю где я, и что со мной происходит. Над моей головой поднимается бесконечная высь ночного неба. Из страшной дали подмигивают яркие, как бы-вают только за городом, звезды.

–Какой удачный оптический эффект, – произношу я, – никогда раньше не замечала ничего подобного.

–Мать честная! – раздается в ответ веселый мужской голос. – Заморыш умеет разговаривать! Чего-чего ты там лепечешь?

–То, что мы перешли на ты, не значит, что можно начать грубить! – взвизгиваю я, и не узнаю своего голоса, – Что вообще происходит?

Постепенно до меня доходит, странная истина, что все: теплое кафе, первое свидание с Александром, пирожные куда-то испарилось. Окончательно замершая, в одной очень длинной полотняной, грубой рубашке, я сидела скукожившись на куче сырой соломы, между какими-то заборами. Вокруг царил непроглядная мгла. Совсем смутно я различила рядом силуэт того здоровяка с телеги, везшей нас на казнь. Он громко хохотал надо мной:

–Вы на нее только посмотрите! Вот и спасай таких, сейчас она заявит, что ничего не помнит.

–Я действительно ничего не помню, – сказала я не смело.

–Ну, вот вам, пожалуйста! Где, интересно, ты была, пока мы убегали от погони? Вернее пока я убегал от стрел и пик,

а ты как тряпка болталась у меня на плече.

–Я? Болталась?

–Нет, гордо висела, вниз башкой и вверх костлявой задницей!

Я почувствовала, как краснею, постаралась плотнее закутаться в свою рубашку. Ткань предательски затрещала, грозя сползти с плечей.

–Боже мой, что теперь стало с моей козочкой? – почему-то воскликнула я, сама не понимая, о чем спрашиваю.

–Какой еще козой? – растерялся громила.

–Не помню, – прошептала я, и потупилась.

–Молчишь, цыпленок. Ну, молчи, молчи! Мне нужно подумать, что делать дальше.

Я стараюсь исполнить приказ громилы, молчу. В это время с темных небес начинает накрапывать мелкий промозглый дождик. Я этого не выдерживаю. Опять подаю голос:

–Давай где-нибудь погреемся.

–А то я без тебя бы не догадался! – опять захохотал громила. – Так бы и остался здесь зимовать!

–Не надо! – жалобно пискнула я.

–Ух, ты! Кузнечик умеет чирикать, – радуется мой спаситель, – Ну, пошли.

Моя рука тонет в его ладони, он тянет меня куда-то вперед. Я осторожно переступаю босыми замершими ногами, спаситель сердится:

–Ты называешь, это ходить?! Муравьи быстрее ползают.

Меня опять безжалостно взгромозили на плечо, и мы стали очень быстро двигаться в кромешной темноте. Мне не видно абсолютно ничего. Я принялась стучать кулаками ему в спину.

–Стой, стой немедленно! Куда мы идем?

Верзила долго никак не отвечал, потом буркнул грозно:

–Молчи, заморыш!

Однако мы остановились, и я вновь оказалась на ледяной земле.

–Пришли, – коротко сообщил мой спаситель.

Пришли мы к большому, мрачному сараю, зажатому между двух домов. Я сразу юркнула внутрь, под крышу. Там оказалось удивительно тепло. Пространство занимали огромная куча свежего сена, разобранный телега, сваленный в углу домашний скарб. Я сразу устроилась на сене, укрылась валявшейся рядом шерстяной попоной. Мне стало тепло и уютно, захотелось даже напевать беззаботную песенку. Верзила нарушил, мой безмятежный покой.

–Тихо, ты! – грозно зашипел он. – Услышат!

–Кто, услышит? – наивно спросила я.

–Они! – махнул он рукою в сторону входной двери.

Песенка моя оборвалась сама собой. Настежь распахнув широкие ворота сарая, наполнив его ярким светом факелов, перед нами толпились вооруженные люди. В следующее мгновение совсем рядом со мной просвистела брошенное копьё. Я сжалась под попоной, отчаянно надеясь, что меня

не заметят. Мой спутник не мог рассчитывать на такое же везение. Я выглянула в дырочку попоны, от факелов в сарае было светло как днем. Мне было прекрасно видно как мой спаситель схватил брошенное копьё и метнул его обратно. Один из нападавших упал, в нашу сторону полетело сразу несколько копий. Гигант ловко уварачивался, потом повалил одного парня и отобрал у него факел. Длинная горящая палка, послужила ему отличным орудием, пока его не окружили. Вокруг него было слишком много людей со злыми лицами, пиками и луками. В воздухе мерзко зазвенели стрелы, я в ужасе зажмурилась...

Все стихло невероятно быстро. Из моей дырки опять была видна только темнота. Я высунула голову из под попоны, вокруг никого не было. Я осталась совсем одна!...

Когда в кафе включается свет, вид у меня, наверное, ошарашенный. Какое-то время я ничего не понимаю, озираюсь потерянная. Все на своих местах: кафе, посетители, столики, мои пирожные. Напротив меня сидит Александр. Только и он выглядит растерянным.

–И долго не было света? – зачем-то осведомляюсь я.

–Не знаю, – пожимает плечами Саша.

–А кто знает? – раздражаюсь я.

–Она, – указывает Александр на уборщицу с огромной шваброй.

Тетка слышит разговор и дико на нас коситься.

–Какой свет?! – грубо возмущается она, не переставая тереть пол, – свет, между прочим, у нас всегда без перебоев!

Подробный разбор происшествия я обалдело откладываю до возвращения домой. Во-первых, родные стены помогают думать, во-вторых, рядом с Александром думать я вообще не могу! Да, и отвлечься на размышления мне собственно некогда. Саша банально вежливо провожает меня до ближайшей остановки, мы банально прощаемся, и оригинальным остается, только напоминание о несчастном лысом котенке. Складывается впечатление, что мы оба спешим остаться в одиночестве. Кажется, нам обоим есть о чем подумать или... мы торопимся закончить то, что больше не должно повторяться.

Уже сидя с ногами на родном диване, я гадаю о настоящей причине того, что свидание закончилось так бестолково. Обидно до слез! Чтобы перестать расстраиваться, я стараюсь сосредоточиться на непонятном мне отключении света. Что это было?! Ситуация кажется мне знакомой. Где-то уже появлялся этот громила и ... неужели, все это было только во сне? А все ощущения кажутся такими знакомыми и настоящими, а какие сильные там чувства! Я даже не пытаюсь ответить себе на вопрос – где это «там»? В далеком средневековье, в прошлой жизни, в мечте? Одно открытие заставляет мое сердце бешено биться. Я сама себе не хочу верить в то, что спасший меня «там», громила, чем-то похож на Александра. Внешнего сходства нет и в помине, а вот голос... что с ним стало? Убили или он опять сбежал? Вот бы узнать!

Интересно, каким образом, можно вызвать эти видения? Задавшись этим вопросом, я уже не могу спокойно сидеть на диване, вскакиваю и хожу по комнате. Вдруг меня осеняет: –Свет! Надо погасить свет!

Я бросаюсь к выключателю и решительно лишаю себя освещения. В комнате мгновенно воцаряется темнота, но фонари за окном не гаснут, я прекрасно различаю очертание своей мебели, а средневекового сарая нет и в помине! Ничего таинственного не происходит. Я жду минут пять, чувствую себя человеком «частично вменяемым», как выражались в психушке, и решительно включаю яркий свет.

Вся моя жизнь вдруг представляется ужасающе пресной и предсказуемой. Последнее время, конечно, произошло много неожиданного, но это все не то – не красиво и не романтично. Машины, менты, психушка – нет, совсем другого просит душа! Я всерьез задумываюсь, чего именно мне хочется. Воображение охотно рисует теплое море, белые паруса, влюбленного принца. Почему-то опять вспомнились мои средневековые виденья. Хочу «туда»! «Там», все как-то иначе! Не то, чтобы мне сильно понравился мой спаситель, но что-то в нем есть!

Подобные размышления не оставляют меня весь остаток вечера. Телевизор включать не хочется, сидеть без дела, просто так не в моих правилах. Я пылесосу, вытираю пыль, мою пол, в голове все крутятся возможные продолжения примерившейся мне средневековой истории. Удалось верзиле

спасти или нет? И что стало с «заморышем», то есть со мной? Вот бы узнать!

С этой мыслью я засыпаю. А снится мне всякая чушь! Пьяные электрики, африканские страусы и что-то похожее на лифт. Я просыпаюсь разобиженная, сажусь на кровати, смотрю на будильник. До подъема в институт остается всего час. Я нащупываю ногами тапки, тащусь на кухню, пью воду, жду чего-то, и наконец, решительно возвращаюсь назад, в постель.

Опять просыпаюсь от жуткого холода, верзила грубо стянул с меня попону. Я смотрела на него во все глаза и ничего не могла понять. Откуда взялся рыжий жеребец. Он уже принялся бесцеремонно жевать сено подо мной, когда я рассмотрела сидящего на нем всадника, и счастливо заулыбалась.

–Откуда у тебя конь? – удивленно спросила я.

–Спер! – гордо заявил громила.

–Воровать не хорошо!

–Знаю, Заморыш, знаю, – отмахнулся мой спаситель, – но иногда, это абсолютно необходимо. Разве ты никогда не брала чужого, Заморыш?

–Чужого я никогда не брала и не называй меня заморышем, – слабо возмутилась я.

–Интересно, и как же мне тебя называть, мадмуазель Плохие Дрова, Худой Ведьмочкой или еще как-нибудь?

–Я Гретта Анхель Фридерика, – обиженно буркнула я.

–Лучше, я буду звать тебя Заморышем, – хохотнул верзила.

–А мне как тебя называть Городской Башней или Громилой? – постаралась его зацепить я, да не тут-то было. Он опять рассмеялся:

–Зови меня Крохой, я не против!

–А имя-то у тебя есть? – не отставала я. – Как тебя нарекли при крещении? Ты вообще крещенный?

«Кроха» не стал мне отвечать.

–Нашла время разговоры разговаривать. Надо сматываться отсюда! Полезай на коня!

Я так и сжалась от ужаса. За всю свою жизнь я близко к этим монстрам не подходила и всегда удивлялась, как мужчины с ними справляются. Я замотала отрицательно головой, попыталась снова завернуться в попону.

–Ни за что!

–А я тебе ничего и не дам, – заявил верзила, – я специально за тобой вернулся и все равно тебя отсюда увезу! Хочешь ты этого или нет.

Он опять наклонился с коня, сгреб меня и посадил перед собой. Я только успела схватить и прижать к себе попону. Этот «Кроха» так со мной обращался, что я чувствовала себя маленькой и легкой, как птенчик. Сидеть на спине коня было так страшно, так высоко, но тепло. Спаситель очень крепко держал меня, опять завернув в мою попону. Так что я быстро

согрелась и успокоилась. Так мы низко наклонившись вперед, проехали через широкие ворота сарая, конь размеренным шагом нес нас куда-то в ночь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЖИВУ «ТАМ» И ЗДЕСЬ.

Нет! Только не это! Ну, зачем так торопиться?! Верзила заставил коня бежать быстрее, потом еще быстрее, так что ветер засвистел в ушах. Мне опять стало холодно, толи от этого ветра, толи от страха. Я уже устала бояться!

–Какой ужасный день! – вырвалось у меня. – Все не так!

–Лучше было бы, если б тебя сожгли?! – громко удивился громила за моей спиной.

–Нет, я совсем не то имела в виду, – в отчаянии всхлипнула я, – я хочу домой!

–Отличная мысль, а где у Заморыша дом? – деловито спросил «Кроха».

–Не знаю...

–Очень мило, – выдохнул верзила.

Мне показалось, что он рассердился, и я стала торопливо оправдываться, от страха проглатывая слова:

–Я жила в деревне, а здесь город... инквизиторы схватили... ведьма... а я не ведьма, я в Бога верю! Они меня... я не виновата, я ничего не знаю...

–Все понятно, – спокойно прервал мой сбивчивый рассказ

«Кроха».

Неожиданно, мы остановились, он слез с коня, поставил меня на холодную землю, и сразу обо мне забыл, занявшись своим рыжим жеребцом.

–Эй! – решила я напомнить о себе.

–Не шуми.

–Не оставляй меня одну, не буду шуметь. И вообще, скажи как тебя зовут на самом деле.

–Ух, ты! А цыпленок-то, оказался капризным.

–Я не цыпленок, у меня есть имя!

–И не одно, а сразу три. Кстати, зачем тебе столько?

–У нас в деревне считают, что если у человека много имен, смерть запутается в них, и долго не сможет его забрать.

–Судя по всему, твоя смерть уже запуталась. А я прозываюсь просто Гансом и надеюсь только на себя. Пока я и сам неплохо убегаю от своей смерти.

–Ганс, – задумчиво повторила я, – объясни мне теперь, Ганс, куда ты меня притащил?

–Это стройка проклятого дома, – охотно принялся рассказывать он, – говорят, каждый хозяин, который пытается его достроить умирает как-нибудь странно. Первый его хозяин повесился, после того, как перехоронил всю семью. Второму на голову упал кирпич, третий...

–Хватит, хватит, пошли отсюда! – потребовала я, но Ганс и не думал меня послушаться.

–Никуда мы отсюда не пойдем. Переждем здесь ночь. Нам

обязательно надо выбраться из города, но до утра ворота закрыты. Подожди меня здесь, пока я раздобуду нам приличную одежду. А то в таком виде нам открыта дорога только обратно на костер.

Ганс так быстро убежал, что я даже не успела заметить куда он делся. Я стала крутить головой по сторонам. Из темноты выступали только не достроенные стены, торчащие балки, никуда не ведущие лестницы, пустые амбразуры окон. То еще местечко! Осторожно, в темноте, ступая по битому кирпичу, я двинулась вдоль самой длинной стены, надеясь отыскать для себя укромный уголок, но ничего не напоминало уютного местечка. А я так устала скитаться, мерзнуть и бояться!

Странный этот Ганс, рассказал мне жуткую историю, бросил одну и надеется что я буду спокойно сидеть и ждать одна. Показал хотя бы, куда он дел своего рыжего монстра. Конь тихонько заржал, словно услышав мои мысли. Я пошла на ощупь, к единственному живому существу, оказавшемуся рядом. Жеребец неплохо устроился: Ганс нашел для него почти достроенную комнату, в ней были все четыре стены, пол второго этажа образовал потолок, из узкого окна почти не дуло.

–Вот она, мужская логика, – вслух воскликнула я, – коню удобную комнату, а меня бросил черте где!

Даже жеребец согласно закивал. Воодушевленная его поддержкой я решила подойти совсем близко и прижала око-

ченевшие руки к его горячему боку. Животное строго поко-
силось на меня и терпеливо вздохнуло. Набравшись смелости,
я всем телом прильнула к коню. Наконец-то, мне стало
хорошо.

–Вы на них посмотрите! – засмеялся над нами неожидан-
но возникший Ганс.

Ему было от чего веселиться, он подбоченясь стоял пере-
до мной обутый в отличные башмаки и одетый по погоде, в
темные штаны и куртку. У нахала даже был плащ с капюшо-
ном.

–Я тоже хочу, – жалобно вздохнула я.

–На! – просто ответил Ганс и швырнул мне кучу вещей.

Я с лихорадочной поспешностью бросаюсь натягивать ве-
щи, даже не пытаюсь определять цвета и фасоны. И успокаиваюсь,
только закутавшись в длинный плащ. Похоже, что на-
хальный Ганс, и не подумал отвернуться, пока я одевалась.
Он насмешливо следил за моими неуклюжими движениями.

–Башмаки не жмут? – осведомился он.

–Жмут?! – переспросила я, – я могла бы засунуть в один
башмак обе ноги. Где ты только раздобыл такую огромную
обувь?

–Где я взял, там ее уже нет! – отмахнулся Ганс, – но когда
выйдем на улицу, ты плащ лучше не распахивай, уж слиш-
ком заметно, что ты вываливаешься из всех вещей.

Когда рассвело, мы сразу двинулись в путь, хоть мне очень
не хотелось показываться на улице. Передвигаться мне бы-

ло нелегко. Огромные башмаки слетали с ног при каждом шаге, слишком длинная юбка мешала идти, очень длинные рукава закрывали руки. Я прикладывала массу усилий, для того чтобы не потерять ничего из своего туалета. А противный Ганс, вел коня в поводу, заботливо накрыв спасавшей меня недавно попоной. Пожалуй, он был прав, его наряд мало подходил для благородного шевалье, а я еще меньше напоминала благородную даму. Зато за парочку слуг, мы вполне могли сойти.

Утренние улицы города были пустынные, каменные дома теснились единой стеной, все двери и деревянные ставни на окнах были плотно закрыты, не видно было даже вездесущих котлов на остроконечных крышах. За всю дорогу нам встретилась озабоченная молочница и хмурый, не выспавшийся угольщик. Спешащие по своим делам, они не обратили на нас никакого внимания. Несмотря на крайне узкую улицу, мы разминулись с ними вполне благополучно.

– Улыбнись, все идет прекрасно! – шепнул мне Ганс.

– А мне страшно, – призналась я.

– Не дрейфь! – подбодрил меня странным словом «Кроха».

Я продолжала борьбу с неудобной одеждой. И только у самых городских ворот поняла, что мы почти дошли. Мощенная брусчаткой, улица впереди раздвигалась вширь, и вся была запружена разночинным народом. Я с опаской смотрела по сторонам, стараясь не поднимать головы, чтобы меня не

узнали. Хотя, кто мог меня узнать в этом чужом городе?! Но на всякий случай, я отчаянно боялась.

Стражники открыли широкие, оббитые железом ворота и внимательно рассматривали каждого, кто проходил мимо них...

Будильник оглушительно гремя, рвет реальность на куски! Ненавижу будильники!

Удивительно быстро просыпаюсь и начинаю соображать, и сразу меня настегает разочарование. Опять сон закончился на самом интересном месте. И сон какой-то дурацкий! Все слишком банально и объяснимо. Конь, например, точно такой же, как попался мне наяву – громадный и рыжий. Ну ладно, снятся мне сказочки про средневековье, ладно. Ну, почему не рыцари, не турниры, не дамы в эффектных туалетах, не замки, в конце концов?! Что это за романтика: телега, холодный сарай, гнилое сено, а вместо красивых нарядов, чужие обноски?! Жуть!

В крайнем раздражении я начинаю сборы в институт. Разумеется, как всегда, начинаю не с того. Наверное, с психу, мне крайне не нравится собственное отражение в зеркале. Я решительно хватаю тушь и принимаюсь зверски красить ресницы. Только завершив работу, соображаю, что так и не умылась. Это открытие застает меня врасплох, но идет на пользу. Я перестаю суетиться.

Невероятно, но в институт я являюсь в срок и блистатель-

но красивая. Все идет как всегда: лекции длинные, перемены короткие, только моих подружек ни Светки, ни Ленки, нигде не видно. Ленка особа легкомысленная, азартная, всегда готовая как-нибудь повеселиться. Даже ее мелкие кудряшки торчат во все стороны очень жизнерадостно. Хотя она не устает жаловаться, что прическа ее раздражает, все-таки эта персона обладает удивительной способностью устроить бурю в стакане воды, и умудряется идти по жизни не удастая своим вниманием серьезные проблемы. Вследствие отсутствия привычных собеседниц, я начинаю слишком много думать. Разумеется, не на тему лекций. «Сопромат», конечно, предмет важный. И нас заранее предупреждали, что сдать его так же трудно, как прыгнуть выше головы. Но не идут мне в голову все эти сдавливания, скручивания, воздействие H_2O и окружающей среды. Волей не волей, я опять уношусь мыслью «туда».

Даже интересно, кто мне больше нравится, Александр или Ганс из моих снов. Фу, Ганс просто не может мне нравиться! Он такой грубый, неотесанный. Безусловно, мне милее Александр, хотя бы потому, что он настоящий, живой. Живой... задумываюсь я. Странно, меня немного напрягает его вежливость, предупредительность и невозмутимость. В каком-то смысле «Кроха» из снов гораздо живее. Но грубость, все-таки отвратительна! Неужели то что, он мне приснился, означает что подсознательно, я хотела бы видеть своего мужчину таким. Боже упаси!

И вообще, хватить думать обо всей этой мистике! Чушь это все! Сама себе напридумывала всякой ерунды, надо вернуться к реальности.

А в реальности продолжается лекция по сопротивлению материалов. Я старательно вслушиваюсь в слова преподавателя, но одно упоминание об «усталости металла» будит во мне нестерпимое желание зевать. Я еле дотягиваю до конца пары.

Свобода окрыляет! Усталость и сонливость мгновенно улечиваются. Я быстрой и энергичной походкой покидаю наскучившие стены альма матер, резко открываю тяжелую входную дверь. Едва ступив на старый уличный асфальт, я попадаю в объятия любимой подруги.

–Лиза, Лиза! Со мной такое случилось! – трясет она меня как грушу.

Я сразу заражаюсь ее настроением, начинаю волноваться и сопереживать.

–Леночка, на тебе лица нет, куда ты опять влипла?

–Точно, влипла! – признает Лена, – но я не виновата! Я всегда, всегда их боялась!

–Кого?

–Это гипноз, я сама не своя, она меня заболтала.

–Да, кто? Кто? Тебя ограбили?

–Нет, – начинает плакать Лена, – я сама ей все отдала: и золотую цепочку, и сережки, и деньги!

–Отдала цыганке? – на всякий случай уточняю я.

–Да, – ревет Лена, – я дура, просто дура!

–Подожди, где это случилось?

–Здесь, совсем рядом! На троллейбусной остановке.

–Идем!

Я хватаю Лену за руку, и мы бежим на остановку. Честно говоря, я сама еще понятия не имею, что собираюсь предпринять, когда увижу цыганку. Абсолютно точно одно, драться я не буду. Зато моя подруга не знает сомнений, кажется, только пожаловавшись мне, она осознала все случившееся и сразу поняла, что нужно делать. Теперь уже Ленка очень торопится и тащит меня за собой. Мы быстро пробегаем весь институцкий переулочек и выскакиваем на центральную улицу.

–Вон она! – восклицает Лена, указывая пальцем на стоящую к нам спиной цыганку.

Цыганка как цыганка, довольно молодая, в ярком неряшливо повязанном платке, с длинными черными косами, в мешковатой синей куртке, и красной цыганской, широкой юбке. Она втолковывает что-то пожилой, благообразной женщине. И не замечают нас до последнего момента. Когда Лена подлетает к ней, хватая за косы, и резко развернув лицом к себе, кричит:

–Верни, верни мне все!

Цыганка дико пучит свои темные глаза, пытается освободиться. Стоящая рядом женщина трясет головой, словно стряхивая наваждение, торопливо крестится и поспешно

убегает, радуясь, что благополучно выбралась из щекотливой ситуации. А Лена все кричит:

–Верни деньги, верни сережки! Воровка!

–Какие деньги? Какие серьги? – пытается прикинуться простушкой, цыганка.

–Мои сережки – мамин подарок! – готова зарыдать Лена. Цыганке удастся высвободиться, и это придает ей наглости.

–Я вас впервые вижу!

–Ты врешь! Ты все врешь!

–Я никогда не видела эту девушку, – доверительно обращается цыганка ко мне.

–Отдай ей все! – для самой себя неожиданно уверенно требую я.

–Да не было ничего!

Мы шумим, препираемся, стоящие на остановке люди с интересом наблюдают за ходом сражения, даже проходящие мимо по улице, оборачиваются, разглядывая нас. Само собой, подобная реклама противопоказана скрытной цыганской деятельности. Увлеченные спором, мы не замечаем, как к нам подходит важный немолодой цыган. Его дорогая одежда, резко контрастирует с аляпым нарядом цыганки. Невысокий крепкий мужчина одет во все кожаное, черная куртка едва сходится на круглом животе. Он некоторое время стоит молча. Внимательно разглядывает нас с Леной, я ожидаю новых осложнений. К моему немалому удивлению, он грубо

хватает нашу обидчицу за руку, и приказывает ей гортанно:

–Отдай!

Цыганка напускается на него, машет руками, кричит что-то на своем языке. Он только повторяет невозмутимо:

–Отдай.

Женщина спорит, что-то доказывает, тычет в меня пальцем, цыган тоже переводит на меня тяжелый взгляд и совсем тихо произносит странную фразу:

–Дура, ты, что не видишь, кто она?!

«Дура» сразу все понимает, нервно роется в своих карманах, покорно достает Ленкины серьги и цепочку, покопавшись еще, находит деньги и отдает все это ограбленной. Цыгане поворачиваются спиной, сразу забывают о нас и уходят. Лена ошарашена и счастлива. А я крайне озадачена. Секунду помедлив, я смело догоняю цыгана, хватаю его за рукав.

–Объясните мне, что вы имели в виду?

–Когда?

Он смотрит на меня удивленно, явно не ожидал от славянской женщины подобной прыти. Но я уже полна решимости, добиться ответа.

–Кто я? – настойчиво повторяю я, крепко вцепившись в кожаный рукав.

–Зачем тебе это?

–Хочу!

–Ладно, – неожиданно соглашается цыган, – ты и сама знаешь.

–Знаю что?

–Ты слишком много помнишь, и можешь жить сразу «там» и здесь.

Вот и объяснил. То что я так ничего и не поняла – это еще мягко сказано. Причем здесь цыгане с их воровством?! Чего ради, цыганка должна была меня послушаться?! Странно это все... или глупо.

На всякий случай я отцепляюсь от цыгана, и делаю вид, что его ответ мне понятен. Возвращаясь к своей счастливой подруге, все еще держащей на ладони свое золото и не сводящей с него глаз.

–До сих пор не могу поверить, – признается она весело, – никогда не слышала, чтобы цыгане возвращали хоть что-нибудь!

Она решается таки отвести взгляд от возвращенных ценностей, смотрит на меня и вопрошает:

–Ты чего как пыльным мешком ударенная? Да, и зачем ты бегала за цыганом?

–Сама не знаю, – пожимаю плечами я, – я вообще ничего не понимаю.

–А, наплюй, – жизнерадостно советует Ленка.

Я стараюсь следовать ее совету, заражаюсь ее легкомыслием и резко переключаюсь на решение сугубо материального вопроса: чего поесть и где это взять. Подружка моя, конечно, раньше собиралась побереечь деньги на какую-нибудь крупную покупку, но лишившись их и неожиданно обретя вновь,

Лена превращается в невероятную транжиру. Давненько я не проводила столько времени в кафе и не поела за один раз столько вкусного.

Домой я заявляюсь уже в сумерки. Вваливаюсь в квартиру усталая и довольная, включаю свет, телевизор, иду в ванную, откручиваю кран. Из-за шума воды и телевизионной стрельбы долго не могу сообразить, откуда исходит лишний, громкий настойчивый звук. Мокрыми руками хватаюсь за телефон, трубка выскальзывает... мне остаются только длинные противные гудки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ЗА ЛЮБОВЬ ГОНЧАРА.

Будильник сломался! Неподвижные стрелки так и показывают три часа ночи. Я просыпаюсь, бог знает во сколько, сладко потягиваюсь, сую ноги в тапки, медленно, сонно шуршу на кухню, включаю чайник. Просыпаться и становиться энергичной, нет ни сил, ни желания. Сажу на табуретке довольно тупо наблюдаю, как закипает вода. За окном все еще темно, но спать больше не хочется. Наконец, меня посещает желание, выяснить который час. На кухне часов нет, возвращаюсь в спальню, не включая свет, ищу свои наручные часы.

Я очень удивляюсь, поняв, что проснулась вовремя. Даже обидно, что вполне успеваю в институт к первой паре. Я уже сроднилась с мыслью об опоздании. Новая мысль окон-

чательно меня расстраивает. Я вспоминаю, что по расписанию занятия сегодня со второй пары. Это просто возмутительно! Я же могла спать и спать!

В крайнем раздражении я режу хлеб, делаю бутерброды, жую.

–Ну, кого еще черти принесли в такую рань?!

Ругаться мне хочется не оттого, что я не люблю гостей, а потому что из-за неожиданного звонка сильно прикусываю язык.

Рывком распахиваю дверь с перекошенным от боли лицом. Рычу нелюбезно:

–Проходи.

Странное дело, Светку такой прием вполне устраивает. Она вообще заходит какая-то странная: тихая, серьезная, сосредоточенная.

–Что это с тобой? – не скрываю удивления я.

Света не отвечает, стягивает черное пальто. Одетая она тоже как-то странно, нельзя понять в каком она настроении, экзотическое сочетание розового, желтого и темно зеленого ни о чем не говорит. Только усевшись на диван с ногами, она решается открыть рот:

–Как у тебя со временем?

–Как раз этого, у меня сейчас полно.

–Мне очень нужно... поговорить с тобой...

–Откуда такой трагичный тон? Брось! Давай будем пить чай и поболтаем обо всем, о чем тебе будет угодно.

Лицо подруги остается растерянным и непроницаемым. Я уже начинаю беспокоиться всерьез. Сегодняшнее поведение совсем ей не свойственно. Неужели, с моей расчетливой Светкой, приключилось что-то серьезное?

—Я не знаю, как ты к этому отнесешься... — неуверенно начинает она.

—Так давай проверим, — весело предлагаю я.

—Да, ты обещала чай, — отвлекается Света.

Я отправляюсь на кухню, разливаю по чашкам горячий чай, достаю из холодильника, любимое Светкино варенье. Не переставая ломать голову о цели раннего визита подруги.

Мое недолгое отсутствие помогло Свете приготовить речь, она набирает по-больше воздуха, чтобы начать выступление, но тут замечает блюдечко с вареньем, и объяснения снова откладываются. Света аппетитно чавкает, на удивление, не пытаясь вставить в трапезу ни слова. Молчаливость моей темпераментной подруги тревожит меня больше, чем любые слова. Институт пропускает, не звонит, не приходит.

—Ты опять влюбилась? — выдвигаю предположение я.

—И да, и нет, — уклончиво отвечает Света.

—Как прикажешь тебя понимать?

—Никита, оказался гадом, я встретила другого, но все это не важно.

—Вот это да! — поражаюсь я, — для тебя не важны твои мужчины?!

—Да ну их всех! — обижено отмахивается Света, — я при-

шла поговорить с тобой серьезно, а ты смеешься.

Только приговорив варенье, она берет меня за обе руки, серьезно смотрит в глаза, и заявляет загробным голосом:

–Прости! Из-за меня тебя сожгли!

–Где? Когда? – тупо спрашиваю я, обмирая от невозможного предположения, что и она может видеть мои сны.

Света смотрит на меня внимательно, проверяет как я отреагирую.

–Я не знаю, как ты к этому отнесешься...

–Я никак не могу относиться к тому, чего не знаю.

–Это только сон, но... – мнется моя подруга, – там столько разных подробностей. В общем, чтобы долго не рассказывать, знаешь, я не мастер подбирать слова, эпитеты, я посидела, подумала и заранее все изложила на бумаге. На мой взгляд, получилось совсем неплохо. На, читай.

Света сует мне аккуратные тетрадные листы, исписанные ее ровным подчерком и даже украшенные по полям, гламурными цветочками. Первую страницу занимает покрытое витиеватыми завитушками название:

Разбитый кувшин.

Дело было так, давным-давным-давно, веке так в пятнадцатом, жила и процветала одна красивая деревушка. Трудолюбивые жители обрабатывали землю, занимались своими ремеслами и проживали вполне благополучно, даже зажиточно. Чистенькие, нарядные домики вдоль ровной улоч-

ки, мельница, аккуратные заборчики, цветочки. Нищеты и грязи не было, ничто не нарушало спокойное и приличное течение жизни.

Молодая симпатичная девушка, с двумя соломенно-желтыми косами, румяная, в ярко белой рубашке, в темной шерстяной юбке, не могла на себя налюбоваться. Она ловила свое отражение в воде полной до краев кадлушки, жеманно поправляла выбившееся пряди.

–Марта, хватит на себя пялиться! – прикрикнула на нее мать, высокая, грузная женщина с усталым лицом. Она даже слегка шлепнула полотенцем по спине. – Налей лучше воды в кувшин.

–Сейчас, сейчас, – звонким голоском отозвалась Марта.

Она потянулась доставать большой пузатый кувшин с высоко висевшей полки. Невысокой девушке пришлось даже подняться на цыпочки. Одной рукой достала до гладкого бока, пододвинула кувшин. Он закачался, накренился и сорвавшись с полки, полетел вниз. Девушке казалось, что он падал медленно-медленно и вращался в воздухе, но она двигалась еще медленнее, пытаясь поймать его. Сосуд выскользнул из пальцев, с громким тревожным звуком коснулся пола, еще невероятно длинное мгновение оставался целым и, вдруг, раскололся. Марта беспомощно смотрела на черепки.

–Боже мой! Марта! Какая ты у меня растяпа! – запричитала мать. – Это был наш лучший кувшин.

–Придется купить новый, – не особенно огорчилась де-

вушка.

–Купить?! Как у тебя все просто!

–Горшечник, недавно перебрался к нам из города, теперь живет в соседнем доме, даже на базар идти не придется.

–Эх, молодость, молодость, – вздохнула женщина, – когда ж ты научишься беречь то, что есть?! Ну, что ж, иди к гончару.

Марту не пришлось просить дважды. Она даже черепки с пола не подобрала, заторопилась за новым кувшином. Не удивительно, ведь гончар Герман был молод и хорош собой.

Выбежав из своей калитки, Марта шла все медленнее, не спеша, подошла к распахнутой двери мастерской. С опаской заглянула внутрь и залюбовалась работой мастера. На гончарном круге под ловкими руками Германа бесформенный кусок глины, как по волшебству, превращался в красивый округлый сосуд. Круг вращался, сосуд, словно живой, изменялся, сначала он походил на большую чашу, потом вытянулся, превратился в аккуратный горшочек. Мастер осторожно вытягивал, утончал его стенки. Но что-то не заладилось, и Герман смял глину, остановив круг.

Он был худощавый, с длинными руками, рыжеволосый, лукаво щурил веселые серые глаза. Хоть они уже сталкивались много раз на улице, увидев Германа за работой, Марта сразу в него влюбилась.

Она решила подойти ближе, обвела взглядом всю маленькую мастерскую. Длинные полки вдоль стен, были тесно

заставлены горшками, горшочками, кувшинами, мисками и чашками. Никогда она не видела так много посуды. Даже у торговцев на рынке всегда было гораздо меньше товара. Герман смотрел на девушку насмешливо.

–Что, соседка, зашла поглазеть?

–Вот еще, – смутилась Марта, – я к тебе по делу. Мне нужен новый кувшин.

–Выбирай, – Герман широким жестом указал на забытые полки.

–Здесь нет такого, – капризно заметила девушка, – мне нужен особенный.

–Только скажи, какой надо, сделаем, – рассмеялся Гончар.

Марта напустила на себя важности, принялась подробно описывать, каким удивительным был разбившейся кувшин. Герман только улыбался, слушая ее.

–Да вон же, точно такой, – указал он на полку, возле которой стояла Марта.

–Нет, нет, – запротестовала девушка, – мне нужен, абсолютно новый.

Гончар согласился вылепить горшок специально для соседки, но и цену запросил особенную. Девушка легко согласилась, даже не подумав, спросить разрешение у матери. Когда требовательная заказчица покидала мастерскую, в дверях она столкнулась с еще одной соседкой Германа. Молодая пышногрудая Клара плыла, словно лодка под парусом, томным движением отбросила за спину толстые золотые косы,

поправила на плечах белую косыночку. Сверкнула голубыми глазищами.

–«Принес же ее черт!» – про себя обругала соперницу влюбленная Марта.

Клара смерила соседку презрительным взглядом, и Марта бегом заспешила домой. Она не могла сдержать раздражения, бурчала на ходу:

–Ну, чего же мне так не везет?! Ну, почему так совпало, что не замужем, не я одна, а еще столько девиц?! Бог со всеми остальными, не было бы только этой Клары! Был бы у нее хоть один недостаток! Лицо красивое, глаза большие, косы длинные, талия тонкая. Тьфу! Лучше б она хромала, или была худая как дурочка – Анхен!

В это самое время, «дурочка Анхен» шла по деревенской улице, подгоняя прутиком свою тощую белую козу. Животное упрямылось, противно бляло, пыталось бодаться. Анхен совсем не была похожа на фигуристую Клару. Очень худая, длинная, тонкая как тростинка, девушка так и осталась нескладным подростком. Никому она не нравилась, и Марта не держала на нее зла. Соседки вполне любезно поздоровались и даже остановились обсудить деревенские новости:

–Ты слышала, что твориться в соседней деревеньке? – обеспокоено воскликнула Анхен.

–Ужасно, – согласилась Марта, – хорошо, что у нас пока тихо.

–Слава богу, что инквизиция не добралась до нашей де-

ревни!

–Говорят, доминиканцы* отцы-инквизиторы забирают всех красивых девушек, особенно рыжих.

–Забирают куда?

–Я слышала, их увозят в город и сжигают, как ведьм.

–Живьем?! – ахнула Анхен.

–Живьем, – подтвердила Марта, и подумала зло, – «Вот бы, они сожгли Клару!» – но тут же устыдилась этой мысли.

–Бедненькие, – посочувствовала добрая Анхен.

–Тебе не страшно? – доверительно спросила Марта.

–Очень страшно.

–Господи помилуй! – перекрестилась девушка.

Пока они разговаривали, худая коза убежала от хозяйки и вдалеке щипала травку. Спohватившись Анхен торопливо простилась с соседкой и побежала догонять рогатую.

Едва проснувшись на следующее утро, Марта вспомнила вчерашний визит к Герману, и счастливо улыбнулась. Она была готова бежать к гончару немедленно, но мать посмотрела строго и напoмнила об обычных утренних заботах. Марта все делала небрежно и впопыхах, все валялось из рук. Вода проливалась, цыплята разбегались, а гусак шипел и щипался. Зато прихорашивалась она долго и тщательно. Искала в сундуке новую юбку, чистую рубашку, заплетала косы, даже бусы нацепила как на праздник. Мать смотрела укоризненно, но понимающе молчала. Наконец, сочтя свой внешний вид безукоризненным, влюбленная девушка отправилась к

гончару.

Взволнованная и счастливая она ступила на двор Германа. Мастерская по обыкновению была открыта, и Марта осторожно заглянула в дверь, прежде чем войти.

Герман был занят работой, опять вращал ногами гончарный круг, но он был не один, рядом стояла гордая и румяная Клара! У влюбленной Марты дыхание перехватило. Герман показывал девушке, какие чудеса может творить из обыкновенной глины. Он ловко вытягивал горлышко кувшина, пока оно не стало длинным и тонким, а весь сосуд удивительно стройным.

– Вот, – говорил он весело, – такие кувшины делают мусульманские мастера. У неверных есть удивительные умельцы.

– Как это ловко у тебя получается, – восхищенно вздохнула девушка.

– Хочешь сама попробовать?

Она робко кивнула, Герман нежно взял ее руки, осторожно прижал ладони к куску глины, стал медленно вращать гончарный круг.

– Ой! Получается! – обрадовалась Клара, – какая глина, оказывается податливая, – счастливо удивлялась она.

А бедная Марта, готова была разорвать обоих. Она и думать забыла о своем кувшине, прибежала домой вся в слезах, бросилась к матери:

– Он влюбился, влюбился в Клару!

—С чего ты это взяла? — рассудительно осведомилась мать.

—Это же видно, сразу видно! Он так на нее смотрит! Так разговаривает. О, я такая несчастная!

Мать обняла девушку, погладила по голове, сказала успокаивающе:

—Погоди, не спеши с выводами. Жизнь все расставит на свои места. Никто не может знать заранее свою судьбу.

Напрасно Марта старалась последовать мудрому материнскому совету, не могла она быть спокойной в этот день. Она пыталась отвлечься, охотно бралась за любую домашнюю работу. Но все валилось у нее из рук, дела не ладились. Девушке хотелось только сесть в уголке и тихо грустить о своем.

День уже клонился к вечеру, отчаяние все не покидало дома Марты. Ее мать сочувственно смотрела на дочку, не зная, чем помочь горю. Новые события отвлекли их.

До тихой сильно удаленной от города деревни, добралась беда терзавшая горожан. Отцы — инквизиторы предприняли поездку в провинцию. Народ прятался от священников, боялись их хуже чумы. Но находились и те, кто радовался появлению инквизиторов. В любом месте всегда найдется злой завистник и человек готовый донести на соседа, чтобы получить часть его имущества. Страх опустился на деревню, как густой туман. Люди старались не выходить из своих домов, сторонились соседей.

На следующее утро приезжий приор-доминиканец служил мессу в скромной деревенской кирхе. Вдохновенный

оратор живописал земные грехи, так ярко словно хотел, чтобы прихожане сразу добровольно бежали на костер. Из его слов выходило, что любой живой человек, только и делает, что грешит.

—...Будьте бдительны, — громогласно вещал приезжий, — Вельзевул подстерегает каждый ваш шаг. Он знает все слабости человеческие! Особенно легко поддаются на его уловки женщины. Со времен прародительницы Евы, женский род подвержен сонму грехов. Дьявол ловит их на излишней любви ко всему яркому: нарядам, украшениям, безделушкам. Они вгоняют своих мужей и отцов во грех расточительности. Мешают жить благочестиво и аскетично, как жили настоящие праведники...

Вся проповедь была полна обличением грехов женского рода. Доминиканец ненавидел женщин и призывал к этому остальных.

—...Берегитесь! Любая скромно опускающая глаза девица, на самом деле может оказаться ведьмой! — закончил он свое выступление, стукнув кулаком по кафедре.

Прихожане еще долго сидели на своих местах, словно боясь пошевелиться. Когда, наконец, народ стал покидать кирху, Марта хотела быстрее бежать домой, но мать ее остановила:

—Разве ты, ничего не хотела шепнуть священнику?!

В первое мгновение, девушка даже растерялась, но быстро поняла о чем идет речь.

–Ты думаешь... стоит?!

–Сама решай, нужен тебе гончар или ты готова без боя отдать его Кларе.

–Но, это жестоко, – замялась Марта.

–Хочешь остаться старой девой? – жестко подхлестнула ее мать.

И Марта решилась. Она торопливо подошла к, читавшему проповедь, инквизитору, и затараторила какую-то чушь, про порчу, которую насылает Клара на домашних животных. Священник внимательно слушал, кивал, очень серьезно отнеся к каждому слову.

–Ты правильно сделала, дочь моя, что рассказала мне обо всем, – доверительно сказал инквизитор.

–Ведь ее не сожгут? – с надеждой спросила девушка.

–Это не нам решать, дочь моя. Ступай себе с миром. И не волнуйся за свою соседку, – успокаивающе произнес приезжий, и торжественно перекрестил девушку.

Едва она переступила родной порог, раскаяние заполнило душу Марты. Она места себе не находила. Ее сердце металось от злости с обидой, к жалости и отчаянию. Напрасно мать уверяла влюбленную дочку, что другого выхода у нее не было.

И совсем уж плохо стало Марте, когда она увидела, как по ее доносу отцы-инквизиторы арестовали и уводили с собой соседку. Но не Клару, а ничего не понимавшую Анхен. Мудрые священники перепутали дом!

Ровно через год, Клара и Герман поженились.

*Доминиканцы – члены нищенствующего католического ордена, основанного в 1215 году испанским монахом Домиником. В 1232 году папство передало в ведение доминиканцев суд инквизиции. Ныне численность ордена составляет около 20 тысяч монахов и монахинь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ВТОРОЕ СВИДАНИЕ.

–Прости меня, Лиза! – душещипательно произносит Света, когда я заканчиваю чтение.

Я откладываю тетрадь, нарочно очень медленно. Просто, не знаю, как реагировать.

–А меня не сожгли, – говорю первое что пришло в голову.
–Как?!

В Светином вопросе столько же возмущения, как и удивления. Создается впечатление, что она до глубины души оскорблена моим ответом.

–Так получилось, меня спасли, – начинаю объяснять я, но она и слушать не хочет.

–Так ты все знала?! – гремит Света, – я тут распинаюсь перед ней, как дура, пишу целое сочинение, не сплю ночами, мучаюсь, а ей все давно известно!

–Ничего мне не было известно, до того как прочитала все это!

Я вскакиваю на ноги, хватаю Светину тетрадку, машу перед ее лицом. Подружке тоже не сидится, она взвивается:

–Врешь!

–Нет, не вру! Подумаешь какие-то сны. Откуда я знала, что тебе снится то же самое! Вернее не то же самое... ну... про...

–Так не бывает! – подытоживает Света.

Я устало опускаюсь на диван, честно признаюсь старой подруге:

–Конечно не бывает у других, только почему-то в моей жизни, последнее время полно всякой небывальщины и неразберихи. Честно говоря, мне это уже так надоело!

–А я-то, здесь причем?!

–Судя по твоему рассказу, сама виновата.

–Глупости это все! – выпаливает Света, хватая тетрадь и убегает.

Я смотрю, как она торопливо обувается, натягивает пальто, напяливает шляпку. Надо остановить подругу, свести все на шутку, посмеяться вместе, но у меня нет ни сил, ни желания прилагать так много усилий. Света так и уходит хлопая дверью. А я сижу на диване и лениво смотрю ей вслед.

Я даже не удивляюсь, когда так и оставшаяся незапертой дверь, осторожно открывается. Я твердо уверена, что это возвращается моя подруженька. Время удивляться настает, когда вместо Светы, входит Александр.

–К-как ты меня нашел?! – поражаюсь я.

–В наше время, зная телефонный номер, адрес найти не трудно, – оправдывается Саша. – Можно войти или я не вовремя?

–Конечно, конечно вовремя! – спохватываюсь я.

Он входит и сразу достает что-то из-за пазухи, кладет на пол. «Что-то» жалобно мяукает, и требует вернуть его обратно. И оказывается тем самым лысым котенком. Боже мой! До чего он противненький. Малюсенький, на тонких лапках, с огромными ушами. И... Лысый! Абсолютно лысый! Только на ушах торчат жалкие обрывки шерсти. Морщинистая шкурка серая, словно присыпанная пеплом. Тоже мне «первый подарок любимого человека». Я не свожу глаз с дрожащего на полу мутантика. И не сразу замечаю, как Александр достает из-за спины, протягивает мне цветы, тщательно завернутые в газету. Подымаю голову и вижу сверток прямо перед носом. Поспешно разворачиваю, под защитой периодической печати, в прозрачном конверте нежатся три розовые розы.

–Я почему-то подумал, – извиняющимся тоном объясняет Саша, – что тебе нравятся именно розовые. Надеюсь, я угадал?

–Угадал, – расплываюсь в счастливой улыбке я, – очень точно угадал. Мужчины вечно норовят дарить красные цветы, а мне кажется, они больше подходят для солидных дам и торжественных случаев.

Я отправляюсь ставить цветы в вазу, с наслаждением вды-

хаю сладкий аромат. Так-то лучше! А то, я уж начала бояться, что так и не увижу цветов. Возвращаюсь думая, что гость уже прошел в комнату, а он сидит на корточках, все там же в коридоре возле злополучного котенка. Оказалось, киса уже освоилась в моем доме и отметила свое появление большой лужей и маленькой кучкой.

– У нас авария! – сообщает Саша.

Вместо того чтобы элегантно подавать своему гостю чай или кофе, я вооружаюсь тряпкой и борюсь с последствиями аварии. Ну вот, еще с одним свиданием, все не слава Богу! Пообщаться с Александром мне удастся после того, как я все убираю, и отмыв благоухающие руки и перевожу дух.

К счастью, Саше хватает такта вести себя как ни в чем не бывало.

– Какие у тебя планы на этот день? – весело спрашивает он.

– Сегодня у меня институт, – притворяюсь серьезным человеком я.

– Жаль.

– Мне сегодня обязательно нужно там появиться! За последнее время я пропустила слишком много. Боюсь, преподаватели, забыли, как я выгляжу!

– Да, институт – это серьезно!

– Очень серьезно. И вообще, что за странная манера ходить в гости в такую рань?!

– «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро,

Тарам-парам-тарам-парам, на то оно и утро!» – озорно напеваает мой гость, а я продолжаю строжиться:

–Ты вообще мог меня не застать, и куда бы ты тогда дел цветы и несчастного котенка?

–Честно говоря, я рассчитывал застать хоть кого-нибудь. родителей или брата, – хитро щурится Саша.

–Он здесь больше не живет, – смущаюсь я. – А у родителей своя квартира, но я представляю, как бы мама отреагировала, увидев это чудовище.

–И как же?

–Она бы принялась котенка откармливать и втирать ему в шкурку гели для роста волос. Надо знать мою маму! У нее любой экзот обрстет длинной шелковистой шерстью.

–Боюсь, с этой породой ничего не выйдет. Ох, я дурак! – неожиданно восклицает Александр, – я забыл принести родословную. Это настоящий документ, с именами родителей, бабушек, дедушек...

–Надеюсь, мою киску еще никто не назвал!

–Имя у нее уже есть. Как же можно выдавать паспорт без имени?!

–И как же зовут это чудо природы?

–Пальмира.

–«Северная Пальмира» в честь Петербурга? – предполагаю я.

–Или в честь другого города, который носит имя Пальмиро Тольятти, – смеется Саша.

–Надо придумать что-нибудь попроще, – я делаю вид, что глубоко задумываюсь, – Быть тебе, киса, Пальмой! Кстати, а где киса?

Пока мы, сидя на диване, обсуждаем судьбу гордого породистого животного, оно отправляется обследовать квартиру. Тощие лапки скользят на линолеуме, но Пальма упорно продолжает путь в сторону кухни. Тщедушное тельце дрожит, словно от озноба.

–Она так и должна постоянно трястись? – осведомляюсь я.

–Бедняге постоянно холодно!

–Тогда я сошью ей шубу!

Мое брезгливое первоначальное отношение к странному подарку постепенно сменялось сочувствием и жалостью. Я принимаюсь искать какую-нибудь коробку, для того чтобы устроить котенку уютное гнездышко. Открываю антресоли высокого шкафа, и попадаю под лавину разных забытых, давно ненужных вещей. На меня валятся подушки, коробочки, тряпки. И прямо на голову надевается старая корзинка.

–Тебе помочь? – сочувственно спрашивает Саша.

–Нет, я уже все нашла.

Снимаю с головы плетеную «шляпу», кладу в нее небольшую подушечку, накрываю фланелевой тряпочкой.

–«Горшок» для Пальмы готов.

–Не забудь, что ей понадобится и настоящий горшок.

–Это позже.

Я решительно заталкиваю все ненужное в ящик и захлопываю дверцы шкафа. В это время, с кухни раздаются весьма жалобные звуки, больше всего похожие на чихание ребенка и мышинный писк. Вместе с Сашей мы бежим туда.

Похоже, экзотический зверек все-таки простудился. Пальма уморительно морщится и чихает, при этом ее лапки скользят и разъезжаются на гладком линолеуме. Пальма падает и жалобно пищит, стараясь подняться. Ее трудное передвижение увенчалось успехом, когда она добирается до места щедро нагретого солнечными лучами, льющимися из окна. Кошка растягивается в блаженной позе и урчит. Я ставлю корзинку рядом и кладу в нее котенка. Наконец-то, моему экзотическому чуду становится тепло.

Александр смотрит в окно на залитый солнцем двор и предлагает:

– Может институт все-таки подождет?

– Прогулять еще раз?! – я делаю вид, что еще сомневаюсь.

– На улице так хорошо, так солнечно, – соблазняет меня Саша. – Можно пойти в парк, кататься на каруселях.

– Они еще работают? – удивляюсь я, – ведь уже осень.

– Работают последний день. Сегодня же тридцать первое число.

– Не судьба мне нынче получать знания, – театрально сокрушаюсь я.

Поставив перед сладко спящей Пальмой еду и питье, мы оставляем ее одну, и убегаем гулять. Наше свидание все

больше приобретает классические черты. Парк куда мы направляемся расположен совсем рядом с моим домом. И я очень радуюсь, что нам не приходится пользоваться никаким транспортом. Хотя меня успеваает посетить подозрение, что Александр приехал ко мне на своем автомобиле. Я даже критично оглядываю двор, но не нахожу ничего подходящего.

Погода – подарок осени. Высокое ясное небо, по-летнему желтое солнце и тепло не по сезону. Сразу за воротами парка начинается детство. Мы точно, как маленькие взявшись за руки бежим кататься на карусели. Словно для того чтоб усилить сходство, Саша начинает меня баловать.

–Мороженное хочешь?

–Хочу!

–Тебе пломбир? Я угадал?!

–Да. Но как тебе это удалось? – смеюсь я.

–Все очень просто, я тоже люблю пломбир.

–Сладкую вату будешь?

–Буду!

–Шоколадку хочешь?

–Хочу!

Точно как в детстве объедаюсь сладостями и также как тогда, уже вскоре я обнаруживаю, что сладкие пальцы начинают прилипать друг к другу. По всей видимости, открытие это отражается на моем лице такой мрачной озадаченностью, что Саша смеется, глядя на меня. В ближайшем киоске он покупает бутылку минералки и льет мне на руки. Точно так

же, как делал когда-то давно отец. Его огромным носовым платком я вытираю мокрые руки, счастливо смеюсь и канючу как маленькая:

–Идем, идем быстрее на карусельки!

И мы бежим к аттракционам.

–Куда? – успевает спросить Александр.

–На «Торнадо»! – команду я.

Аттракцион почти полон, мы залетаем по железным ступенькам на маленькую площадку и упираемся в грозную и грузную фигуру контролерши.

–Где ваши билеты? – неумолимо хмурится она.

–У нас нет. Мы потом принесем обязательно! – жалобно обещаем мы.

Самое удивительное, что пожилая, строгая женщина верит нашим счастливым лицам и пропускает нас на карусель. В полном восторге от ее необъяснимой доброты мы поспешно усаживаемся на первое, почему-то все еще не занятое сиденье. Раздается оглушительный скрип, «Торнадо» медленно трогается... быстрее, быстрее! Раскачиваясь из стороны в сторону, мы несемся вперед, поднимаемся вверх, резко падаем вниз, круто поворачиваем вправо, влево. Я громко восторженно кричу, заражаю всех своим весельем, и вскоре дружные, веселые крики заглушают пронзительный скрип железа.

Вот, крики стихают, движение замедляется и замирает.

–Хочу еще! – заявляю я.

Помня данное обещанье, Александр отправляется за билетами. Возвращается, запыхавшись, отдает контролерше сразу четыре штуки. Безумный полет повторяется, но почему-то, уже не так страшно и весело. Но я не признаюсь, что почти перестала бояться, и на первом же спуске испуганно верещу:

–Ой, держите меня, держите!

Саше два раза повторять не приходится, он сразу крепко обнимает меня. Страх улетучивается окончательно. Голова моя теперь занята совсем другим...

–Куда теперь? – спрашивает Александр, когда «Торнадо» опять останавливается.

–Туда! – указываю я пальцем на ближайший аттракцион.

–Ты там уже каталась?

–Никогда!

–Тогда стоит попробовать.

Случайно выбранный мною аттракцион именуется «Шторм», хотя ничего морского в нем нет. Сиденья медленно ползут вверх, вдоль высоченной вертикальной опоры. Скука да и только! И вдруг, мы резко срываемся вниз. Падаем со страшной скоростью. У меня дыхание перехватывает! Одно мгновение состояние напоминает невесомость. Секунда, и мы уже на земле! Вот все и кончилось.

–Теперь я понимаю, почему это развлечение обозвали «Штормом», – признается Александр.

–Да, впечатление такое, – подхватываю я, – как будто ко-

рабль падает с огромной волны.

–Ты бывала на море в шторм? – удивляется мой спутник.

–Я вообще не была на море, даже на Балтийском. Мы с родителями были в Петербурге в разгар зимы. Даже Финский залив смотреть не поехали.

–Откуда же ты знаешь, каково на корабле в шторм?

–Понятия не имею, – легкомысленно отмахиваюсь я, – вполне возможно, что космонавты испытывают то же самое при приземлении. Пошли лучше кататься, на чемнибудь.

–Может пойдём на «чертово колесо»?

–Да, – радостно киваю я, сразу вспомнив, как на «чертовом колесе» целовались главные герои любимого сериала.

У меня сердце бьется часто и взволновано. «Детский сад» разом кончается. Мои мысли принимают очень взрослое направление. Пора уже нашим отношениям определяться и переходить на новую стадию.

–Не забудь, на это раз, купить билеты, – деловито напоминаю я.

Я так боюсь не попасть на «места для поцелуев». Вполне благополучно мы усаживаемся в отдельную кабинку. Колесо начинает свое неспешное вращение, мы поднимаемся... а я все не могу решить, стоит ли разыграть боязнь высоты или это будет уже слишком. Свое волнение я прячу за многословие. Болтаю обо всем, что только придет в голову:

–Ты не в курсе, почему это колесо называют «Чертовым»?

–Может быть, когда его придумали, пытались крутить го-

раздо быстрее, и первые посетители катались до тех пор, пока не увидят зеленых чертей. – Весело предполагает Саша.

Я смеюсь, мимо медленно-медленно проплывают верхние ветви высоких деревьев. Выше только огромное голубое небо, обстановка неумолимо становится романтической и действует на моего спутника. На высоте довольно прохладно, я зябко ежусь. Александр пользуется этим предложением, обнимает для того чтобы согреть... и поцеловать.

Наконец-то! «Чертовое колесо» занесло меня на седьмое небо. Таю и волнуюсь, точно как в первый раз. В голову даже приходит идея разыгрывать неприступность и отстраниться. Но на самом деле, делать этого так не хочется. И я вообще перестаю думать.

Из блаженного легкомыслия меня грубо выводит резкий толчок и жуткий скрежет. Колесо останавливается, мы застреваем почти на самом верху.

Все таки хорошо, что я не стала притворяться, что боюсь высоты. Иначе сейчас бы пришлось изобразить панику. А мне так не хочется быть смешной. Но романтический момент уже разрушен. Мы одни, под нами город, над головой – небо. Но что-то уже не так. Я прижимаюсь к Саше, умильно заглядываю в глаза... порыв холодного ветра нагло ломится между нами, сильно раскачивает кабинку, становится неуютно и даже страшно!

–Чего они возятся?! Когда наладят это дурацкое колесо?! – возмущаюсь я.

–Похоже, именно в такой момент, колесо и прозвали чертовым, – улыбается Александр.

–Все-то у нас ломается! Терпеть не могу неумех! Могли бы работать и побыстрее!

–Разве тебе плохо здесь со мной?! – ласково упрекает Саша.

–Нет, я... – теряюсь я, – сама не понимаю, чего я так завелась.

Мы возвращаемся к прерванному занятию, нам опять мешают. Повторяется противный оглушительный скрип, колесо начинает двигаться. Мы спускаемся вниз и мне кажется, что мы движемся гораздо быстрее, чем поднимались. Уединение заканчивается. Мы в прямом и переносном смысле, спускаемся с небес на землю.

А на земле земные потребности.

–Не знаю как ты, а я отчаянно проголодался! Ты не против, поискать что-нибудь съестное? – предлагает мой спутник.

–Отличная идея! – радостно соглашаюсь я, – только давай поищем что-нибудь не такое липкое.

Нужное направление указывает нам заманчивый запах жареного мяса – шашлыки! И мы спешим туда, в осеннем воздухе запах распространяется так далеко, что мы никак не можем найти вожденную шашлычницу. Кажется, что везде пахнет съестным.

И вот наконец, мы натываемся на крохотное затрапез-

ное кафе. Вокруг благоухающего мангала всего три столика. За ними парочки жуют, смеются, болтают. Над шашлыками колдует колоритный армянин. Он только раскладывает новую партию, приходится ждать. В нетерпении я считаю шампуры. Раз, два, три... восемь. Я готова съесть все разом! А роскошно пахнущая свинина так медленно жарится, темнеет, румянится! Я не могу отвести от нее глаз, захлебываюсь слюной. Страшно хочу есть!

Мы берем по два шашлыка, садимся за столик. Я вонзаю зубы в мясо! Вкусный, хорошо прожаренный, прекрасно пахнущий дымком шашлык возвращает мне радость жизни. Солнце припекает совсем по-летнему, громко щебечут птицы, ветки высоких тополей украшают графикой голубое небо. Я разминаю в пальцах остаток хлеба, крошу воробьям. Они шумят и дерутся. Саша смотрит на меня, улыбается:

–Ты сейчас такая красивая.

–Только сейчас? – кокетничаю я.

–Тебе так к лицу...

–Сытость? – смеясь, подсказываю я.

–Тебе к лицу солнце, – мягко поправляет меня Саша. –

Ты вся светишься.

–Тогда мы слишком поздно познакомились, – шучу я, – лето кончилось, солнца все меньше, а зимой я буду страшная и тусклая!

–У меня такое впечатление, что мы с тобой знакомы уже очень давно, уже лет пятьсот, со времен мрачного европей-

ского средневековья. Еще до открытия Америки.

–О, боже! Я не такая старая! – смеюсь я.

Мы с Сашей еще долго гуляем по осеннему парку, смеемся, болтаем о всякой ерунде. Потом он провожает меня и мы целуемся в подъезде, как школьники. Я уже готова тащить его к себе домой, но он вежливо прощается и уходит. Кажется, я его люблю!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. СТУДЕНЧЕСКАЯ.

Физика. Неужели несколько дней назад мне это нравилось?! Сижу, мучаюсь дилеммой. Так хочется вспоминать вчерашний день, мечтать, а надо записывать длинные формулы, комментарии, рисовать чертежи. Вокруг даже поглазеть не на что. Аудитория отличается отвратительной простотой дизайна: голые белые стены, черная доска, окна без штор. Не уцелели даже портреты великих физиков, от Ньютона и Эйнштейна остались одни пустые гвоздики. Только скрипучие парты, пережившие не одно поколение студентов, пестрят тупыми надписями и пошлыми рисунками. Тоска! Сижу с Леной, она переспрашивает каждую букву, уточняет, Светы где-то не видно. Сижу, учусь: формулы, формулы, формулы... Но это еще ничего, а вот следующей парой – семинар по истории отечества.

– Это совсем не страшно! – утешает Ленка. – Выучить историю не сложнее, чем формулы в математике!

– Формулы! Да я в этой исторической математике, даже цифр не знаю! Даже не говори мне, как называется тема семинара!

– Это же так просто, Смутное время, – издевается Ленка.

– Что-то у меня слишком смутное представление об этом смутном времени. Когда хоть это было?

– Сразу после смерти Ивана IV.

– Вот утешила! По мне, что Иван IX, что Вася XII.

– Таких царей в нашей истории не было! – строго замечает Лена.

– Хоть таких не было! – радуюсь я, и продолжаю старательно списывать формулы.

– Последние шесть строк, к понедельнику желательно знать наизусть, – важно сообщает преподавательница.

В ответ по аудитории прокатывается горестный стон. Эту даму со всеми ее требованиями у нас терпеть не могут. Старая, длинная, вечно наряженная во что–нибудь зеленое, она просто воплощение всей студенческих неприятностей. Самая главная преподавательница физики удручающе принципиальна. Даже удивительно, как я умудрилась сохранить с ней лояльные отношения вплоть до сегодняшнего дня. Но сегодня все против меня и моей любви! Ну, какие могут быть формулы после такого свидания?! Я хочу, я требую свободы!

Не тут-то было! Мой надежный план отсидеться на семи-

наре в тихом углу и остаться незамеченной, рушится, как только я пересекаю порог аудитории.

–Элиза Николаевкая! – восклицает преподаватель, сразу заметив меня.

Терпеть не могу свою фамилию! Выскочу замуж, только для того чтобы ее сменить.

–Неужели вы почтили нас своим присутствием?! – глумится историк, – вот вы и будете выступать первой.

–Выступить?!

–Вы же готовились к семинару?

–Да, да, конечно, но отвечать я пока... что-то горло болит, говорить тяжело.

–Диагноз ясен – воспаление хитрости, – констатирует преподаватель, – придется лечить.

«У-у, жук усатый! Ну, чего прицепился?! Знает же, что история для меня сущее мученье.» Надо признать, что на противное насекомое историк похож довольно мало. Полный, рыхлый, сдобный как тесто. Вполне приятный был бы человек, если бы не его любимая история.

–После смерти Ивана какого? Кто еще там был? – лихо-радочно стараюсь вытрясти из Ленки, хоть какую-то информацию.

–Иван Грозный, Шуйский, Лжедмитрий, Марина Мни-шик, Польский король, – снисходительно улыбается она.

Я отчаянно стараюсь вспомнить хоть что-нибудь. К семинару, я конечно, не готовилась, не до этого было, но прохо-

дили же мы что-то в школе! С неумолимой ясностью понимаю, что в школе я проходила мимо «смутного времени».

–Ну-с, Николаевская, мы вас внимательно слушаем, – ехидно обращается ко мне историк, как только начинается пара.

В голове моей абсолютная пустота, как в надувном шарике.

–Сделай лицо попроще, – советует Лена.

Я напрасно стараюсь прогнать с лица вселенскую скорбь. Не знаю я ничего!

–После смерти Ивана Грозного... – начинаю я, мечтая только о том, чтобы меня прервали.

–Продолжайте, продолжайте, – историк садится за свой стол и даже подпирает рукой голову. Пытка будет долгой!

–У царя не осталось наследника, – подсказывает мне Лена, страшным шепотом.

–А куда ж они делись? – с издевкой, осведомляется у нее историк.

Лена замолкает, и я остаюсь один на один со «смутным временем». Я молчу, готовая провалиться сквозь землю, но к счастью, кажется, начинаю что-то припоминать.

–Своего сына-наследника, Иван Грозный убил сам из-за внезапной вспышки гнева...

–Ну, это один сын, а остальные?

«Боже мой! их еще было много!»

–Федор был дурак, – снова пытается мне помочь Лена.

Преподаватель делает вид, что этого не заметил, прищурившись наблюдает, как я выкручусь.

–Федор был слаб умом и вообще рос болезненным ребенком. Все свое время он проводил в молитвах или в постели, – уверенно вру я, и к своей великой радости обнаруживаю, что случайно оказываюсь права.

Удача придает мне смелости, и я продолжаю пересказывать случайно увиденную мною передачу:

–Младший сын Ивана Грозного – Дмитрий, по-моему, был увезен в Углич и там убит боярами. Больше всего в этом подозревали Бориса Годунова...

–И к чему это привело?

–После смерти царя, в период безвластия, в стране стали появляться Лжедмитрии.

Историк смотрит на меня с удивлением и интересом. Явно не ожидал, что я смогу вспомнить хоть что-нибудь по теме. Но ему все мало:

–Может быть, вы расскажите нам о первом и самом знаменитом Лжедмитрии? Кстати, как звучало его настоящее имя?

–Гришка Тряпкин, – выпаливаю я.

Все мои однокурсники дружно гогочут. Историк смеется до слез.

–Ничего себе псевдоним у Григория Отрепьева!

Я пытаюсь оправдаться:

–Ну, я же так и говорила, что там какие-то тряпки и лох-

мотья!

Так я утрачиваю опротивевшую мне фамилию – Николаевской, и до окончания института становлюсь Тряпкиной. В первую же неделю шутка облетает факультет, а через месяц весь институт будет в курсе. Теперь меня узнают и пятикурсники, и преподаватели. Дорого мне обойдется «смутное время».

А пока по расписанию физкультура. Еще одно испытание. Преподавательница – садистка, и не скрывает этого. На первом же занятии, помниться, она заявила, что мы еще с ней наплачемся. Учебный год только начинается, а уже была пара случаев.

Мы переодеваемся радостные, как перед казней. Нам предстоит целую пару провести на улице, и плевать нашей Ядвиге Яновне на осень и холод. Мы строимся на заросшей дорожке парка (жаль не того, где мы гуляли с Сашей! У института свой парк, большой и заброшенный). Жалкое, мы наверняка, представляем из себя зрелище. Взрослые девицы в поношенных, уже малых спортивных костюмах, переминаются с ноги на ногу, на лицах тонны косметики и томно обреченное выражение. С первого взгляда видно, что собрались давние и убежденные спорто-ненавистницы. Отсюда и тоска на лицах, и форма не по размеру.

Свежей и воодушевленной в этом сонном царстве оказывается только Ядвига. И дали же ей родители имечко, даже прозвище придумывать не надо. Ядвига, она и есть Ядвига.

–Ну, красавицы, чего приуныли? – радостно осведомляется она.

–Холодно, – стонем мы.

–Кто это здесь замерз? Двигаться нужно, двигаться! Тогда и тепло будет и весело.

Легко сказать двигаться! То, что для нее просто движение, для нас непосильный труд.

–На сегодня у вас бег, прыжки в длину и отжимание.

–Отжимание, здесь?! – дружно воем мы.

–Прекратить разговорчики! Смирно! – строит нас Ядвига.

–Садистка, точно садистка! – тихонько бубню я.

–Да хоть бы она ногу сломала! – зло бурчит Лена.

–Уверена, она и с гипсом будет ходить на работу.

Как бы нам хотелось наговорить преподавательнице грубостей, развернуться и уйти. Но болтают, что плохие отношения с ней означают очень плохое отношение с деканом. Приходится терпеть, и подчиняться. Мы рысцой бежим к маленькой лысой полянке. Где долго и вымученно прыгаем и отжимаемся от противной, намокшей за ночь, лавочки. Ядвига только покрикивает, или того лучше пользуется свистком. Обычно, на этой полянке выгуливают и дрессируют собак. Мы тоже чувствуем себя дрессированными животными.

–А теперь, побежали! – командует Ядвига, когда мы уже достаточно выдыхаемся.

И мы бежим. Бежим, как в анекдоте про армию: «отсюда и до заката». В институте это называется – «кросс на оцен-

ку». Мы бежим, бежим друг за другом... мимо скользят голые березки, кусты покрытые красными листьями, под ногами, грязь, лужи. Я сильно отстаю. Бег для меня очень тяжелое испытание. Мне уже давно жарко, лицо покраснелось, дыхания не хватает. Я расстегиваю кофту. Хорошенький у меня сейчас вид: лицо красное, глазки лезут из орбит, дышу словно конь. За поворотом дорожки, девчонки шумят, впереди какое-то препятствие. Однако, никто не останавливается, мы продолжаем друг за другом двигаться вперед. Я тащусь в самом хвосте. Отстать от меня умудряется только моя Лена.

–Что за черт! – вырывается у меня.

Как здесь не ругаться?! Прямо передо мной поперек тропинки распластался ствол дерева. И не то, чтобы он был слишком толстый, но упал уж больно, не удачно. Обходить его далеко и неудобно, придется лезть в грязь, единственный выход: перепрыгнуть препятствие. Я отступаю на пару шагов, разбегаюсь и как коза совершаю скачок через бревно. В самой верхней точке своего прыжка, боковым зрением, я замечаю быструю, внезапную фотовспышку. Ситуация напоминает охоту папараца на звезд. Смачно приземляюсь в лужу, в бешенстве поворачиваюсь, чтобы лучше рассмотреть фотографа.

Широко, самодовольно улыбаясь, на меня смотрит молодой парень. Русые волосы собраны в короткий хвостик, на щеках легкая не бритость. Эдакий мачо, среднерусской по-

лосы. Щурит масляные серые глазки, заявляет ехидно:

–Снимок будет готов только завтра, если хочешь себя лицезреть, приходи, покажу.

–Хам! – выпаливаю я.

–Ну, зачем же так грубо? – тянет фотограф, словно мартовский кот.

–Как заслужил.

–Может, лучше познакомимся?

–Вот, еще! Хотя... отдай пленку, будет о чем поговорить.

–Может, и отдам, зависит от того, как будешь уговаривать.

–Тебе не понравится! – заверяю я, готовая припомнить приемы, опробованные мною возле банка.

Но драчливое вдохновение меня подводит. Просто стукнула бы его по башке чем-нибудь тяжелым, да под рукой нет ничего подходящего. Нахал, уловив мое замешательство, стоит, усмехается.

–Ну же, начинай уговаривать! А то упустишь свой счастливый момент.

Он злит меня все больше и больше, но взяв себя в руки, я решаю сменить тактику. Сладко улыбаюсь, облизываю пересохшие губы, кошачьей походкой направляюсь к нему. Грубиян такого не ожидает, смотрит на меня растерянно. Я продолжаю разыгрывать много раз виденную в кино и вовсе мне не свойственную роль секс – бомбы. Я подхожу к нахалу, глажу его по голове, спрашиваю приторно-сладким голоском:

–Так как тебя зовут, прелесть моя?

–Игорь, – выдыхает он восторженно.

–Так прозаично, – мурлычу я. – Я буду называть тебя мой принц!

–Замечательно, – он так и тает от самодовольства.

Сделав вид, что хочу его обнять, я ловко снимаю с его шеи шнурок фотоаппарата, ровно секунда требуется мне, чтобы извлечь из него злополучную пленку и сунуть себе в карман. В этот момент над бревном взлетает в дурацкой позе Ленка. Я понимаю, фотографа, зрелище действительно уморительное, но прощать его не собираюсь.

–Лиза, кто это? – вопит Лена, заметив нас.

–Мистер прыщ! – зло представляю я своего нового знакомца и возвращаю ему пустой фотоаппарат.

Моя подружка, еле живая от усталости, медленно ковыляет к нам. Подойдя поближе, сразу пристает с расспросами:

–И что это вы здесь делаете?

–Лично я, стараюсь свернуть на корню деятельность не в меру ретивого фотографа, – откликаюсь я.

–Фотографа?! – удивляется Лена, и обращается к Игорю, – что ты здесь снимал?

–Я хотел запечатлеть, – охотно принимается объяснять неудачливый фотограф, – урок физкультуры у второкурсниц.

–Зачем это? – строго допрашивает едва отдышавшаяся спортсменка.

–Вы такие уморительные...

–И что?!

–В общем, я поспорил с пацанами на приличные деньги, что рассмешу весь институт.

–А мы здесь при чем? – в моем голосе звучит угроза.

–Вы главный пункт моего замысла, – самодовольно признается Игорь, – я собирался наделать ваших фотографий во всяких нелепых позах, наклеить их на ватман со всякими двусмысленными комментариями и повесить на первом этаже в институте, возле расписания. У нас в основном учатся пацаны. Вот было бы смеху!

–Ты собирался выставить нас на посмешище?! – шипит Лена.

А я очень довольна собой, радуюсь, что уже успела отобрать у затейника пленку.

–Смейся, теперь над кем-нибудь другим, – злорадно бросаю я, вместо прощальных слов.

Мы с Леной продолжаем свой путь шагом, уже не надеясь сдать злополучный зачет. Однако, завершив бесконечный круг и добравшись, наконец, до лысой полянки, где начинался зачет, нам вовсе не хочется начинать все сначала. И категоричное заявление Ядвиги Яновны:

–Девочки, это только два!

Мы отвечаем бурей возмущения:

–Двойку ставят за отсутствие работы, а мы же бегали! О-о, как мы бегали! Вы должны... это нарушение наших прав... Тройку! Поставьте хотя бы тройку!

Строгой преподавательнице приходится уступить. Ей явно не хочется продолжать этот бессмысленный спор. Заполучив вождеденный зачет, мы гораздо резвее, чем прежде, несемся в институт.

Последней парой, сегодня ин.яз. к моей великой грусти, Лена изучает немецкий, а я английский. Мы расходимся в разные аудитории, и одновременно начинаем скучать. К четвертой паре, особенно после физкультуры, все интеллектуальные размышления перекрывает довольно тупая, но не отступная мысль о бутерброде с колбасой. И столовая не так уж далеко, и запахи оттуда доносятся заманчивые. Но я решаю сэкономить деньги на обедах. Решила, так решила. Сижу, терплю, стараюсь не думать о съедобных вещах. А тут еще, как на зло, поболтать не с кем. Все счастливицы атакуют столовку. Я с горя, принимаюсь искать десять отличий одной аудитории от другой. У англичанки гораздо уютней: помещение поменьше, большая карта Великобритании на стене, с портретов угрюмо смотрят Вильям Шекспир и Даниель Дефо. Окна до половины прикрыты зелеными шторами. Вот и вся разница. Нет, как я могла забыть, еще надписи на столах нацарапаны по-английски.

Как только едоки возвращаются, сразу завязывается интересный разговор:

–Вы только представьте, – восклицает Славка, самый пухлый и жизнерадостный мой одноклассник. – бывает же такое везенье! Мой дядька свалился со строительных лесов,

воткнулся башкой в землю, чуть не помер. А после того, как в реанимации его вернули к жизни, он обнаружил, что знает сразу несколько иностранных языков. Вот мне бы такое!

–Так пойдя, спрыгни с небоскреба, башкой вниз, – предлагает долговязый Андрей, – может, поможет.

–Нет, ты не понимаешь! В один момент, сразу и английский, и французский, и немецкий, и еще какой-то тарабарский. Он их даже никогда не учил. Пережил клиническую смерть и...

–Я уж лучше по старинке! – смеется Андрей, – так безопаснее.

–А вот интересно, – вступает в разговор рассудительный Костя, – откуда он взял эти знания?

–Из информационного поля земли, – с комичной серьезностью, заявляет Слава.

–А может из прошлой жизни.

–Тогда бы он помнил английский таким, на каком писал Шекспир.

–А мне нравится Шекспир в подлиннике, – как-то виновато замечает Костя.

–Неужели, ты хоть что-нибудь понимаешь?

–А что там непонятного?

O, how much more doth beauty beauteous seem

By that sweet ornament which truth doth give!

The rose looks fair, but fairer it we deem

For that sweet odour which doth in it live...*

–Все непонятно! И вообще, ты же английский знаешь на троечку.

–Это современный, – оправдывается Костя, – он мне просто не нравится.

–Все ясно, – подытоживает Андрей, – в прошлой жизни ты был средневековым англичанином. Ну, кто еще чего вспомнил?

Я молчу. Хоть и пытаюсь вспомнить хоть словечко на языке из моих снов, ничего не получается. Почему, от моих фантазий никакой практической пользы. Хорошо, хотя бы, что благодаря Свете, я знаю свое имя, хотя бы одно из трех. А то из своего сна, я ничего не смогла запомнить. Вообще, поговорить бы сейчас со Светой, обсудить бы все. Не могут же, на самом деле, ей сниться мои сны. Но откуда тогда она все это взяла?! И куда она сегодня делась? У нее талант пропадать, всякий раз, когда она нужна.

Этим мыслям я придаю всю английскую пару. На удивление, меня никто не пытается отвлечь от моих размышлений.

*Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре сокровенно...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.
ИЗ ОГНЯ, ДА В ПОЛЫМЯ.

...Наши надежды остаться незамеченными, мгновенно улетучились, когда мы подошли к городским воротам. Стоявший рядом с ними сержант, в давно не чищенной кирасе и смешном шлеме, так и впился глазами в заметную фигуру Ганса.

–Эй, здоровяк, – окликнул он, как только мы с ним поравнялись, – про таких, как ты нас специально инструктировали. Один такой Голиаф вчера сбежал от отцов инквизиторов, чуть не самого костра. Нам велено ловить.

–Так ловите, – весело разрешил Ганс.

–Уж не тебя ли надо ловить? – сощурился страж, – все приметы сходятся.

–Не, совсем не похож, я видел его вчера, – не растерялся мой спутник. – Как раз, когда он сиганул с телеги, я среди зевак совсем рядом стоял. Он меня на целую голову выше, и в плечах пошире будет, а лицо такое злое, ну, чистый зверь.

Ганс даже перекрестился для убедительности. Он так искусно изображал сбежавшего чудовищного злодея, что даже я готова была поверить, что он его видел. Поверил и сержант. На меня, он даже не взглянул, только спросил, у Ганса:

–Куда, коня-то ведешь? Конь, видно, не твой. Холенный, хозяйский.

–Хозяину и веду, он собрался в дальний путь, хочет, чтобы животное отдохнула на свободе перед долгой дорогой.

–Ладно, проходи, – милостиво разрешил сержант, но ещё

долго сверлил нам спины недоверчивым взглядом.

Мы шли по дороге не имея ни малейшего представления о том куда нам направиться. Одно мы знали точно, что должны уйти как можно дальше, от приготовленных для нас костров, терпеливо ожидающих своего часа. Мы быстро и решительно шли куда глаза глядят. Дорога долго петляла между уже опустевших полей, нырнула в небольшую рощицу, прозрачную на осеннем ветру. Низко нависшее небо мрачно хмурилось грязно серыми тучами. Погода навивала невеселые мысли и страх перед будущим. Мы оба молчали погружившись в свои размышления. Ганс заговорил первым:

–Что приуныл, кузнечик?

–У меня есть имя, – насупилась я.

–Имя у тебя слишком длинное, я уже и забыл его.

–Не обманывай.

–Нет, кое что, я конечно, помню. Но все твои имена тебе не подходят.

–А какое подходит? – наивно спросила я.

Ганс задумался, почесал в затылке, окинул меня придирчивым взглядом, и усмехнулся:

–Заморыш!

Я надулась. «Странный этот Ганс. Вот для чего он меня спасал, если все время только обижает?! Нельзя же быть таким грубым!»

Словно подслушав мои горькие сетования, неунывающий громила принялся меня утешать:

– Не переживай! Подумаешь, слишком худая, у тебя все впереди. Тебя, наверное, не правильно кормили. Осядем где-нибудь, будешь лопать сметанку да маслице, сразу станешь похожа на человека.

– Где оно твоё маслице? Я сейчас есть хочу! – всхлипнула я, готовая расплакаться, прямо посреди дороги.

Ганс смутился, пробурчал что-то не понятное, похоже на ругательство. Потом, постаравшись предать голосу веселые, беззаботные интонации, громко заявил:

– Я тоже голодный, как зверь, но здесь нам, кроме друг друга лопать нечего. Тебе повезло больше. А вот я твоими мощами точно не наемся.

– Спасибо, утешил.

– Я же от всей души! Хочешь, можешь начать прямо сейчас.

– Не хочу! – буркнула я, спрятав улыбку.

А сама грешным делом представила, какое отменное жаркое получилось бы из моего спутника. Некоторое время, мы молча топали по дороге. Меня все сильнее мучили усталость, голод и жажда.

– Когда же нам встретится хоть какая-нибудь деревенька, где можно будет напиться воды и поесть? – горестно взмолилась я.

– Скорее всего, совсем рядом на берегу реки непременно должно быть поселение, но нам это мало поможет, – буркнул Ганс.

–Почему же?

–Добрые люди врятли станут долго кормить нас за красивые глаза. Хотя, глазки у тебя и ничего, – повернулся ко мне мой спаситель.

–При чем здесь мои глаза?! – возмутилась я. – Мы можем отдать им твоего коня.

–А ты щедрая, однако, – рассмеялся громила. – Только крестьянам верховой конь не нужен. Им бы рабочую лошадку, а этот для пахоты не годится. Остается искать того, кто сумеет продать его на ярмарке.

Я не поняла хитрого замысла Ганса, но поверила, что это нам поможет. И с надеждой стала вглядываться в даль, ожидая, когда покажутся первые домишки.

Я так обрадовалась, заметив на холме крохотную деревеньку, что даже подпрыгнула.

–Вон, вон! Скоро мы поедем....

–И напьемся, – резко добавил мой спутник.

Расстояние до долгожданного приюта мы приодалели почти бегом. Мое сердце билось радостно, словно на празднике. Деревня оказалась гораздо меньше и беднее моей родной. Дорога упиралась в крохотную кирху, для того чтобы пересчитать дома, хватило бы пальцев одной руки. Аккуратные малюсенькие крестьянские жилища, Ганс будто и не заметил. Сразу направился к единственному дому, под черепичной крышей, выглядевшему более менее зажиточным.

–Надеюсь, здесь у хозяев, найдутся лишние деньги, чтобы

купить у нас коня, – негромко рассуждал он.

У меня не было своего мнения на этот счет, я просто шла следом за моим спасителем. В ворота он постучал очень громко и уверенно. Но какого-нибудь отклика пришлось ждать долго.

– Может, все-таки нам лучше пойти к другому дому, – потянула Ганса за рукав я.

– Подожди!

Калитка неохотно приоткрылась, в образовавшуюся узкую щель протиснулась испуганное и недовольное лицо пожилого крестьянина. Его жутко избороздили морщины, и даже не верилось в то, что когда-то оно было молодым.

– Что вам? Кто такие? – сердито проскрипел он.

– Мы путешествуем по вашим краям, – сказал Ганс, и сразу добавил успокаивающе, – мы не сделали ничего плохого. Мы только хотим попросить воды.

– Воды? Воды можно, – согласился старик, но все медлил и не открывал калитку.

– Кого там принесло? – раздался из-за забора старушечий голос.

– Путники воды просят.

Голова старика исчезла из щели. Вскоре, калитка широко распахнулась, и нам приветливо улыбнулась, беззубым ртом, хозяйка. Она была полная, румяная женщина, казалась моложе своего мужа. Но скрипучий голос сразу выдавал в ней старуху.

–Заходите, заходите скорей во двор, – пригласила она, – не надо, чтоб вас видели на улице.

–Почему? – удивилась я.

Старуха не стала объяснять, только подталкивала нас во двор:

–Заходите, заходите.

Ганс ввел за собой в поводу коня, закрывая за ним калитку, старик крикнул недовольно.

–Еще и лошадь. Ох, горя не оберемся.

–Муж у меня любит причитать, вы уж не обращайтесь внимания, – извинилась за него старуха, – какой конь дорогой.

Откуда он у вас?

–На ярмарку ведем, – беззаботно сообщил Ганс, – а хотите, вам продадим?

–На кой он нам?! – сердито буркнул старик.

Жена даже оттолкнула его, громко зашипела ему на ухо:

–Дурень! Сейчас купим у них по дешевке, а потом перепродадим втридорога.

Она повернулась к нам, снова беззубо разулыбавшись:

–Муж всего боится. Но деньжата у нас найдутся, на прошлой неделе двух свиней продали. Зачем вам ждать до ярмарки?! Сегодня бы и сговорились.

–Сговорится не долго, – деловито протянул мой спутник, – только дела так не делают. Кто ж на дворе договаривается?! Давай, хоть в дом пройдем, за стол сядем. Накормишь хорошо, так может, и цена будет меньше.

Старуха ухватилась за это его предложение, повела нас в дом, усадила на лавку, принялась ставить на стол миски с разносолами. Даже притащила из погреба пузатый кувшин с пивом. Старик исподлобья поглядывал на жену. Она не обращала на него внимания.

–Кушайте, гости дорогие.

Ганс хитро подмигнул мне, шепнул:

–Как легко стать «дорогими гостями».

Ради будущей выгоды, хозяйка проявляла щедрость и любезность, так и сыпала мелким бисером всякие истории:

–Народ у нас, здесь, неплохой, но завистливый. Меньше свое добро берегут, чем заботятся, чтоб у соседа не прибавилось, самое главное, чтоб никто господину барону не донес.

–Это почему же? – насторожился Ганс.

–Наш барон чужаков не любит.

–Когда его только черти заберут?! – глухо выругался старик.

–Это за что же? – пристал с расспросами мой попутчик.

Хозяева не хотели отвечать, старик просто отвернулся, его жена махнула рукой, но потом стала рассказывать:

–Наш господин считает себя продолжателем славных рыцарских традиций. Не покидает своего замка, не надев доспехов, даже по деревням ездит с полной свитой и солдатами, словно в крестовый поход собирается. Да это бы ладно... он особенно дорожит другой традицией...

Хозяйка зло сплюнула в угол. А старик объяснил угрюмо:

—Очень ценит он свое право первой ночи.

—Не одной свадьбы не пропускает. И ведь все равно ему красивая невеста или уродина. Потому, за тот год, пока он путешествовал по другим странам, все старались побыстрее дочерей выдать замуж, мы успели троим дочерям свадьбу справить...

Я не слушала ее болтовню, скорее набивала рот. Мне хотелось все попробовать: и луковую похлебку, и вареную рыбу, и большой, еще горячий пирог. Только от пива я отказалась и получила кружку до краев полную жирным парным молоком. Старуха не жалела угощения, поставила на стол и горшок со сметаной, и миску с печеными яблоками.

Только удалив долго мучавший меня голод, я смогла отвести взгляд от еды и осмотреться вокруг. Дом стариков, только снаружи казался таким большим и солидным, потолок в небольшой комнате был удивительно низким. Крыша словно вдавила дом в землю. Кроме длинного стола да двух лавок, другой мебели в комнате и не было.

Мой спутник, в отличие от меня не спешил, ел обстоятельно, придирчиво выбирал куски, строго посматривал на хозяйку. О деле заговорил не с ней, а со стариком. Тот польщено улыбнулся, важно погладил живот, неспешно уселся напротив гостя.

—Давай, что ли потолкуем о деле.

—Теперь уже пора, — охотно согласился Ганс.

—Сколько, ты хочешь получить за коня?

–В любом случае, деньгами я прошу только половину суммы, – уверенно выдвинул свои условия Ганс, – нам с сестрой, нужен ночлег и хорошее питание на неделю. Если вы не можете этого предоставить, мы отправимся в другой дом.

–И коня им продадите?! – вмешалась в разговор старуха.

Она набросилась на своего мужа:

–Соглашайся, соглашайся! Еда у меня найдется. Надо будет, и гуся зарежем. А когда еще такого коня за пол цены купим?!

Старик сморщился, от ее громкого голоса, словно от боли, становился совсем похожим на сушеную грушу. Но кивнул, согласился:

–Будь, по-твоему!

–Только с деньгами, давай сразу рассчитаемся, – потребовал Ганс.

–Пойдем со мной, – позвал старик.

Когда они вышли, хозяйка набросилась на меня с расспросами:

–Вы к нам, откуда?

–Из города, – неопределенно ответила я.

–Далеко идете?

–Далеко...

Я совсем растерялась, не знала что ответить. Горько пожалела, что рядом нет громилы, как легко у него получается обманывать и выдумывать всякие небылицы. А старуха и не собиралась отставать:

– Это твой брат?

– Да.

– А че так не похожи? Ты что мало каши ела?

– Он больше на отца похож, – нашлась я, – А я болела недавно.

– Ты не заразная? – шарахнулась от меня старуха.

– Нет, нет, просто простудилась, – спохватилась я.

– Ты смотри, не ври, а то быстро выгоним, – пригрозила хозяйка.

К счастью, у нее пропала охота разговаривать. Хозяйка повернулась ко мне спиной, принялась греметь горшками. Возвращению Громилы я обрадовалась, больше, чем тогда в сарае.

– Мы сговорились к общему удовольствию, – весело сообщил он.

Как хорошо, можно расслабиться и забыть обо всем на целую неделю. Кажется, только сейчас я за последние дни перестала бояться, пригелась, сильно захотелось спать...

...Резко стукнула входная дверь, я с трудом подняла тяжелые веки. Сон разом, как рукой сняло. Прямо перед собой я увидела жирного палача! Конечно, без топора, без красного колпака и кожаного фартука, но это точно был он!

Я вскочила на ноги, готовая бежать. Но куда?! Я быстро оглянулась, Ганса я не увидела, а хозяев внезапное появление палача не испугало. Старики счастливо ему улыбались:

– Вот и сынок, наш из города приехал, родителей наве-

стить.

Толстый сынок уставился на меня, свел на переносице косматые брови. Лицо его отразило усиленную работу мысли. Только теперь я заметила, что нос у палача разбит и посинел как клюква, ярко напоминая памятное падение. Палач нас узнал.

–Вы! – заревел он. – Вы должны сгореть! Я доведу дело до конца!

Я застыла от ужаса. В это мгновение, Ганс бросился на палача, ударил кулаком в нос, оттолкнул. Толстяк повалился на пол, перевернув лавку. Ганс дернул меня за руку:

–Бежим, быстрее!

Он потащил меня к двери, мимо громко чертыхавшегося палача; распахнул ее. Мы выбежали на крыльцо, я очень старалась поспевать за моим спасителем, но запуталась в длинной неудобной юбке и едва не растянулась, наступив на свой подол.

–Ты еще и бегать не умеешь?! Ну, за что мне такое счастье?! – воскликнул Ганс, и привычным жестом, опять взвалив меня на плечо, бросился наутек.

Мне даже не хотелось возмущаться. Такой способ передвижение, был действительно гораздо быстрее. Мы уже покидали двор, когда на крыльце показались толстый палач и его престарелые родители. Преследователи громко кричали, махали кулаками, угрожали всеми известными наказаниями.

Снова я болталась вниз головой и видела под собой до-

рожные камни. Кажется, родственники палача не решились нас преследовать на улице, за воротами своего дома. Но Ганс сбавил шаг, только, когда негостеприимная деревенька осталась далеко позади. Он опустил меня на землю, отдышался.

–Ну, теперь твоя очередь придумывать, что делать дальше, – строго сказал он.

–Не знаю... – жалобно призналась я, – может вернуться в мою деревню? У меня там остались родители и козочка.

–Молодец, – усмехнулся Ганс, – давай вернемся туда, откуда тебя послали на костер, может опять пошлют, погреемся.

–А что же тогда делать? – всхлипнула я.

–Только не реви, что-нибудь придумаем. Для начала, хорошо бы понять, где мы находимся.

Мы принялись крутить головами, осматривать окрестности. Но это мало помогло. Кругом на пологих холмах простирались голые поля, с которых уже давно убрали хлеб. Вдалеке поблескивала река, и темнел жидкий лесок.

–Ты здесь раньше бывала? – спросил Ганс.

–Нет, – честно призналась я, – это очень плохо, да?

–Не переживай, я так спросил, на всякий случай.

–Что теперь будет?! – в отчаянии воскликнула я.

–Хотел бы я это знать, – серьезно ответил мой спаситель, – пока, мне в голову приходит, только идти по этой дороге, куда глаза глядят.

Мы так и сделали. Одинокие, бездомные, сбежавшие от

инквизиторов, мы молчали, погрузившись каждый в свои невеселые мысли.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

«Что это было?! Сон или явь? Или я просто спятила? Нет, не могла же я сойти с ума вместе со Светой! Да еще Серега с его машиной. Такими толпами с ума не сходят. Но что-то происходит очень странное – я уже засыпаю и просыпаюсь «там». Мне бы, хоть выяснить где это – «там». Хорошо, уже то, что я успела придти домой. Неизвестно, как я выгляжу со стороны, когда переживаю все эти приключения. А так сижу себе на собственном диване.»

Что-то странное со мной, видимо, происходило. Иначе почему у кошки такие огромные глаза?! Сидит прямо напротив, смотрит на меня ошалело.

–Ты чего, – спрашиваю я, у своей лысой кисы.

Милое животное изображает на своей морщинистой мордочке такое возмущение, что я вдруг, понимаю:

–Так ты просто есть хочешь!

Вместо ответа, Пальма галопом несется на кухню. И громко, призывно мяукает оттуда. Я неохотно поднимаюсь с дивана и покорно плетусь за ней, только открыв холодильник, вспоминаю:

–Прости меня киса! Твои консервы для самых маленьких,

еще вчера закончились. А сегодня ничего не купила, совсем, совсем забыла. Придется тебе начинать питаться, как взрослой.

Пальма, само собой, не возражает.

– Вот и прекрасно, вспоминай, что кошки тоже хищники.

С этими словами, я лезу в морозилку, и извлекаю оттуда последний оставшийся кусок мяса. Им оказываются намертво смерзшиеся свиные ребрышки. Вооружившись ножом, я тщетно стараюсь отрезать кусочек мяса для кисы. Мои титанические усилия долго остаются бесплодными. Как только мне удастся настрогать мясо, кошка набрасывается на него как голодная собака...

...Из-за холма, с громким лаем, нам на встречу вылетели четыре громадные, косматые, грязно-коричневые собаки. Они остервенело рвали и отбирали друг у друга кровавый кусок мяса. Испугавшись, я спряталась за широкую спину Ганса. К счастью, разъяренным псам не было до нас дела. Мы остановились, и с ужасом смотрели на их грызню.

– Охотничья свора, – шепнул Ганс, – сейчас появятся хозяева.

Охотники не заставили себя долго ждать. Прямо на нас из-за холма вылетел разгоряченный всадник, на темно-сером коне. Следом за ним бежали запыхавшиеся слуги, они бросились разнимать псов. А всадник направил коня к нам, в вид у него был не более дружелюбный, чем у его своры. Мо-

лодой еще мужчина одетый в синей пурпуэн*. Смерил нас презрительным взглядом. Он подслеповато щурил маленькие серые глазки, почесал заросшую щетиной щеку, и спросил раздраженно:

–Кто такие? Какого черта, вы делаете на моей земле?

–Идем мимо, – не растерялся Ганс.

–Проезд по этим землям стоит денег, – бросил через губу охотник.

Едва увидев его я сразу догадалась, что мы наткнулись на того самого барона, о котором говорила старуха. Знание его привычек наполнило мое сердце еще большим страхом. Мне так хотелось исчезнуть, стать совсем незаметной. Но приверженец старинных правил ткнул на меня пальцем.

–Она тебе кто? – грубо спросил у моего спутника.

–Сестра.

–Не ври, какая она тебе сестра?! Вы похожи как конь на ежика, – расхохотался барон. – А раз вы не родня, значит муж с женой, или любовники. Откуда сбежали сознавайтесь?

Даже остроумный Ганс не нашелся, что ответить. А барон продолжал свои рассуждения:

–Что ж она у тебя такая худая и страшная?! И что ты в ней нашел? А, понял, по всей видимости, она умеет в постели что-то такое, до чего наши пышнотелые девицы еще не додумались. Поделись, я тоже хочу!

Барон двинул на нас коня, заехав как-то сбоку, наклонился и схватил меня за волосы. Я пронзительно закричала. Ганс

ринулся на обидчика, перехватил его руку. И как только барон от боли разжал пальцы, освободив мою косу, громила изо всех сил толкнул серого коня. Тот повалился на землю, вместе с всадником, придавив своего похотливого хозяина. Мы бросились бежать. Старательно подобрав длинную юбку, я торопилась изо всех сил, даже обогнала Ганса. Или он специально отстал, для того, чтобы защитить меня от погони. Но его решимость пропала даром. Слуги не особенно торопились, и через некоторое время барон отозвал их назад, чтоб они избавили его от, неуклюже барахтавшегося коня и собак, на удивление, не побежавших за нами, а принявшихся облаивать своего хозяина.

Но мы боялись остановиться и перевести дух. Впереди маячили какие-то деревья. Только добравшись до них, я остановилась, и сразу повалилась от усталости. Ганс сел на землю, рядом со мной.

—Они отстали? — спросила я, едва отдышавшись.

—Уже давно, оказывается, заморыши так быстро бегают.

—Тебе смешно, а я так испугалась!

—Чего же? Барона или собак?

—Даже не знаю, кого больше. Ты так решительно бросился меня защищать... Почему ты меня спасаешь?

Ганс глубоко задумался, долго не отвечал, потом произнес, с трудом подбирая слова:

—Хотел бы я сам знать. Ты... такая беззащитная... худая, глупая... Что бы с тобой стало, ели бы я тебя тогда не утащил

с собой?!

–Представить страшно, – вздрогнула я.

–Да-а, лучше не представляй. Но, кажется, теперь, у нас положение не лучше. Ничего, я что-нибудь придумаю.

–Ты такой добрый.

–Нет, – рассмеялся Ганс, – я тупой и сильный. Вот и затащил нас неизвестно куда!

–Ничего, ты что-нибудь придумаешь! – грустно улыбнулась я.

–Придумаю, – кивнул Ганс, – только, интересно, что я придумаю.

Он думал, но, кажется, так и не находил выход из сложившейся ситуации. Я старалась не мешать, сидела рядышком тихо-тихо, а мой спаситель, хмурился, подбирал застывшие комочки земли и швырял их в кусты.

–Хватит отдыхать, вставай! – скомандовал он, – надо уйти дальше в лес. Слишком рано мы остановились.

–Идти, снова, – простонала я, – я так устала и проголодалась.

–Опять?! – рассмеялся гигант, – мы же ели совсем недавно. Да ты избалованная.

Наверное, он был прав, мне было очень трудно поспевать за ним по лесному бездорожью. Я чувствовала себя такой несчастной и беспомощной. Вокруг все плотнее сдвигались деревья, уже потерявшие все листья. Пожухшие и потемневшие, они тревожно шуршали под ногами. Только, ел-

ки встречали зиму в том же наряде, что и лето. Но в осеннем лесу, они казались мрачными, почти черными. Унылое серое небо, угрожало расплакаться холодным дождем. В воздухе пахло сыростью. Чтобы отвлечься от нарастающей тревоги, я принялась болтать:

–Сидели бы сейчас в тепле, в деревне.

–Откуда ж мы знали, что сынку приспичит навестить родителей?

–Жаль только, что коня продали за полцены.

–Ну... – хитро улыбнулся Ганс, – пусть, родственнички палача думают, что за пол цены. Они ничего не смыслят в верховых лошадях, а я прекрасно разбираюсь. Этот конек уже не молодой, потянутое колено у него плохо залечено, да и масть не модная. Столичные вельможи сейчас предпочитают вороных жеребцов или, в крайнем, случае темно-серых. Так что на ярмарке они врятли выручат намного больше, чем заплатили мне.

–Ты что, конокрад? – испугалась я.

–Вот еще! – оскорбился громила, – мой отец оружейник, лучший мастер конского доспеха в округе. Он должен все знать про верховых скакунов. Я с детства крутился у него в кузнице, старался запомнить каждую мелочь. Знаешь...

Я так и не узнала, что хотел мне рассказать Ганс. У нас за спиной неожиданно раздался громкий лай.

–Барон, все-таки пустил по нашему следу собак, – успел сказать мне Ганс. Он вооружился, подняв с земли толстую

длинную ветку и сломав ее об колено, – теперь нельзя бояться и бежать! Собаки всегда окружают и нападают сзади. Прижмись спиной ко мне, пусть у нас везде будет перед.

Я сделала, как он сказал. Но когда увидела со всех сторон оскаленные клыки громадных псов, чуть не умерла от ужаса. Собаки рычали, прыгали вперед, но пока не нападали. Вдруг, одна из них бросилась на Ганса, он с размаху ударил ее палкой.

– Вот тебе!

Я услышала, как она упала и завизжала. От страха я закрыла глаза. Псы почуяли мой ужас, один как-то с боку и прыгнул на нас, у самого моего плеча лязгнули челюсти. Меня обдало противным запахом псины. Ганс успел отбить и это нападение. Собака замертво упала на землю. Остальные зверюги стали пятиться и мгновение спустя, поджав хвосты, бросились наутек. Громила швырнул палку им вслед, снова раздался визг.

Мы не успели порадоваться первой победе, как появилась новая угроза. Барон прислал за нами слуг. Их было человек десять, вооруженных палками, кольями, ножами. Один даже трясся на толстом старом мерине. На Ганса набросились сразу трое. Двоих он отшвырнул, но их сменили четверо других. Завязалось жуткое побоище. Меня схватили, потащили куда-то, я громко, пронзительно закричала, пыталась брыкаться, вырваться, но все было бесполезно. Мужик, приехавший верхом, грубо сгреб меня и плюхнул поперек седла.

Опять я висела вниз головой, вдыхала вонь старого мерина, меня стегали ветки кустов, а душа разрывалась от отчаяния. Чувство было более острым, чем когда меня везли на костер. Там, в телеге замершая и выплакавшая все слезы, я словно одеревенела. Теперь, когда Ганс разбудил во мне надежды, переживания нахлынули с новой силой... Вскоре внизу жухлые листья сменились на промерзшее поле, а потом на утопанную поверхность дороги. Мы выбрались из леса и уезжали все дальше. Слуга барона крикнул довольно:

–Вот, ты и попалась, милочка. Хозяин будет доволен. Эх, чего только хозяин он в тебе нашел?! Даже пощупать нечего.

Он грубо шлепнул меня по торчавшей кверху попе.

–Тоща, как бревно! А твоему приятелю достанется! Ребята его на славу отделают, ели не прибьют совсем! Он трех лучших хозяйских волкодавов покалечил. Барон такого никому не спустит.

Я устала от неудобной позы, еще больше от его хамства, и не зная, что предпринять, попыталась сделать, хоть что-нибудь. Извернувшись, я схватилась рукой за ремешок уздечки, низко опустившего голову мерина, и, собрав все силы, резко дернула к себе. От неожиданной боли, животное свернуло голову влево, попятилась правым боком. Я отпустила уздечку, дернул головой и взбрыкнул задними ногами. Так сильно, что неуклюжий всадник вылетел из седла, перевалялся через шею коня и плюхнулся на дорогу. Я соскользнула вниз, и чудом удержавшись на ногах, подхватив юбку, по-

бежала назад. А мерин, заржав, припустил в другую сторону. Сброшенный им всадник, громко ругаясь поднялся с земли.

– Вот, чертово отродье! Куда?! Куда, вас черти, понесло!

Он постоял решая, кого из нас догонять первым. И смачно плюнул мне в след, двинулся за конем.

– Ах, ты старая колода! Ты ж ели ноги волок, кой черт в тебя вселился?! Скотина проклятая! – еще долго слышала я его скрипучий голос.

Я торопилась, как могла, бежала к Гансу. Так отчаянно хотелось прижаться к нему и снова почувствовать себя в безопасности. Конечно, он грубый громила, но оставаться одной, было так невыносимо. Я бежала обратно в лес, туда, где последний раз не была один на один со своим ужасом. Я готова была простить громиле его шуточки и обидные прозвища. Я очень спешила сказать ему об этом, но у холма, возле которых мы первый раз увидели собак, я снова наткнулась на баронских людей.

– Ух, ты! Цыпа сама бежит нам на встречу! – весело крикнул кто-то из них, – Иди! иди сюда, скорей!

Я метнулась по полю, в сторону от дороги. Но как я не торопилась, я уже задыхалась, совсем выбилась из сил, и вскоре, слуги барона догнали меня, скрутили толстой веревкой, и потащили на привязи, словно упрямую козу. С связанными руками я не могла подобрать свою слишком длинную юбку, путалась в ней, чтобы не упасть, шла мелкими шажочками. А люди барона потешались надо мной:

–Попалась, курица дранная! Упустил тебя старый фриц, разучился он с девицами ладить. От нас не сбежишь! Даже не думай, не то мы и тебе накостыляем, как твоему приятелю.

Они грубо хохотали. Я их украдкой рассматривала. Хороши были победители: один сильно хромал, так что даже не участвовал в погони за мной, а ждал всех на дороге, оперевшись на палку; у другого была сломана челюсть, и он мог только мычать; у двоих были выбиты передние зубы, и почти у всех лица заплывали лиловой синевой. Однако, мой вид, казался еще забавнее.

–Вот чучело! – показывал пальцем один.

–Чего с тобой возятся?! – возмущался другой.

–Видно, на безрыбье и рак – рыба. – констатировал третий.

–Я знаю, зачем ты понадобилась барону. Все очень просто. Год был неурожайный, свадеб никто не играл, заскучал наш хозяин. Теперь, хоть с этой метелкой развлечется!

Я старалась не слушать, шагала глядя себе под ноги. И все равно, умудрилась наступить на край юбки, упала на колени и больно ушиблась. Мои мучители загоготали. Я готова была расплакаться:

–Отпустите меня!

–Чего ты там скулишь?

–Отпустите...

–На кой черт это нам?! Раз барон приказал, мы все исполним в точности: мужика прибили, бабу поймали. Глядишь,

награду получим.

Сумев подхватить свою длинную юбку, я поднялась на ноги, но сил идти, у меня больше не было. Меня душили слезы. Я даже не могла вытереть их со щек, и не слушала пошлых шуточек обо мне. Остаток долгого пути, я вспоминала свои приключения последних дней и плакала.

— Вот, наконец, и замок! — громко воскликнул один из баронских слуг.

Я подняла голову. Впереди, на холме, возвышалось небольшое мрачное строение, похожее больше на квадратную крепостную башню, чем на богатое жилище феодала. Сложенный из крупных темных камней, замок был лишен каких-либо украшений. Ни маленьких башенок, ни затейливых выступов. Маленькие, узкие окна больше были похожи на бойницы. Мне, совсем не хотелось идти к нему. Однако, выбора у меня не было. И уже очень скоро, пройдя по узкому каменному мосту без перил, над заросшем рвом и миновав мощные ворота, я оказалась, на вымощенном большими плитами, дворе замка. Там было так темно и мрачно, словно я попала на дно колодца.

Меня долго тащили по узкой винтовой лестнице, еще более темной и холодной, чем двор. Потом вели по низкому коридору, пока не заперли в каком-то странном помещении. Хорошо, хотя бы, что мне развязали руки. Мерзко шелкнул замок, запирая толстую дубовую дверь. С моей стороны, на ней даже не было ручки. Я вдохнула затхлый, тяжелый воз-

дух и оглушительно чихнула. Вытерев нос рукавом, и осмотревшись, я обнаружила, что нахожусь в длинной узкой камере с низким потолком. От двери до окна-бойницы было шагов пятнадцать. А в ширину всего пять. У стены стоял старый рассохшийся сундук с плоской крышкой, стянутый железными полосами. На нем и на полу рядом громоздились десятки кувшинов с отбитыми ручками и расколотых горшков. В углу даже валялась сломанная метла и еще какой-то хлам. На всем лежал толстенный многолетний слой пыли.

Я завернулась в свой плащ, сжалась в комочек и разрыдалась. Я плакала долго и безутешно. Через узкое окно, света в мою темницу и без того проникало очень мало, но серые сумерки стали сгущаться еще больше. Близился вечер. Обо мне никто не вспоминал. Я встала, подошла к единственному отверстию в мрачных стенах. Окошко было расположено высоко, я могла выглянув в него, только подпрыгнув. Прыгая возле него, как заяц, я успела заметить во дворе кучку слуг, весело о чем-то болтавших и смеявшихся. Их смех жутко меня разозлил.

–Веселитесь, сволочи! Совсем забыли обо мне! Я есть хочу! Я пить хочу! А-а-а! Гады!

В бешенстве, я схватила один из кувшинов и запустила им в дверь. Глухо стукнув по ней, сосуд свалился на пол и разбился вдребезги. вдребезги. Второй горшок попал в каменную притолоку и осколки разлетелись во все стороны. Третий горшок, четвертый, ... я переколотила все мелкие посу-

дины, засыпала весь пол черепками и подняла такую пыль, что дышать стало невозможно. Я чихнула подряд раз шесть. И поскольку, из-за двери так и не раздалось ни звука, неожиданно для себя решила прибраться в своем вынужденном жилище.

Вооружившись сломанной метелкой, я смела в кучу черепки, пыль, какую-то шелуху; и задумалась, что делать дальше с этим богатством. Пришедшее само собой решение меня даже развеселило. Я перевернула возле окна самый большой горшок, встала на него и стала выбрасывать мусор в окно.

Мне так хотелось попасть черепком, хоть кому-нибудь по голове. Но, как на зло, теперь двор был абсолютно пуст. Перекидав, таким образом весь мусор, я почувствовала сильную усталость. Да и заняться больше было абсолютно нечем. Я забралась на сундук и попробовала заснуть. Вот, когда я порадовалась, что оконце такое маленькое. Наступающая ночь, принесла с собой холодный пронизывающий ветер. Я плотнее закуталась в свой плащ и стала ждать, что же будет дальше...

*Пурпуэн – средневековая одежда, стеганая на вате и надеваемая под воинские доспехи. К концу первой трети XIV века становится – при изменении покроя – одним из видов светской верхней одежды.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ НА ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.

-Вот, тебе на!

Сажу на табурете, в собственной кухне. Судя, по тому, что Пальма только начала жевать мясо, совсем недолго сижу. А мне-то кажется, что уже прошел целый длинный день. Опять, мне мерещатся приключения, в совсем другом времени. А может быть, и не мерещатся, а вспоминаются... Хотела бы я понять, что это такое! Барона рассмотреть толком я не успела, но его сальные глазки кого-то мне напоминают.

Кошка моя, устала есть, и блаженно уснула, обняв лапами недоеденный кусок мяса. Честно говоря, она выглядит так, словно ее кто-то уже пожевал. Хорошо кошке! Поест, поспать, больше ей ничего и не надо. А вот я, уже кажется, привыкла к бурной, непредсказуемой жизни. Сажу и грущу от того, что на предстоящие выходные не намечается ничего интересного.

—«Замечательно я учусь, пропускала, пропускала, честно отсидела в институте один день и опять выходные! Благодарь! По-хорошему, надо бы переписать кучу пропущенных лекций, но... ».

Титаническим усилием я заставляю себя сесть за стол, открыть тетрадь, взять ручку... Даже удивительно, уже несколько часов, я честно занимаюсь скучнейшим делом, а со мной все еще ничего не случилось. Так не бывает! Во всяком случае, в последнее время.

–Ну, вот, наконец-то!

Веселый звонок в дверь отрывает меня от скучного занятия. В припрыжку бегу открывать.

–Саша! Я так рада!

Он тоже улыбается, протягивает мне веточку кустовых Хризантем. Честно говоря, я недолюбливаю эти садовые ромашки, но сейчас, они повергают меня в полный восторг.

–Боже мой, какая прелесть! – искренне восклицаю я.

–Я боялся, что тебе не понравится. Но все розы, словно сговорившись, исчезли из этого города.

–Самое главное, что тебе не пришло в голову притащить мне гвоздики, – весело замечаю я, ставя цветы в вазу на столе, – терпеть не могу эти цветы революции. И кто вообще придумал, что красные гвоздики это красиво?!

–Робеспьер – просто ответил Александр. – красные гвоздики, были его любимым цветком, поэтому и стали символом революции.

–Откуда ты все знаешь?!

–Интересно.

–Ладно, про Робеспьера побеседовали, – подытоживаю я. – Впереди выходные, у тебя есть какие-нибудь мысли?

–Есть кое-что, но... – смущается Саша, – я не знаю, как ты к этому отнесешься.

–Давай проверим, – весело предлагаю я.

–Я хотел, – начинает он, помолчав, – я хотел познакомить тебя со своим отцом.

–Так сразу?!

–Если ты против, мы можем придумать что-нибудь другое, – спохватывается мой собеседник.

–Нет, я конечно, не против... Только это как-то неожиданно! Не представляю, о чем я буду говорить с твоим отцом.

–Например, о спорте.

–Если бы я хоть что-то понимала в спорте, – сокрушаюсь я.

–Это абсолютно неважно, – успокаивает меня Саша. – отец обожает обучать начинающих спортсменов.

–Решено, – оптимистично соглашаюсь я, – едем знакомиться! А куда едем? Что мне лучше надеть?

Я успеваю, добежать до шкафа, открываю обе дверцы и застываю от изумления, услышав:

–Лыжный костюм. Отец, сейчас катается на горных лыжах.

–Где?! Как?! – пораженно восклицаю я, – сейчас же осень, снега еще нет и в помине!

–В горах есть. Там он есть всегда, – спокойно отвечает Александр.

–В таком случае, сборы займут некоторое время.

–Что ж, я заеду за тобой через час, мне ведь тоже нужно переодеться.

Мы расстаемся. Я лихорадочно начинаю придумывать, как не ударить в грязь лицом. Вот, когда я горько жалею, о своей крайней не любви к спорту! Во всем моем много-

численном гардеробе не находится ничего подходящего случаю. Приходится навестить Свету. Благо поход в соседний подъезд не требует много времени. Глупо улыбаясь, объясняю ей свою затруднительную ситуацию и решаюсь выпросить, у предусмотрительной подруги, ее великолепный, белый лыжный костюм. Света сама не знает, для чего приобрела эту дорогую вещь, ведь кататься на горных лыжах, по ее словам, она не стала бы и под страхом смерти. Так и пылился бы белоснежный шедевр в шкафу, если бы не странное Сашино предложение. Подруга даже забывает, что обижалась на меня, крайне заинтригованная происходящем.

Хотела бы я сама знать, что будет дальше, а дальше становится все удивительнее.

Я едва успеваю вернуться к своему подъезду, почувствовать себя белой вороной в пушистой вязанной шапочке и лыжном костюме на голом асфальте. И задаться вопросом, кто из нас двоих окажется пунктуальнее, как прямо возле меня тормозит здоровенный, навороченный джип. Я шарахаюсь в сторону, после многочисленных рассказов подруг, опасаясь нелицеприятных встреч с владельцами подобных автомобилей. Мое лицо вытягивается от удивления, когда задняя дверца монстра открывается и с высокой подножки спрыгивает Александр.

—Отлично выглядишь, — улыбается он мне, — а говорила, что тебе нечего надеть.

—«Я приличная девушка, должна поломаться,» — цитирую

я, давно понравившуюся фразу из кинофильма.

Уже через несколько минут мы стремительно летим невесть куда, на огромном черном внедорожнике. Я с великим интересом осматриваюсь, впервые попав внутрь такого монстра. Странное чувство, оттого, что сижу так высоко. Остальные машины проносятся значительно ниже. Поражаюсь широким салоном, даже не знаю, о чем теперь говорить с сидящим рядом Сашей. Так непривычно и чуть-чуть страшно. Баснословно дорогая машина, личный водитель. Я словно попала в другой мир. Не знаю, как себя вести, а еще боюсь проснуться.

За последнее время, я уже успела привыкнуть к быстрой смене событий, но добрая половина из них, происходит во сне, или еще где-то. Я учусь не удивляться.

– Долго еще ехать? – жизнерадостно спрашиваю я, у своего спутника.

– Уже приехали, – неожиданно отвечает он.

Все мои старания сохранять непроницаемый вид идут прахом, когда Саша выходит из машины, подает мне руку и ... Я вижу перед собой большущее, абсолютно пустое поле.

– Что это?! – невольно спрашиваю я.

– Вертолетная площадка.

– Ты собираешься лететь на вертолете?!

– Конечно, только так можно попасть на большую высоту, – спокойно рассуждает Саша.

– Я не полечу! – категорично заявляю я.

Мой собеседник выглядит удивленным.

–Ты что, боишься? – не верит он. – Летать на вертолете совсем не страшно.

«Хорошо ему рассуждать, небось каждую неделю летает кататься. Вон как ярко-синий лыжный комбинезон отлично на нем сидит. Явно не с чужого плеча. Саша-то отлично знает, куда и к кому мы направляемся. А я...»

–Ты, хоть бы что-нибудь рассказал о своем отце! – требую я, от Александра.

–Прости. Я должен был с этого начать. Уверен, вы друг другу понравитесь. Он у меня такой молодой и энергичный, что даже мне порой трудно за ним угнаться.

–А откуда... откуда у вас...? – мнусь я, киваю на дорогую машину.

–Ах, это– смеется Саша, – ты не поверишь, на самом деле, мой отец профессор-астрофизик. Но лет десять назад ему страшно надоело быть умным и бедным, мало помалу, наше голодное существование сменилось нынешнем благополучием.

–«Он называет это просто благополучием!» – возмущенно подумала я.

Позавидовала и сразу устыдилась. Ведь с самого детства меня учили, что зависть – отвратительное чувство.

Мои самокритичные рассуждения прерывает шум подлетающего вертолета. Одно дело видеть чудо техники по телевизору, и совсем другоеглохнуть от шума и бороться с по-

рывами ветра от винтов. Несмотря на все, что я помню из физики, о том, как летают тяжеленные машины, реальность производит на меня колоссальное впечатление. Не знаю, закрыла ли я, разинутый от восторга рот, или так и стою со страшно умным видом.

Подхожу к крылатой машине, забираюсь внутрь, в полубормочном состоянии. Плохо понимаю, что происходит. Усаживаюсь на неудобную жесткую скамеечку вдоль правого борта, рядом с веселыми, шумными ребятами. Они-то, похоже, чувствуют себя, как рыбы в воде. А я не жива, не мертва, выглядываю в круглый иллюминатор. Если бы Саша не сел рядом, и не взял меня за руку, я бы очень громко закричала, увидев, как земля качается и стремительно уносится вниз.

Через некоторое время, я уже могу выразить свой восторг словами:

– Ух, ты! Вот это да! – перекрикиваю я гул винтов.

– Ты первый раз летишь? – удивляется Саша, так же громко.

– На вертолете – первый. Я, конечно, летала в Москву, но большой пассажирский самолет – это совсем другое. Там, что летишь, что стоишь. А здесь земля совсем близко, видно, как быстро мы двигаемся, даже тень вертолета видна.

Внизу голые березовые рощи сменяются вечно темно-зеленой тайгой. Мелькают зелено-серые лужицы озер. Река змеей ползет в сторону. К моему не малому удивлению, я вижу островки снега, и вскоре все пространство между дере-

вьями становится белым.

–В этом году снега еще мало! – кричит мне в ухо Александр, – приходится забираться очень высоко.

Я киваю, делаю вид, что разбираюсь в лыжных трассах, а в душе искренне надеюсь, что даже очень высоко кататься не возможно, и мне не придется вставать на лыжи и признаваться, в своем полном неумении этого делать.

–Вы всегда так развлекаетесь? – спрашиваю я, у Саши.

–Нет, конечно, – кричит он в ответ, – мы сейчас летим на ежегодный слет экстрималов.

–Но я не экстримал! Я боюсь! – вырывается у меня отчаянный протест, – только не я!

Саша старается успокоить, что-то говорит, объясняет. Из-за шума, я не могу разобрать ни слова, но и без слов верю ему и к собственному, немалому, удивлению постепенно перестаю беспокоиться. Снова смотрю в иллюминатор, тайга становится все реже, на горные кручи, взбираются редкие кривые елки. Я совсем расслабляюсь, люблю пейзажем, пока Александр опять не повергает меня в ужас вопросом:

–Ты с парашютом прыгала?

–Нет, нет! – шепчу я и энергично машу головой из стороны в сторону.

А спутник вовсе не замечает моего ужаса. Сообщает весело:

–На этом склоне некуда посадить вертолет, придется прыгать.

–Ни за что! – категорично заявляю я.

–Не трусь, это совсем не страшно. Я прыгал уже много раз, и тебя бросать не собираюсь. Прыгнем вдвоем – тандемом.

–Ну, если только вдвоем, – уступаю я.

Чтобы меньше бояться, я говорю себе, что мне делать ничего не придется, решаю зажмуриться и не открывать глаз, до самой земли. Словно подслушав мои мысли, Александр предупреждает:

–Не вздумай прыгать вслепую, пропустишь самое интересное, даже вспомнить будет нечего.

Когда все надевают парашюты, и Саша галантно пристегивает меня к себе, мне приходит в голову спросить:

–А как же лыжи?

–Ты предпочитаешь лететь с неба в полной экипировке? – удивляется Саша.

–Я предпочла бы сидеть дома, – бурчу я, себе под нос.

О, как горько я жалею, о том, что сегодня вышла из дома, когда стремительно лечу, бог знает, с какой высоты! Ветер свистит в ушах, хлещет по щекам.

–Мама!

Резкий рывок и я повисаю на парашютных лямках. Лечу! Лечу! Саша ругается за моей спиной. Судя по всему, летим мы куда-то не туда.

Несмотря на снег и все Сашины старания, посадка вовсе не кажется мне мягкой. Мы кубарем валимся на землю, пу-таемся в постромках. Купал парашюта накрывает нас сверху.

В голливудском фильме, главные герои принялись бы целоваться. А мне хочется только ругаться самыми плохими словами.

–Какого черта?! Зачем?! Куда, ты меня притащил?!

Александр выбирается из-под шелкового полога, крутит головой, признается хмуро:

–Понятия не имею.

–Что?! Где мы?

–Не знаю! Нас сильно снесло ветром в сторону. Потом сориентируемся, сейчас главное, скажи у тебя все в порядке?

–Кажется, все цело, – хмуро констатирую я, мысленно ощупав все тело.

–Обязательно сразу сознайся, если что-то заболит.

Я на четвереньках выползаю из-под парашюта, встаю на ноги, и вновь обретаю решительность.

–Так, и что теперь делать?! Куда идти?!

–Туда, – указывает Саша налево не слишком уверенно.

И не мудрено, пейзаж вокруг удивительно однообразный: девственно белое покрывало снега, горный склон и огромное синее небо над головой. Единственно ярким пятном, выделяется наш оранжевый парашют.

–А кто должен забрать его? – опять пристаю с расспросами я.

–Не знаю, – пожимает плечами Александр.

–Приятно слышать, что ты хоть чего-то не знаешь, – бурчу я. – Только лучше бы, уж ты знал, что нам делать дальше.

–Насколько я понимаю, мы должны быть совсем не далеко от остальных. Давай оставим здесь парашют как ориентир, и пойдём искать людей.

–Ну, пошли.

Сказать было гораздо легче, чем сделать. Снежный покров не достаточный для беззаботного скольжения на лыжах, без них, оказался довольно глубоким. Снег доходил мне до колен, к тому же, приземляясь, я сильно ушибла ногу. Очень хочется громко ругаться и жаловаться, но я не могу при Александре позволить себе такой роскоши. Я героически пробираюсь следом за ним и пытаюсь беззаботно чиркать:

–Так твой отец настолько богат, что может позволить себе вертолет?

–Если бы. Он не олигарх, но у него очень много друзей. Порой, мне кажется, что он знаком со всем белым светом.

–При чем здесь друзья?

–Именно они раздобыли вертолет и придумали кататься в этих горах.

–Так вот, кто виноват в моих мученьях, – вздыхаю я, и спрашиваю измученно, – когда мы, наконец, куда-нибудь дойдем?

Саша молчит, сопит виновато. Спрашивает, для того, чтобы отвлечь:

–Как там поживает мой подарок? Сегодня у тебя, я кошку так и не углядел.

–Еще бы, Пальма ни на шаг не отходит от холодильника, целыми днями сторожит еду.

–У нее хороший аппетит?

–Замечательный! Лысая кроха, готова съесть слона. Видел бы ты, ее абсолютно круглый живот.

–Значит, ей хорошо.

–Хоть кому-то сейчас хорошо, – уныло бурчу я, – я тоже хочу есть и пить. И вообще, домой хочу!

Теперь я уже не могу остановиться – жалуясь, жалуясь, жалуясь... мне самой себя жалко до слез. Бедная девочка, потерявшаяся в заснеженных горах! Александр вежливо делает вид, что не слышит моих причитаний, хмуро шагает впереди. Как только он останавливается, я сразу плюхаюсь на снег.

–Все! Я дальше не пойду!

–А дальше и некуда, – сообщает мой спутник.

–Как это?!

–Впереди обрыв, кажется, мы пошли не в ту сторону.

–Не может быть! – кричу я, вскакиваю, подлетаю к Александру и застываю.

Впереди сразу у моих ног ровная заснеженная поверхность резко обрывается, голая скала вертикально уходит вниз на огромные пространства. С уступа открывается завораживающе прекрасный вид на многие километры. Внизу раскинулись в своей мощной красе горные вершины, хребты, перевалы. Я вдруг понимаю, зачем люди идут в горы. Та-

кого острого чувства свободы и счастья, мне не доводилось испытывать еще никогда. От студеного высокогорного ветра кружится голова.

– Нам придется идти назад, – возвращает меня к действительности голос Александра, – остальные, видимо, нас ждут с другой стороны уступа.

– О нет, я больше не могу.

Со стоном, я опять усаживаюсь на снег.

– Я устала. Измучилась, у меня болит нога, и замерзли руки. Эти дурацкие перчатки совсем не греют.

– Что ж ты сразу не сказала?!

Саша садится рядом, стягивает с меня перчатки, снимает свои и нежно согревает мои окоченевшие пальчики, своими горячими ладонями и дыханием. Потом отдает свои большие теплые перчатки, спрашивает строго:

– Нога сильно болит?

– Сильно, – жалобно обманываю я.

– Тогда держи.

Он торжественно вручает мне мои белые стильные, но никчемные перчатки и легко подхватив меня на руки, отправляется в обратный путь. «где-то совсем недавно, это уже было. Толька поза была неудобной и снега совсем не было.» Саша шагает точно по своим следам, но теперь проваливается в снег гораздо глубже.

– Я очень тяжелая? – спрашиваю я.

– Напрасно, ты считаешь себя, тяжелым случаем, – смеет-

ся Саша, – на самом деле ты только скользкий тип.

–Это еще почему?!

–Твой комбинезон так и выскальзывает из рук. А так, я согласен нести тебя на край света.

Я хочу чмокнуть его в щеку, но Саша подставляет губы. Королевский поцелуй такая прелесть!

–Эй, вот они! – раздается веселый крик так не вовремя.

–Мы их ищем, волнуемся...

–А они отбежали подальше и давай целоваться!

Возле нашего брошенного парашюта стоят и хохочут над нами трое мужчин, в ярких лыжных костюмах. Нас нашли!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

БЕЛЫЙ СНЕГ.

«Почему в жизни все так прозаично? Так не вовремя?» я горько жалею, о том, что наше уединение резко заканчивается, а я только начинаю любить экстремальный туризм. Я на полном серьезе жалею, что нас нашли и беспокоиться больше не о чем. Саша несет меня к людям и усаживает на кучу сложенных парашютов. Я пользуюсь случаем, чтобы осмотреться там, где мы должны были приземлиться. Заснеженный склон горы спускается вниз ровным пологим покрывалом. Он прямо-таки манит скатиться по нему в долину. Эта сторона горы вся залита солнцем, выглядит торжественно и празднично. Голубое небо над головой, не по-осеннему ярко. Вокруг меня человек десять веселых энергичных людей,

болтают, улыбаются, смеются, мужчины, женщины. Я внимательно разглядываю их, пытаюсь определить, кто же из них Сашин отец. Все выглядят такими молодыми и беззаботными, что я теряюсь в догадках. Никто даже не похож на ожидаемый мною образ, солидного пожилого богача с изрядным животиком. Пока Александр не подходит ко мне с высоким сухощавым мужчиной, лет сорока пяти. Он внимательно меня изучает, абсолютно черными, как и у Саши, глазами, улыбается белозубо.

–Здравствуйте, Лиза.

–Добрый день, – улыбаюсь в ответ я.

–Папа, это Лиза. Лиза, это мой папа – Владимир Петрович, – официально представляет нас друг другу Александр.

–Значит, вы та самая девушка из невероятных снов. А ты говорил, она очень худенькая, – обращается он к сыну.

Саша молчит, и отец объясняет:

–Он мне все уши прожужжал, рассказами про вас. Мне, кажется, я вас давно уже знаю. Признайтесь, это вам он подарил своего облезлого заморыша?

Голос у него низкий, мягкий. Слово «заморыш» отозвалось в груди странным волнением. Я кивнула.

–Да.

–Нашел, что подарить девушке, худое, лопаухое чудовище!

–Пальма уже не худая.

–Так заморыша зовут Пальма?! – смеется Сашин отец, –

не понимаю я вашей любви к экзотике! По мне так, кот должен быть толстый, серый и пушистый.

–Точно, как наш Васька! – вступает в разговор Саша.

–А разве есть звери лучше?! – смеется его отец, – Александр обязательно должен показать вам Ваську!

–Представляю себе, как он будет торжественно нас знакомить, – веселюсь я.

–Шутки, шутками, – становится серьезным Владимир Петрович, – а мы все здесь не для того чтобы болтать, а чтоб кататься на лыжах. Лиза, вам нравятся горные лыжи?

–Не знаю, я еще не пробовала, – признаюсь я.

–Александр в своем амплуа, – хмурит брови его отец, – притащил вас сюда, не успев подумать. Я понимаю, опять хотел удивить экзотикой, а тут еще высокогорье, трасса сложная, не для начинающих.

–Я помогу, научу, – спешит пообещать Саша.

–Куда ты денешься, – серьезно замечает его отец, – это единственный способ спуститься отсюда.

–Боже мой, – горестно вздыхаю я.

Ко мне возвращается панический ужас. Жаль все таки, что это происходит наяву, а не во сне. Там все так легко, или...

–Лиза, какой у вас размер обуви? – неожиданно спрашивает Владимир Петрович.

–Тридцать седьмой.

–Вот и замечательно. Вам повезло, у нас есть как раз под-

ходящие ботинки. Галочка не приехала, хорошо, что у вас одинаковые размеры.

—А как же твоя нога? — напоминает мне Саша.

Приходится честно признаться, что боль уже давным-давно прошла. И я абсолютно готова к новым подвигам.

Впервые в жизни надеваю удивительные, огромные горнолыжные ботинки. Слава богу, что в них не пришлось прыгать с парашютом. На редкость неудобная обувь. Конечно, это оправданно с точки зрения — безопасного спуска, но для всего остального они кажутся мне комфортными как «испанский сапожок».

Лыжи пристегнуты, и вот настает момент истины. Больше я не вижу окружающие пейзажи, смотрю только вниз и вперед, перед глазами только снег и лыжи. Саша старательно и терпеливо, снова и снова объясняет и показывает мне, как следует двигаться на горнолыжной трассе.

—Смотри, ставишь ноги вот так, не скрещивая лыжи. Упадешь.

—Они сами скрещиваются!

—Держи, старайся. Ноги согни. Палки подними, держи параллельно земле. Так, сначала двигайся вправо, теперь резко поворачивай налево.

—Не могу!

Вместо красивого поворота, я совершаю странный маневр и плюхаюсь боком в снег. Лыжи отстегиваются, я сижу и чувствую себя довольно глупой. Александр помогает мне под-

няться, начинает инструктаж с самого начала. Я слушаю, смотрю с широко раскрытыми глазами, но ничего, ничего не могу повторить благополучно. Валяюсь в снегу, больше чем двигаюсь. Зато, я постигаю самое главное: учусь падать. Раз, два, три... Что ж, это тоже способ спуститься с горы. Жаль, но мой инструктор его не приемлет. Снова и снова, терпеливо ставит меня на ноги, поправляет лыжи, повторяет:

–У тебя получится!

Я очень сомневаюсь в его правоте, но покорно пробую снова и снова. К моему немалому удивлению, расстояние от падения до падения постепенно становится все больше. Я даже начинаю испытывать что-то похожее на удовольствие от скольжения.

–«Получается!» – успеваю подумать я.

И тут же лечу лицом в сугроб. Вспышкой молнией сверкает мысль, что лыжи сломаны и нос разбит. Саша сразу ставит меня на ноги.

–Что случилось? Ты цела? Что разбила? Где болит?

–Без понятия, – честно отвечаю я, – лыжи сломаны точно.

–Да бог с ними, с лыжами! У тебя кровь.

Ко мне медленно возвращается здравомыслие. Строго оцениваю свое состояние и прихожу к очень утешительным выводам:

–Ничего не болит. Или это шок, или я ничего не разбила, только прикусила губу.

По требованию Александра, минут пять я прижимаю к ли-

цу холодный комок снега, останавливаю кровь. Саша капается в сугробе, в изумлении извлекает оттуда пару моих невредимых лыж.

–Да ты талант! Так рухнуть безо всяких последствий, надо уметь, – удивленно замечает Александр, – двигаться можешь? Поедешь дальше?

–Обязательно!

Меня охватывает азарт. Я уже сама горячо жажду надеть лыжи и двигаться вниз. Все! Я попалась, я увлеклась горными лыжами. Наверняка, со стороны, я еще выгляжу крайне неуклюже, но стремительное скольжение по белому склону доставляет мне огромное удовольствие. Широко счастливо улыбаюсь, даже когда плюхаюсь в снег. Ура! Я поняла в чем прелесть горных лыж. Я даже не проверяю есть ли кто-то рядом со мной, не боюсь оказаться далеко от Саши.

Итак, я уверенно двигаюсь по довольно сложной трассе. Порой дух захватывает, но остановится уже неммыслимо. Однако, добравшись до ровной поверхности, почти лишенной снега, где ожидают нас остальные, я чувствую себя смертельно усталой. Ноги дрожат и подгибаются. Совсем без сил опускаюсь прямо на землю там, где остановилась. Мне жарко, хочется пить, а разговаривать совсем не хочется.

Саша, оказывается, спустился раньше меня, подходит покрасневшийся, запыхавшийся.

–Понравилось?! Еще хочешь?

Я в изнеможении отрицательно качаю головой.

– Не могу, не буду!

– Вот и правильно. Подъемник еще не построили, а топтать в гору удовольствие на любителя, – насмешливо говорит Саша. – Наверное, ты замерзла, пошли греться.

Я поднимаю голову, озираюсь по сторонам. Отовсюду к горнолыжной трассе подступают высокие мрачные ели, сосны кедры. Все хвойное величие дремучей тайги. Даже под ярком солнцем, лес поднимается черной стеной, вычтенный, могучей, непостижимой. Не видно ни дороги, ни просвета. Только многочисленные следы ведут от лыжни в сторону.

– Я что, спустилась самая последняя?

– Конечно, все уже давно нас ждут. Пошли скорей.

Отстегиваю лыжи, Саша несет их вместе со своими, а я все недоумеваю, как можно спокойно ходить по ровной поверхности в горнолыжных ботинках. Это же так неудобно!

– А где теперь моя обувь? – не выдерживаю я.

– Уже на месте. Иван Семеныч обо всем позаботился. Пока ты валялась в сугробах, он успел все спустить с горы: и парашюты, и обувь. На подобных мероприятиях он всегда отвечает за разные бытовые хитрости. Я обязательно тебя познакомлю с этим волшебником.

– Куда мы идем? – наивно спрашиваю я.

– Вон туда, – указывает Саша рукой вперед.

К своему немалому удивлению, среди мощных стволов я вижу маленькую, почерневшую от времени, бревенчатую из-

бушку, вросший в землю. Над его высокой железной трубой вьется легкий дымок.

— Неужели здесь кто-то живет?! — восклицаю я.

— Конечно, нет — это охотничий домик. Обычно он пустует, только время от времени сюда заглядывают геологи, охотники или туристы. По традиции, каждый оставляет здесь запас дров и еды. Говорят этот приют спас от голодной смерти уже не одного незадачливого заблудившиеся туриста. В домике даже рация есть, времен второй мировой. Теперь он и нас приютит.

— А мне уже стало казаться, что эти места совсем дикие.

— Еще какие, дикие! — смеется Александр.

Дверь в охотничий домик очень низкая.

— Береги голову, — предупреждает Саша.

Наклоняюсь, вхожу внутрь. Полумрак, сильный запах сырости, какой бывает только в старых заброшенных деревянных домах, зато тепло и уютно. Присматриваюсь: в углу железная буржуйка, рядом с ней куча сухих полешек, длинный стол, широкие лавки вдоль стен, полка. Тусклый свет пробивается через пыльные стекла, всего двух маленьких окошек. Дом полон людей. Здесь даже тесно. Все кого я видела на горе, набились в крохотное помещение, наполнили его смехом и радостью. Я тоже невольно начинаю улыбаться, пристраиваюсь у стола на колченогий табурет, разглядываю окружающих. Возле печи колдуют сразу трое, мешают друг другу хохочут. Там весело кипит закопченный помятый чайник, в

большом котелке варится еще что-то. Сашин отец командует:

–Так, Иван с Димычем отправляйтесь за водой к ручью. Одного чайника нам маловато. Кто-нибудь взял с собой заварку?

–Надеюсь, цейлонский чай всех устроит? – звонко спрашивает розовощекая блондинка.

Ей отвечают дружным одобрением. Полная кудрявая лыжница заглядывает в котелок и сообщает:

–Каша уже готова!

–Кто видел ложки?!

–У меня есть целых пять штук!

–У меня еще две.

–Но нас гораздо больше! Придется передавать котелок вместе с ложками.

Никогда в жизни не пробовала ничего вкуснее этой горячей гречки с тушенкой. То ли на свежем воздухе все вкуснее, то ли я страшно голодная, то ли дело в том, что у нас с Сашей одна ложка на двоих. Так или иначе, дежурное туристическое блюдо, оказывается божественным. Не я одна его оцениваю так высоко. В домике полным голодных людей, не слышны ни разговоры, ни смеха, только жадное чавканье и звон ложек.

–Хорошо, но мало! – решительно произносит смешной толстяк в черном лыжном костюме, как раз в тот момент, когда я доедаю последнюю ложечку «пищи богов».

– Можно сварить еще гречки, – говорит блондинка.

– Просто гречка не интересно! – замечает кто-то, – нужна тушенка.

– Федь, посмотри там, на полке больше не осталось?

Все взгляды устремляются к большой, грубо – сколоченной полки, висящей на стене. Там, один бог знает, с каких времен хранятся пыльные консервные банки, свечи, какие-то бутылки и старинный заржавевший будильник. Долговязый Федя старательно роется среди этих богатств и провозглашает радостно:

– Есть банка тушенки, и даже не одна.

– А если она испорчена? Мы же не знаем что внутри, – опасается блондинка.

– Я точно знаю! – заверяет ее Сашин отец, – пару банок тушенки мы оставляли здесь, когда были прошлый раз.

– И когда это было? – недоверчиво осведомляется Федя.

– В прошлом году.

Федя громко свистит, но тут же спохватывается и рассуждает вслух:

– Вообще-то, тушенку для того и придумали, чтоб хранить годами. Решено, еще раз варим гречку!

Никогда не думала, что я тоже примитивно организованная зверюшка. Вместе с сытостью мною овладевает благодостное спокойствие и сонливость. В радостном умилении я смотрю в оконце. За пыльным стеклом медленно опускаются на землю крупные тяжелые хлопья снега.

–Первый снег, – кричу я счастливо.

В ответ со всех сторон раздается смех, и я понимаю, что он первый в этом году, только для меня. А в этих прекрасных местах прошел не один десяток снегопадов.

–Зря смеетесь, – все-таки обижаюсь я, – вам хорошо, а я постоянно торчу в городе. И ничегошеньки ни вижу и не знаю.

–Теперь ты тоже кое-что видела, – ободряет меня толстяк.

–Только интересно, когда мы все окажемся в городе? – капризно хмурится блондинка. – Когда будет машина?

–Сейчас выясним, – энергично заявляет Владимир Петрович.

–А как он узнает? – тихонько спрашиваю, я у Саши.

–Спросит по рации.

–По старой военной?! – удивляюсь я.

–Нет, – смеется Саша, – у нас есть штука гораздо современнее.

Чудеса техники, однако, отказываются работать внутри теплой избушки. И Сашиному отцу приходится покинуть приют и отправится искать пропавшую связь на улице. Он долго не возвращается, мы уже и стали забывать зачем он ушел, веселимся и балагурим. Он появляется на пороге весь белый от снега, громко хлопает дверью, сообщает мрачно:

–Все, ребятаки, застряли мы здесь!

–Как это?!

–Почему?!

–Все очень просто, – объясняет Владимир Петрович, стряхивая с себя быстро тающий снег, – мост сломан, а погода не летная.

–Это очень плохо? – шепотом спрашиваю я у Саши.

–Да, как тебе сказать, – также шепотом отвечает мне, – сама суди, нет моста – машина за нами не придет; вертолет тоже не прилетит.

–Мы будем ночевать здесь?! – ужасаюсь я.

–Похоже на то, – пожимает плечами Саша.

–Но, здесь ведь даже лечь не на что! Нас слишком много! – громко возмущаюсь я.

–Значит, спать не будем! – отвечает мне Владимир Петрович, – ночь штука не такая уж длинная. Найдем чем заняться.

–Будем по очереди рассказывать истории, – весело предлагает блондинка. – Чур, Кузьмич – первый. У него так интересно выходит.

–Это не моя заслуга, – скромно произносит хриплоголосый громила. – Все само – собой получается, после аварии мне такие сны снятся, что и сочинять ничего не надо! Я только придал им более менее литературный вид. Так долго возился, что запомнил почти слово в слово. Я не писатель, наверняка, плохо вышло.

–Ладно, ладно, Кузьмич, не прибедняйся. Начинай рассказывать, – требует сразу несколько голосов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ПЛАЩ ТАМПЛИЕРА ИЛИ РАССКАЗ КУЗМИЧА.

Франция. Марсель 1306год.

«Огонь. Какая страшная сила, прячется в его ярких лепестках. Мы – люди, наивно полагаем, что приручили его. Ласковое пламя скрывает нас в зимнюю стужу, готовит пищу, сушит промокшую одежду, гонит прочь сумрак ночи. Но стоит огненной мощи вырваться на свободу, и мы ничего не можем поделать с необузданностью пожара. Он жадно поглощает все: дворцы и хижины, леса и поля, животных и людей... Еще неизвестно, кто из нас хозяин...»

Размышления присевшего у камина рыцаря тамплиера, прервало появление молоденькой дочки хозяина таверны. Высокий грузный мужчина неохотно обернулся на ее веселый голосок:

–Я принесла вам свежего молока.

–Отлично, – нелюбезно буркнул рыцарь, и плотнее завернулся в свой шерстенной белый плащ, украшенный большим черным крестом. – Только устав запрещает нам пить что-либо кроме ключевой воды.

–Какой строгий устав у вашего ордена тамплиеров! – сокрушенно покачала головой девушка. – а мне так хотелось сделать для вас что-нибудь приятное.

–Ничего не нужно.

Мужчина снова равнодушно отвернулся к огню и погрузился в свои мысли.

– Ваш орден запрещает даже смотреть на своего собеседника?! – надула губки девушка.

Мрачный гость посмотрел на нее внимательнее. Пухленькая смешливая девушка, лет восемнадцати, с двумя длинными золотистыми косами не могла ему не понравиться, но он не подал виду. Тамплиер сохранил на лице невозмутимую мрачность. Но она подметила, что гордый рыцарь лет двадцати семи внимательно разглядывал ее и смутилась. Он-то ей сразу понравился: русые волосы, крупные благородные черты лица, светлые галльские глаза. Девушка и сама гордилась своими смелыми светловолосыми предками, любила слушать легенды о всемогущих друидах и непобедимых воинах. Новый постоялец, напомнил ей героя таких легенд. Невнимание с его стороны, она просто не могла вынести и возмутилась:

– Как вы только умудряетесь общаться с людьми, если устав запрещает вам даже улыбаться! Вас, наверное, отовсюду гонят.

– Не успевают, – невозмутимо парировал тамплиер. – По распоряжению месира* Жака де Моле**, рядовым членам ордена запрещено оставаться на одном месте дольше суток.

– Очень интересно, – сморщила носик девушка, – и как же вы знакомитесь с людьми и ведете денежные дела?

– Тамплиеры дают обед бедности и безбрачия.

–Совсем, совсем?! – погрустнела девушка, – Сейчас принесу вам ключевой воды, если больше ничего не хотите.

Рыцарь равнодушно кивнул и снова повернулся к огню. А дочка хозяина подхватив кувшин с молоком опроретью выбежала из комнаты.

Встретив на кухне свою старую тетку, колдовавшую над жарким, она не могла сдержать возмущения, эмоционально пожаловалась:

–Ну, ничего-то ему нельзя! Непробиваемый какой-то! Неужели, совсем незаметно, что я хочу поболтать?!

–Глупая ты еще, – мягко пожурила ее дородная тетушка, – на то они и рыцари храма Соломонова, чтоб девиц не замечать.

–Терпеть не могу таких рыцарей! – воскликнула девушка, и даже с досады пролила на каменные плиты пола воду из большой миски.

–Вот и не люби на здоровье, – устало вздохнула кухарка, – только воду не проливай. Кто за тебя все убирать будет?!

–Сама уберу! – поспешно бросила девушка.

Но вместо того, чтобы помочь своей тетке, она схватила со стола кувшин с чистой водой и побежала обратно в комнату нового постояльца.

–А я вам воды принесла, только... – объявила она, как только открыла дверь.

Мрачный рыцарь по-прежнему сидел у камина, глядя на пламя. На возвращение дочери трактирщика, он не обратил

ни малейшего внимания. Она даже забыла, что еще ему хотела сказать. Громко опустила кувшин на стол, даже вода расплескалась.

– Вот, ваша ключевая вода, может, хотите что-то еще? – громко спросила она.

Рыцарь быстро обернулся, глянул на нее очень внимательно. Заметил покрасневшие щеки и обиженное выражение красивого личика.

– Простите, я совсем не хотел вас обидеть. Но правила нашего ордена действительно очень строгие.

– Слишком строгие, – буркнула девушка.

– Мне никогда так не казалось... раньше...

– Что же изменилось теперь? – лукаво спросила она.

– Вроде бы ничего, но... сегодня я почувствовал себя особенно одиноким. Тамплиеры, конечно, орден монашеский, но мы совсем одичали от запретов и правил.

– Неужели вы заметили?! – девушка изобразила нарочитое удивление.

Оба не знали, что еще сказать, но ей вовсе не хотелось уходить, а рыцарь искал предлог, чтоб ее задержать:

– Может быть... я завтра отправляюсь в дальнейшее плавание... не знаю, вернусь ли... Не могли бы вы, рассказать мне немного о Марсельской жизни.

– Охотно, – быстро согласилась дочь хозяина таверны. – Только я не знаю, что именно вам рассказать.

Она явно обрадовалась, что рыцарю, наконец, удалось по-

добрать слова.

–И все же вы совсем позабыли правила этикета, – мягко упрекнула она.

–Да, да, – улыбнулся рыцарь, – кажется, я понял, о чем вы говорите. Перво-наперво, мне следовало представиться, мое имя Гуго Суаро.

–Николь – присела в реверансе девушка.

–Красивое у вас имя.

–Честно говоря, мне оно никогда не нравилось, – призналась Николь, – помоему оно слишком короткое и не красивое.

–Вам бы больше понравилось торжественное – Николетта?

–Может быть, – мило улыбнулась девушка, – даже не знаю, какое имя мне бы сразу полюбилось.

–Все же французские женщины слишком привередливы, – с улыбкой заметил рыцарь, – если бы все вы знали, как ужасно звучат имена многих африканских красавиц и красавцев: Аминхотеп, Эхнатон, Мумбаса...

Девушка звонко смеялась над странными незнакомыми словами. Рыцарь не сводил с нее глаз, вспоминал, а то и придумывал всевозможные невероятно звучащие наименования, только бы продлить минуты безмятежного общения. Она хохотала до слез, терла глаза кулачками, спросила:

–Неужели, вы знакомы со всеми этими странными личностями?

–О, нет, я не так стар. Большинство этих людей уже давно умерли.

–Какая жалость, – веселилась Николь. – Уж я бы с ними поговорила!

–Поговорите, лучше со мной, – попросил рыцарь.

Она потупилась, смущенная его вниманием.

–Меня маменька заругает, что долго разговариваю с незнакомым мужчиной.

–Не заругает, я же монах, хотя бы наполовину.

–Тогда оставаться наедине с вашей второй половиной! – лукаво воскликнула девушка.

–Я готов на время забыть, что тамплиеры не только монахи, но и рыцари, в самом деле, меч мне сейчас не к чему.

–Только не впадайте в нравоучительный тон, как наш падре Андриян. На его проповедях всегда хочется зевать и отвлекаться.

–Не беспокойтесь, мне очень дорого ваше внимание. О чем вы желали бы поговорить?

–Тамплиеры всегда в дороге. Вы наверняка побывали во многих удивительных местах, вот и расскажите мне что-нибудь этакое про дальние страны. Я сама никогда не бывала дальше нашей рыночной площади.

Рыцарь охотно согласился, помолчал мгновение и стал интересно, ярко рассказывать обо всем, что довелось ему увидеть за время своих путешествий. Девушка ахала и поражалась, ее одинокого впечатляли и подробности жизни даль-

них заморских стран, и то, что происходило в других местах французского королевства:

– Неужели так бывает?! – поражалась она. – Не может быть, чтобы женщины никогда не открывали лицо. А верблюдов вы сами видели?

– Мне даже довелось ездить на этих чудовищах. Они гораздо крупнее любой лошади.

– Это, наверное, очень страшно?!

– Нет, что вы, эти животные ленивы и неторопливы, ездить на верблюде удобнее, чем на лошади.

Девушку так увлекли невероятные истории тамплиера, что она слушала его затаив дыхание. Глаза ее сверкали, на щеках выступил румянец, позабыв о приличиях Николь под села к рассказчику совсем близко, ловила каждое его слово. Рыцарь наслаждался сказочными минутами, наблюдая за ней., торопился рассказать обо всем, что ему довелось испытать.

Время шло быстро. Башенные часы на ратуше величественно пробили полночь.

– Уже так поздно! – испугалась Николь.

– Мы слишком увлеклись.

– Боже мой, если кто узнает...

– Я готов вызвать на поединок любого, кто усомнится в невинности этого вечера! – запальчиво сказал Гуго.

– Лучше до этого не доводить, – беспокоилась девушка.

– Не волнуйтесь, на рассвете я уже покину Марсель. Наше

плавание обещает быть долгим и опасным. Вполне возможно, мне никогда не суждено снова попасть в этот город.

—И все же я буду ждать, — прошептала Николь.

Долгие месяцы тянулись для Николь особенно медленно. Много раз она говорила себе, что не должна даже думать о заезде рыцаре, что между ними стеной встали не только расстояния, но и обеды данные им при вступлении в орден тамплиеров. Но сердце не хотело внимать разумным доводам. Снова и снова, девушка вспоминала их короткую встречу, мягкий голос и внимательные глаза рыцаря.

А в это время, скучая в маленькой душной каюте корабля, Гуго в который уже раз, перебирал в памяти свои драгоценные сокровища: каждый взгляд, каждую улыбку, оставшейся в далеком Марселе, Николь. Он призывал на помощь всю свою стальную волю, для того, чтобы побороть щемящую тоску и желание вернуться в старую таверну, чтобы увидеть ее.

Время и повседневные заботы должны были бы притупить чувство, так неожиданно, возникшее между ними, но каждый новый день, только усиливал его. В конце концов, тамплиеру удалось убедить себя, что он хочет увидеть девушку лишь для того, чтобы прекратить думать о ней.

Гуго готов был птицей лететь к берегам Франции. Он испытал настоящее счастье, ступив на Марсельскую землю. Впервые рыцарь по-настоящему оценил удобства путешествия без лишнего багажа. Едва покинув корабль, он бегом

бросился к знакомой таверне. Прохожие с удивлением смотрели вслед, так не солидно спешащему обладателю белого плаща. Подобное поведение было вовсе не свойственно гордым рыцарям соломонова храма.

Пожилой хозяин таверны удивился не чуть не меньше, встретив на своем пороге запыхавшегося Гуго. Он-то и не подозревал, о том, что творилось в душе тамплиера.

–Вы снова к нам? – прошамкал старик.

–Да, – выдохнул Гуго. – я опять хотел бы поселиться у вас в той же комнате.

Ему очень хотелось сразу спросить где же Николь, не вышла ли она замуж, не болела ли, но тамплиер заставил себя быть сдержанным.

–Пусть ваша дочь принесет мне кувшин вина.

–Вино у меня плохое, пошлю ее в лавку за бутылкой хорошего вина.

–Нет, нет, не стоит, – спохватился тамплиер, – с меня хватит и воды, только побыстреей.

–Тем лучше, если шевалье сам отказывается от хорошего вина, то уж вода у нас найдется. Проводить вас до комнаты, господин?

–Не нужно, дорогу я помню, – ответил рыцарь, не желая, чтобы трактирщик заметил, как он торопиться туда, где снова увидит Николь.

Он оказался в знакомой комнатке, даже быстрее, чем сам ожидал, пришлось усесться на грубые лавки и ждать. Ры-

царь Соломонова храма уже давно научился обуздывать свое нетерпение и спокойно ждать столько, сколько нужно. Но в этот раз, обычное спокойствие совсем его покинуло. Он никак не мог справиться с волнением, вскочил на ноги и мерил комнату быстрыми шагами.

– Вот, ваша вода шевалье.

Он устремил взгляд на говорившую женщину. Это была не Николь! Кувшин воды принесла ее дородная тетушка.

– А где же девушка, с которой я говорил в прошлый раз? – спросил Гуго с трудом сдерживая чувства.

– Она занята, готовится к свадьбе.

– К свадьбе?! – выдохнул сраженный рыцарь.

Тетушка посмотрела на него внимательно и сочувственно, словно сразу все поняла. Ответила, светло улыбнувшись:

– Старшая сестра Николь, наконец-то, выходит замуж. Она помогает ей с подвенечным платьем.

У Гуго с плеч, словно гора свалилась, за последние месяцы он столько раз представлял свое возвращение и так боялся, услышать роковые слова о свадьбе, теперь ему даже дышать стало легче. Тетушка Николь видела как он менялся в лице, сказала мягко:

– Подожди чуть-чуть, пойду позову младшенькую. Там и без нее обойдутся.

Николь вбежала такая счастливая, словно подарок получила. Спихватилась в последний момент, скромно опустила глаза, произнесла заученное:

–Мы рады вас снова видеть в нашей таверне. Как прошла ваша поездка?

–Благодарю, – в тон ей ответил тамплиер, – плавание было благополучным.

–Вы так долго отсутствовали во французском королевстве.

–Я выполнял поручение великого магистра нашего ордена, и не могу раскрывать подробности своего путешествия.

–Жаль, – вздохнула Николь. – Мне бы хотелось услышать от вас еще хотя бы одну историю о дальних странах.

–О, эту вашу просьбу я могу исполнить не раскрывая орденских тайн, – обрадовался Гуго. – Я охотно продолжу свой рассказ, начатый в прошлую нашу встречу.

Слова рыцаря показали девушке, что и он думал о ней в разлуке, вспоминал их вечерний разговор. Ее сердце опять взволновано забилося.

Оба скучали, оба ждали встречи, мечтали о ней в разлуке, но теперь растерянно молчали, не зная, как выразить свою радость, не нарушая приличий. Гуго заговорил первым.

–Ваша сестрица выходит замуж? надеюсь ее избранник достойный человек. Он достаточно состоятельный, чтобы обеспечивать свою семью? Это так важно в современном мире, – благоразумно рассуждал тамплиер, но хотелось ему сказать совсем другое. – я скучал без вас! – не выдержал влюбленный.

Николь вся вспыхнула, взволнованно теребила косичку, произнесла совсем тихо:

–Я тоже...

–Плавание казалось мне бесконечным...

–Ждать на берегу было еще труднее. Дни тянулись невыносимо медленно... еще эта подготовка к свадьбе сестры...

–Я боялся что вы выйдете замуж раньше чем я вернусь.

Николь обиженно сузила глазки:

–Замуж?! Значит если выйду замуж за другого вы расстроитесь?! Но ведь, рыцарям Соломонова нельзя жениться! Как же быть с обедом бедности и безбрачия.

–Да, вы правы, – горько вздохнул Гуго, – вступая в орден, я сам сознательно отказался от простых человеческих радостей.

–Я ненавижу ваш орден, – в сердцах крикнула Николь.

–Я и сам...но я не могу... Я поклялся.

–Неужели, ничего нельзя сделать?

–Я не знаю, но... Орден тамплиеров стал всем: семьей, Родиной, смыслом жизни. Я уже долгие годы не представляю своей жизни отдельно от жизни ордена. Рыцари Тамплиеры мои братья. Каждый день приближал меня к богу. Вся моя жизнь – это служение. Я монах, только монах! – простонал Гуго.

–Бог не может быть так жесток! – воскликнула Николь.

Ее сердце переполнилось отчаянием. У девушки не осталось больше сил, она разрыдалась и выбежала из комнаты.

Тамплиер сразу покинул таверну, он ринулся в непроглядную ночь. Еще перед тем, как отправиться в плавание, он

оставлял своего коня у хозяина таверны. И теперь старый боевой товарищ стремительно уносил его прочь от запретного счастья. Ветер хлестал в лицо, и гордый рыцарь не стеснялся слез, навернувшихся на глаза.

*Мессир – (от фр. «монсеньер» – «мой господин») – форма обращения к лицу благородного происхождения, более высокому по титулу или чину.

**Жак де Моле – последний глава ордена тамплиеров, великий магистр правил с 1295-1307 год. Прославился своими жесткими требованиями, неукоснительного соблюдения орденского устава.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПЛАЩ ТАМПЛИЕРА ИЛИ РАССКАЗ КУЗМИЧА (продолжение).

Николь казалось, что на землю спустилась вечная тьма. Для нее словно погасло солнце. Девушка не замечала родных, не чувствовала вкуса пищи, позабыла аромат цветов. Ей было легче ожидать рыцаря из дальнего плавания, пусть не зная истинных чувств гордого тамплиера, но утешаясь сладкой надеждой на новую встречу. Последний разговор с Гуго поверг девушку в отчаяние. Рыцарь сделал свой выбор. Он пожертвовал любовью ради верности давно данным клятвам. Когда Николь думала об этом, все валилось у нее из рук.

–Кто только придумал эти рыцарские ордена с их дурац-

кими обетами?! – неожиданно громко воскликнула девушка.

Тетка уставилась на нее возмущенно, вытерла руки о передник, уперла кулаки в бока:

–Что это ты несешь?! Сама себя послушай! Не гневи Бога!
Страшно мне от твоих речей и мыслей!

–Мне самой страшно, – шепнула Николь.

–Да я уж вижу. Чего еще ты надумала?

–Не везучая я. Другие уж давно замужем, а я все ждала настоящей любви. И вот влюбилась на свою голову! За что мне это, тетушка?!

Девушка бросилась в объятие своей дородной тетке. Мудрая женщина погладила ее по голове, сказала успокаивающе:

–На все воля божья. Нам не дано знать, что нас ждет в будущем. Может еще все устоится.

–Да что устроится?! Что может мне помочь?!

–Ну, я не знаю, – пожала плечами тетушка, может король запретит все рыцарские ордена и повелит монахам жениться.

–Ты все шутишь, – всхлипнула Николь. – А мне не до шуток.

–Не плачь. Подожди, положишься на божью волю.

В ответ на ее мудрые слова, девушка разрыдалась пуще прежнего. Ее громкие жалобные вздохи не остались не замеченными, так секрет Николь стал известен ее отцу. Старик только вошел в комнату, сразу стал возмущаться:

–Жизнь бесконечна жестока ко мне! Это не справедливо в конце концов! Всем счастливым отцам бог посылает сыно-

вей, а меня наказал шестью дочками! Мало мне было забот, надеялся хоть сестра родит наследника отцовской фамилии. Так нет! И у нее одни дочки! Еще и муженек ее схитрил – сбежал на тот свет, оставил на мое попечение всех своих девок!

Его сестра пыталась утихомирить старика, взяла за руку, повторяла примирительно:

–Ну, будет тебе, будет. Дочери в семье не горе, а радость. Смотри какие красавицы выросли!

–Красавицы, – не унимался старик, – одни хлопоты с этими красавицами! Я девять женихов нашел, уже девять свадеб сыграл, заботился, чтобы все было как у людей. Думал, можно отдохнуть на старости лет, одна дочка осталась. Я уж и ей партию приглядел, а она...! Новая беда на мою голову!

Тетка Николь так и не впечатлилась его горячими жалобами. Ей явно были понятнее горести девушки. Так она и заявила.

–Дурак, ты братец! Радовался бы, что один не остался, что дочки тебя любят, внуков тебе народили целую дюжину. А ты все жалуешься. Уныние смертный грех! Гореть тебе в аду!

–Это с вами я в ад попаду, – яростно заспорил старик. – Это ж надо, угораздило ее влюбиться в служителя божьего. О чем думаешь, развратница?!

Николь спрятала лицо в ладони, отвернулась в темный угол. А тетка опять подбоченилась, двинулась грудью на брата защищать любимую племянницу.

–Любовь не грех! А разврат ты здесь сам выдумал! Лучше бы помог бедной девочке!

–Не знаю я, чем тут помочь, – буркнул отец сконфуженно. – пусть идет к падре Жозефу, кается во всем, может святой отец чего и посоветует. У него на все ответы найдутся.

Отец Жозеф раньше служил в марсельском кафедральном соборе на центральной городской площади, но сам отказался от теплого места, и теперь проводил все дни в маленькой полутемной церквушке, возле самого порта. Его прихожанами здесь были не нарядные и благополучные сеньоры, а торговцы, рыбаки, безутешные вдовы не вернувшихся моряков.

–Я им нужнее, – объяснял свой поступок падре Жозеф.

Николь вошла в церковь тихая, грустная, вопреки своему жизнерадостному возрасту. Падре Жозеф поправлял свечи возле статуи девы Марии, девушка подошла, долго молча молилась, не поднимая заплаканных глаз.

–Что случилось, дитя мое? – сразу обратился к ней внимательный священник.

–Я пришла исповедаться и просить вас о совете, – тихонько откликнулась Николь.

–Всегда рад помочь, чем могу. Но в чем же твой грех?

–Ах падре, я и сама не знаю.

–Как это? – искренне удивился священник.

–Мне не ведомо, грешно ли любить... слугу господа.

Бедный священник совсем растерялся.

–О ком ты говоришь, дитя мое?

–Ах, он посвятил свою жизнь богу. Он вступил в монашеский орден.

–Так он монах?!

–Он тамплиер...

–Час от часу не легче, – вырвалось у отца Жозефа, – где же ты встретила его?

–В таверне моего отца.

–Но тамплиеры никогда не остаются долго на одном месте. Ты хорошо его знаешь?

–Я видела его всего два раза, – вздохнула девушка.

–И ты говоришь, что уже любишь его?! – усомнился священник.

–Люблю! Я сразу поняла это, как только его увидела. Разлука только укрепила мои чувства.

–А он разделяет твои чувства?

–Да... в нашу последнюю встречу... Но он выбрал не меня, а свой проклятый плащ! – в отчаянии воскликнула Николь.

–Тише, тише, что ты говоришь, девочка, – возмутился падре Жозеф. – Белый плащ тамплиера символ его чистой души и стойкой веры в нашего единого бога. Нельзя хулить его! Для рыцарей храма, плащ – вещь священная. Тамплиер должен беречь его всю свою жизнь, рыцаря, неважно при каких обстоятельствах, лишившегося своего плаща, с позором изгоняют из ордена.

–И много таких было?

—Точно я знать не могу, тамплиеры очень скрытны. Всех их тайн никто не знает.

—За эту их мрачную скрытность их народ и не любит, — недовольно заметила девушка.

—Насколько я успел узнать людей, тайны только добавля-ют прелести народным сказкам. А тамплиеров не любят за их богатство. Я заметил, что чужой успех и деньги, часто вы-зывают зависть и злобу. И касается не только простых людей, но и сильных мира сего. Как бы не поплатились тамплиеры за свое нынешнее преуспевание.

—Хоть бы их совсем разогнали! — рассердилась Николь.

—Но в таком случае, рядовым рыцарям не поздоровится. Врятли твой любимый станет прятаться.

—Так, что же мне делать, падре?

—Молиться, дочь моя. Я только человек и не знаю ответов на многие вопросы. Господь же ведает обо всем и только он может устроить все наилучшим образом.

Николь вернулась домой грустнее прежнего. Для счаст-ливой молодости так трудно ожидание, так невыносимо тя-жело. Особенно когда сам не знаешь чего ждать и на что надеяться. Дневные заботы помогали девушке отвлечься от горестных мыслей, но когда по южному быстро опускалась тьма, долгие часы, она проводила в одиночестве, сидя у ка-мина и задумчиво глядя на затейливый танец языков пламе-ни. Она все силилась угадать, о чем думал вот так же сидя у огня рыцарь ее сердца.

–Здравствуй, любимая.

Николь вздрогнула. Неслышно подошедший сзади Гуго нежно обнял ее за плечи.

–Ты ждала меня?

–Я едва не сошла с ума без тебя! Я так скучала!

Девушка торопливо обернулась, прильнула к рыцарю.

–Ты вернулся ко мне?!

–Только на один день.

–Боже мой, опять!

–Я должен был тебя увидеть. Я не могу жить без тебя! Я люблю тебя Николь!

Он осыпал поцелуями ее щеки, шею, руки. Сердце девушки разрывалось от счастья и отчаяния.

Влюбленные болтали всю ночь. Взахлеб говорили о том, какой бесконечно долгой казалась им разлука, о том что передумали, перечувствовали за эти дни, о делах, которыми безуспешно пытались отвлечься от чувств:

–Я совсем потерял интерес ко всему, что происходит вокруг. Кажется, в ордене что-то происходит, – рассказывал рыцарь. – или должно произойти. Никто не знает толком, что именно. Но всеми овладели тревожные настроения, беспокойства и странные предчувствия. Старые тамплиеры в один голос твердят о каком-то пророчестве, которое начало сбываться. Молодежь пытается разузнать побольше, строят самые невероятные предложения. Но мне до всей этой суеты и дела нет!

–Я тоже сама не своя, – кивала девушка. – после свадьбы сестры, я осталась последней помощницей у тетушки, но от меня мало пользы. Всю посуду скоро перебью, такая рассеянная стала, все из рук валится. То воду пролью, то похлебку пересолю, то задумаюсь и не замечу, как очаг погаснет. Падре Жозеф велел мне больше молиться, а я и от молитвы отвлекаюсь.

–Меня тоже бранят за рассеянность. Сенешаль* нашей капеллы** кричит что мне нельзя доверит серьезного поручения.

–А что обычно тебе поручают, – полюбопытствовала Николь.

–Это не мои тайны, это секреты ордена тамплиера.

–Ты мне не доверишь?! – лукаво сощурилась девушка, – врятли я представляю опасность для целого рыцарского ордена.

–Ты ведь не будешь болтать о моих тайнах с подружками? – улыбнулся Гуго.

–Клянусь молчать как рыба.

–Всем известно, что тамплиеры сказочно богаты. А любое богатство нужно беречь и охранять, а лучше спрятать хорошенько. Вот великий магистр и придумал хранить все золото разных местах, подальше от Франции. Вот рыцари

и вывозят его рыцари каждый понемногу. А чтобы нельзя было выследить куда именно, мы все ездим по стране туда-сюда, как безумные.

–Какой хитрый ваш магистр.

–Потому Жака Моле и выбрали великим магистром, что его мысли никто угадать не может.

–Откуда же ты все знаешь? – удивилась девушка.

–Кое что узнал совсем случайно, об остальном догадался.

–Выходит, ты умнее вашего Жака Моле? – улыбнулась

Николь.

–Куда мне до него. Говорят, он даже нигде не учился, ни читать, ни писать не умеет, а такого положения достиг.

–Ты тоже хочешь стать великим магистром?

Рыцарь отрицательно покачал головой, стал серьезным и грустным:

–Раньше, может и хотел, не помню. Теперь в моей жизни все по-другому. С тех пор как встретил тебя, я стал совсем другим, я готов даже покинуть орден тамплиеров, но...

–Неужели из вашего ордена никто не влюблялся, не женился, не обзаводился семьей, детьми?

–Я узнавал, такие случаи бывали, но страшно давно и не у нас, а далеко на востоке, в Палестине. Гораздо чаще тамплиеры живут с женщинами в тайне, без брака и детей не признают, но я так не хочу...

–Нам остается только уповать на божью помощь, – вздохнула девушка.

Влюбленные замолчали, подавленные безысходностью.

–Давай не будем говорить о грустном! – предложил Гуго. – не стоит тратить на это драгоценные минуты счастья.

Николь улыбнулась сквозь наворачнувшиеся слезы. Их разговор снова стал безмятежным. Влюбленные разошлись только под утро. Уставший с дороги рыцарь сразу уснул тревожным сном. А к Николь сон не шел.

Она решительно выбежала из своей комнаты, на цыпочках, чтоб не скрипнула ни одна половица, прошла по коридору мимо отцовской спальни и выскользнула с хозяйской половины таверны. Через пару мгновений ее легкие шаги зазвучали возле комнаты постояльцев. Девушка добралась до двери в комнату в которой остановился тамплиер, прислушалась. Абсолютная тишина успокоила ее страхи. Николь толкнула дверь и решилась войти в комнату. Там царил непроглядная тьма, только аккуратно сложенный белый тамплиерский плащ, светлым пятном выделялся на лавке, да рыжие гаснущие огоньки таинственно перемигивались в камине. Девушка села на колени возле него, стала раздувать угли. Не до конца умершее пламя ярко вспыхнуло вновь. Николь схватила белое полотнище с черным крестом и швырнула его в огонь. Плащ сразу вспыхнул.

–Что ты наделала?! – воскликнул, проснувшийся от яркого света, рыцарь. – Меня же теперь... – грозные интонации неожиданно сменились улыбкой, – выгонят из ордена тамплиеров.

Влюбленные вместе смотрели как огонь ожесточенно пожирал белую шерстенную ткань. Как она темнела и сжималась в маленький черный комочек. Камин стал сильно ды-

мить.

–Какая вонь, – вырвалось у девушки.

Гуго рассмеялся:

–Братья тамплиеры назвали бы тебя богохульницей.

–Надеюсь, Бог простит меня, – серьезно сказала Николь. – но что теперь будет с тобой?

–Я еще и сам не знаю. Насколько мне известно, худшим наказанием в ордене почитают позор, публичные казни никогда не устраивали. И орденские темницы пустуют. Скорее всего все обойдется. Грозных речей и презрительных взглядов не боюсь. Теперь я ничего не боюсь.

–А я наоборот страшно боюсь всего на свете, – призналась девушка.

–Все будет хорошо.

Утром они расстались. Никогда морская стихия не страшила девушку так, как не знакомый ей комтур*** капеллы, к которому отправился лишившийся своего плаща тамплиер Гуго Суаро. Отсутствие вестей превратило недолгое на этот раз ожидание в адскую смесь надежды и отчаяния. Отец и тетка смотрели на Николь с тревогой, но боялись даже спросить, о том, что с ней происходило в эти дни.

Прошел год. На центральной площади Марселя собирался народ. Из порта спешили моряки, грузчики, с городских улиц сбегались оборванные мальчишки, торопились ремесленники, их подмастерья, шли солидные, нарядные торговцы с женами. Даже знатные сеньоры не хотели опаздывать

к началу зрелища, подгоняли коней, покрикивали на прохожих.

Супруги Суаро тоже попали в общий поток, пытались идти в другую сторону, но это было уже не возможно.

– Гуго, сделай же что-нибудь! Я не хочу видеть казнь, даже издалека! – возмущалась Николь.

– Теперь уже поздно, – резонно отвечал ей муж. – я же говорил, что сегодня, тебе лучше не выходить из дома.

– Я уже не богу больше сидеть взаперти. Хватит меня ото всего беречь! Я беременная, а не больная.

– Что плохого в том, что я за тебя волнуюсь?!

– Ничего, – уступила женщина.

– Давай, хотя бы свернем в боковую улочку, там меньше толкаются.

Супруги попытались выбраться из толпы, но сделать этого вместе им не удалось. Поток любопытных разделил их и властно повлек к площади. Вскоре Николь, против своей воли увидела эшафоты возвышавшиеся над морем человеческих голов. Страшных помостов было сразу два. Над одним громоздилось уродливое дерево виселицы. Из другого торчал голый столб, обложенный связками хвороста. Жуткое действие еще не началось, бедных приговоренных еще не привели на площадь. Николь старалась не смотреть в ту сторону, вертела головой разглядывала стоящих рядом. Ей даже удалось отвлечься от происходившего на площади, пока она внимательно изучала дурацкую зеленую шляпу, укра-

шенную длинным рыжим петушиным пером, на голове, стоявшего рядом носатого лудильщика. Толпа плотно прижала Николь к толстой веселой молочнице, громко обсуждавшей происходившее с соседом, так что Суаро поневоле узнавала все подробности.

–Гляди, гляди, начинают.

–Тот, кого будут вешать совсем молоденький, а старика сожгут. Интересно, чаго такого они натворили?

–Приговор читают. Жалко далеко, не слышно.

–Эй, не шумите вы!

–Не поможет. У судейского голосок слабый, козлиный.

Вокруг толкались, оживленно переговаривались. На лицах отражалось любопытство и даже радость.

–«Какие же люди злые!» – подумала Николь.

Она опять попыталась пробраться к боковой улочке, но ее так стиснули, что даже дышать стало трудно. Над толпой пронесся гул то ли ужаса, то ли восторга.

–Гляди, гляди, как задергался! – крикнула толстуха.

–Сейчас второго подожгут! – в тон ей радовалась соседка.

Николь хотелось зажать уши. Толпа шумела так громко, что и это не помогло бы. Рев стал оглушительным. Суаро невольно посмотрела на площадь. Над головами собравшихся поднялось огромное рыжее зарево. Над гигантским громко шипящим костром, поднимался столп черного дыма.

Николь охватил панический ужас. Ей, вдруг, пришло в голову, что ее дорогой Гуго тоже мог оказаться на одном из

таких эшафотов. Ведь по всей Франции уже несколько месяцев на городских площадях казнили рыцарей, разгромленного королем Филиппом, орден тамплиеров.****

*Сенешаль – чиновник капеллы духовно-рыцарского ордена, ведающий внутренним распорядком ее деятельности.

**Капелла – местная организация Ордена тамплиеров.

***Комтур – глава местного отделения(капеллы) ордена тамплиеров.

****В ночь на 12 октября 1307года по приказу короля Франции Филиппа IV, все крепости ордена были сданы провинциальным сержантам. 15тысяч членов ордена тамплиеров были одновременно арестованы, по обвинению в ереси. После нескольких лет допросов и пыток большинство рыцарей были сожжены или повешены. Сказочные богатства ордена король так и не нашел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Home sweet home.

Я слушаю затаив дыхание. Когда Кузьмич смолкает, я словно резко возвращаюсь в реальность откуда-то издалека.

–А меня тоже хотели сжечь, – едва не выпаливаю я, но вовремя спохватываюсь, что вокруг незнакомые люди и они могут не правильно понять меня.

Какое-то время, все сидят молча, словно переваривают.

Странно, такие солидные дядьки и тетки, а загрузились над обыкновенной исторической сказочкой. Интересно, о чем они думают?

Сидеть в тесном помещеньеце, с низким потолком, как-то вдруг, мне становится невыносимо. Я решительно встаю с надоевшей, неудобной лавки, и выбираюсь наружу. Даже жаль, что я не курю. Было бы логичное объяснение моему торопливому поступку. А мне просто хочется глубоко, с удовольствием подышать холодным, лесным воздухом. Снег, конечно, не пахнет, но ведь всегда можно унюхать, когда сыпятся с неба. Удивительно, наша возня с кашей и сказочка Кузьмича заняли почти всю ночь. Приближается рассвет, небо светлеет и летящие снежные хлопья кажутся темным пухом. Ловлю себя на мысли, что домой мне вовсе не хочется.

К моему, немалому удивлению, подобное настроение владеет не только мной. Пока я дышу и ловлю снежинки, уверенная, что меня никто не видит, сзади, удивительно неслышно подходит Саша, спрашивает тихонько:

–Нравится здесь?

–Угу.

Что-то словарный запас у меня дюже богатый. Надо бы сказать что-нибудь умное, но в голову ничего не приходит.

–Знаешь, а я рад, что мы здесь застряли, – признается Саша, – я вовсе не рассчитывал похитить тебя так надолго. Хорошо, что снегопад позволил нам долго не расставаться.

–Замечательный снегопад.

–Похоже он уже заканчивается. Намечается прекрасный день, с отличной погодой. Вертолет прилетит...

–Жаль, – вырывается у меня.

В это время к нам присоединяется Сашин отец. Наверное, он слышал наш разговор, но и его скорый прилет вертолета, похоже, не радует.

–А хорошо бы задержаться здесь, – произносит он мечтательно. – Эх, забросить бы все дела, будь они не ладны.

–Сам же терпеть не может бездельников! – замечает Александр.

–Одно дело, от лени мучаться, и совсем другое заниматься не любимым делом.

–У-у, видно тебя опять потянуло в науку, – смеется сын.

–Ты прав, потянуло, – соглашается Владимир Петрович, – зарабатывание денег, такая скука и проза. А в науке, сейчас столько интересного.

–Нет, пап, я тебя не понимаю. Что может быть увлекательным в цифрах и формулах. Твоя наука слишком далека от реальности.

–Ну не скажи. Как раз сейчас на Земле происходят удивительные процессы. Это не совсем мое направление, но тем интереснее его изучить.

–А что на Земле происходит? Всемирное потепление? – осмеливаюсь вставить я, желая произвести впечатление осведомленного человека.

–Потепление, само собой, но не только, – охотно объясняет мне Сашин отец. – мне как физику, более интересным представляется другое. Вот, скажите, сколько измерений в нашем мире?

–Три, – уверенно отвечаю я. – высота, ширина и длина.

–А как же время?

–Это уже слишком сложно, – признаюсь я.

–Но именно со временем, сейчас и происходят чудеса.

–Чудеса?! – подхватываю я.

–Александр утверждает, что я слишком далек от реальности. Но вот вам пример: рассказ Ивана Кузьмича не показался ли вам странным?!

–Нормальный такой рассказ, литературный, – пожал плечами Саша.

–«Нормальный», – усмехнулся Владимир Петрович. – А откуда, по-вашему, он старый дядька, так хорошо знает переживание молодой девочки?

–Придумал.

–Отнюдь, – улыбается ученый. – Всю эту историю, в мельчайших подробностях она рассказала ему сама.

–Как?! Когда?! – вырывается у нас с Сашей одновременно.

–Теплым южным вечером, за стаканом хорошего красного вина, в Марсельской таверне, однажды в XIV веке.

–Не может быть! В нашем мире такое невозможно!

–Приятно видеть вашу озадаченность. Фантасты называ-

ют этот процесс схлопыванием времен. Когда события далеко отстоящие друг от друга по времени, как бы совмещаются, накладываются. Перемещение по временной шкале больше не требует дополнительных приспособлений, таких как машины времени. Многие люди, живущие здесь и сейчас, начинают вспоминать, видит во сне или наяву, события из совсем других времен. Жить сразу там и здесь.

–Ой! – пугаюсь я, уже слышанной однажды фразы.

–Человеку воспитанному, европейской цивилизации это очень трудно осознать. А вот восточный менталитет традиционно не разделяет сон и явь. В древне китайских источниках не представляется возможным определить какие сведения относятся к происходившему в реальности, а какие описывают сновидения. Понятия реальности вообще, европейское материалистическое изобретение...

Тем временем, поредевший снегопад прекращается вовсе. На голубом ясном утреннем небе сияет желтое солнце, и ярко освещает окружающее нас великолепие. Выпавший за ночь снег пушистым украшением лежит на контрастно темных еловых ветвях, роскошным ковром покрывает землю.

–Как красиво, – вздыхаю я.

–Да, – поддерживает меня Владимир Петрович, – природа бесконечно щедра, засыпая наш чумазый мир, белоснежной чистотой.

–Вот, это да! Папа, ты становишься не физиком, а лириком. «Восточный менталитет», «сновидения», «белоснеж-

ная чистота».

–Что поделаешь, – смеется Владимир Петрович, – с кем поведешься, от того и наберешься! А я познакомился с востоковедом и любителем фантастики. Прелюбопытнейший человек. Смотрит на мир с диаметрально противоположной точки. Ему кажутся очевидными многие вещи, которые бы мне, раньше, и в голову не пришли. Однозначно, настала пора мне вернуться в прикладную науку.

–Я слышу об этом уже на протяжении последних пяти лет, – шепчет мне Саша.

–К сожалению, мой сын считает меня слишком нерешительным, – услышав его, замечает Владимир Петрович. – а я бы уже давно вернулся, если бы было куда возвращаться. Ученые до сих пор не могут придти к единому мнению о том, какой из классических наук следует заняться этим феноменом.

–Тебе, просто нужно изобрести свою собственную науку, – улыбается Саша.

–Отличная мысль, – соглашается его отец.

Научная дискуссия могла затянуться на неопределенно долгий срок, но мои усталые мозги спасает известие о прилетевшем за нами вертолете.

До поляны, где приземлилась крылатая машина, надо еще добраться по свежеснеговому снегу, но всех охватывает радостное чувство освобождения и близости к уютному дому. Едва заняв места на узкой скамеечке внутри вертолета мы

все дружно засыпаем. Я сладко посапываю, примостив голову на Сашином плече. Чувствую себя такой усталой, что абсолютно не помню дорогу до дома. Разумеется, долететь до самой квартиры я никак не могу, значит умудряюсь сладко спать и в машине.

Более менее осознано веду себя только переступив порог родной квартиры. Мечтаю не разлепляя глаз, добраться до кровати и рухнуть на подушку, но...

Разуваюсь с наслаждением топаю босиком по любимому пушистому ковру и ...

–Пальма! Сволочь!

Я наступаю на что-то мокрое и с ужасом вижу, что в самом центре богатый узор нарушает уродливое коричневое пятно! У моей кошки понос! Более того, Пальма явно устыдившись содеянного, пыталась все загрести, очень старалась так, что когтями повыдрала длинный ворс.

–Я убью тебя, Пальма! Иди сюда!

Я бы на такое приглашение не откликнулась, но я не кошка! А кошки создания не логичные. Киса тут же нарисовалась передо мной, как ни в чем не бывало. Она даже вытянула передние лапки и потянулась со всей своей природной грацией. Будь Пальма нормальной лохматой кошкой, я бы пожалуй, растаяла от умиления. Но этот мешочек с костями не впечатляет меня, чтобы он не делал. Однако, и наказать его было труднее, чем нормального зверя. По идее, мне следовало решительно схватить ее за шкуру, и безжалостно за-

переть в туалете. Вместо этого, я неожиданно бережно, беру ее под пузо и опускаю на диван.

–Сиди здесь!

А сама я скачу в ванную, за водой и тряпкой, стараясь не наступать на испачканную ногу. Набрав полный таз воды я пчусь в поисках, запропастившиеся куда-то половой тряпки, мне под ноги попадает что-то теплое, я оступаюсь, слышу душераздирающее «мау»! И совершив сложнейший кульбит, роняю тазик, поскользываюсь, теряю равновесие и усаживаюсь прицельно в него.

От желания спать не остается и следа. Хорошо, хоть обошлось без синяков, но обидно до слез. Сижу, мокну, размышляю, за что теперь хвататься. К моему ужасу, дверь в ванной комнаты за моей спиной весело скрипнув открывается, я поднимаю глаза...

–Мама! Папа! Что вы здесь делаете?!

На лицах родителей – смятение и жалость. Представляю себе, как поразила их увиденное зрелище. Давненько не заставали они дочь плюхающеюся в тазике. Торопливо пытаюсь разрядить обстановку, объяснить свое странное положение:

–Я просто поскользнулась.

–А что с твоим ковром, в гостиной? – строго спрашивает мама.

Выбираюсь из таза, обтекаю, оправдываюсь, несу какую-то чушь. Одним словом, резко впадаю в детство. Мама

смотрит оценивающе, как всегда, слышит за моей болтовней ни о чем, мои настоящие проблемы. Она у меня красавица, только последнее время поправилась и постарела совсем чуть-чуть. Зато отец уже поседел, и стал похож на былинного героя. Как же я соскучилась!

–О боже, а это что такое?! – в мамином голосе слышится страх и отвращенье.

–Это моя кошка, мама, – сразу понимаю я, о чем речь.

–Кошка? – переспрашивает она с сомнением. – Это лысое чудовище, не может быть кошкой!

–И как ты ее назвала? – невозмутимо осведомляется отец.

–Пальма.

–Значит, это все таки дерево.

–Она очень породистая, – пытаюсь я защитить своего питомца.

–Он тебе очень нравится? – спрашивает отец.

–Кто, он?

–Тот, кто подарил тебе кошку, – сразу понимает его намек мамы. – ты должна быть по уши влюблена, чтобы оставить у себя эдакое чудовище.

–Я к ней уже привыкла, – говорю я не слишком уверенная.

–Ну, еще бы! – смеется отец, – ведь она такая милая. Я слышал сейчас, это писк моды – лысые звери. Остается порадоваться, что ты завела кошку, а не крокодила или мадагаскарского таракана.

Я галопом бегу в спальню, переодеваю промокшую одеж-

ду. Вернувшись в комнату, внимательно смотрю на серьезное мамино лицо и спрашиваю прямо:

–Признайся, мам, что-то случилось? Почему вы вдруг решили меня навестить?

Она вздыхает, отводит глаза. Отец посмеивается над ее серьезностью, уходит на кухню, уже оттуда говорит громко:

–Пойду поищу чего-ни будь съестного. Не буду мешать вам обмениваться своими страшными секретами.

Мы садимся на диване рядышком, мама молчит, словно не знает с чего начать. Потом произносит торопливо и взволнованно, это так на нее не похоже.

–Не знаю как ты отнесешься, скорее всего все это ерунда, глупости. Я раньше никогда не была мнительной.

–Ты, о чем? – не понимаю, пытаюсь ее поторопить я.

–Правильно отец смеется, я и сама понимаю, что ехать в такую даль из-за какого-то сна... мы собирались приехать только в следующие выходные, но... я теперь так волнуюсь за тебя.

–У меня все в порядке. Честное слово, у меня все прекрасно.

–Вот и хорошо. Главное мы тебя повидали...

–Погоди, мам, про какой сон ты говорила? – встревожено спрашиваю я.

Последнее время, все это для меня больная тема. Я никогда не верила в пророческие сны, но происходящее потихоньку отучает меня легкомысленно относиться к сновиде-

ниями.

–Я сама не знаю откуда такие образы взялись у меня в голове, – объясняет мама. – Приснится же такое. Знаешь, очень похоже на иллюстрации к сказкам братьев Grimm: немецкая деревенька, аккуратные домики, огороды, заборчики, люди одеты как на фольклорном празднике. Вокруг все словно из детской книжки, только чувство... Я никогда раньше не испытывала такого отчаяния и горя. Проснулась утром вся в слезах. Наяву я гораздо спокойнее...

–Во сне случилось что-то страшное? – решаюсь спросить я.

–Я даже не знаю, что там произошло, только помню как выбежала из дома и бросилась на колени перед каким-то мрачным человеком в рясе. Капюшон у него был низко надвинут на лицо, а я все силилась заглянуть ему в глаза и повторяла, повторяла: «– Отпустите ее! Отпустите! Она хорошая! Верните мою девочку!». Монах только оттолкнул меня.

–Мамочка!

Я сама чуть не реву. У нее тоже на глазах слезы. В это время из кухни появляется отец, смотрит на нас и старается развеселить.

–Неужели вам его так жалко?!

–Кого? – недоумеваю я.

–Бутерброд, который я съел. Я вам еще сделаю, только не плачьте! Сделать? Можно с сыром или с колбаской.

–Сделай, я ужасно голодная, – вспоминаю я.

–Я наделаю вам дюжину разных бутербродов, а вы включите мне новости.

Я включаю телевизор, прибавляю звук, чтоб на кухне было хорошо слышно, даже пытаюсь сама вникнуть в происходящее на экране. И почему только люди стараются не пропустить выпуски новостей?! Не понимаю! Вслушиваются в политические новости, кивают, делятся выводами, словно на самом деле могут повлиять на политические события.

–В ходе визита в Японию, президент Ельцин...

Делят, делят эти Курилы. Даже я в курсе. Встаю, предпринимаю новую попытку привести в порядок ковер. Тру, тру и ругаю про себя весь белый свет последними словами.

–Сделай лицо попроще, – советует мама.

–Эта гадкая кошка, не кошка, а змея подколотная! Лысая и злая. Уверенна, она это все нарочно!

–Конечно нарочно, она тебе за что-то мстит. Скорее всего... ей было страшно ночевать одной.

–Откуда ты знаешь, – хмурюсь пристыжено.

А диктор соловьем заливается о проблеме милениума. Будет компьютерный сбой, не будет компьютерного сбоя. Мне бы для начала собственный компьютер, а дальше уж как-нибудь разберусь. Надо же, проснемся утром, опять в нулевом году.

Злободневный сюжет сменяет милейшее сообщение из Берлинского зоопарка о том, что у одной тигрицы родилось сразу десять тигрят. Мамаша сразу отказалась ими занимать-

ся.

– Не удивительно, что сбежала, – замечаю я. – я бы тоже сбежала от такого количества.

На экране ползают и пищат крохотные пушистые комочки. Лохматые ушки, маленькие розовые ротики, еще ни капельки не похожи на грозных хищников.

– Какие хорошенькие! – воплю весело, – Вот такие новости я понимаю.

Пальма ревнует, лезет на колени, урчит громко, тыкается носом в ладонь, трется теплой щечкой. Все-таки она кошка. От резкого звонка телефона пугается, убегает из комнаты. Мама берет трубку, слушает, улыбаясь отдает мне.

– Алло, – произношу озадаченно, не представляю, кто бы это мог быть.

– Я тебя не разбудил? – весело спрашивает Саша. – как самочувствие после гор?

После его вопроса, внимательно прислушиваясь к себе и понимаю, что горные лыжи не прошли даром. Тоскливо, тягуче болит каждая клеточка тела. Что называется до меня дошло, как же я устала. Но не буду же я рассказывать такие подробности, отвечаю оптимистично:

– Все в порядке.

– Тогда может быть погуляем вечером?

– Ой, только не гулять! Давай тихонько посидим где-нибудь, позвони позже, тогда и договоримся.

– Тебе сейчас неудобно говорить? – деликатно интересу-

ется Александр.

–Ко мне приехали родители, – объясняю я, сама удивившись, чего вдруг застеснялась.

–Хорошо, я позвоню в шесть.

Мы попрощались вполне невинно. Но мама сразу догадалась, с кем я разговаривала:

–Твоя новая любовь? у него приятный голос. Мне почему-то показалось, что на этот раз у тебя все всерьез. Я права?

–Да, – выдыхаю взволнованно.

–Нам с отцом уже пора. Тебя повидали, убедились, что у тебя все в порядке, что все мои страхи полная ерунда. По-едем мы.

–Мама, вы так мало побыли! – расстроено восклицаю я. – как все таки плохо, что мы живем в разных городах!

–Ты сама захотела жить в бабушкиной квартире, неужели самостоятельность надоела? – удивляется папа.

–Надоело, – честно признаюсь я. – Это так трудно.

–Боже мой, наша самостоятельная дочь захотела к маме под крылышко, – смеется отец. – Все таки, что-то с этим миром происходит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОД КУПОЛОМ НЕБА.

До чего же хорошо побыть маленькой девочкой, маменькиной дочкой! Иногда хорошо. Я весь день на пролет веду

себя, как несмышленный ребенок, задаю массу самых пустяковых вопросов:

–Мам, а почему, когда ты готовишь, рис не склеивается?

–Мам, а сколько соли класть в плов?

–Какую ложку, столовую или чайную?

–Мам, как лучше нарезать морковку?

Хорошо, что родители охотно мне подыгрывают, терпеливо отвечают на вопросы, одобрительно гладят по голове. Вообще, у меня мудрейшие родители. За весь день так и не спросили, куда делся мой Серега, и почему мы расстались. Прежнего моего сожителя словно и не существовало. Мама с отцом сразу догадались, что я не хочу беречь свои свежие раны. И от этого мне особенно легко и безмятежно с ними.

Я даже пристаю к маме с вечным вопросом: «что мне надеть?» когда собираюсь на свидание. Она терпеливо выслушивает все мои капризные жалобы на то, что все мои вещи никуда не годятся, и ловко переводит тему:

–Ты уже решила, куда хочешь пойти?

–Не знаю, что-нибудь придумаем, – отвечаю легкомысленно.

–Главное избежать банальности и скуки, – советует отец. – Иначе, чем встреча с тобой будет отличаться от свиданий со остальными девицами.

–Какими еще девицами?! – коршуном взвиваюсь я.

–А что, у тебя это свидание первое в жизни?

–Нет, конечно.

–Чем он хуже? Или твой Саша вырос в монастыре?

–Прошное свидание, он устроил через чур оригинально, – замечаю я.

–Теперь твоя очередь придумать что-нибудь эдакое.

–Не хочу больше ничего эдакого, – бурчу устало, – хочу тихо мирно посидеть рядом.

–Как пенсионеры! – смеется отец. – Хоть газетку хором почитайте, что ли!

Я обиженно надуваюсь, но втайне ломаю голову, что бы такое изобрести не слишком утомительное. Так ничего не изобретя я, на всякий случай, одеваюсь так чтобы Александр даже не предложил бы ничего спортивного.

Не смотря на все мои просьбы родители все-таки решают уехать. И проводив их я бегу к назначенному месту встречи. Опаздываю на пятнадцать минут по всем правилам жанра. За вчерашний день город засыпало снегом. Наконец-то он преобразился, превратившись в строгий графический рисунок из грязной размазанной акварели.

Терпения у Саши не хватает, он не дожидается меня идет навстречу. Едва обогнув свой дом, я сразу вижу его. У него в руках опять цветы.

–Как здорово! – восклицаю я вместо приветствия.

–Надеюсь, белые розы тебе тоже нравятся.

–Мне все цветы нравятся, – опрометчиво заявляю я.

–И кактусы? – удивляется Александр.

–Только не вздумай подарить мне редкий кактус! – тороп-

люсь предупредить. – С меня и лысой кошки хватит.

– Она тебе так сильно не нравится? – хмурится Александр.

– Самое трудное уже позади, мы друг друга изучили, и признали вполне сносными, – шучу не весело.

– Ты не поверишь, но Пальма еще не самый тяжелый случай!

– Да уж, всегда найдется какой-нибудь экзотический таракан с еще более трудным характером. Сегодня утром, она просто опозорила меня перед родителями.

Я в двух словах излагаю Саше историю утреннего происшествия с ковром.

– Так что, моя заветная мечта о сладком сне после лыж так и не стала реальностью. – подытоживаю я свой гневный рассказ.

– Да, пожалуй, вчера мы переборщили с впечатлениями, – соглашается Саша, – предлагаю сегодня максимально спокойное и задумчивое время препровождение.

– Это какое же? – удивляюсь искренне. – Что еще ты задумал?

– Ничего страшного, классика жанра. Пойдем в Планетарий.

– Предложение необычное, но заманчивое. Я один единственный раз была в Планетарии, кажется в пятом классе. Он еще работает?

– Еще как! Я видел здоровенную рекламу их какой-то новой программы.

– Не представляю, что нового можно придумать про звезды.

– Весь вечер на арене дрессированная большая медведица и созвездие гончих псов, – смеется Александр.

– Я слышала, есть еще созвездие зайцев.

– С неба на нас смотрит целый зоопарк!

– Решено, идем в звездный зоопарк!

Интересно, сколько еще оригинальных идей осталось в запасе у Александра. Пока он умудряется устроить в каждую нашу встречу что-нибудь невероятное. С таким человеком не заскучаешь! Вот и сейчас испытываю настоящее удовольствие от того, что весьма смутно представляю, что меня ждет.

Планетарий маленький обшарпанный, затерян среди современных солидных зданий, не удивительно, что про его существование забывают. Злые, настали времена, грубые. Забыли люди про звездное небо, бегут, спешат, боятся оторвать взгляд от асфальта. А над головой такое великолепие!

В крошечной темноте, под высоким куполом планетария кладу голову на плечо Саши, заморожено любуюсь звездной россыпью:

– До чего же красиво!

– Ты только представь, – предлагает Саша, – лет шестьсот назад люди смотрели в небо и видели те же самые звезды!

И я представила или вспомнила, или увидела:

С мрачного холодного неба взирали на меня крохотные бледные искорки звезд. Огромная желтая, почти круглая, луна казалась среди них лишней. Я стояла на перевернутом горшке, возле узкого оконца и старалась найти хоть какое-то утешенье. Очень хотелось жалеть себя и плакать, так хотелось вернуться к маме, уткнуться ей в грудь и пожаловаться, рассказать обо всем, что свалилось на меня в эти дни. Неожиданно, мне стало легче. Мне пришло в голову, что там далеко, дома мама вот так же смотрит в окно и видит ту же самую желтую луну. Мне показалось, что мы не так уж далеко друг от друга. Я даже вернулась к сундуку, постаралась уютно устроиться и заснуть. Но разбудивший меня холод не давал спать. У меня не попадал зуб на зуб, даже под теплым плащом. Я задремала только к утру, и как мне показалось, на меня сразу кто-то начал кричать.

–Вставай, вставай! Шевелись лентяйка! Ишь, развалилась!

Я открыла глаза и долго не могла понять, что происходит. Надо мной возвышался совершенно незнакомый человек. Он грубо дергал меня за одежду и тряс.

–Вставай, вставай немедленно! Хозяин хочет тебя видеть!

Я поспешно соскочила с сундука, одернула юбку, внимательно уставилась на незнакомца. Даже в кромешной темноте, мне удалось рассмотреть, что он судя по всему был лакеем барона. Одежда его представляла странное сочетание сильно поношенных, протертых почти до дыр зеленых шта-

нов, и новенькой, яркой куртки, украшенной вышитым гербом его господина. Манеры и интонации голоса у слуги были жеманные и не приятные.

– Просыпайся. Господин барон желает тебя видеть. Видеть немедленно! – подчеркнул он.

– Мне нужно привести себя в порядок, – я пыталась потянуть время.

– Мой господин не любит ждать. Он сказал немедленно, значит немедленно.

– Хорошо, пошли!

Странное дело, этим жеманным слугой, захотелось командовать даже мне. Раньше меня удивила бы собственная решительность, но сейчас, когда я знала, что мой защитник погиб, мною овладело злость и странное бесстрашие. Лакей быстро повел меня по темным узким коридорам. На крутых ступенях винтовой лестницы я едва не упала, снова наступив на край своей юбки. Пришедший за мной слуга не потрудился даже захватить с собой факел. Ему-то что, он явно отлично знал эти места, вовремя наклонялся и поворачивался, а я то и дело обо что-нибудь стукалась.

– Далеко еще? – жалобно спросила я, устав бродить в потемках.

– Почти пришли, – недовольно откликнулся лакей, – ты смотри, веди себя учтиво. Господин барон дерзости не любит.

Когда лакей открыл высокую дубовую дверь и бесцере-

монно толкнул меня вперед, я даже на миг зажмурилась от яркого света. В обеденной зале горело сразу несколько факелов и громадных канделябров, похожих на сияющие деревья. Света добавлял и огромный камин, в котором пылал целое дерево. Барон сидел в одиночестве, во главе длинного обеденного стола, застеленного белоснежными скатертями и заставленного блюдами с яствами. Возле него стояли несколько пустых стульев с очень высокими спинками. Хозяин быстро и неаккуратно ел большие куски мяса прямо руками, хотя рядом на столе лежала модная итальянская вещьца – вилка, с двумя длинными зубьями. Точно такую же вертел в руках допрашивавший меня монах-доминиканец.

– Чего так долго? – прочавкал он, облизывая жирные пальцы. – Не стоит заставлять меня ждать. Могу и рассердиться!

– Я не боюсь, – смело заявила я, и сразу почувствовала, что это не так.

Мои пальцы предательски дрожали, и даже коленки подгибались. Но я смело задрала нос, и как могла презрительно глянула на барона. Кажется, получилось довольно жалко. Хозяин замка придирчиво меня осмотрел и снова сосредоточился на еде. Он запивал мясо багряно-красным вином из высокого стакана мутного стекла. Тщательно пережевывал, смаковал каждый кусок. Совсем позабыл о моем существовании. Я стояла возле двери, захлебывалась голодной слюной, не могла оторвать глаз от маняще пахнущей пищи, но не решалась напомнить о себе.

Только окончательно наевшись, барон снова посмотрел на меня и хмыкнул презрительно:

—И весь сыр бор из-за тебя?! Стоило ли драться из-за такого заморыша.

Я готова была громко возмутиться, чтобы он не смел называть так же как мой Ганс. Но сумела благоразумно промолчать, а барон и сам меня переименовал:

—Нет, ты не заморыш, ты доходяга, одежонка и то вдвое тебя шире. Что не нашлось подходящей?

Я отрицательно мотнула головой, то ли отвечая на его вопрос, то ли требуя, чтобы он совсем отвязался. Барона это рассмешило:

—Кобылка-то с норовом! Откуда только взялась такая?!

Я опять угрюмо промолчала. А хозяин замка и не ждал ответа. Он весело беседовал сам с собой:

—Подумать только, трех собак покалечил, столько народу побил. Какой яростный защитник у этакого безобразия. Интересно, все таки, что же в ней такого? Спросить бы, да не у кого.

Неожиданно он обратился ко мне, поманил пальцем:

—Эй, доходяга, пойди сюда!

Я не хотя подошла, готовая в любое мгновение убежать.

—Тебе убогой, такие защитники не нужны, а мне по положению необходима достойная стража. Твой бы молодец, очень хорошо смотрелся бы в одежде моих цветов, да и вояка он славный! Только я не стал его сразу наряжать и оружие

в руки давать. Сперва я его накажу образцово, чтоб другим было не повадно портить моих собак и слуг.

Для меня его слова были поводом для робкой надежды.

–Так Ганс жив? – вырвалось у меня совсем тихо.

Барон услышал, сморщился брезгливо:

–Сдох, надеюсь, только мертвым его никто не видел. Выходит, сбежал зверюга.

Я не удержалась и подпрыгнула от радости, захотелось петь и танцевать. Злой взгляд барона оборвал мой порыв.

–Зря радуешься, я знаю, как его изловить. Вот ты и будешь наживкой. А когда верзила прибежит тебя спасать, мои люди его и схватят. Ну, посидит неделю, другую в подвале, одумается, будет мне служить.

–Не будет, – убежденно воскликнула я.

Светлые брови барона поползли на лоб.

–Как это не будет?!

Теперь пришла моя очередь выручать из беды своего спутника. Не долго думая, я ляпнула первое, что пришло мне в голову:

–Он сам герцог!

От изумления барон поперхнулся вином и долго откашливался, бил себя кулаком в грудь.

–Повтори! Ну-ка, повтори, что ты сейчас сказала.

Мне так понравился эффект, который произвела моя фантазия, что продолжала с огромным удовольствием врать:

–Да, да, он настоящий герцог Ольденбургский. Молодому

господину захотелось приключений, вот он переоделся простолюдином и отправился путешествовать инкогнито. Боюсь, вам барон, не избежать больших неприятностей за то, что ваши слуги напали на герцога.

Слушая мое вдохновенное вранье, барон краснел, бледнел, зеленел, хватался за сердце, тяжело дышал. Я ликовала. Мне очень повезло, что барон не был знаком с герцогом Ольденбургским лично. Сама я только, много раз слышала о нем, но ни разу не видела его даже издалека.

–А ты, тогда кто такая? – зло спорил барон. – только не ври, что ты тоже принцесса! У меня таких принцесс в свинарнике полно.

–Зачем мне врать, – принялась уверенно рассуждать я, – мне скрывать нечего. Я только служанка его матушки, младшая служанка. Она послала меня вместе с молодым господином, чтобы вернувшись я подробно рассказала ей обо всем, что случилось с ее сыном во время путешествия. Герцогиня заранее предполагала, что он сам, не обо всем захочет ей поведать.

Барон глубоко задумался, почесал затылок, посмотрел на меня сквозь стекло пустого стакана. Вскочил на ноги, воодушевленный, новой пришедшей ему в голову мыслью.

–Просто служанка, говоришь? Почему же тогда господин герцог так защищал тебя от моих слуг?

На мгновение совсем растерялась, не зная что теперь говорить. Мне оставалось только молиться, и бог услышал мой

немой вопль о помощи. Барон сам придумал объяснение, которое вполне его устроило:

–Впрочем, все понятно, молодой аристократ не привык чтобы ему кто-то мешал. При его огромной силе, все усилия моих слуг герцога только раззадорили. Конечно, ни один смерд не решился бы оттолкнуть меня. Сразу видна привычка повелевать.

Мне осталось только согласно кивать и сделать вид, что барон все правильно угадал. Барон сам придумал теорию, и сам себя убеждал в ее правоте:

–Разумеется, разумеется! И как я сразу не догадался, ну, какой крестьянин будет вести себя так нагло и самоуверенно?! Просто-напросто, он уверен собственной полной безнаказанности. А ведь, я что-то слышал о крутом нраве герцога Ольденбургского...

Он быстрыми шагами мерил столовую, нервно потирал руки, невнятно говорил сам собой. Барон находил все новые аргументы в подтверждение моей теории о знатном происхождении Ганса, и был так красноречив, что я и сама начала верить, что так оно и есть на самом деле.

–Как он себя называет? – неожиданно громко обратился ко мне барон.

–Ганс, – выдохнула я чуть слышно.

–Какой странный выбор, а впрочем это распространенное среди крестьян и слуг. А вот я бы, ни за что не смог именоваться так примитивно. Правда простолюдин с именем

Георг-Фридрих-Людвиг вызвал бы подозрения. Герцог Ольденбургский поступил очень мудро.

Я наивно полагала, что теперь барон осведомится и моим именем, но слуги его не интересовали. Его вполне устраивала дурацкая кличка:

–Поселите эту доходягу с другими служанками, – распорядился он.

Снова я топала за уже знакомым мне лакеем, по темным узким коридорам. На улице уже настало утро, и видимо, из экономии, он так и не зажег ни фонаря, ни свечи, так что серый неверный свет, пробивавшийся через узкие окна бойницы мало оживлял дорогу.

Помещение для служанок тоже не добавило мне радости. Узкая сумрачная комната с несколькими топчанами, мало отличалось от моей прежней тюрьмы. Там, очень скоро мое ликование сменилось тоскливым унынием. Мысль о том, что Ганс жив, больше не вызывала бурный восторг, а новые тревоги и заботы, повергли в уныние. Я подошла к окну, и стала вглядываться в небесную даль – серую и безликую, уже лишившуюся звезд, и по-осеннему бесцветна...

Облака, облака! Мы уже стоим под открытым небом, и когда только мы успели выйти из планетария?! Кажется я совсем замечталась, или ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ.

Представляю, какой странный, мягко говоря у меня вид. Стою хлопаю глазами, будто только что родилась и не понимаю где нахожусь. Но честно говоря и у моего спутника вид не лучше. Он тоже сильно напоминает человека, ударенного по голове пыльным мешком. Пытаюсь оживить происходящие. Спрашиваю натянуто весело:

–Ну как, понравились звезды?

–Кажется, да, – неуверенно отвечает Александр.

–Откуда такие сомнения?

–Это трудно объяснить...

–А ты попробуй, – настаиваю я.

–Тогда пойдем в ближайшее кафе, в двух словах, я рассказать не смогу.

Мы молча отправляемся на поиски тихого места. Со стороны мы, наверняка, представляем довольно странное зрелище: парень, девушка, цветы, а на лицах задумчивость древних мудрецов. Идем, молчим, сосредоточились каждый на своем. Я все не могу избавиться от своих сомнений, опять приходит в голову подлая мысль о собственной невменяемости. Обратно в психушку страшно не хочется. Но разумного объяснения собственным выпадением из реальности я найти не могу. Интересно, на чем так сосредоточился Саша? Лицо у него крайне мрачное и тревожное.

Наконец, нам на пути попадается некое подобие кафе. Па-

ра столиков установлены прямо в крохотном магазинчике. Но здесь вполне уютно и тихо. Заказываю себе молочный коктейль, а пить не хочется. Сажу, кручу трубочку, Саша тоже молчит, подбирает слова.

—Мы с тобой знакомы совсем немного времени, мало знаем друг о друге. Я не уверен, сумеешь ли ты меня правильно понять.

«Вот, это да! Как целоваться, так все в порядке, а теперь снова мало знакомы!» — разом закипаю, но пока молчу. Жду, объяснений, куда он клонит.

—Честно говоря, я боюсь, что сочтешь меня ненормальным или, как минимум, очень странным. И будешь права, конечно, но...

Знал бы он мою собственную биографию! Если окажется, что он псих, из нас выйдет чудная парочка.

—Я не смогу тебя понять, пока ты мне не расскажешь, хоть что-нибудь, — стараюсь подбодрить Александра.

—Это началось уже довольно давно, — говорит он. — Но, с тех пор, как мы с тобой встретились, усилилось и стало очень настойчивым.

—Да что стало? О чем ты говоришь?

—Помнишь, мой отец упомянул что-то о схлопывании времен? У меня такое впечатление, что они хлопнули меня по лбу, — смеется Саша.

—Отлично сформулировано, теперь я точно знаю, как то, что со мной происходит в последнее время, называется по

научному!

–Как, и с тобой?! – поражается Александр.

–Да, – признаюсь смело, – и меня тоже трудно назвать нормальной. Например, мне кажется, я точно знаю, кем был раньше один очень противный студент. Я регулярно с ним сталкиваюсь, только не могу объяснить где.

–Кто такой?

–Гад с фотоаппаратом. Зовут Игорь, кажется.

–И кем он был?

–Препротивным бароном.

–Каким бароном, – встревожено спрашивает Саша. – Светлые волосы, масляные глазки?

–Вы знакомы?! – поражаюсь до глубины души.

–Не знаю, – смущается Саша, – мало ли на белом свете сероглазых и похотливых...

–По-моему, я встречала не только Игоря но и ... – готова проболтаться я, но что-то меня останавливает. – Ты тоже, хотел рассказать, о чем-то необычном.

–Только что, в планетарии, я едва глянул на звезды и сразу оказался, бог весть где. Я тоже смотрел на небо, ночное, бездонное, с огромной круглой луной, звездное, но совсем другое. И вообще, сидел я в не в удобном кресле, а на корявой ветке дерева – дуба, кажется. Ветка раскачивалась под порывами холодного ветра, я ежился, держался изо всех сил, чтобы не свалиться. Еще бы, на земле, у корней дерева, моего падения терпеливо ждал большущий косматый медведь...

–Рассказывай, рассказывай же дальше.

–Я не с того начал, медведь, дерево – все это только по-
следствие.

–Так начинай с причин, – прошу я.

–Тогда уж надо рассказывать с самого– самого первого ра-
за. Это слишком долго.

–Говори, говори, мне очень интересно!

–Со мной это все произошло первый раз, еще летом. Я по-
ехал к деду в деревню на Алтай, уговаривать его перебраться
к нам в благоустроенное жилье. Машина задымила и встала
километров за десять до дедова дома. Пришлось идти пеш-
ком, дорога проселочная, попутку не поймаешь, километра
через три, нас нагнал мужичок на телеге. Лошадь толстая,
сытая; телега новехонькая, не скрипучая, было бы совсем по-
хоже на видение из прошлого века, если бы не модные джин-
сы и яркая футболка на молодом вознице. Он вызвался нас
подвести, и мы решили, что поездка на его телеге куда лучше
вынужденной пешей прогулки. Может быть, я задремал, в
ритме шагов лошади, но мне показалось, что наяву я, вдруг,
оказался в дремучем средневековье. И меня везли на телеге
к месту казни...

Я с величайшим интересом слушаю, подробный пересказ
моей собственной истории с побегом, только совсем с дру-
гой стороны. Получаю возможность увидеть себя, и холод-
ный сарай, и развалины проклятого дома, и стражу у го-
родских ворот, и гостеприимных стариков, и палача, глазами

Ганса. В жизни не слушала ни одну историю с таким волнением. Александр порой останавливается, боясь, что мне наскучит болтовня про чужие сны. Но я горячо убеждаю его продолжать. Особенно увлекательным повествование становится, после того, как слугам барона удается разделить Ганса и Анхель. Кстати, Александр также фамильярно именуется заморышем.

– Тебе еще не надоело? – опять спрашивает Саша.

– Рассказывай, рассказывай, – требую я, – в конце, тебя ждет большой сюрприз.

Заинтригованный он торопится быстрее закончить, но я требую подробностей, и к нему возвращается вдохновение. Глаза горят, рассказывает взхлеб, словно заново переживает все события:

– ... Драка была не шуточная, досталось мне сразу от пяти противников на всю катушку! Но, я ведь, тебе говорил, что по средневековую я шарахался совсем другой комплекции. Может и ростом повыше был. Короче говоря, я врезал по челюсти одному, другому, кому-то, кажется, ребра поломал. Крушил баронских слуг только так! Удалось мне от них отбиться, даже трофей захватил – отобрал у одного из нападавших нож. Плохой, кривой, но какое – никакое оружие. Раскидал мужиков, припустил в лес, они даже не пытались догонять, держались за побитые места. Это уж потом я почувял, что меня самого измолотили, будто хлебный сноп. Шагала по лесу, без малейшего представления, куда и зачем. Была

одна мысль, найти Заморыша. Хотел выйти к дороге, да леший голову заморочил, кружил на одном месте. Жрать хотелось зверски! Решил, поем, сил наберусь, тогда и дорога найдется. Только какую еду найдешь в осеннем лесу? Углядел семейство вепрей: громадный кабан, кабаниха, и кучка подранков этого года. Так мяса захотелось, хоть вой. Размечтался, поймаю, зажарю, полакомлюсь. Снял куртку, притаился в кустах, и ринулся на последнего, набросил куртку, подмял. Кабанчик вырывался, хрюкал, визжал. Я боялся папаша бросится на помощь, не тут-то было! Вепри унеслись, будто ветром сдуло. Я уж обрадовался, а зря! Невесть откуда взявшись, прямо на меня шел здоровенный голодный медведь. Тоже решил кабанятиной полакомиться. Куда мне на такого с моим ножиком? Я подранка выпустил, сам бежать. Шустрый кабанчик от мишки убежал, а тот с досады ринулся догонять меня. Кружили мы по лесу, кружили, пока не стемнело. Мне осталось одно, спастись от хищника на дереве. Настала ночь, а медведь все сидел под деревом. Я все надеялся, что ему просто надоест, и он уберется восвояси, а ему видно, заняться было нечем, он рычал и драл жуткими когтями ствол дерева, чтоб я не расслаблялся.

Убегать и прятаться, как трусливый заяц, для меня было невыносимо. Но я чувствовал себя таким усталым и избитым, что прекрасно понимал, с медведем мне не справиться. Время шло, звезды торжественно двигались по небосводу, луна быстро перебралась с одного края неба на другой, а

медведь все не оставлял меня в покое. Сроду не встречал такой бестолковой зверюги. Чего он ждал, пока я свалюсь будто спелая груша ему на голову?! Мое терпение таяло с каждым мгновением. Я снова и снова ощупывал чужой, неудобный нож – единственное свое оружие. И уговаривал себя дождаться рассвета.

Медведь снова громко, хрипло зарычал, пытался потрясти толстое дерево, скалил чудовищные желтые зубы. Внизу, в темноте, только и были видны его зубы, когти и красные глаза. Наверное, стоило испугаться, вместо этого, я забавлялся тем, что злил мишку еще больше.

–Эй, ты, чучело!

Я бросил на него какую-то ветку, целил в нос, между глазами и пастью. Судя по отвратительной смеси рева и визга, попал.

–Так тебе! Не шуми коврик прикаминный!

Зверь хрипел от ярости.

–Не хочешь быть ковриком? – веселился я. – Хорошо, будешь зимней попоной для баронской лошади.

Зверь зашелся от злости, драл когтями кору моего дуба, даже грыз дерево. Так я и скоротал ночь в веселой компании. Но с приходом дня, вопреки моим ожиданиям, медведь не только не ушел, но и не успокоился. А я-то думал, что хорошо знаком с медвежьими повадками. Косолапый, должен быть осенью толстым, ленивым, поедать ягоды, запастись жир на долгую зиму. А этот видно, уже знаком со вкусом

человечны, еще захотел. А мое терпение кончилось! Я только представил себя трусливо скукожившимся на ветке, как устыдился, выхватил нож, и ринулся вниз. Я рухнул прямо на спину медведю, и не долго думая, всадил свой дурацкий ножик ему в глаз. Зверь подо мной закружился волчком, и издох. Вот уж не ожидал я от него такой прыти. Выходит, я нашел новый способ, валить медведей или мне просто повезло.

Я слушаю открыв рот. Самое интересное, что у Саши даже манера говорить изменилась. Я снова ясно вижу перед собою Ганса. Жаль, что в средневековье я не знаю ничего про эту жизнь. А то бы порадовалась, ратным победам моего спутника. Хотя, все правильно, средневековье кончилось намного раньше двадцатого века. Александр спохватывается:

–Извини, я слишком хвастаюсь. Не стоило расписывать тебе кровавые подробности.

–Нет, нет, все в порядке, рассказывай дальше, – требую жадно.

–Да, пока собственно это все.

–Скажи, тебе хоть поесть-то удалось?

–Конечно, нажарил себе медвежатины. Только она слишком сладкая, а соли у меня не было, пришлось посыпать золой. Я был такой голодный, что мне казалось, сожру медведя целиком, но на самом деле наелся от пуза, да еще с собой прихватил. Теперь, твоя очередь, ты обещала мне сюрприз.

–Сейчас, подожди, минутку.

От погружения в атмосферу средневековья у меня сомой так разыгрался аппетит, что мне тоже захотелось сожрать целого медведя. Но пока скромно ограничиваюсь заварным пирожным и молочным коктейлем. Жую, собираюсь с духом. Когда я совсем уже готова торжественно произнести свое признание, из подсобки в торговый зал вбегает вусмерть перепуганный, взъерошенный человек, в широком когда-то белом халате и кричит, словно мы глухие:

–Уходите отсюда! Быстрее, быстрее! У нас проводка горит! Пожар!

–Вот, опять проблемы с электричеством, – улыбается Саша. – А может нам опять только кажется?!

–Все же нам лучше уйти. Кажется на этот раз все происходит на самом деле, – благоразумно замечаю я.

В это время, весь дверной проем в подсобные помещения заполняет плотный, едкий дым. Он вползает в кафе, сизыми ключьями повисает под потолком. От отвратительного запаха, начинают слезиться глаза.

–Бежим скорее!

Александр хватает меня за руку и мы как можем быстрее уносим ноги из злополучного кафе. Стремительно вылетаем на улицу, на ходу застегивая куртки. А там другая напасть: сильный ледяной ветер, снежная крупа и внезапно обрушившийся на город зимний мороз. Я сразу начинаю стучать зубами от холода. Моя, почти летняя, курточка совсем не при-

способлена для такой погоды. Саша не подает виду, но и он одет не по сезону. С порога кафе хорошо видны электронные часы на площади. На них точное время сменяет температура воздуха.

– Минус двадцать семь, – ужасаюсь я.

– Так не бывает, – поражается Саша.

– Последнее время, я постоянно сталкиваюсь с тем, чего быть не может. И вообще, мой мгновенно замерший нос, склонен верить термометру.

– Нам остается, только спастись бегством.

– Скорее в тепло, домой! – весело командуя я

Александр ловит машину, я радостно прыгаю в теплую кабину уже в дороге замечаю, как плохо в ней дышится. Водитель старенького жигуленка впечатлившийся, неожиданно начавшейся зимой, включил печку на всю катушку и наполняет салон густым тяжелым ароматом бензина. Меня душит кашель.

Все эти обстоятельства друг за другом наваливаются на меня с такой скоростью, что я забываю буквально обо всем. Даже с Сашей я прощаюсь как-то впопыхах и быстрее, быстрее лечу в свой домашний уют.

Едва переступив порог окоченевшая и скукоженная я направляюсь в ванную, набираю горячую воду, навожу душистую пену и ныряю в райское удовольствие. Через некоторое время, ко мне возвращается способность думать. В большом зеркале на стене я люблюсь своими округлыми плечами, кра-

сивыми руками и ногами. Ничего общего с худющими бледными мощами бедной Анхен. Теперь, я определенно гораздо красивей.

–Нет, не стоит признаваться, что Анхен это я. Буду молчать до последнего, – решаю я, – а сам-то Ганс сильно помельчал за последние века. Правда, Саша, пожалуй, симпатичней, – лениво рассуждаю я вслух, играю пышной пеной. – только голос совсем не изменился.

От удовольствия мурчу приятную песенку, плюхаюсь в тепле и комфорте. Пальма смотрит на меня как на умалишенную. А еще говорят, что у кошек нет мимики. Может быть у других нет, но у моей зверюшки, мордочка крайне выразительная. Я внимательно присматриваюсь к породистому животному. Последнее время, она перестала казаться мне так уж отвратительно лысой. Оказывается, уши моего чудовища покрылись очаровательным пушком. И сфинкс стал сильно напоминать чебурашку.

–Вот станешь через годик толстой, лохматой персидской кошкой, – лукаво обращаюсь я к Пальме.

Всем своим хилым существом кошка изображает полное презрение. Ей явно не нравится персидская порода.

Я возвращаюсь к своим размышлениям.

–«Надо будет осторожно выпросить у Александра, пока он ничего не знает, как на самом деле Ганс относится к Анхен. И вообще, ужасно интересно, что значит вся эта история? У нее обязательно должен быть какой-то смысл. Ладно

бы, я одна вообразила все это, но ведь целая толпа народа рассказывает одну и ту же историю с разных концов. Ладно еще, Светка, но ведь мама, похоже, говорила тоже об этом. А с Сашей нам и вовсе снятся одни и те же сны. Восхитительно, история Анхен вырисовывается во всех подробностях...»

Я добавляю горячей воды в остывшую ванную, и продолжаю мечтать вслух:

–Какая-то некрасивая, прозаичная история. Что-то не то я вспоминаю. Надо бы для разнообразия попасть в красивую сказку про принцессу и прекрасного принца. С хорошими манерами, – уточняю я, ярко вспомнив привычки Ганса. – хочу жить в красивом дворце, носить роскошные платья, сорить деньгами, есть всякие вкусности...

Мои волшебные мечты грубо обрываются на самом интересном месте. Желая убедиться, что добровольно забравшись в воду, я все еще жива, Пальма осторожно пробирается по бортику ванны. И оступившись задней лапой, срывается в воду. Вопли! Ужас! Агония! С помощью когтей, она пытается забраться на мою коленку, так суетится и машет лапами, что я никак не могу ее поймать и вытащить из воды. Злая и исцарапанная, я побеждаю, и буквально выбрасываю кошку на сложенное большое полотенце. Честно говоря, мокрая Пальма не слишком отличается от сухой. Разве что, глаза больше выпучены, да дрожь крупнее.

–Дура! – кричу отчаянно, – куда полезла?! Все когти повыдираю!

Разглядываю исцарапанную ногу, радуюсь, что зимой нет нужды носить короткую юбку. Вместо душистого масла, обильно мажусь зеленкой.

–«Прынцесса!» – замечаю злорадно.

От сладкой мечтательности и следа не остается.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ – ПОНЕДЕЛЬНИК.

Вот, только мне кажется, что жизнь налаживается, входит в обычную колею. Только, только, события приобретают мелкий будничный масштаб. Я вздыхаю облегченно, расслабляюсь, не жду новых чудес и странностей, да не тут-то было! (Последнее время, эти слова становятся буквально девизом моей жизни).

Поздний вечер не предвещает ничего особенного. Завернувшись в ярко-желтый махровый халат, замотав мокрые волосы большим полотенцем, уютно с ногами сижу на диване, бормочет телевизор, мурлычет Пальма... Смотрю на будильник и вижу как он сходит с ума. Если бы он один. Стрелки на всех часах движутся в обратном направлении. Перевожу встревоженный взгляд на экран, кадры сменяют друг друга как им и положено. Я уже беззаботно машу ему рукой:

–У, проказник, хотел напугать меня. А вот я не...

В этот момент, диктор произносит точное число и месяц, и я понимаю, что речь идет про вчерашний день. Точнее, я

ничего не понимаю. Даже фантастика в фильмах, мне казалось не понятной, а уж в жизни. На всякий случай решаю, что мне просто показалось. Смотрю на часы, они идут себе вперед, жаль, что телепрограмму проверить не могу, вчера новостей не видела. А если бы и видела, все равно не запомнила. Я бы уже плюнула на примерещившуюся мне странность, но диктор с маниакальной настойчивостью повторяет вчерашнюю дату. Остается последнее средство проверки – с давних пор, у меня есть привычка зачеркивать в календаре прожитые дни. Бросаюсь к календарю. Помнится я вчера сделала все как обычно. Но календарь на стене только подтверждает мои худшие предположения. Вчерашний день опять вернулся. Телевизор резко выключается сам собой.

–Тихо, без паники, – пытаюсь успокоить я себя, – вчера меня не было дома! Сейчас я здесь, надо этим воспользоваться. Но как?

Что особенного могло происходить, вчера в моей пустой квартире?! Здесь оставалась одна кошка. Вот и посмотрим, как она без меня развлекалась.

Ничего лучше мне придумать не удастся. Я пытаюсь тупо наблюдать за бродящей по комнате Пальмой, и мало-помалу чувствую, как меня одолевает паника. Бросаюсь к телефону:

–Алло, Света, сегодня какой день? Среда или вторник?

–Да, почему я знаю, – сонно отвечает подруга, – суббота, кажется.

Легче мне не становится, вчера действительно была суб-

бота.

–А может все-таки воскресенье? – жалобно спрашиваю я.

–Нет, точно суббота, – окончательно просыпается Света. – ты что, выпила лишнего?

–Да не пила я ничего!

Со стоном кладу трубку, лихорадочно соображаю, у кого бы еще спросить. У Саши телефон, само собой, не отвечает. Он же в горах со мной. Стоп! Эдак можно совсем спятить и опять оказаться в психушке. Кстати, можно позвонить Марине.

Гудки, гудки, деловой голос:

–Я вас слушаю.

–Какой сегодня день? – вместо приветствия выпаливаю я.

–Во-первых, Лиза, здравствуй! Во-вторых, откуда такой странный вопрос в субботний вечер? У тебя что-то случилось?

–Не знаю, кажется...

–Так, приехать смогу только завтра, – серьезно говорит Марина.

–В воскресенье? – уточняю жалобно.

–Не нравишься ты мне.

–Я и себе не нравлюсь, – вздыхаю я.

–Тогда до завтра, – решительно прощается Марина.

От разговоров с подругами стало только хуже. Все запуталось еще больше. Ведь вчера я не могла им звонить, раз меня дома не было. Время схлопнулось и меня тоже изряд-

но хлопнуло по черепу! Окончательно не понимаю, где я и главное когда.

Например, кошка меня совсем не замечает, словно меня и нет в комнате. Пальма деловито обнюхивает ковер, пристраивается в весьма специфической позе и собирается делать свое мокрое дело. Вдруг испуганно срывается с места и уносится на кухню. Спугнув моего зверя, осторожный звук поворачивающегося в замке ключа. Нет, не зря я оказываюсь в прошедшем дне. Входная дверь медленно открывается... Я с величайшим интересом ожидаю кто же появится на пороге. Воров, вчера, вроде бы не было.

Какие еще воры?! Своим ключом отпирает дверь в мое жилище любитель старых автомобилей и молодых блондинок. Серега! Я бы с треском выгнала его вон, если бы он меня только видел. Мой бывший сожитель, сквозь меня деловито осматривает комнату, разувается и прямиком проходит в спальню.

—«Гад, сволочь! Какого черта тебе там понадобилось?» — думаю, что кричу я.

«Гад и сволочь» меня не слышит. Остро чувствую себя приведением, вижу, как Серега заглядывает в одну из тумбочек. И к моему не малому удивлению, извлекает оттуда какую-то бумагу. В вензелях, узорах, напоминающую дорогие банковские ценные бумаги. Неужели, она уже давно была там?! Впрочем неудивительно, упакованная в большой конверт, она была прилеплена с внутренней стороны верхней

полки тумбочки. Шпионские страсти, просто-напросто!

Сергеа забирает бумагу, быстро обувается и уходит. А я остаюсь сидеть, словно пыльным мешком по голове ударенная.

–Что это было?! – рассуждаю вслух. – Или вообще ничего не было?! Может мне все примерещилось.

Я опять всерьез начинаю опасаться за собственную вменяемость. Какое-то подобие утешения дают странные слова Сашиного отца, про глобальное изменение нормальном ходе вещей. Но почему эти сложные и непонятные процессы начались именно в моей жизни. Что во мне такого особенного?! Вот уж никогда не мечтала об избранности.

Насколько было проще, когда я была уверена, что все странности со мной происходят во сне. Подумаешь, средневековые сказочки – плоды бурной фантазии. А это?!

–Надо успокоиться! – твержу я себе. – Надо немедленно взять себя в руки! Ничего особенного не произошло, ничего особенного не случилось. Мне показалось, мне просто показалось.

Но чем больше я это повторяю, тем меньше Серега напоминал приведение. Уж слишком я привыкла к настоящему Сереге из плоти и крови. Пришлось прибегнуть к логике Скарлет Охара.

–Я не буду думать сегодня, я подумаю об это завтра. – повторяю я вслед за литературной героиней. – в самом деле, уже поздний вечер, и какое бы число сегодня не было, пора

спать. А завтра будет другой день, может ситуация и прояснится.

Весьма решительно, даже не взглянув на часы, я отправляюсь в спальню и забираюсь под теплое одеяло. Закрываю глаза и ...

Я-то надеялась на волшебные сны, на новые приключения, на встречу с Гансом. А вместо всего этого банально проснулась утром. Самое удивительное, что вовремя проснулась безо всякого будильника.

На часах ровно семь. Осталось выяснить только какого дня и нужно ли мне идти в институт. Включаю радио. Какое разочарование! Несмотря на все временные странности, все выходные уже закончились, начинается новая учебная неделя. А мне уже понравилось, суббота, воскресенье и опять суббота. Пора возвращаться в скучнейшую реальность. Впереди целых две пары по математике.

–Но сначала я должна кое-что проверить.

Я стремительно подлетаю к тумбочке, выдвигаю верхний ящик, шарю под крышкой, там где Серега взял бумагу. Рука нащупывает липкий кусочек жевачки, значит, здесь что-то было приклеено, и то, что я увидела вчера, вполне может быть правдой.

Неумолимые стрелки будильника вдоволь наигравшись накануне, теперь двигались как им и положено, требовали поторапливаться. После уже набившего оскомину ритуала одевания, накладывания макияжа, торопливого завтрака и

автобусной давки, я захожу в просторный вестибюль института. Сразу же натываюсь на Свету. Я просто не могу не обсудить с ней мой вчерашний странный звонок. Интересно, что она подумала?

–Какой звонок? – удивленно смотрит на меня подруга. – ты мне звонила? Когда?

–Поздно вечером, вчера... или позавчера, – теряюсь я.

–Видно, ты меня не застала, я все выходные провела у племянницы на свадьбы. Устала как лошадь, лучше бы дома осталась.

–Но... мы разговаривали, – произношу я совсем тихо и радуюсь, что моя материальная подруга не услышала моих слов.

Она ведь обязательно разболтает всему курсу про смешное происшествие. Что-то мне не хочется такой славы. Уж лучше сама постепенно разберусь. Хорошо, что Света сразу забывает о чем шла речь, мы бежим в аудиторию и сосредоточенно решаем, решаем...

От цифр уже рябит в глазах, от формул тошнит, а дома еще готовиться к семинару.

–Мне всего этого не перерешать и за неделю, – жалуясь я Свете.

–А я долго возиться не буду, – заявляет она легкомысленно.

–Я бы тоже плюнула, да... Григорьевна мне этого не простит. Обязательно отыграется на зачете. Неизбежно придет-

ся долго мучиться, или потом или сейчас.

– Мне тоже проблемы с Григорьевной не нужны, но я знаю как их избежать.

– На взятку у меня не хватит.

– Фи-и, – морщит нос Света, – кто говорит про взятки?!

– А как иначе? – недоумеваю я.

– Очень просто, – снисходительно улыбается моя подруга, – я знаю книгу в которой есть все решения.

– И эта книга у тебя дома?

– Нет, конечно, это учебник чуть ли ни начала века. Григорьевна берет все свои задания оттуда, а потом сверяет все до запятой. Еще один экземпляр есть в городской библиотеке. Если хорошенько постараться можно заполучить его в читальном зале. Спишем все быстренько и побежим домой.

Я снова попала в центральную городскую библиотеку, где до этого бывала только со школьной экскурсией. Неужели люди могут работать здесь всю жизнь?! Унылые тетки похожи на книжных червей. Смотрят придирчиво с недоверием, отвечают неохотно, односложно, словно тайну скрывают. Сильно пахнет пылью и старостью. Света уверенно тащит меня по лестнице, точно зная где искать заветное издание. Даже в каталоге находят его довольно быстро. Но прочтя листок заказа библиотекарьша смотрит на нас, как на инопланетян.

– Вы уверены, что такая книга существует? – спрашивает она презрительно.

–Да, – радостно отвечает Света.

–Ну, ожидайте, – милостиво соглашается книжный червь. – Мне придется разыскивать ее в хранилище и поднимать в зал.

Она медленно удаляется и пропадает за дальней дверью.

–Ждать! – отчаянно восклицаю я, и бросаюсь в объятия подруги. –Спаси меня! Я этого не выдержу!

–Не переживай, – с преувеличенной нежностью, гладит меня по голове Света. – Ты справишься! Я в тебя верю! Лиза, хочешь спустимся пока вниз, поиграем с Лиской?

–Какой еще Лиской? – не понимаю я.

–Рыжей собачкой, – смеется Света. – Живет здесь уже лет пять. Все к ней привыкли и зовут Лисой, Лиской. Пошли, покажу. Она тебе понравится.

–Я кошек люблю, – бурчу я.

–Да, да, я помню – лысых! – веселится моя подруга.

–Она уже не совсем лысая, – обижаюсь я. – А собаки в библиотеке это полная чушь! Ну и времена настали, все перевернулось с ног на голову.

–Ну что, идем?

–Пошли, – соглашаюсь неохотно.

На широком крыльце библиотеки действительно сидит маленькая рыженькая собачка, очень похожая на лису, с такими же большими ушами и острой мордочкой, только пушистый хвост коралькой на спине.

–Странно, как я ее не заметила, когда проходила здесь в

первый раз?

–Наверное, она грелась где-то в здании.

Увидев нас Лиска приветливо завиляла хвостом, подошла ближе.

–Ждешь чего-нибудь вкусного? – обращаюсь я к своей теске. – а у нас и нет ничего. – постой, я кажется брала с собой в институт бутерброд с колбаской, так и не съела.

Долго копаюсь в своей сумке. Чего там только нет! Не без труда нахожу пакетик с завтраком, разворачиваю и кидаю собаке. Она аккуратно есть не переставая благодарно махать хвостом. В это время крыльцо наполняется любителями покурить, морщу нос, отхожу подальше. А Света сразу находит единомышленников, закуривает и исчезает в дымном облаке. Только рыжая Лиска разделяет мою не любовь к острому табачному запаху. Убегает с крыльца и усаживается рядом со мной. Может библиотека и для собак не место, но эта хитрая мордочка, но эта хитрая мордочка выглядит весьма начитанно.

Лиска ярко проявляет свою собачью сущность и с веселым лаем начинает гоняться за проезжающими мимо машинами, провожает до поворота и возвращается. Вдруг, из-за соседнего дома на бешеной скорости выруливает громадный джип, зеленый как майский жук. В мгновение ока рыжий зверек исчезает под колесами. Я в ужасе замираю с крыльца летит дружный возмущенный крик. Машина пролетает мимо библиотеке и исчезает вдаль. Лизка остается лежать на

дороге.

–Эх, если бы вернуть время, хотя бы на пять минут! – вырывается у кого-то.

Все молчат. Свидетелями происшествия стали человек двадцать. И всем нам отчаянно жаль, что нельзя вернуть время назад. Хотя почему нельзя?! Я остро вспоминаю вчерашний вечер. Как же это делается?

Ответ я найти не успеваю, с пространством происходит что-то странное, возникает впечатление, что большие деревья раскачивают все вокруг себя. Даже мелкие снежинки падают снизу вверх. Такая странность продолжается всего одно мгновенье, а дальше происходит то, чего я не в состоянии понять и объяснить.

Я с изумлением вижу: Свету, болтающую с курильщиками, закуривающую сигарету, рыжую собачку, мирно сидящую у моих ног. Лиска срывается с места и начинает лаять на проезжающие машины, из-за угла дома появляется изумрудно-зеленый джип... но я успеваю подхватить маленькую собачку на руки, и нас только обдает резким запахом бензина, когда джип пролетает мимо. Мой поступок приветствуют восторженными криками. Стоящие на крыльце солидные дядьки и тетки радуются как дети, подбегают ко мне, хлопают по плечу, хвалят:

–Молодец!

–Как ты успела?! Мне уж показалось, что чертов джип раздавил собачку.

–Выхватила прямо из под колес! Какая ты смелая!

–Страшно было?!

–Я бы так не смогла.

–Вот это реакция! Здорово!

Я улыбаюсь, принимаю поздравления, ничего не понимающая Лиска сердится, изворачивается, старается куснуть меня и вырваться на свободу. Я отпускаю вертлявую собачку. Она отбегает всего на несколько шагов, принимается деловито чесать задней лапой за ухом. Потом довольная подставляет голову, чтобы погладили. Ее любят, ласкают, суют что-то вкусное, веселая суета напоминает игру в детском саду. Словно все вместе совершили еще один прыжок во времени и вернулись в возраст коротких штанишек.

Ко мне подходит Света, тянет за руку, страшно шипит в ухо:

–Что это было? Мне только показалось или...

–Тебе показалось, – на всякий случай заверяю я.

Но подругу не проведешь. Моя решительность только больше убедила ее, что произошло нечто необычное, и я имею к этому отношение.

–Я не дура, – заявляет Света, как только мы отходим в сторону, – я точно видела, что джип проехал и сбил собачку, а потом все началось заново, и та же самая машина опять проехала по тому же самому месту, но собачка осталась жива и здорова.

–Почему ты пристаешь со своими расспросами именно ко

мне? – возмущаюсь я.

– Собачку спасла ты, и странные сны сняться тебе, а не кому-то.

– А при чем здесь мои сны?!

– Не знаю! Но все странное должно быть как-то связано.

– Еще скажи, «истина где-то рядом!», – смеюсь я, – на-смотрелась «Секретных материалов», во всем ищешь всякие загадки.

– Не отшучивайся! – Света смотрит строго. – Безо всяких зеленых человечков, кажется, я догадываюсь, что произошло. Ты умеешь управлять временем?!

– Нет, я не умею! Но похоже, спасти Лиску, одновременно пожелали много людей – все кто видел джип. Я уже много раз слышала, что люди способны совершать чудеса когда разом пожелают одного и того же, но не успеют испугаться невозможности исполнения желания.

– Какая мудрая мысль, – на распев произносит Света, – я начинаю гордиться, что дружу с тобой.

– У меня есть еще одна, – улыбаюсь хвастливо.

– Не может быть, чтоб один человек вмещал столько мудрости, – веселится моя подруга.

– Все может быть! Я думаю, что нам с тобой пора уже вернуться в читальный зал, не то, чего доброго, пропустим главную книгу нашей жизни.

– Студенческой жизни, – уточняет Света.

И мы отправляемся обратно в духоту и скуку библиотеки.

Невольно замедляю шаги и оттягивая встречу с высшей математикой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ПОБЕГ.

Ура! Все списано, все закончено! Я свободна! Иду, дышу, наслаждаюсь отсутствием насущных проблем. До завтрашнего утра, можно никуда больше не спешить.

Вечно озабоченная Света убежала в парикмахерскую, а мне плевать как выглядит моя голова. Главное ее ничем не загружать. Останавливаюсь, с удовольствием разглядываю новенькое крылечко магазинчика «все для ремонта». Радуюсь, что проблемы ремонта квартиры не будут меня волновать еще несколько лет. Красивую, все-таки сделали стенку из декоративного камня, смотрится как настоящий. Я даже провожу пальцем по шершавой поверхности...

Пространство искажается словно рябь проходит по воде. Я отдернула руку от стены. Камни холодные, серые, грубо отесанные. Какое неуютное жилище определил своей прислуги барон. Я сидела на одной из пяти грубо сколоченных скамеек, заменявших здесь кровати. Как мало похожа эта комната на мой родной дом – светлый, теплый, красивый. Хочу к маме!

Одна я оставалась недолго. Вскоре появилась старая неприятная женщина. Войдя она сразу принялась браниться

и возмущаться:

–Еще одна служанка! Ну, куда нам еще одна?! В доме и так не протолкнуться из-за этих бестолковых девиц. Бездельницы! Только бы им болтать да хихикать! А комнаты убирать как следует не умеют! За что их барон только кормит?

Я сидела втянув голову в плечи. Вроде бы и упреки относились не ко мне, но неприязнь и раздражение сразу заполнили комнату до краев.

–Ты-то, хоть что-нибудь умеешь? – обратилась старуха ко мне, безо всякого приветствия.

–Да, – только и успела выдохнуть я.

–Ну, слава богу! Не придется с тобой долго возиться, а то у меня времени совсем нет. А чего ты такая дохлая? – грубо спросила она, ткнув в меня костлявым пальцем.

–Не знаю, -жалобно пискнула я

–Щас.

Неожиданно старуха повернулась ко мне спиной и вовсе пропала за дверью. Я совсем растерялась, не знала, что мне теперь делать. Ждать ее или идти куда-нибудь самой. К счастью, неприятная особа быстро вернулась и протянула мне целое блюдо со всякой едой. Здесь была и миска с луковым супом, и варенная рыба с чечевицей, и вода, и хлеб. Я набросилась на пищу, как голодный зверь. Из-за последних переживаний и волнений я и не заметила, как сильно проголодалась. Только проглотив залпом добрую половину еды, я стала есть медленнее и смогла внимательно рассмотреть мою но-

вую знакомую. Врядли она прожила слишком много лет, но жизнь ее не щадила. Руки огрубели от работы, кожа потемнела на солнце. Видимо, раньше женщина была дородной, и когда она похудела из-за болезни или другого страдания, кожа на ее лице сморщилась и повисла отвратительными, глубокие морщины превратили ее в древнюю старуху. А скверный характер сделал голос скрипучим. Женщина смотрела на меня с неприятной усмешкой.

–Теперь понятно почему ты такая костлявая! Редко доводится пообедать?

–Последнее время, да, – со вздохом призналась я.

–Будешь хорошо работать, поешь вдоволь, – улыбнулась старуха.

Улыбка тоже не красила ее лица. Мне стало тоскливо от того, что я уже давно не видела добрых улыбающихся людей. А старуха снова принялась ворчать:

–Что это за лохмотья ты напялила? Ты ж из них вываливаешься!

–Но у меня нет другого платья.

–Такой неряшливый вид оскорбляет прекрасный вкус нашего барона.

–У него прекрасный вкус? – усомнилась я тихонько.

К моему счастью, распекавшая меня старшая служанка была туга на ухо, и не расслышала моих слов. Она взяла из рук, прибежавшего в комнату, шустрого мальчишки небольшой сверток и протянула мне.

–На, переоденься! В баронском замке прислуга должна быть опрятной, только не забудь вымыться хорошенько. Не хватало еще чистое платье одевать на такую грязнулю. Этот мальчишка отведет тебя в прачечную, у них наверняка даже осталась теплая вода.

Поев, отмывшись и переодевшись, я почувствовала себя королевой. Сразу захотелось поспать, полежать, понежиться помечтать. Но у моей новой морщинистой знакомой были совсем другие планы на мое будущее:

–Ступай, принеси воды, – строго заскрипела она.

Я покорно кивнула, и поймала за руку пробежавшего уже знакомого мне мальчишку.

–Стой, объясни куда вы ходите за водой.

–Кто куда, – успешно отозвался он.

–А мне куда? – совсем растерялась я.

–А тебя кто послал?

–Она, – неопределенно ответила я, не зная как назвать мою новую знакомую

–Если Ангела, то тебе вниз за ключевой водой, для господского стола. Наш барон отказывается есть пищу приготовленную на колодезной воде, говорит, что она пахнет плесенью, мы носим для него воду из родника.

–Дорогу покажешь?

–Это запросто! – весело подмигнул мальчишка. – только проводить не смогу, Ангела надавала мне кучу дел.

–Не подходит ей это имя. Совсем не похожа она на анге-

лочка.

–Только если он сушенный и сморщенный, – звонко за- смеялся мальчик.

Он вывел меня из замка через узкую неудобную калитку и махнул рукой в сторону, сбегаящей вниз с холма, тропинки.

–Беги по ней, не сворачивай. Наткнешься на родник, не перепутаешь. Да, дальше и дороги-то нет.

Набросив свой старый шерстяной плащ, вооружившись двумя большущими кувшинами, я зашагала по тропинке, то и дело радуясь, что мой новый наряд куда удобнее прежней слишком длинной юбки, и я не наступала на подол и не падала. Тропинка весело спускалась с холма и углублялась в лес. Мальчишка был прав, я сразу узнала любимый бароном родничок. Тропинка упиралась в маленький аккуратный сруб из круглых дубовых полешек. Он уже был полон водой.

Мною овладело непреодолимое желание наклониться и удалить жажду. И хоть я прекрасно понимала, что вода очень холодная, я все равно так и сделала. Я поставила на землю кувшины, наклонилась и дотянулась губами до обжигающе ледяной влаги, но не успела сделать глотка. В водной глади отражались два человека. Я отпрянула в ужасе.

–Ты кто?

–Вот те на, ты уже меня забыла?

Возле родника стоял Ганс. Мой милый, замечательный Ганс.

–Я так соскучилась!

Я бросилась обнимать его, подпрыгнула и повисла на шее.

– Мне было так плохо, так страшно! Где ты был все это время? Почему ты меня не спасал?

Я вдруг рассердилась, и стала бить его кулаками в грудь. Ганс только смеялся надо мной:

– Где уж мне за тобой угнаться?! Ты вон уж и переодеться успела, и в замке поселиться, и кувшинами обзавестись.

– Ты ничего не знаешь! Они меня мучили!

– Наверное, насильно кормили, судя по розовым щечкам.

– Нет! Да... кормили, не насильно...

– Хотя вкусно?

– Не вкусно, зато много, – призналась я со вздохом.

– Медвежатина тоже не вкусная, особенно без соли, – веселился мой громила, – а новый наряд тебе к лицу.

Я даже смутилась от неожиданного комплимента, а Ганс продолжал:

– Как тебе удалось так хорошо устроиться? Помниться, сначала намерения у барона были вовсе не миролюбивые. От чего он вдруг изменился?

– Я сказала ему, что ты переодетый герцог Ольденбургский.

– Я герцог?! – громила хохотал до слез. – Если я герцог, то кто ты? Моя мамаша?!

– Нет, я только служанка герцогини.

– Очень мило! Я даже не знал, что у тебя такая бурная фантазия. Тебе очень повезло, что барон достаточно тупой, чтобы верить в подобные рассказы.

–Знаешь, он даже не усомнился в правдивости моих слов.

–Только есть одна неувязочка, – веселился Ганс, – из меня герцог как из горшка – корона. Даже умница барон, сразу разоблачит обман.

–Что же нам делать? – растерялась я.

–Бежать, как можно дальше, как можно быстрее.

Он схватил меня за руку, и мы понеслись куда глаза глядят, прочь от злополучного баронского замка. Большие кувшины так и остались стоять возле родника. Вокруг поднимался негустой лесок. Деревья уже сбросили листву и укрыться среди них было трудно. Оставалось надеяться только на то, что меня долго не хватятся и мы успеем убежать достаточно далеко, чтобы нас не нашли. Ох, нелегкая это была задача! Когда Ганс делал один шаг, мне приходилось делать три и я еще отставала. Никогда в жизни я не бежала так быстро.

–Может отдохнем, – вскоре стала умолять я. – Я с ног валяюсь.

–Если нас поймают, и твой обман раскроется, мы пожалеем, что сбежали от отцов-инквизиторов. Захочется вернуться на костер.

Такие обещания подстегнули меня, и словно, прибавили сил. Я догнала громилу и даже несколько минут бежала рядом с ним.

–Какой ты шустрый заморыш, – усмехнулся он.

В ответ я могла только пыхтеть, но мне было приятно

услышать еще недавно так обижавшее меня прозвище. Раньше чем я снова выдохлась и начала отставать, громила вдруг скомандовал:

–Стой! Так мы далеко не убежим.

–Почему? – наивно спросила я.

–Мы все время немного забираем влево, при таких делах, мы опишем большой круг и вернемся к роднику.

–Я слышала, так люди могут кружить по лесу по несколько дней, – вспомнила я.

Ганс взглянул на меня с уважением.

–Смотри-ка, и ты кое-что понимаешь в жизни. А я-то думал, таких как ты выращивают на клумбе.

–Значит, я похожа на цветок? – счастливо улыбнулась я.

–Похожа, только я не могу определить на какой.

–Если ты сейчас опять скажешь какую-нибудь гадость, я... – мне так и не хватило фантазии, чтобы придумать убедительную угрозу.

В результате, я только больше раззадорила моего спутника. Он воспользовался нашей остановкой, чтобы подразнить меня.

–Но расскажи, расскажи, чего мне ожидать. Я так и умираю от страха. Так что ты намерена предпринять?

Я угрюмо молчала, старалась хотя бы не выглядеть слишком глупо.

–Я кажется, догадался, если я скажу что-нибудь не то, ты только дунешь в мою сторону, и я улечу за край Земли, –

глумился громила.

Я не нашлась, что ответить.

–Нет, понял, ты плюнешь и я утону! – не унимался Ганс.

–Замолчи!

–Не то ты испепелишь меня взглядом?

–Да!

–А что еще ты предпримешь?

–Обижусь! – сказала я серьезно.

–Не стоит, – громила тоже стал серьезней. – пошли дальше, нам надо спешить.

–Только, давай выберемся на дорогу, я не могу больше спотыкаться о корни и уворачиваться от веток.

–Пожалуй, мы уже достаточно далеко убежали, чтобы нас перестали искать. Думаю теперь нет нужды бродить по лесу и можно пойти по дороге. Я видел тут одну, совсем рядом.

Как Ганс и говорил, свернув в сторону, мы очень быстро выбрались на удобную, широкую дорогу. Мне показалось, что она та же по которой мы шли в самом начале до встречи барона. По земле, утоптанной копытами коней и изъезженной колесами телег идти было гораздо легче и веселее.

Опять мы шли сами не зная куда. Но рядом с Гансом я чувствовала себя спокойно и беззаботно. Мне даже захотелось поболтать, и я принялась расспрашивать моего спутника:

–А чем ты занимался без меня?

–Медведя ел.

–С тебя станется.

–В самом деле, не мышами же мне питаться! Я же не кот.

–А кем же надо быть чтобы питаться медведями? – задумалась я.

Ганс почесал подбородок, ответил не сразу:

–Даже не знаю, по моему, в лесу с медведем никому не справиться.

–Кроме тебя, – лукаво улыбнулась я.

–Напрасно не веришь, специально для такого Фомы, я прихватил с собой, пару зубов и даже кусок мяса. Пробовала когда-нибудь медвежатину?

–Нет, конечно.

–А хочешь, попробовать?

–Только если маленький кусочек, а то я съела столько че-чевицы, что на неделю хватило бы.

–Придется устроить привал, совсем короткий.

–Пусть короткий, только бы чуть-чуть отдохнуть.

–Вон, перед подъемом на высокий холм, большой камень, на нем можно удобно посидеть.

Я радостно подбежала к нему и уселась на его округлый холодный бок.

–Здесь долго не просидишь.

–Тем лучше!

–Ну, давай, доставай свои трофеи.

Ганс так не успел мне ничем похвастаться... с вершины холма, галопом неслись к нам незнакомые всадники. Вид

у них был весьма воинственный, похоже, они с верху давно нас видели, мы даже не успели ничего предпринять, как нас окружили плотным кольцом. Их было человек восемь, и среди них барон, от которого мы пытались убежать. Дворяне охотники были хорошо вооружены. На нас хищно смотрели, стрелы сразу с трех заведенных арбалетов. Я испугалась так, что не могла вымолвить ни слова, а Ганс не растерявшись не на секунду, сразу вспомнил, что я назвала его герцогом, и выпрямился важно, подпер одну руку в бок, и спросил надменно:

–Вы что-то хотели господа?

Вопрос остался без ответа. Но громилу это ничуть не смутило, он обратился к барону:

–Я смотрю пора учредить рыцарские ордена, для защиты путников идущих через ваши земли. Эти дороги опаснее палестинских.

–Таковы издержки путешествия инкогнито, – откликнулся барон.

–Если бы знал о подобных порядках заранее, объехал бы ваши земли как можно дальше.

–Мы бы хотели оказать вам совсем другой прием, – улыбнулся барон.

Он явно не понимал, как себя вести. С одной стороны от вздорного здоровяка «герцога» можно было ожидать чего угодно, но с другой ему очень не хотелось упускать такую редкую возможность втереться в круг коронованных особ.

Барон мечтал о том, чтобы герцог Ольденбургский посетил его замок, но боялся предоставить ему лошадь, опасаясь, что гость поедет совсем в другую сторону. Хитрец нашел таки выход:

–Если вашей светлости угодно передвигаться подобно древним героям и современным крестьянам, мне остается только присоединиться к вам, и проводить до моего замка. Где дорогих гостей всегда ждет великолепный ужин и ночлег.

–Я затеял все это, именно для того, чтоб остаться одному, – возразил Ганс.

Но барон сделал вид, что его не услышал, решительно спешил, поклонился мнимому герцогу и направился к замку. Его спутники двинули лошадей следом. И нам пришлось возвращаться. Ганс благоразумно решил, что ввязываться в драку и ловить стрелы просто глупо. Так целой толпой мы торжественно проследовали сквозь хмурый осенний лес. Барон пытался развлекать нас светской беседой и не раз ставил Ганса в неловкую ситуацию, из которой тот с успехом выбирался, к моему немалому изумлению:

–Что нового сейчас при дворе?

–Все как всегда: скука и сплетни, – притворно зевнул мой спутник.

–А что сейчас в моде? – масляно улыбался барон.

–Я не интересуюсь этой женской забавой, – поморщился громила.

–А как здоровье вашей матушки? – не отставал барон. –
надеюсь все хорошо?

–Все слава богу!

Мы на удивление, быстро добрались до ворот мрачного баронского замка. Оказалось, что мы с Гансом потеряли в лесу массу времени, и двигаться по дороге было куда быстрее и удобней. Так бездарно завершился наш весело начавшийся побег. И я снова глядела на серые каменные стены.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. БЕСКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

Трясу головой, возвращаюсь в реальность. Интересно, сколько времени я уже здесь торчу. Смотрю на часы и невольно громко удивляюсь:

–Ни одной минуты?! Я же только что смотрела на часы, может быть день другой?

Я даже решила спросить точное время и дату у прохожего. На меня посмотрели как на полную дуру, но только подтвердили, что я потеряла, от силы, одну минуту. Впрочем, чему удивляться, ведь прошлый раз все было точно так же. Где-то там проходил целый день, а здесь я успевала только моргнуть. Все равно, надоели эти чудеса со временем! Не хочу, замучилась! Другие живут себе здесь и сейчас, вот и я хочу, чтоб в моей жизни все было понятно и просто.

Все! Решено! С сегодняшнего дня никаких странностей и

видений! Я самая что не на есть обыкновенная студентка.

Мое решение конкретное и бесповоротное. В этот момент я не испытываю ни тени сомнения в возможности управлять всеми странностями в своей жизни.

Я честно верю во все это, еще часа четыре. Пока добираться до дома, открываю дверь, тупо сижу на диване, пытаюсь разобрать собственные лекции. Первым кто породил во мне сомнения была моя бесподобная «чебурашковая» кошка. Пальма опять ведет себя как выпавшая из времени: меня не замечает, на слова не реагирует, даже всегда срабатывавшая рыба не производит на нее никакого впечатления. Но, самое ужасное начинается когда я пытаюсь взять ее на руки. Пальма не осязаема! Рука проходит сквозь нее, как сквозь воздух.

Хуже того, зайдя на кухню, я ясно вижу еще одну кошку, вполне земную, ощутимую и голодную. Это тоже Пальма! Она жадно набрасывается на рыбу и со злобным урчанием пожирает ее в присутствии призрачной Пальмы.

–Боже! Как это остановить? – вырывается у меня громко. Жующая кошка поднимает голову, она явно меня слышит, а та, которую невозможно взять, томно удаляется в зал. Через минуту, оттуда доносится звон бьющийся посуды. Я бегу на звук...

Там – ничего, ни осколков, ни кошки. Все вазочки стоят на своих местах, целые и невредимые.

–Чертовщина, какая-то! Пальма, а ну, иди сюда!

Лысая кошка с большими пушистыми ушами, появляется из-за кухонной двери, явно не довольная, что ее отрывают от трапезы.

– Это, что же получается, – вслух рассуждаю я, – мне опять все примерещилось?! Я б еще поверила в эту версию, если бы не события последних дней. Но сейчас изменение времени, похоже, не причем. Кошки, вазы – чушь какая-то. Все-таки, высшая математика на меня плохо действует.

Придя к такому выводу, я само собой, откладывая институтские занятия на неопределенный срок и стараюсь заняться чем-нибудь абсолютно легкомысленным. Этот термин уже давно ассоциируется у меня только с Ленкой. Бросаюсь звонить любимой подруге.

– Привет, Ленка, куда подевалась? Почему не была в институте? – тороплюсь с расспросами я.

– Ах, мне некогда! – вдыхает она, – не до учебы мне теперь! Я влюбилась.

Ну, наконец-то, нормальная жизнь здесь и сейчас. Любовь, ахи, вздохи. Я с восторгом расспрашиваю счастливую подругу:

– Когда успела? В кого?

Она только рада лишний раз предаться приятным воспоминаниям.

– Он просто прелесть! Музыкант, гитарист, сам песни пишет, ужасно талантливый, я уверена, он скоро прославится! И я буду с ним.

–Врятли, – прозаично сомневаюсь, – о звездах вечно пишут, что они ветреные и часто меняют любимых.

–Нет, нет, мой не такой! Я уверена наше чувство сильнее всех преград.

–Ты сама скоро заговоришь стихами, – смеюсь я.

–Да, куда мне?! Вот ебсли бы ты только слышала его песни! Ты бы поняла, что все остальные поэты мизинца его не стоят!

–Даже Пушкин? – подкалываю я подругу.

–Не смейся, просто, это совсем другое. Пушкин – это прошлое, а мой Павел – это будущее.

–Ой, только не надо про прошлое, – умоляю я.

–Прошлое нас не интересует!

–Вот и слава Богу! Я тоже решила больше о прошлом не думать.

Лена меня не слышит, мечтательно рассуждает о своей музыкальной любви:

–Мой Павел, так здорово исполняет песни, я готова всю ночь слушать! У него уже было несколько концертов.

–Сольных? – удивляюсь искренне.

–Пока нет, к сожалению, но его так принимают, я так аплодировала! Боже мой, Лиза, я самая счастливая!

Когда мы прощаемся, я кладу трубку, продолжаю улыбаться. Везет же людям! Любовь, морковь, и никаких заумностей. Надо брать пример с Ленки! Жить легко и весело и не думать ни о чем не реальном.

–Так, начинаю нормальную жизнь! Чтобы сейчас предприняла моя чудная подружка? В магазин! Она бы точно отправилась за какой-нибудь обновкой. Магазины еще открыты, родители оставили вчера немного денег, пода действовать!

В магазин захожу важная, как султан Саудовской Аравии. Осматриваю помещение, с таким видом, словно легко могу купить сразу все, не заботясь о цене. Само собой, первым делом отправляюсь примерять дорожные шубки. Ну, и что, что у меня денег хватит, чтобы купить только один рукав от меховой роскоши. Этого же никто не знает! Продавщицы улыбаются, предлагают что подороже, я кручусь перед зеркалом, придирчиво оглядываю себя в роскошных соболях и эффектной норке. Даже задаю капризные вопросы:

–А это точно зимний мех? А он не вылезет? Терпеть не могу, когда остаются волоски на одежде.

–Что вы, что вы, – елеино улыбается продавщица, – это прекрасное качество. Московская фабрика, – суетится она.

–Московская?! – я корчу брезгливую гримаску, – наверное, папа прав, надо шубы покупать за границей.

Я покидаю отдел мехов, тщательно скрывая чувство досады. Когда же я смогу, вот так просто купить здесь именно то, что мне приглянулось? А пока я отправляюсь туда, где цены кусаются не так сильно. Сегодня, обязательно куплю себе новое платье.

Ну, разумеется, та модель, которая мне сразу и безогово-

рочно приглянулась, стоит примерно также как полушубок в соседнем отделе. Снова вздыхаю о том, что я не наследница семьи Рокфеллеров и уныло разглядываю то, что подешевле.

–Тоска!

Неужели я это произношу в слух?! Я же всегда была скромной и сдержанной, но стоящая рядом женщина меня явно услышала. Смотрит на меня улыбается, поддерживает тему:

–Меня тоже поражает отсутствие ярких интересных вещей. У того, кто разрабатывает эти модели, должна быть не проходящая депрессия.

Я поворачиваюсь к собеседнице, беззастенчиво ее разглядываю: лет тридцати, ярко красная помада, вечерний макияж, неуместный в данной обстановке. На ее лице смотрится вполне органично. Эту высокую, статную даму, пожалуй, следует назвать красивой. Смотрю на нее и по спине бегают мурашки, опять, опять, эти образы из прошлого! Я ее знаю! Я точно ее знаю! Вернее сказать не ее, а ту, которой она была лет триста тому назад. Конечно, мы с ней встречались, еще бы...

Я ясно осознаю и ужасаюсь своей догадки, что эффектная дама персонаж того самого первого сна. Она мало изменилась с тех пор, когда он (т.е. я) был в нее влюблен. Интересно, кто теперь ее муж, она ему тоже изменяет? Я решительно отмахиваюсь от странных мыслей. Я же решила, твердо решила больше не думать о прошлом, к тому же еще не о

своём или...

А незнакомка, словно испытывает твердость моих намерений, улыбается кокетливо, точь-в-точь как в моем сне.

—Как вы думаете, а мне пойдет черный, вот этот трикотажный костюмчик, мне кажется он вполне удобоваримый.

—Тебе черный никогда не шел, — чуть не ляпнула я, но вовремя спохватываюсь и произношу вполне вежливо:

—Я думаю, вам стоит поискать что-то повеселей, черный, конечно, классика, но уж больно скучно. Может вам стоит посмотреть вот эти темно-голубые брюки и блузку?

—Пожалуй, я зря недолюбливаю это цвет. В моем гардеробе уже переизбыток красного.

Дама с азартом перебирает на вешалке наряды, а я борюсь с неизвестно откуда-то взявшимся желанием: закупить ей подарков! Бред! Я же решила жить как нормальные люди, и не прислушиваться ко всяким странностям. Ерунда это все! Подумаешь тетка показалась знакомой. Глупости! Все это я придумала! Ерунда! Ерунда! Ерунда!

Фокус с магазином не удался!

Выхожу на улицу в настроении еще более паршивом, чем до этого. Не могу придумать чем себя занять надо срочно найти что-нибудь очень современное и беззаботное. Даже с Сашей не хочется встречаться. Он опять заговорит про свои приключения в средневековье, еще о чем-нибудь в этом вроде, а я не хочу! Больше не хочу ничего вспоминать! Шагаю по широкому проспекту в мрачной решимости положить конец

«этому» не знаю чему. Меня все бесит! Ветер слишком холодный, снег слишком колючий, дома облезлые, собаки дражные, прохожие уроды!

И чего я собственно взъелась на весь белый свет? Все хорошо, сейчас приду домой, напьюсь горячего чая, а лучше кофе, поглажу Пальму, мне даже становится смешно, нормальных кошек гладят по пушистой шерстке, а у моей «чебурашки» придется щупать уши, чтоб хоть немного приблизиться к приятному процессу. Мои старания по улучшению настроения начинают приносить свои плоды. Встречные люди перестают казаться отвратительными, погода становится приятной, я не спеша возвращаюсь домой, строю радужные планы.

– Не смей этого делать!

– Стой! Стой! Стой только!

Истеричные вопли грубо нарушают мою прогулку.

– Ну, кто так орет?

Тихо спрашиваю я, не рассчитывая на ответ, но мне принимаются объяснять сразу несколько человек:

– Девчонка, дура!

– Хочет из окна прыгнуть!

– Только, только ее из психушки выпустили, она видно обратно захотела.

– И чего бабе не иметься?

Во дворе дома, мимо которого я дефилирую, собралась целая толпа, некоторым даже не хватило места, и они стоя-

ли рядом на улице, довольствуясь тем, что было слышно из двора. Я тоже останавливаюсь возле них, хоть и терпеть не могу всяких зевак.

–Маша, не прыгай, зачем тебе это надо?

«Маша, из психушки?» – настораживаюсь я. И начинаю пробираться во двор. Обогнув дом, задираю голову. На балконе, седьмого этажа, типовой многоэтажки, вижу женскую фигуру в белом платье. Если бы увидела это в фильме, назвала бы этот прием театральным, а в жизни это выглядело страшно и одновременно прозаично. Я сразу узнаю свою соседку по палате, в больнице, ту, что казалась такой нормальной и сочинила сказку про цыганку. Маша совсем не изменилась. Вопреки голливудским стереотипам, она аккуратно причесанна, хорошо одета, стоит на краю балкона в модельных туфлях, не кричит, не плачет, кажется ждет, пока разойдутся зрители. Снизу, некоторые пытаются с ней разговаривать, кричат, убеждают не прыгать. Самоубийца на них не реагирует, сосредоточенна на чем-то своем. Мужчина рядом рассуждает с видом знатока:

–С ней надо поговорить не отсюда, кто-то должен подойти к ней совсем близко, и поговорить потихоньку. Лучше чтоб это был знакомый ей человек.

В толпе начинаются пересуды, оказывается, что все собравшиеся во дворе люди совершенно случайные, не находится даже тех, кто раньше называл ее по имени и рассказывал про психушку.

Я понимаю, что во всей этой толпе оказываюсь единственной, кому Маша не совсем чужая. Но кричать снизу:

–Эй! Ты меня помнишь? – безобразно глупо. И я быстро захожу в подъезд. Странно, но здесь никого нет. Только перед дверью квартиры вспоминаю, что она должна быть заперта. На всякий случай, толкаю обшарпанную деревянную преграду, она неожиданно поддается и открывается. Только теперь задумываюсь:

–«Чего ради я сюда приперлась? Ну что я могу сказать или сделать?!»

Чувствую себя крайнем глупо, ну какая из меня героиня?! Насмотрелась боевиков, и решила, быть в самом центре событий, что дальше?!

Отмахиваюсь от сомнений, как от назойливого насекомого. Захожу в квартиру. Темная, тесная прихожая, большая комната, ковры на стене и на полу. Потертый диван, черно-белый телевизор – обстановка как в квартирах у старушек.

Балконная дверь раскрыта настежь, шторы плещутся на ветру, как флаги. Осторожно выглядываю на балкон. Маша выбралась за перила, стоит на самом краешке, смотрит в даль. Ей дела нет до того, что происходит внизу, а толпа уже редет, народу надоедает ждать главного действия и зрители расходятся. Меня Маша даже не замечает, а я и рада, шепчу ей из-за шторы:

–Эй, поговори со мной!

–Я занята!

–Чем?

–Разве ты не видишь?!

–Не вижу.

–Я собираюсь покончить с собой! – злится Маша, – не отвлекай меня!

–Хорошо, хорошо, – спешу ее успокоить, – только сначала поговори со мной.

–Не о чем нам разговаривать! – мрачно отвечает она, не поворачиваясь в мою сторону.

–Ты меня хоть помнишь? – сомневаюсь я.

–Ты Лиза, из больницы, – откликается самоубийца, едва взглянув в мою сторону, – чего тебе здесь понадобилось?

–Я случайно мимо проходила... мы так давно не виделись, скажи хоть что-нибудь!

–Что-нибудь, – эхом повторяет Маша.

–Расскажи, хоть как жизнь, – спрашиваю весьма глупо.

–Жизнь, – горько усмехается она.

–Ну, что у тебя было, с тех пор пока мы не виделись?

–С тех пор, как ты сбежала! – поправляет меня Маша, – я гляжу тебя не поймали!

–Повезло, – пожимаю плечами я, – а тебя просто выписали?

–Выписали.

–Давно?

–Пару недель назад.

–И тебя здесь никто не ждал? – предполагаю я.

–Никто, – кивает она.

–Вот гады!

–Да, гады. Я-то думала... у всех своя жизнь, развлекаются, веселятся, путешествуют...

–А ты?

–Я сидела дома, как курица, ждала чтобы кто-нибудь пришел...

–Неужели не пришли?

–Пришли...

Я вижу Маша постепенно выходит из своего ступора. Кажется, разговор начинает вызывать у нее интерес, я не знаю, как развить свой успех, но она сама подсказывает мне способ:

–...Позвали на озера, жарить шашлыки, праздновать день рождение.

–Неужели ты отказалась?

–Зачем отказываться, я поехала, – говорит она бесцветным голосом.

А я воодушевляюсь:

–Вы там наверное, фотографировались?

–Фотографировались.

–Покажи фотографии, – с умыслом прошу я.

Кажется, Маша удивляется моей просьбы, но поразмыслив минуту, решает, видимо, что в ней нет ничего враждебного. И перебирается через балконные перила обратно

в квартиру. Движение это выглядит настолько привычным, словно она лазит через перила каждый день. Только одна туфля слетает с ее ноги и падает вниз на асфальт. Толпа издает вздох разочарования. Они-то ожидали куда более эффектного падения. Подумаешь, туфля. Несостоявшаяся самоубийца машет им рукой.

–Туфлю потом подберу.

Похоже, она окончательно пришла в себя, и мне можно вздохнуть спокойно, я не зря возомнила себя героем.

Как ни в чем не бывало, любительница прыгать с балконов приглашает меня в свою комнату, предлагает мне выпить чаю или чего-нибудь покрепче за встречу. Я от спиртного отказываюсь, спасение человеческой жизни, конечно, подходящий повод, но я помню о своем твердом решении не впадать больше во всяческую мистику и оставаться в здравом уме. Маша несколько разочарованно соглашается ограничиться невинным чаем. И только потом выясняется, что как раз чая-то у не и нет. Пьем морс, обсуждаем поездку на озеро:

–Обыкновенный был пикник, – рассказывает Маша, – если б не одна встреча, я и предположить не могла, что могу так быстро и глупо втюриться. Там, среди приглашенных, был один молодой человек, он сразу обратил на себя внимание, совсем не похожий на обычных парней, словно герой из романтического кинофильма. Высокий, худощавый, длинноволосый, а главное, он играл на гитаре, и пел, так за-

мечательно пел, я заслушалась, и сразу потеряла голову.

–Влюбилась?! Так это же замечательно, – восклицаю восторженно.

–Ничего хорошего, – вздыхает Маша, – пока я млела от его песен, Паша...

–Так его зовут Паша?! – перебиваю я, – я его знаю.

–Знаешь?! – поражается влюбленная.

–Ну, не совсем знаю... я о нем слышала.

–И что же о нем говорят?

–Только хорошее, мне так нахваливали его творчество, что даже хочется послушать самой.

–Не стоит! – с горечью произносит Маша.

–Но ты же сама хвалила его песни.

–Песни, песни, какая разница, главное, он бабник!

–Такое часто случается с творческими личностями.

–Личностями, – лицо Маши становится брезгливым. – Он заводит романы, с каждой попавшийся ему на пути девушкой. Предпочитает блондинок, с дурами проще.

–Не все блондинки дуры, – защищаю я свою подругу.

–Надо быть круглой дурой, чтобы связаться с Пашей.

–Ничего не понимаю, то он тебе нравится, то ты его кастиришь. Что он тебе сделал?

–Он мне?! – морщится недавняя самоубийца, – он ничего не мог сделать, он меня даже не заметил. Увлеченно обхаживал очередную блондинку.

–Так ты из-за этого...

–Самой теперь стыдно, – признается Маша.

–Хорошо, что все обошлось, – улыбаюсь я, – теперь осталось только поднять туфлю.

–Подниму и выброшу, терпеть не могу эти туфли! Ужасно неудобные!

–Надеюсь, вместе с обовью ты выбросишь старую привычку по любому поводу сигать с балкона. – Искренне радуюсь я.

–Очень бы хотелось, – соглашается Маша.

Ура! Моими стараниями, в мире на одного нормального человека стало больше. Кажется, я делала все не так, как советуют поступать в подобных ситуациях, но какая теперь разница.

Мы болтаем с Машей до самого вечера, она жалуется, что до костей промерзла, как дура стоя на балконе в одном легком платице. Из-за того, что беречь здоровье перед самоубийством показалось ей глупым. Хотела умереть красиво, а закончилась все не красивыми соплями. Постепенно к ней возвращается к ней способность шутить и воспринимать мир с юмором. Я долго не решаюсь уйти и оставить спасенную мною наедине с ее мыслями. Отправляюсь домой, когда на улице совсем темно. Чувствую, что смертельно устала, хочу только есть и спать.

Но у моего подъезда ждет возвращение новоявленного психиатра, теряющая последние остатки терпения Марина. Я тут же придумываю новую примету: «Если день начался

с высшей математики, то он закончится мыслями о психушке.» когда, наконец, этот день закончится?! Мне так хочется жить мирно и скучно, как все нормальные люди.

–Здравствуй, – устало киваю я подруге. – А с тобой, что произошло?

–Утром расскажу, милосердно отвечает Марина. – Все утром.

–Хорошо, – охотно соглашаюсь я.

–У тебя можно переночевать? – тревожно спрашивает подруга.

–Только, если мы сразу же ляжем спать.

–А может сначала поедим?

–Да, поедим.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. В ПОИСКАХ ДИВАНА.

Проснувшись утром, смотрю на часы и ясно понимаю, что опять проспала институт. Ну и не пойду туда вовсе! Сегодня все равно, только две пары, ни сопромата, ни математики. Лучше я спрошу Маринку, чего ради она ринулась ночевать вне дома. Выхожу в зал, где она уютно устроилась на диванчике, подруга уже проснулась, встала и собирает постельное белье. Она явно уже успела умыться, расчесаться и даже накрасилась. Я на секунду чувствую себя неуютно с сонным лицом и не чесаной головой. Но желание срочно привести себя в порядок быстро проходит.

–Доброе утро, – сонно зевнув, произношу я.

–Кому как, – энергично отвечает Марина, – у меня сегодня много дел.

–Но ты не можешь убежать и оставить меня в неведении, обо всем что с тобой случилось.

–Да, это будет невежливо.

–Ну, рассказывай, я готова!

Опускаюсь в большое кресло, сажусь по-турецки, Пальма залазит на подлокотник, принимает выжидающую позу.

–В меня стреляли, – просто и серьезно говорит Марина.

–О, Господи! – вырывается у меня, – кто?

–Так, надо рассказывать по порядку. все началось с того, что я влюбилась, он моложе меня, но это неважно. Он человек творчества, пишет стихи, музыку...

–Играет на гитаре, зовут Паша, – подхватываю я, – знаю, знаю.

–Откуда ты можешь знать?!

–Сейчас все в него влюблены, мне вчера так много рассказывали о нем, что я даже представить не могу, что речь может идти о ком-то другом. Неужели я угадала, и ты тоже попала под действия чар этого рокера?!

–Попала, – горько вздыхает моя рассудительная подруга.

–Но это на тебя не похоже, ты такая...

–Черствая, сухая, хладнокровная и скучная, – выпаливает Марина, чуть ли не со слезами на глазах, – он так и сказал, неужели я именно такая?

–Ну... он тебя совсем не знает.

–А ты?

–Я знаю, что ты надежная, спокойная, добрая...

–И все таки со мной скучно, меня даже на день рождения приглашают редко, не умею я веселиться!

–Я всегда приглашаю, – спешу вставить.

Но она не слышит, продолжает сокрушаться:

–Паша сказал, что я даже одеваюсь как мент! Не платья, а униформа. Дал мне кличку «Солдат Джейн». И все подхватили, знакомые теперь только так зовут, я делаю вид, что не обижаюсь, а на душе кошки скребут.

Не прав рокер, не похожа моя подруга на чокнутую Демми Мур! Конечно, она не беззаботная Лена, но говорят блондинки – это особый тип людей. А моя Марина мудрая брюнетка. Ух, поговорила я бы с этим Пашей, из-за которого прыгают с балкона и уходят из дома!

–Все это ерунда, – холодно продолжает «Солдат Джейн», – пока я была на концерте местных рок – групп, слушала любимого Пашу, меня ограбили. Возвращаюсь домой, там все перевернуто. Дверь открыта и двое ребят вытаскивают на площадку большущий тук моих вещей, завязанных в китайское покрывало. Я принимаюсь орать, раньше, чем успеваю сообразить, что следует делать в такой ситуации. Один из грабителей полез в карман куртки, достал пистолет и принялся палить куда попало. Пули рикошетили от стен, летали вокруг как мухи. Меня только чудом не заде-

ло. Парни бросились на лестницу и унеслись бросив вещи. А я не могла себя заставить даже войти в развороченную квартиру, тем более остаться там ночевать. Теперь соберусь с духом и пойду наводить порядок. Смешно, сама мент, а вызывать оперов не хочу, а надо.

–Хочешь, я помогу тебе прибраться?

–Позже. Я тебе позвоню. А сейчас пойду на работу, пусть кто-нибудь из наших разберется, не получается у меня выходной. А ты почему не на лекциях?

–Завтра пойду на сопромат, – обещаю я.

Через несколько часов, Марина действительно звонит, и сообщает, что можно приступать к уборке. Оказалось, что ее квартира не единственная в городе была обчищена вооруженной парочкой. Менты ищут связь между ограблениями.

Я сразу отправляюсь помогать подруге. Хоть самой боязно входить в ее разоренное жилище. Такой бардак, я вижу впервые в жизни. Впечатление, что грабители старались испортить все, что не унесли. Перебили посуду, поломали мебель, распоролли диванную подушку, вывалили все из шкафов, побросали на пол книги с полок, наследили грязными ботинками. От всего этого к горлу подступает противное чувство страха и отвращения. Словно я залезла во что-то грязное и липкое. Ужасно хочется сбежать отсюда, но ведь я обещала. На Марину страшно смотреть, моя железная леди явно успела прореветься, пока я сюда добиралась. Глаза опухли, нос красный. Теперь крепится, командует уверен-

НЫМ ТОНОМ.

–Так, самое страшное здесь, начнем с книжных полок и платяного шкафа. Эти гады, все-таки успели утащить мою шубу. Чтоб у них ее моль съела!

Мы долго дружно расставляем книги по местам. Несколько штук совсем развалились при падении, может их специально порвали. Марина откладывает их в сторону.

–Отремонтирую.

Скоро в куче требующих ремонта вещей оказываются часы, кое-что из посуды, резная шкатулка и рамы для картин. Но гораздо быстрее растет гора вещей сломанных окончательно и предназначенных на выброс. Здесь оказываются разбитое зеркало и много, много того чей первоначальный облик мне уже не понятен.

Марина действует быстро, решительно, но порой, над каким – ни будь черепком вздыхает так горько, что мне ее очень жало. Ну, что я могу поделать? Расставляю, мою, говорю глупости, отвлекаю.

–Знаешь, я должна сказать тебе спасибо, опыт пребывания в психушке мне пошел на пользу.

–Неужели?!

–Я вчера спасла человеческую жизнь.

Молчание.

Желание разговаривать пропадает как-то само собой. В полной тишине, мы заканчиваем уборку, моем полы, вытираем пыль. Когда завершаем последние мероприятия по

восстановлению прежнего порядка, насколько это возможно, Марина останавливается посреди комнаты, озирается, критично осматривает ее и трагичным голосом констатирует:

–Уборка не помогла! Находиться здесь я не могу.

–Так пошли отсюда, – воодушевляюсь я, – мне, почему-то здесь, тоже не по себе.

–Куда я денусь?! – вздыхает Марина.

–Пошли ко мне.

–Я полагаю дело совсем не в месте, просто надо отвлечься.

Я задумываюсь на минуту и предлагаю подруге великий Ленкин метод, который мне совсем не помог.

–Тебе надо пойти за покупками.

–Шопинг, никогда меня не увлекал.

–Ни разу? – щурюсь недоверчиво.

–Ну-у... – анализирует воспоминания подруга, – может быть однажды, когда мы с теткой покупали ей мебель....

–Значит, тебя увлекают крупные покупки, – подытоживаю я.

–Скорее всего.

–По-моему, тебе нужен новый диван.

–Да, на этом и сесть противно, – соглашается Марина. – По нему ходили в обуви, сломали ножку, порвали обивку. И вообще, этот диван старый как мир. Но мебель очень дорогое удовольствие.

–Только не говори, что тебе не у кого занять необходимую сумму.

–Да, я уже заняла, только рассчитывала тратить деньги на восстановление квартиры постепенно, а не все сразу.

–Какая разница?!

–Вот куплю диван и опять останусь без копейки.

–А иначе недели через две останешься и без копейки и без дивана. На всякие мелочи деньги разлетаются со страшной скоростью.

–Но, у меня и на еду не останется!

–Не переживай, будем питаться вместе.

Я впервые в жизни покупаю мебель. Никогда раньше не приходилось совершать такие крупные поступки, всегда доверяла в этом вопросе выбору родителей. У Марины тоже не было подобного опыта. Набираемся храбрости и идем выбирать подходящий диван. Сначала, само собой, мы не можем просто приступить к делу, долго бродим среди дорогущих роскошных спален, бестолковых шкафов и ярких кухонных гарнитуров. Глазеем, ахаем, ищем недостатки.

–Трудно представить, какого размера должна быть комната для этой кровати.

–А что?! Поломать все стены пяти-комнатной квартиры и поставить одну двухспалку

–А вот это специальная разработка для лилипутов – кровать, спичечный коробок.

–По-моему, если я даже лягу по диагонали, все равно, эта кровать будет мне коротка.

–Есть здесь вообще, хоть какие-нибудь диваны?! – раздражается Марина, – мне уже надоел этот мебельный склад!

–По идее диваны должны быть в отделе мягкой мебели, – пытаюсь рассуждать логично.

Но у меня и владельца магазина разная логика. В отделе мягкой мебели стоят напольные вазы и резные табуреты. Мы собираемся уже плюнуть и уйти восвояси, когда у самого выхода натываемся на синий, очень синий диван. Моя подруга ловит пробегающую галопом мимо нас продавщицу:

–А у вас есть еще что-нибудь кроме этого уродца? – она тычет пальцем в «синее чудо».

–Конечно есть, – жеманно жмет плечиками продавщица.

–Где?

–Там...

Она небрежно машет рукой куда-то в сторону.

На исходе второго часа изучения мебельного ассортимента, мы покидаем магазин с бумажкой, обещающей точную доставку дивана по указанному адресу в течении дня.

Когда мы возвращаемся к Марине домой, ждать доставку, перед нами встает новая проблема, как избавиться от старого дивана. Не ставить же один на другой. Мы даже пробуем двигать его сами, но старая громадина оказывается страшно тяжелой. Он словно приклеен к полу, скрипит, но не сдается. До нас доходит простая истина, что перемещение мебели занятие совсем не женское.

–Тяжелый как рояль, ненавижу! – Марина пинает новую

развалину.

– Может быть стоит позвонить Саше? – предлагаю я. Он приедет, что-нибудь придумает или сам его вытащит.

– Долго! – решительно заявляет Марина. – У меня есть вариант гораздо быстрее. Проще попросить помощи у моего замечательного соседа.

– И что он сделает?

– Сама увидишь, – подмигивает подруга.

Нам везет, «замечательный Маринин сосед» оказывается дома и с улыбкой выслушивает ее просьбу. Совсем уже не молодой, грузный и абсолютно лысый. Его внешность была бы неприятной, если бы не удивительное обаяние. Он улыбается и произносит слова приветливо и ласково. За версту видно умного и доброго человека.

– Новый диван – это замечательно, а с остальным мы сейчас разберемся. Сейчас пришлю своих архаровцев.

Не проходит и пяти минут, как в Марининой квартире появляются четверо молодых людей, легко подхватывают развалюху – диван и со смехом уносят его вниз по лестнице.

– Чудеса! – вздыхаю я.

– С Семеном Семеновичем всегда так.

– Он кто?

– Волшебник счастливо улыбается Марина.

– Никогда не замечала в тебе склонность говорить загадками. Если серьезно, не представляю, кем должен быть твой сосед, чтобы так решать любые проблемы. На нового русско-

го он совсем не похож.

–Я сама не знаю, чем он занимается, кроме того, что живет по соседству. Но таких приятных людей, мне давно не приходилось встречать.

–Не удивительно с твоей работой.

–Нет, он хороший человек, не только по контрасту с преступниками.

–А сын у него есть? – хитро щурюсь я.

–Кто о чем! – смеется Марина.

–Я же о тебе забочусь! Так есть у него сын или нет?

–Я точно не знаю, но кажется, Семен Семеныч живет один.

–А как же те добрые молодцы, которых он нам прислал?

–Они каждый раз разные и все слишком молоденькие.

–А как же твой музыкант? Тебя же не смущает что он тоже молодой!

Марина молчит и мне кажется, даже краснеет, отвечает не сразу, отвернувшись от меня и перебирая что-то на полке.

–Это совсем другое, талант не имеет возраста.

–Да что же там за Орфей? – смеюсь я, – что все в него влюбляются? Может он колдун и чернокнижник?! Прямо так хочется на него посмотреть. Только, как бы мне самой не поддаться?! Для страховки возьму с собой Сашу, с ним мне ничего не страшно.

–Так, если ты всерьез хочешь познакомиться с Пашиным творчеством, я могу это организовать.

–Слава Богу, узнаю свою подругу Марину. Деловая и спокойная. Я люблю тебя такой, не вздумай меняться! А слушать вашего рокера на самом деле мне не очень-то хочется. Не люблю мрачные песни на социальные темы.

–Ты не права, нельзя судить о том, чего не знаешь.

–Все! Все! Все! – энергично машу руками, – у меня нет ни малейшего желания со мной спорить.

–Ждать еще долго, не знаю как ты, а я ужасно голодная, – сообщает моя подруга, – пойдём, сварганим, что-нибудь съестное.

–Бежим скорее к холодильнику, я тоже ужасно голодная.

Мы перебираемся на кухню, здесь грабители напакостили меньше всего. Правда, они что-то искали в шкафу среди баночек для сыпучих. Все пороняли и рассыпали. Но по сравнению с тем, что творилось в комнате этот бардак уже не производил впечатление. Марина деловито заглядывает в холодильник, потом в соседний шкаф, и сообщает:

–Должна тебя огорчить, ничего вкусного и вкусно приготовляемого у меня нет. Придется сочинять что-то мудреное.

–Например?

–У меня где-то завалился кабачок, есть мороженный болгарский перец и помидоры.

–Рагу? – уточняю я без энтузиазма.

–Персидский плов, – гордо выпрямляется моя подруга.

–Персидский? – удивляюсь я, – а чем он отличается от обыкновенного?

–Увидишь, – загадочно улыбается она, – для начала доставай сковородку.

В раскаленную сковородку она наливает много подсолнечного масла и насыпает риса.

–Рис должен сначала обжариться, чтобы быть золотистым и рассыпчатым. А мы пока порежем кабачек.

На минуту отворачиваемся от печки к столу, склоняемся над овощами. Снова взглянув на сковородку, вижу высокое пламя с шумом поднимающиеся над ней! Я и крикнуть не успеваю, Марина вспыхнувшую сковородку и бросает ее в раковину, под струю воды. Еще секунду и от огня и следа не остается.

–Ничего себе фламбэ!

–У тебя такое часто? – выдыхаю я.

–В первый раз, – пожимает плечами Марина. – ничего не понимаю.

–Неужели, это значит, что плов отменяется? Я уже настроилась на экзотическое блюдо.

–Ничего подобного, сейчас мы все повторим снова.

На этот раз все проходит без приключений и меньше чем через час я уже чувствую себя сытой и счастливой. Экзотическое блюдо оказывается вкусным и сытным. Мы заканчиваем с едой и собираемся мыть посуду, когда в дверь громко и настойчиво звонят.

–Судя по стилю, это доставка.

Марина удивительно не спешно подходит к двери, отво-

ряет, впускает грузчиков, расписывается в ведомости, делает все с таким каменным лицом, что даже я не могу понять, рада она хоть сколько-нибудь. Мне приходится спросить:

–Ну, твоя душенька довольна? Диван по-моему, тот самый.

–Да, это хорошо.

–Хорошо?! Да это прекрасно! Ну, улыбнись, ты приобрела новую вещь, да еще такую огромную. Смотри, какой он мягкий!

Я весело плюхаюсь на диван, зову подругу сесть рядом, но она говорит только:

–Пошли отсюда, от этого дома мне до сих пор жутко, даже с новым диваном.

Мы покидаем оскверненное жилище с поспешностью беглецов. Только на улице, я тоже понимаю, что очень устала от угнетающей атмосферы обворованной квартиры. Не слишком короткий путь до моего дома, специально проделываем пешком, чтоб отдохнуть и надышаться свежестью только что выпавшего снега и легкого морозца.

В прихожей, нас встречает разгневанная Пальма. Хорошо, что я в курсе кошачьих реакций и не принимаю ее летающий из стороны в сторону хвост за собачье проявление восторга. Только, то чем размахивает моя кошка и хвостом-то назвать неловко. Какой же садист вывел эту породу?!

–Только не уверяй меня, что смогла привыкнуть к этому

уродцу! – говорит Марина, словно подслушав мои мысли.

–Мне приходится каждый раз напоминать себе, что это Сашин подарок.

–И дорогой подарок, надо заметить!

–Но гораздо чаще я думаю, что кошка ни в чем не виновата.

–Да, подобную красавицу остается только пожалеть.

Пальма внимательно нас слушает, растопырив пушистые уши. Издаёт странный звук, похожее на мяуканье не больше, чем комариный писк.

–Я и раньше не любила кошек, но твоя это уж совсем... кризис жанра. – говорит Марина.

Она опасливо обходит Пальму, по привычке включает телевизор, словно без него уже и заняться нечем. Он так и кричит о чем-то своем, пока я показываю подруге в журнале фотографию того самого места, в котором мне давно и безнадежно хочется побывать.

–Италия, – это так банально! – морщит нос Марина.

–Говоришь, как будто едешь туда на каждые выходные, – улыбаюсь я.

–Тем более не стоит тратить на заграничную поездку, на места растиражированные в каждом журнале. Лично меня привлекает экзотика, например Тай ланд.

–Что ж, проживем увидим, кому удастся отдохнуть интересней.

–И главное когда! – смеется Марина.

От романтических мечтаний нас отвлекает моя лысая кошка. Ей наскучивают попытки привлечь наше внимание и она берется сама себя развлекать. Первым делом Пальма с независимым видом проходит в спальню, но не найдя там ничего достойного ее внимания, возвращается тяжелой и царственной поступью, настоящей хищницы. Войдя в комнату, она критично осматривает шкафы и запрыгивает на нижнюю полку. Мы невольно оставляем в покое модный журнал и наблюдаем за ней. Обнюхав, все что лежит, стоит и валяется на нижней полке, с помощью затейливых телодвижений кошка забирается на вторую полку. Стоящие там вазы не вызывают у нее интереса, и она задирает свою морщинистую мордочку, намереваясь прыгнуть еще выше. Моя неправильная кошка встает на задние лапы, машет передними в воздухе, задевает одну из ваз, с ужасом бросается от нее в сторону. Задевает еще одну и с воплем спрыгивает на пол. Вазочки, покачавшись, как на замедленной пленке, наклоняются и летят вниз. Когда они одновременно разбиваются и раздается тот же самый звук, который так испугал и удивил меня вчера. Я резко поворачиваюсь к телевизору, не знаю, на что рассчитывая, ведь он вчера был выключен. И вижу темный пустой экран.

–Когда он выключился? – спрашиваю я подругу.

–Перед тем, как они упали, – растерянно отвечает она.

Между тем, «болтливый ящик» сам собой начинает работать. И как ни в чем не бывало, твердит о сказочных свойствах пива. Я понимаю, что временной сдвиг кончился, и

все идет своим чередом. Кошка виновато прячется за диван, осколки ваз мирно лежат на полу, Марина приступает к вопросам:

–Твоя техника часто так дурит? Может вызвать мастера?

–Не стоит, я думаю, дело совсем в другом.

–В чем еще?!

–Долго рассказывать, – отмахиваюсь я.

Приступаю к уборке того, что еще недавно было вазочками. Подумать только, я уже заранее знала, что это произойдет, но и мне в голову не пришло попробовать предотвратить неприятность. Следующий раз буду внимательнее... стоп!! Выходит, время может не только возвращаться назад, но и забегать вперед. А я бы так этого и не заметила, если бы не Пальма.

В результате, вместо наказания, моя кошка получает лишнюю порцию рыбы. Смотрит на меня с недоумением и торопится проглотить лакомство, пока не передумала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ВИНО И НАРЯДЫ.

Маринины влюбленные вздохи и вообще все наши разговоры о мечтах и романтики будят во мне нестерпимое желание услышать, а лучше увидеть Александра. Без него я вдруг почувствовала себя очень одинокой. Я решаю не бороться со своими чувствами, а просто взять и позвонить.

–Я соскучилась, – честно говорю в трубку.

–Значит, я еду? – вежливо переспрашивает Саша.

–Да, только быстрее, кажется, у меня совсем нет сил ждать.

–Двадцать минут.

Марина понимающе улыбается:

–Сама назначила свидание? Вроде бы это не по правилам.

–Какие сейчас правила?

–Пожалуй, – соглашается подруга, – вот и познакомишь меня с твоим красавцем, клянусь, даже не пытаться его увести, – смеется она.

–У тебя все равно ничего не получилась бы. У нас с ним есть общая тайна.

–Ну-ка, ну-ка, расскажи!

–И не подумаю, – веселюсь я, – это только наша тайна.

–Какая прелесть.

Я и заметить не успеваю, как пролетает время ожидания, и раздается веселый звонок в дверь. Успеваю только подумать, что Саша добрался удивительно быстро, как...

Вся моя квартира колыхнулось, словно отражение в мутной воде и пропала.

Прямо передо мной поднялись высокие двухстворчатые дубовые ворота баронского замка. Я повернулась к Гансу, его и не узнать: надулся, важный, как влюбленный голубь, даже верхнюю губу оттопырил. Стоял, смотрел на суровую цитадель, как на воробьиное гнездышко, произнес снисходитель-

НО:

–Неплохой домик, маловат, а так ничего.

Я чувствую себя очень неудобно, не могла понять, что мне делать дальше. Не узнавала моего грубого, но понятного громила. Напыщенный, важный господин появившийся вместо него, был чужим и пугающе не знакомым. Барон окончательно поверил, что перед ним настоящий герцог и принялся еще пуще кланяться и улыбаться.

–Я рад вас приветствовать в своем скромном жилище. Ваш визит огромная честь для меня. Вы уж не обесудте, но ваш ловкий маскарад ввел меня в заблуждение. Я не смог сразу оказать вам подобающий прием.

–Ничего, – снисходительно процедил сквозь зубы «герцог Ганс», – У меня большие планы...

Барон его уже не слышал, шел вперед, широким жестом приглашал шевствовать за ним.

В замке нас сразу окружила суeta слуг, беготня с какими-то сундуками, корзинами, кувшинами, я вчера и не заметила, что у барона столько слуг. Наш приход, напомнил мне поведение пчел, когда к улью подходит чужак. Вокруг нас, голоса гудели испуганно и раздраженно.

В уже знакомом мне зале для приемов, в большом камине ярко горело горячее рыжее пламя. Длинный стол ломился от яств. Я никогда раньше не видела такого роскошного угощения. И даже не подозревала, что так быстро можно наготовить столько разных блюд. На больших подносах дымилось

всевозможное жаренное мясо: оленина, молочные поросята, огромное количество птицы... словно ради этого обеда охотники перебили всю дичь. Над столом поднимался такой аппетитный запах, что у меня закружилась голова. Я не могла глаз отвести от румяных корочек и сочных кусков мяса. К роскошному запаху жаренного мяса перемешивались ароматы не знакомых приправ. Заморские специи щекотали нос. Неужели, дворяне всегда так едят?! Я забыла обо все, кроме этого изобилия. Любовалась желтыми ноздреватыми сырами, запотевшими узконосыми кувшинами, белыми дорогими хлебами.

–Я думаю, мы не станем сажать служанку за наш стол? – слова барона прозвучали как приговор.

Но Ганс спас меня от страшного разочарования:

–В моем дворце, герцогиня всегда садит ее обедать вместе с нами.

–Не будем нарушать сложившиеся традиции, – неохотно соглашается барон, – господа, прошу всех к столу.

У меня слюнки потекли от предвкушения райского блаженства, но удовлетворение, снова отсрочили, и виноват в этом был не кто-нибудь, а громила.

–Меня предупреджали, что вдали от столицы нравы грубые, но не ожидал встретить такое варварство в вашем доме барон. К моему великому удивлению. – важно заявил он.

–Варварство, – растерянно переспросил он.

–Вы бросаетесь есть, едва слезли с коня, не предложив да-

же сполоснуть руки водой с лимоном или хотя бы с каплей розового масла.

Я рот разинула, слушая его, про страшно дорогое розовое масло, я хотя бы слышала от соседки, прислуживающей в богатом доме, но что такое лимон, я даже не подозревала. Откуда Ганс знает такие слова?! Барон тоже выглядел озадаченно.

–С лимоном, но... Фриц! – заорал он истерично, и набросился на мигом прибежавшего слугу, – почему не подали гостям воды для споласкивания рук?!

–А надо было? – поднял кривую бровь слуга.

–Немедленно неси воду с лимоном!

–С чем, чем? – переспросил Фриц.

–Неси, быстро! – топнул ногою барон.

Фриц скривился, но послушно убежал за водой, с чем-то ему неизвестным. Я с интересом ждала, как несчастный Фриц выкрутится из трудного положения. Барон тоже ждал его возвращения, не без тревоги. Его товарищи, помогавшие доставить нас в замок, взволнованно перешептывались, и только Ганс сохранял величественное спокойствие.

Фриц вошел неся на вытянутых руках большую миску полную воды. И все взгляды устремились в нее, но в воде ничего не было. Чистая прохладная вода не имела запаха. Первому ее подали герцогу, он опустил в миску пальцы, сполоснул руки и не преминул отметить:

–Слишком мало лимона.

Его примеру последовали барон и все остальные, и каждый пенял Фрицу, за то, что тот положил никому не известного лимона.

Наконец, все расселись вокруг стола: барон во главе, Ганс по правую руку от хозяина, я на дальнем от него конце. Слуги разлили темное красное вино по большим серебряным кубком, мне тоже достался один самый маленький. Прямо передо мной Фриц на медном блюде нарезал оленину большими, дурманище пахнущими ломтями. У меня пальцы задрожали, когда я потянулась за куском и тут Ганс придумал новую отсрочку:

–А где вилки?! – раздраженно спросил он.

Мне захотелось плакать.

–Фриц!! – снова заорал барон, – где вилки?

–Вилки? – тупо повторил Фриц, шепотом напомнил хозяйину, – у вас есть только одна.

–Неси! – гордо повелел барон.

Фриц исчез. Вскоре появился снова с одним единственным серебряным прибором. Мне раньше не доводилось видеть такую диковину. Затеяливо украшенный двузубец мне не понравился, странная выдумка. Что плохого в том, чтобы есть руками?! Ничуть не смутившись, герцог забрал у Фрица единственную вилку. И не спеша приступил к трапезе. Меня поразил пресыщенный вид громилы. Пока он выбирал куски и осторожно ковырял их вилкой, я торопилась быстрее набить рот. Пока новоявленный герцог не придрался еще к

чему-нибудь. В этот момент Фриц заметил меня за хозяйским столом, и выпучил глаза так, словно увидел приведение. Он даже закашлялся в кулак и щека у него стала нервно поддергиваться. Ганса он даже не узнал, я сразу забыла про баронского слугу, занявшись едой. Нежное подсолненное и приправленное чем-то, необыкновенное мясо таяло во рту. Вскоре, мне сильно захотелось пить. Не найдя на столе воды я потянулась к кубку с вином. Решилась в первый раз в жизни попробовать этот напиток, ведь у нас в деревне пили только пиво. Я осторожно отхлебнула совсем чуть-чуть, вино показалось мне горячим. Решилась выпить еще. Нежная виноградная сладость приятно удивила меня.

Я старалась попробовать все блюда, до которых могла дотянуться. Они оказались совершенно разными и невероятно вкусными. Ничуть не напоминали нашу вечную варенную рыбу. Рыба на столе тоже была, золотистая, украшенная какими-то листочками, но я на нее и не смотрела. Больше всего мне понравилось запивать мясо вином. Я пила, а слуга незаметно подливал мне еще и еще. Так что, я дна бокала так и не увидела. Как раз, когда я решила, что есть больше не могу, герцог небрежным жестом бросил вилку на стол и решительно поднялся. Остальные господа тут же вскочили на ноги. Многим это было уже затруднительно, благодаря количеству выпитого. Они хватались за высокие спинки стульев, чтобы сохранить равновесие. Неверными движениями они опирались на свои камзолы.* Барон так сосредоточился на за-

стегивании мелких жемчужных пуговиц, что его покрасневшее лицо покрылось каплями пота. Одна очень повисла на кончике его длинного носа. Я хихикнула над ним, икнула и попыталась встать на ноги. До чего же это оказалось трудным делом. Пол под ногами так и заходил, стены зыбко качнулись, а потолок угрожающе накренился. По примеру пьяных господ, я тоже хотела ухватиться за резную спинку стула, но промахнулась рукой, и поймала пустоту. Едва не упала.

– Ух ты!

Хорошо, что никто не заметил, что со мной творилось. Барон и все его друзья подобострастно смотрели на «герцога Ольденбургского». На которого, или вино совсем не подействовало или он просто знал меру. Высокий гость выглядел абсолютно трезвым. Он выразительно глянул на свои жирные пальцы и нахмурился. Фриц понял его причину гнева раньше барона, метнулся за дверь и вскоре подал Гансу воду для споласкивания. Герцог сполоснул руки и одобрительно произнес:

– Славно пообедали, я знаете ли, одобряю французскую моду, когда на сто подают разнообразные блюда. Наши вечные колбасы и сосиски порядком наскучили.

– Я горжусь, что сумел угодить вам, – распинался в слащавой улыбке барон.

– Да, ваш дом, вполне соответствует лучшим образцам, какие мне доводилось видеть.

– Рад, очень рад, – тупо повторял барон.

–Только советую вам завести побольше вилок, – Ганс весело подмигнул хозяину, а тот опять занялся пуговицами.

–Милейший, – снова обратился герцог к хозяину, – определите мне комнату в вашем замке, чертовски хочется хорошенько отдохнуть после дороги и прекрасной трапезы.

–Конечно, конечно, прошу! Я сам провожу вас, герцог Олендбургский, все уже давно готово.

–Не надо имен и титулов, – поскромничал герцог, – не забывайте, я же здесь инкогнито.

–Конечно, конечно, – опять заладил барон и сделал пару неверных шагов к дверям. Он махнул рукой, приглашая Ганса следовать за собой. Но не рассчитав сил и потеряв равновесие, повис на своем высоком госте. Лицо Ганса выразило крайнее изумление. Он отодвинул от себя пьяного барона процедил сквозь зубы:

–Нечего было хвастать своими заграничными винами, если пить не умеешь.

Барон пытался что-то объяснить, тряс перед носом указательным пальцем:

–Я не пьян... я молодец... захочу, все один выпью... подумай... вино, я его победю... победю...

Но не смотря на всю свою бравату, он никак не мог устоять на ногах самостоятельно. Фриц вовремя подхватил хозяина, и тот на подгибающихся ногах, тяжело навалившись на слугу, снова двинулся к двери, но остановился, повернулся к Гансу, так резко, что едва не свалил Фрица с ног:

–А теперь-то, отправьте служанку к остальным!

–Я слишком привык к ней за время путешествия. – сразу отреагировал Ганс.

–А-а-а, понимаю...– подмигнул ему барон, – Эй, тайная спутница, пошли с нами, – поманил он меня.

Потом перевел мутный взгляд на остальных участников обеда, прижал палец к губам:

–Тц-ц-ц, вы ничего не слышали и не видели. Ин-ко-гни-то! – по слогам произнес он.

Я кажется, покраснела, если уже не была пунцово красной, после выпитого вина. Двинулась следом за Гансом. Ценной огромных усилий, стараясь не качаться. С какой радостью я ухватилась за стенку в узком коридоре. Мы так и шли по темным переходам: впереди слуга с канделябром, за ним барон повисший на Фрице, за ними важный герцог, а я самой последней, тщетно стараясь не отставать. Пока Ганс не подхватил меня под руку:

–Держись, пьяница, – шепнул он.

И все равно, на крутой винтовой лестнице, я умудрилась упасть и была готова уже подниматься на четвереньках, но мой спутник был категорически против, и поставил меня на ноги.

–Хорошо выглядишь, любимая служанка герцогини.

Я пыталась возмущенно что-то ответить, но даже сама не смогла разобрать своих слов.

Герцогу отвели большую, неудобную спальню, с высокими потолком, темными шпалерами**, с камином, похожий на пасть чудовища. По середине помещения, на подиуме в две ступени, высилась громадная кровать, с тяжелым, бархатным балдахинном. Скорее всего, это была спальня самого барона. Уходя из комнаты и оставляя нас вдвоем, он ухватил меня за подбородок, ехидно сощурился, без того хитрые глазки:

—Интересно все-таки, что в тебе есть такое особенное, что привлекает герцога?!

Я брезгливо поморщилась от пахнувшего мне в лицо мощного винного духа смешанного с чесноком.

—Я не наедаюсь чеснока на ночь!

Хозяин обиженно фыркнул и наконец-то скрылся за дверью. Слуга поставил канделябр на толстоногий столик и убежал за хозяином.

Я сразу же опустилась на стоявший возле двери резной стул. Недоверчиво посмотрела на мнимого герцога:

—Ты кто?

—Ганс.

—Тогда откуда ты умеешь делать вот так?

Я пытаюсь повторить его величественный жест рукой. Он только расхохотался.

—Ну-ка, сделай так еще раз! У тебя так потешно выходит, настоящая королева.

Я обиделась и надула губы, зато в голове прояснилось, ста-

ло легче формулировать мысли:

– Не смешно, я о тебе совсем ничего не знаю. Может ты и правда герцог.

– Хорошо бы, – улыбнулся Ганс.

– Кто ты такой? – повторила я, – почему ты знаешь такие слова: вилка, ли-мо-он... и вообще, что такое ли-мо-он?

– Понятия не имею. Я только слышал, как о нем говорил один приезжий итальянец.

– Где слышал? – не отставала я.

– У нас в кузне. Я ведь помощник мастера оружейника, вернее был... Наши доспехи славились на всю Европу, так что заказчики приезжали из разных стран. Там я и насмотрелся на этих баронов и сеньоров. Мой отец изготавливал конские доспехи, только поэтому я разбираюсь в верховых лошадях. Ты не представляешь, какие болтуны и бахвалы, эти настоящие рыцари.

– Я тебе не верю! – почему-то сказала я, хотя сразу поверила каждому его слову.

– Твое дело, – пожал плечами Ганс, – Хочешь, думай что я тайный принц, ну очень тайный.

– Мне бы очень хотелось так думать, – призналась я.

– Значит, так оно и есть. Только я очень– очень бедный принц, и понятия не имею где мое королевство, – вздохнул Ганс, и заметил весело, – да, у тебя глаза закрываются, принцесса, пора спать.

– Да, – сонно вздохнула я.

–На стуле тебе будет неудобно, перебирайся на кровать.

–Я иду, уже иду...

Я поднялась со стула, сделала пару шагов, мои ноги совсем запутались, к тому же я закрыла глаза и не знала где кровать. Поднять отяжелевшие веки, оказалось делом совсем невозможным. Ганс взял меня за руку и благополучно довел до ступенек. Забраться на них, мне удалось ценной неимоверных усилий. Мой трезвый путник потешался над моей манерой двигаться. А я без сил повалилась на перину и испытала редкостное блаженство. Почему-то резко расхотелось спать. Я внимательно посмотрела на Ганса:

–Знаешь... хорошо, что ты не принц. И что королевства у тебя нет – замечательно! А то, что у тебя нет денег, мне даже нравится, и вообще... ты мне нравишься... – выговорила я и сладко заснула.

Всю ночь, мне снились странные сны. Про не знакомых, дико одетых людей, дома похожие на высокие отвесные скалы, и железные кареты без лошадей.

–Больше никогда в жизни не буду пить вино, – сказала я, еще не до конца проснувшись.

–Правильно, никогда не пей. – услышала я веселый голос Ганса.

Открыла глаза, вокруг меня царила крошечная тьма. Я не могла различить даже собственной руки возле самого лица.

–Боже, где я, – вскрикнула я в ужасе.

–Это длинная история, – ответил мне голос Ганса.

И вдруг на меня хлынул свет, и я далеко не сразу поняла, что он просто отдернул плотный тяжелый полог на кровати.

–Как спалось, ваше величество?

–Ужасно, – призналась я, всю ночь снились какие-то кошмары.

–Это все вино виновато, а может быть перина слишком мягкая. Вот я прекрасно выспался.

–А где же ты спал? – недоумевала я.

–Зачем мне кровать, разве я похож на кисейную барышню?! Вон там, у камина, лежит прекрасная медвежья шкура, она оказалась гораздо мягче, постель на которой я обычно спал.

–Нет, спать на полу, это не выход.

–Намекаешь, что мне нужно было разделить ложу с тобой? – подмигнул Ганс.

Я смутилась, и не нашла, что ответить на такую дерзость, а громила продолжал веселиться:

–Конечно, был еще вариант, стащить тебя с кровати, бросить пьяное величество где-нибудь в углу, а самому устроиться, как подобает герцогу. Представляю, что сказал бы, увидев такую картину, наш хлебосольный хозяин.

–А так что он сказал? – испуганно спросила я.

–К счастью, барон довольно вежливый человек, он не стал нас тревожить. Скорее всего еще сам дрыхнет возле вчерашних возлияний.

Пока я терла глаза, потягивалась и выбиралась из неверо-

ятно мягких перин, Громила с улыбкой наблюдал за мной. Потом взял какой-то сверток, со спасшего меня вчера стула, и бросил мне.

–Лови, слуги барон принесли, это специально для тебя.

–Что это может быть? – удивилась я.

–Насколько я понял их бессвязную болтовню, это платье более подходящее для любимой служанки герцогини, чем то, что на тебя надели вчера.

Я развернула большой сверток и ахнула. Никогда в жизни мне не приходилось видеть такого великолепия. Ярко зеленая шерстяная ткань была расшита золотом. Вытертым и потускневшим от времени, но золотом. Очень широкие рукава крепились к лифу золотыми шнурами. Широкий вырез платья был отделан белым мехом, показавшийся мне горностаем с королевских мантий, о котором я только слышала.

–Это платье слишком роскошно для меня!

–Что ты ломаешься?! Барон, скорее всего достал из сундуков один из нарядов своей матушки. Нельзя отказываться от такого щедрого подарка.

Ганс веселился, но я отнеслась к случившемуся совсем иначе. А Громила продолжал потешаться:

–Вот, мне повезло гораздо меньше. Слуги соврали, что не смогли найти ничего достойного внимания моей светлости. Дескать, у барона, все вещи скромные для герцога. Но я думаю, они просто не могли ничего найти среди шмоток своего шуплого хозяина, что я смог бы натянуть. А ты переодевай-

ся. Если затянуть корсаж потуже, может быть не выпадешь из платья.

–Отвернись, – потребовала я.

–Ух ты! Какой приказной тон! Ты отлично вжилась в роль. Подчиняюсь, подчиняюсь, – хохотнул Ганс, – у меня нет ни малейшего желания за тобой подглядывать.

Мне стало обидно, зачем он каждый раз напоминает мне, что я совсем ему не нравлюсь?! Все таки, он грубый громила, ми ничего больше.

–Громила, – вырвалось у меня вслух.

Он только усмехнулся. Увлеченно рассматривая что-то за окном. Я тоже пыталась заглянуть через его плечо, но сколько не подпрыгивала ничего не смогла разглядеть за частым свинцовым переплетом.

Я не сразу разобралась как правильно его одеть, особенно долго возилась с золотыми шнурами. Представить себе не могла, что на один наряд можно истратить столько ниток.

–Ганс, ты случайно не знаешь, как получаются золотые и серебряные нити для украшения таких вот нарядов.

–Конечно знаю, случайно, – отозвался Громила, не поворачиваясь ко мне, – я все знаю, а чего не знаю, сам придумаю.

–Какая самоуверенность, – буркнула я.

Дорогие золоченные шнуры надо мной просто издевались. Наверное, нужны долгие годы тренировки, чтобы быстро с ними справляться.

–Что, королеве не хватает служанок? – усмехнулся Ганс,

подслушав мое сосредоточенное пыхтение.

– Не нужны мне никакие служанки, я уже сама справилась.

Опять наряд был больше меня. Баронесса, была явно шире в талии. Я долго тянула золотые шнуры, пока платье наконец, перестало сваливаться. Но завязывать их на спине самой, было задачей совершенно невыполнимой. Как же мне не хотелось просить помощи у Ганса, но деваться было некуда.

– Помочь? – сам спросил он, – не справляешься?

– Да, неохотно призналась я.

Когда Ганс взялся неумело завязывать бантики, из золотых шнуров, я с удовольствием отметила, что и ему это занятие давалось с великим трудом, но он не показывал виду, спрашивал весело:

– Тебе на два бантика, или на три?

– На шесть, – огрызнулась я.

– С твоими объемами, здесь и восемь получится. Только не уверен, что настоящие фрау так и делают.

– Все равно, я не настоящая.

– Только никому об этом не говори. Пока. – шепнул мне на ухо Громила.

Когда с злополучной шнуровкой было покончено, он потребовал:

– Повернись.

Я повернулась к нему, сияя от сознания своей красоты, в этом роскошном праздничном платье.

– Нет, зеленый все-таки не твой цвет, – заявил Ганс, кри-

тично осмотрев меня с ног до головы. – ты в нем, совсем уж какая-то дохлая. Не понимаю, что дворянки нашли в этом зеленом цвете.

–Тебя послушать, так мне вечно придется носить скучный крестьянский коричневый.

–Ну, почему?! Тебе бы очень пошел пламенный королевский пурпур, хоть цвет лица оживил бы.

–Не издевайся, не видать мне пурпура, как своих ушей, я слышала, краски для таких тканей привозят из-за моря.

–Не зарекайся. Держу пари, неделю назад, тебе и во сне и не снилось зеленное с золотыми шнурками платье баронессы. Не дуйся, может быть ты кому-нибудь приглянешься. Только сделай, что-нибудь с волосами. Вон ту белую тряпочку, кажется для этого и принесли.

«Белой тряпочкой» на самом деле был красивый головной убор из тончайшего белоснежного батиста. Я повертела его в руках и стала прибирать волосы под его паутинку.

–Вот деревня! – хохотнул Громила, – надеюсь ты просто забыла расчесаться?

–Расчесываться мне нечем, – серьезно объяснила я.

–А чем тебя не устраивает золотой гребень, который лежит на столе возле канделябра?

Опять этому грубияну удалось меня смутить! Я поспешно направилась к столу, хотела быстренько расчесаться и покончить с переодеванием. Но золотой гребень был столь красив, что я залюбовалась затейливыми изгибами его узоров.

Золотая вещь украшали три больших синих камня.

– Неужели, барон пользуется этой красотой каждый день? – восхищенно спросила я.

– Держу пари, он даже не замечает чем чешет свою бестолковую голову. Главное, чтоб у него не было вшей.

– Ты что! У такого господина вши?!

– Что ж, он не человек?! А раз человек, у него могут быть вши! Будь он собакой, были бы блохи.

Когда я распустила волосы и решила их расчесать драгоценным гребнем, Ганс за моей спиной произнес:

– Вот это, по-настоящему красиво.

– Что? – не поняла я.

– Волосы у тебя красивые, – объяснил Громила и смутившись, тем что сказал комплемент, снова стал меня торопить, – шевелись, сколько можно тебя ждать?! На кого ты собираешься произвести впечатление?! Ты и так всем понравилась.

– Не хочу никому нравится! – надулась я.

– Как раз это от тебя не зависит. Пошли проверим, много ли будет у тебя поклонников.

Он галантно подал руку. Я подхватила длинную юбку двумя пальцами, точно так, как изображала знатную даму, моя тетушка. И стараясь высоко держать голову, отправилась производить впечатление на богатых господ. Наверное у меня получалось не слишком убедительно, краем глаза я видела, как Ганс хитро улыбается, даже не пытаясь скрыть своего

желания потешаться над липовой фрау. Но войдя в большой зал, он сразу стал серьезным и надменным.

*камзол – «фр. *camisole*» – короткая мужская одежда без рукавов.

**шпалера – тоже что обои, в средневековье тканевые, реже бумажные.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. УМНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

Моргаю, моргаю, не могу понять где я. То ли вхожу в большую залу средневекового замка, то ли выхожу из комнаты своей квартиры. Ну вот, Саша только подходит к моей двери и я сразу оказываюсь в средневековье. Я ведь туда совсем не собиралась, а теперь мне даже интересно, что произошло дальше. Подумать только я успела пережить такое количество приключений, между двумя звонками во входную дверь. Даже ложилась спать, видела сны, выспалась и проснулась! Вот интересно, а Александр знает, что произошло с Гансом?! Третий звонок заставляет меня вернуться в двадцатый век и забыть про Анхен и Громилу.

Бегу к двери, поворачиваю замок. Всегда так, если я очень тороплюсь его отпереть, старая железяка вечно прокручивается: скрип, скрип. Стою, как дура, кручу рычажок.

– Лиза, ты чего так долго? Тебя что, пыльным мешком ударили?! – кричит из комнаты Марина.

–Замок заело, – объясняю я.

–Глупости! – заявляет она.

Подходит и с первого раза справляется с моим капризным замком. Открывает двери, и я нос к носу сталкиваюсь с возмущенным Сашей:

–Сколько можно держать приличных людей под дверью? Сто лет прошло!

–Шестьсот, – уточняю я, только примерно представляя, когда могли бы происходить приснившиеся мне приключения.

Александр со мной соглашается:

–Можно было сгонять в средневековье и обратно, за то время, пока я тут торчал.

–Неужели ты так и сделал? – делаю вид, что удивляюсь.

–Не то чтобы я сам... ладно потом расскажу, – обрывает себя он, заметив Марину.

Она любезно улыбается Александру. Я тороплюсь их представить друг другу:

–Марина – моя давняя подруга, лейтенант милиции.

–Младший лейтенант, – уточняет она.

–Саша, мой...

–Раньше это называлось мой жених, – смеется он.

–А теперь? – строго, как на следствии, щурится младший лейтенант.

–Да, я и сейчас не против так назваться.

–Ух ты! – восклицает Марина, – меня угораздило присут-

ствовать на помолвке. Только, мне кажется, ради этого серьезного мероприятия, стоит уже войти в комнату и снять темные очки.

–Какой странный аксессуар, для холодного, снежного дня. – удивляюсь я и снимаю очки у Саши с носа.

Я не могу сдержать злорадное хихиканье. Теперь, видно пришла его очередь прятать за темными стеклами свежий синяк под глазом.

–Как тебя угораздило? – спрашиваю давясь смехом.

–Ерунда! Неудачно наскочил на кулак по тренировке по каратэ.

–Да... вы идеальная парочка, – заражается моей веселостью Марина, – у нее синяк был слева, а у тебя справа.

–С этим синяком целая история! Потом расскажу, – шепчет мне Саша.

–Давай, для начала, отойдем, все таки от входной двери. Мы с Мариной собирались устроить чаепитие, со всякими вкусностями, присоединяйся.

Но не успевает Саша сесть за стол на кухне, как моя подруга сообщает:

–Хорошенькое намечается чаепитие, я тут обнаружила, что заварки в этом доме и нет.

–Не может этого быть, – возмущаюсь я.

–Пойду, схожу в магазин за чаем, вернусь через часок.

Она собирается и убегает так быстро, что я и сообразить не успеваю. А Александр крутит в руках еще не распечатан-

ную пачку цейлонского чая и смеется.

–Какой не внимательный лейтенант!

–Зато теперь ты мне скажешь правду о своем синяке. Да?

–Да...

–Так с кем ты подрался?

–С бароном. Вернее с тем, кто мне кажется похож на барона из средневековых видений.

–Мерзкий тип, – соглашаюсь я.

Александр не замечает моей осведомленности, а я продолжаю допрос.

–Излагай с самого начала. Из-за чего вы сцепились?

–Если с самого начала, то надо рассказать как я зашел в магазин и засмотрелся на стоявшую в очереди передо мной девчушку – мулаточку лет шести. Хорошенькое чудо, этакий смуглый ангелочек в темных кудряшках. Она подала продавщице деньги и попросила, как петербургская профессорша: «-Будьте добры подать мне коробку яблочного сока.» Откуда она только она взялась такая в наших дебрях?! Продавщица заулыбалась: «-Пожалуйста. Приходи еще.» «-Благодарю.» Девчушка пошла к выходу, а я не удержался от того, чтобы повторить ее устаревшую вежливую фразу. «И вам сок?» – удивилась продавщица. Сок я покупать совсем не собирался, но отказываться не стал. Выхожу на улицу, вижу вокруг крохотного ангелочка стоят трое поддатых жлобов, лет двадцати, ржут, толкают девчонку. «-Отправляйся в свою Африку к своим обезьянам!», «-Нечего делать в нашем городе!», «-

Сока яблочного захотела?! Жри бананы!», «-Вот тебе сок!». Тот, что напоминает мне барона, небритый, отвратный, вырвал у ребенка сок, бросил на землю, наступил. Коробка лопнула, сок растекся по земле. «-Россия для русских!!». Я не выдержал: «-Русские так не поступают!» Он обернулся ко мне оскалился: «-Это кто сказал? Сам-то нерусь! Башка черная!». Они сразу полезли драться. Ох и досталось бы мне, если б все детство не занимался каратэ. Правда, синяк все равно успел словить. Но я уверен, им тоже мало не показалось! Трусы, сбежали, быстрее, быстрее! Девчонка стоит трясется, чуть не плачет. «Я так испугалась!» «-Не реви, все кончилось.». «-Они сок разлили!» я очень обрадовался, что купил лишнюю коробку, отдал ей. «-Все хорошо.» «-Они больше не вернутся?» «-Уверен, что больше не вернутся.» «-Они уже не первый раз ко мне пристают. И никто, никогда не заступался! Спасибо!». «-Как тебя зовут?». «-Аленка.» Я проводил ее до квартиры. Так что теперь я знаю где в нашем городе живет шоколадка Аленка!

Я слушаю его рассказ и невольно вспоминаю как Громила хвастался Анхен, тем, как легко справился с баронскими слугами.

—Так ты у меня настоящий герой?!

Он притворяется скромником, опускает глаза.

—Да я что?! Я ничего...

—Ты еще скажи «сiju, никого не трогаю, примус почи- няю.»

– Вот чего не умею, так это примусы чинить!

– Что ж ты так?! – смеюсь я. – До таких лет дожил, а главному так и не научился! Обожаю скромных героев! – восклицаю я и усаживаюсь Саше на колени.

Марина возвращается из магазина без заварки, зато с целой кучей всяких булочек, пирожных, крендельков и ватрушек. И мы завершаем вечер богатым чаепитием. Жужа сладости, я узнаю о себе много нового. Марину, почему-то тянет на откровенные разговоры.

– Знаешь, Саша, а наша Лиза за последнее время сильно изменилась. На самом деле она совсем не такая, какой ты теперь ее знаешь.

– Неужели?! – удивляемся мы оба.

– И что же во мне так кардинально изменилось? – уточняю я.

– Это трудно объяснить.

– Уж постарайся, сформулируй! Говорят вас этому специально учат.

– Зря говорят! – смеется Марина, – вы бы знали какую чушь опера пишут в своих рапортах. Вот бы их на самом деле кто-нибудь поучил формулировать мысли! Но мы отклонились от темы. – признает моя точная подруга.

– Да, что там во мне не так?

– Легкомыслия поубавилось.

– Ну, еще бы, хотела бы я посмотреть на того, кто остался

бы беззаботным, после всех моих злоключений, – возмущаюсь я.

–Погодите, о чем это вы? – не понимает Саша.

У меня совсем нет желание немедленно рассказывать Саше про мое пребывание в психушке. Делаю вид, что не слышу вопроса и перевожу «стрелки»

–Сама-то, сама-то, после первых месяцев твоей службы в органах, я вообще не знала с какой стороны подобраться. Ни здравствуйте, ни до свидания, одни команды! Уж и не надеялась когда-нибудь еще вот так просто и беззаботно посидеть с тобою, полакомится сладостями.

–Из твоих слов следует, что ограбление пошло мне на пользу?

–Чувствую я здесь лишний, – обиженно говорит Саша, – пора мне честь знать, но я никуда не уйду, пока ты не пообещаешь мне, что мы проведем вместе весь завтрашний день.

–С превеликим удовольствием, – счастливо улыбаюсь я.

–Так, а институт опять по боку?! – напоминает Марина.

–Честно говоря, пора уже там появится, я попадаю на учебу слишком редко. Как бы мне не аукнулось на ближайшей сессии. – хмурюсь я, – а ну этот институт!

–Так нельзя! Этак во время сессии совсем не останется минутки свободной? Лучше встретится после занятий. Я с утра тоже побегаю по делам. – предлагает Саша, – а потом что-нибудь придумаем.

–Только экстремальном спортом я заниматься больше не

буду! – предупреждаю я.

–Хорошо, хорошо, найдем что-нибудь очень мирное, сходим в гости. – обещает он.

На следующий день институтские занятия тянутся особенно долго. Я с трудом стараюсь не заснуть, под монотонный голос преподавателя.:

–«В случае уменьшения толщины материала только на 20%, его прочность уменьшится в двое.»

Далее нам предлагалось впечатлиться и ужаснуться выше сказанным. Положительно у каждой профессии свой юмор.

Саша встречает меня возле института рассказывает:

–Я честно хотел провести сегодняшней вечер только вдвоем, но едва заикнулся дома, о том, что намерен улизнуть, как мама тут же предъявила мне ультиматум. Короче говоря, придется нам выдержать семейный ужин.

–Надеюсь, обойдется без горных лыж? – смеюсь я.

–Клянусь, сегодня не будет ничего общего с прошлой попыткой отыскать отца.

–Ну, если ты готов ограничиться ужином в кругу семьи, я буду только рада принять участие.

Трудно передать с каким любопытством я отправляюсь на это мероприятие. Что может рассказать о человеке больше, чем его дом?! Да и Сашину маму мне тоже очень хочется увидеть. Есть ли между нами хоть что-нибудь общее?! Ведь я сто раз читала во всевозможных психологических книжках,

что подсознательно, мы выбираем любимых людей по образу и подобию собственных родителей. Очень бы не хотелось обнаружить, что я на нее совсем не похожа, и понять, что все мои романтические надежды напрасны!!

Первое, что я вижу, красивый дом, сталинской застройки, жить в котором сама мечтала еще в детстве. Я однажды уже бывала здесь, в одной из квартир, но она оказывается бледным подобием, того что открывается передо мной. В прихожей, т.е. в огромном холе, мог бы с успехом поместиться большой зал, конечно не средневекового замка, но мой уж точно. Там нас встречает Сашина мать. Полная, еще красивая блондинка, она по-домашнему собрала волосы на затылке, на шею выбились упрямые кудряшки, совсем как у моей мамы. Она мне сразу понравилась, даже показалось, что я ее знаю уже давным-давно. У нее ног трется большой толстый дымчато-серый кот.

—А я ждала вас позже, — мягко улыбается она, вытирает полотенцем мокрые руки.

Саша торопится нас познакомить и тоже удивляется:

—Вы что, уже встречались?

Мы отрицаем, но улыбаемся друг другу, как заговорщицы. Анна Валерьевна манит меня на кухню.

—А меня бросаете одного?

—Ты обещал отцу дозвонится до Петербурга.

Кухня похожа на маленький полигон. Впечатляет меня не

меньше хола. Я стараюсь скрыть изумление, бодро спрашиваю:

– Чем помочь, что порезать, настрогать?

– Комбайн настрогает, – смеется Анна Валерьевна. – а ты лучше усаживайся вот здесь, рассказывай, как вы познакомились с моим сыном.

Я сразу теряюсь, трудно выбрать с чего начать. С шапки с помпоном или синяка под глазом. На всякий случай выбрасываю пикантные подробности.

– Мы просто столкнулись на улице.

– Между двумя лужами, уточняет Сашина мама.

– Он вам все рассказал?

– И не один раз, я только хотела убедиться, что так оно на самом деле и было.

– Чтобы он вам не рассказывал, в жизни у нас получается еще запутанней, – признаюсь я и прошу, – найдите мне все-таки хоть какое-нибудь занятие, мне просто неловко сидеть сложа руки, когда вы заняты готовкой.

– Тогда, тогда, тогда нарежь колбасу.

Я вооружаюсь ножом, беру тонкую палку копченной колбасы приступаю к делу и удивляюсь:

– Какие у вас ножи острые.

– Вот одно из преимуществ, что в доме двое мужчин. Я и представить не могу, как можно пользоваться тупыми ножами.

– А я только и мечтаю, хорошо наточить хотя бы один, –

смеюсь я, – совсем отвыкла от такого удовольствия.

Стараюсь, чтобы колбасные кружочки были тонкими и аккуратными. Резать непривычно легко. Я забываю, что не нужно прикладывать лишних усилий. И попадаю по пальцу.

–Ой!

–Александр! – тут же кричит Анна Валерьевна.

Я стою озадаченная тем, что происходит вокруг. Мой кровоточащий палец, неожиданно вызывает волнение и суету. Прибегает Саша, бросает один взгляд на палец, опять убегает, возвращается с йодом и пластырем, принимается меня лечить. А мне хочется глупо хихикать. Вот уж не ожидала, вызвать такой переполох, своей пустячной ранкой. Покончив с пластырем, Саша говорит, словно оправдываясь:

–Не смотри на меня как на умалишенного! Когда мать медик, привыкаешь крайне серьезно относиться к любимым мелочам.

–Ты всегда такой заботливый, – улыбаюсь я.

–Только с теми, кого люблю, – шепчет мне он на ухо.

–А как же та негритяночка? – лукаво щурюсь я.

–Она же ребенок, разве ты не любишь детей?

–Так, чисто теоретически.

–Бог с ними, давай опять лечить тебя. От кухонных работ ты по болезни освобождаешься и наказываешься разглядыванием достопримечательностей в моей комнате.

Главной достопримечательностью его комнаты оказывается громоздкий компьютер. Впервые вижу эту игрушку, вот

так запросто стоящую в квартире. Хотя судя по Голливудским фильмам, в Америке это уже давно обычное дело. Но гораздо больше меня интересуют многочисленные модели судов, расставленные на полках. От старинных парусников до авианосцев. Я поражаюсь обилию мелких деталей

–Неужели, ты сам все это собирал?

–Собирал, клеил, подбирал одно к другому. В этом же вся прелесть! Не понимаю тех, кто покупает готовые модели. Они теряют массу удовольствия, не желая колупаться своими руками.

–Представляю сколько времени у тебя ушло, чтобы собрать весь этот флот.

–Большинство кораблей я собрал еще в детстве.

В комнату с видом полноправного хозяина входит английский котяра. Тяжело запрыгивает на кресло, подставляет свою большую щекастую голову мне под руку. Я его глажу, чувствую под пальцами теплый бархат его шкурки. Кот начинает громко важно урчать.

–Похоже, ты ему нравишься. Редкий случай, обычно, он очень долго присматривается к гостям.

–Как тебя зовут? – улыбаясь, спрашиваю кота.

–Стивенсон, – отвечает за него Александр.

–Он что, писатель?

–Все коты писатели, особенно в детстве, пока не привыкнуть к своему месту. Хотя он был уже большим, когда налил полный ботинок одному папиному партнеру. Как тот потом

разорялся про дорожную крокодиловую кожу, – весело рассказывает Саша.

–Партнеры – то не поссорились?

–Потом оказалось, что Стивенсон был прав. Тип в дорогих ботинках кинул отца на круглую сумму. С тех пор, мы стали внимательнее следить за пристрастиями кота. Полезный оказался мамин подарок.

–Вы же живете все вместе.

–Живем вместе, а котов мама всегда приносит в дом, как подарок мне.

–Знаешь я очень удивилась, что ты до сих пор живешь с родителями, – признаюсь я.

–Отец давно предлагает купить мне квартиру, а я все отказываюсь. Я успел пожить самостоятельно, пока пять лет учился в Питере...

–Я знаю.

–Откуда?

–Я тебя там видела.

–Неужели ты помнишь всех, кого видела в Петербурге?

–Только некоторых.

Я стараюсь закрыть тему, не желая вспоминать и рассказывать про влюбленную девчонку в шапке с дурацким помпоном.

–Значит, самостоятельность не понравилась, предпочитаешь под маминым крылышком?

–Еще бы, – смеется Саша, – мне самому никогда не гото-

вить ничего даже отдаленно напоминающего мамины блюда.

–Готовить ты не умеешь, это уже кое-что, а то я совсем о тебе ничего не знаю. Скажи хотя бы, чем ты занимаешься сейчас?

–Работаю у отца в фирме, числюсь одним из замов, но моя должность носит длинное название: «Дай, подай, принеси, иди на фиг не мешай», есть еще одно наименование, – смеется Саша, – «Ты бы...». «Ты бы съездил к поставщикам», «Ты бы проверил ведомость», «Ты бы составил смету»...

–Ты бы дозвонился до Питера.

–Точно, точно.

–А в свободное время собираешь модели кораблей.

Я увлеченно рассматриваю кораблики, пока Александр не сообщает:

–Все. Пора перемещаться в зал, пришел отец с Семеном Семенычем.

–Семен Семеныч? – настораживаюсь я, – не может быть, чтобы здесь появился Маринкин сосед.

Но первым кого я встречаю в большой красивой комнате, где уже накрыт нарядный стол, оказывается добродушный «волшебник», знакомой моей подруги.

–Рад вас снова видеть сударыня, надеюсь ваш старый диван был выброшен не напрасно?

–Его почти сразу заменили новым, – рассказываю я, поздоровавшись.

–Марина довольна заменой?

–В высшей степени.

–Настолько, что ей не хочется даже появляться дома? – добродушно смеется Семен Семеныч.

–Уверена, что это не из-за дивана.

–Раз все друг друга знают, садитесь скорее за стол, – по-торапливает Сашина мама.

–А я все поражаюсь, – подхватывает Владимир Петрович, – насколько маленький у нас город, все друг с другом знакомы или, по крайней мере, встречались хотя бы раз.

–И не только город маленький, мы с Лизой, оказывается встречались в Питере.

–А ты позорник, этого и не помнишь, – укоризненно качает головой Владимир Петрович.

–Специфика человеческой памяти, – заступается за Сашу Семен Семеныч, – про одно и тоже событие, каждый помнит то, что ему ближе. И часто воспоминание разных людей об одном и том же событии кардинально отличаются друг от друга.

–Неужели, конец света, мы умудримся запомнить по-разному? – вставляю я.

–Этот момент особенно, – загорается Семен Семеныч, – я полагаю, что для каждого человека конец света свой сугубо индивидуальный и приходит ко всем в разное время.

–Самое интересное, что большинство переживают свой персональный армагеддон вполне благополучно, – замечает Сашин отец. – Но спроси любого, когда это произошло в его

жизни, он сразу назовет точную дату.

–Кстати о датах, – вмешивается Александр, – я как-то слышал, что в 2025 году нас ждет «поворот от зеленого к квадратному». Хотел бы я знать, что это значит.

–По всей видимости, тот от кого ты это слышал, – охотно объясняет Семен Семеныч, – имел в виду ожидающие нас кардинальные изменения в области точных наук, особенно в физике. как он ловко обошел необходимость признать, что современная наука не располагает достойной доверия информацией, о том чего нам ждать.

–Уважаемые профессора, – громко произносит Анна Валерьевна, – оставьте, хотя бы на время, ваши увлекательные научные дискуссии и обратите внимание на плоды моих стараний.

Вняв ее словам, все разом занялись едой. Заставляю себя сделать паузу в поглощении сказочно вкусного салата, тихо спрашиваю у Саши:

–Так значит Семен Семеныч профессор?

–Еще какой, занимается наукой, преподает, даже дома возится со студентами.

–Теперь понятно, помощники, которых он прислал Марине были его студентами, – бурчу я сама себе, снова погружаясь в приятный процесс уничтожения салата.

Какое-то время за столом царит аппетитное чавканье, вернее сказать тишина царит полная, не смотря на обилие вкусовностей, все едят аккуратно, как на приеме английской коро-

левы, я тоже стараюсь соответствовать. Прилагаю массу усилий, чтобы не ронять и не размазывать. Ненавижу этикет! Ну хоть бы маленький армагедончик, чтобы нарушить этот чинный порядок. Профессора опять заводят научные беседы:

–Я сейчас увлечен одной гипотезой. Мне уже давно кажется, что уже давно пора пересмотреть незыблемый постулат, о том что наш мир трехмерен, – увлеченно произносит Семен Семеныч.

–«Ох уж мне эти физики!» – грустно думаю я.

А он продолжает развивать свою теорию:

–Кроме длины, широты и высоты, время необходимо указывать при любых измерениях, и учитывать его сразу, а не постфактум как отдельную проблему. Ведь на земле нет ничего, что бы не изменилось с ходом времени.

–На мой взгляд, – поддерживает друга Владимир Петрович, – отношение к феномену времени, вы нашей науке слишком осторожное, испуганное какое-то. Мы научились его учитывать, но в наступающем двадцать первом веке пора уже начать с ним взаимодействовать, влиять на эту величину, так же как мы научились менять остальные.

–Управлять ходом времени? – настаиваю я. – Возвращать прошлое?

–Почему бы и нет? Сейчас как раз подходящий момент для подобных экспериментов. Конец тысячелетия не может не быть ознаменован, новым явлением.

–Проще говоря, сейчас должны непременно происходить

чудеса со временем, -подытоживает Александр.

–Существует множество различных версий, но все они сводятся к тому, что мы живем в удивительные дни. – говорит Семен Семеныч.

–Все, все, хватит научных теорий, – смеется, видно уже привычная к таким застольным беседам, Анна Валерьевна. – Не то чего доброго изобретете машину времени.

–А что, было бы совсем неплохо, – подхватывает Владимир Петрович. – Ведь это не такая уж не разрешимая задача.

–Вот уж не собиралась подкидывать новую тему для дискуссии, – улыбается Сашина мама. Вы можете хоть не надолго оставить физику в покое?

–Человек может все! – гордо произносит Семен Семеныч.

–Анна права, дискуссии пора закрывать. «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, да какая разница!»

Мне так и не удастся услышать научного объяснения того, что происходит со мной в последнее время.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ОТ ОТЧАЯНИЯ К НАДЕЖДЕ.

Отправляюсь домой, когда на землю спускается ранний осенний вечер. Саша предлагает отвести меня на машине, но мне опять хочется прогуляться по раскрашенным фонарями улицам. Он неохотно соглашается. Мы одеваемся, выходим из дома. Но едва успеваем неспешным прогулочным шагом

пройти метров триста, как я понимаю, что очень погорячилась настояв на прогулке.

–Говорила мне мама, что эти сапоги рано или поздно начнут тереть, а я погналась за модной моделью.

–И что?

–Вот результат, при всем желании я не способна идти дальше!

–Странно, я всегда думал, что трет только новая обувь.

–Напрасно ты так думал!

Я не могу сдержаться, отвратительно страдальческие гримасы перекосившей мое лицо.

–Я готова разуться и идти босиком!

–Зачем идти? – возмущается Саша, – я пригоню машину, сядешь и разуешься.

–Прекрасный план, пожалуйста возвращайся быстрее, – жалобно скулю я.

–Я мигом, только ты никуда не уходи. А может, тебя отнести домой, и ты подождешь там?

–Нет! – почему-то решительно отказываюсь, – я буду дышать здесь.

–Тогда, я побежал.

Он пулей уносится обратно. Я остаюсь стоять на тротуаре. Еще минуту вся себя чувствую одной жутко натертой пяткой, но боль постепенно стихает. Мне надоедает ждать, и я робко делаю один шагок. Боль не возвращается, зато я чувствую, что от неподвижного стояния ноги начинают подмер-

зять. «Ох уж мне эта модная обувь!» делаю еще шаг, еще, еще. Задираю голову, разглядываю новые фонари, в стиле Пушкинских времен, еще шаг...

Не посмотрев под ноги наступаю на крышку канализационного люка, она переворачивается! Я падаю! Падаю внутрь, темноту! Страшно! Искрой проносится мысль: «Потерять бы сознание, ничего не чувствовать!»

Темно. Яркий свет показался мне ослепительным. Я даже не могла понять откуда его так много в большой зале. Желтый, веселый яркий солнечный свет переполнял комнату. Я с удивлением вижу на противоположной стене три больших, высоких, стрельчатых окна.

– Их же не было вчера вечером, – вырвалось у меня.

– Какая же ты внимательная, – шепнул мне Ганс, – просто они были закрыты черными бархатными портьерами. Постарайся скрыть удивление, думаю в герцогском замке окна еще больше.

Я выпрямилась, приняла благородный вид, подходящий к моему новому наряду. Пока барон и герцог обменивались затейливыми приветствиями и поклонами, я все разглядывала удивительные окна. Их сияние казалось таким ослепительно летним благодаря витражам состоящим в основном из желтых стекол. Художник пытался изобразить на витраже райские сады. Но видно был плохим мастером, и все фигуры были грубы и не красивы. Однако барон очень гордился

своими окнами. Первое время, он просто не мог говорить ни о чем другом.

–Как вам нравится моя новинка? Я знаете ли, не так давно побывал в Италии, там с пренебрежением относятся к нашим неприступным замкам. Плюют на безопасность и устраивают в своих палаццо огромные окна везде, где это только возможно. В них так светло и радостно, что я непременно решил устроить у себя что-нибудь подобное. Нашел архитектора и велел пробить в этой стене три самых больших окна, какие только возможны.

В зале уже собрались все вчерашние «собутыльники», барон уже не раз пересказывал им историю своих витражей. Но они еще раз вежливо выслушали его хвастовство и даже задавали вопросы.

–Вы долго его искали?

–Первого я выгнал, он утверждал, что исполнить мою фантазию невозможно.

–Но ведь кто-то с этим справился.

–О да, я нашел другого. Он долго возился, но сделал-таки три дырки в стене, а потом превратил их в красивые окна.

–Неужели и витражи, работа того же человека?

–Нет, пришлось нанять художника и платить еще и ему. Столько денег потратил, будто новый замок строил.

–Оно стоило того, эти витражи великолепны, – важно произнес мнимый герцог.

В высшей степени довольный его похвалой, барон нако-

нец-то, оставил тему своих окон и предложил:

–Господа, за долгие годы, нашел только одно средство от скуки. Давайте сыграем в кости.

Его приятели шумно поддержали:

–Чем еще можно заняться в нашей глуши?!

–Почитать хорошую книгу, – произнесла я совсем вжившись в роль приближенной герцогини. И сразу поняла, что ляпнула глупость.

Барон и вся его компания дружно загоготали.

–Может еще жемчугом вышивать?!

–У женщин свои занятия. – вступился за меня «герцог Ольденбургский». – Не стоит быть к ним слишком суровыми.

Грубый смех разом смолк.

–Возможно фрау и права, однако прежде чем посвятить себя интересному чтению, нужны долгие неприятные часы обучения этому умению. Я предпочел не тратить на это свое время, – признался барон.

–Барон прав, нам более приличествует старинная рыцарская игра в кости, – поддержал его герцог.

Барон с радостью указал на еще один предмет своей гордости –стаканчик с костями. Но не обыкновенный, а украшенный затейливыми узорами.

–Эту диковину мне привезли с востока, магометане в кости не играют, предпочитают нарды и шахматы. У них там мания украшать всякую безделицу драгоценными камнями и тонкой работой.

Герцог поднял стаканчик и заглянул внутрь.

—А игральные кости-то внутри самые обыкновенные.

—Честно говоря, не могу себе представить, украшения которые не помешали бы игре.

—Чем проще, тем лучше. — весело сказал Ганс.

Я с удивлением наблюдала, как ловко он преобразается из грубого парня в солидного вельможу. Опять ожило во мне сомнение, в том кто на самом деле мой спутник.

Приятели барона охотно уселись за непокрытый стол. Барон кидал кости первым, ему сразу не повезло. Выкинув только троечку, он сразу потерял надежду на выигрыш дворяне так торопились начать азартную игру, что позабыли даже договориться о ставке. Спohватившись стали вытаскивать свои туго набитые кошельки. Я испуганно смотрела, что же станет делать мнимый герцог. Он и бровью не повел, только стал еще более напыщенным.

—Очень мило, — досадливо произнес Громила, — я совсем позабыл, что к этому дурацкому костюму, для точности впечатлений взял с собой жалкие деньги. И мне стыдно доставать их в приличном месте.

—Позвольте герцог, я сделаю ставку за вас, — масляно разубался барон.

—Вы очень меня этим обяжите, в случае проигрыша верну с троицей, выигрыш же поделим пополам.

Хозяин улыбался все масленей. Нахальный Ганс умудрился выиграть и забрать несколько золотых. Я была просто в

ужасе от того, что он зарывается еще больше. Ловкий громила зарабатывал на доверчивом тщеславии барона. И при этом был удивительно спокоен. А я, не могла усидеть на стуле в скромной позе, как подобало роли, которую я играла. Мне хотелось соскочить и убежать, заранее спасаясь от тех бед, которые могли обрушиться на наши головы.

И они обрушались. Вошел Фриц, со кучным, но торжественным лицом и, громко объявил:

–Герцог Ольденбургский с супругой.

Я замерла от ужаса, не в силах шевельнуться. «Боже! Что сейчас будет?!» – гремело в моей голове, как набатный колокол. Все движения остальных участников немой сцены виделось мне замедленным, как в печальном танце. Барон широко открыл рот, собираясь что-то крикнуть, но не зная, что теперь кричать. Его приятели хватались за шпаги или загнанно оглядывались. Зато Ганс действовал решительно, будто заранее отрепетировал каждый жест. Он не спеша сложил в свой потертый кошелек выигранные золотые монеты, даже привычно взвесил его на руке. Поднял одной рукой один из тяжелых с высокой резной спинкой, дубовых стульев и широко размахнувшись, швырнул его в центральный витраж. Стекло со звоном разлетелось на сотни осколков. Яркие стекляшки дождем осыпались на серые камни пола. Разбитое окно, как дыра зияла в середине стены. Громила одним прыжком оказался возле меня, рывком схватил меня на руки, и ринулся к окну. Я зажмурилась и боялась открыть глаза, когда почув-

ствовала резкий толчок. Когда Ганс уселся на лошадь, я решила на это только, когда поняла, что он крепко меня держит на седле, перед собой. Я конь несется бешеным галопом.

–За нами гонятся? – мой голос сорвался со страха.

–Само собой, – весело откликнулся Ганс.

–Что мы будем теперь делать? – я горестно всхлипнула.

–Уходить от погони.

–А потом?

–Какая ты шустрая, хочешь сразу все знать. Сначала погоня, а потом...

–Ты что-нибудь придумаешь, я знаю.

–Как скажешь.

Многочисленная погоня сильно отставала от нас. Но холеный баронский конь, которого все прищпоривал Громила, вот-вот мог выдохнуться под двумя седоками. Ганс крутил головой, ища места где спрятаться. Когда по краям дороги поднялся густой лес, Громила спросил неожиданно:

–С лошадью справишься?

–Не-е-е-ет! – отчаянно крикнула я, когда он вдруг спрыгнул за землю и я одна осталась в седле.

–Ты легкая – закричал мне Ганс весело. – гони во всю прыть. Пусть гонятся за тобой! Я с ними разберусь!

Никогда в жизни мне не было так страшно, хоть за последнее время я уже стала привыкать к этому чувству. Но править бешено несущейся лошадью, неудобно сидя боком,

оказалось выше моего понимания. Я все силы тратила на то, чтоб только не свалится под копыта коня. Мое сердце билось быстро-быстро, его удары шумели в ушах. От страха зуб на зуб не попадал. Я боялась повернуться, но слышала, что грозные звуки погони стали редеть и будто отстали. Я хватала ртом воздух и скакала, скакала вперед по дороге. Мне показалось, что успело пройти лишь мгновение, а мой конь уже стал ронять хлопья пены, и устало всхрапывать. Я не сразу поняла, что он двигался все медленней и медленней, пока совсем не перешел на шаг. При таком аллюре я даже смогла посмотреть назад. Там никого не было: ни преследователей, ни моего Громилы. По спине пробежал противный холодок.

—Одна! Совсем одна! — громко вскрикнула я.

Конь мой вздрогнул и встал. Раньше я не верила, что породистые жеребцы просто могут замереть и остановиться от усталости, точно так же как деревенские тяжеловозы или упрямые ослики. Я сползла со спины измученного животного. Почувствовала, что колени дрожат и ноги подкашиваются, я схватилась за уздечку руками и повисла на ней.

—Держи меня.

Конь, как будто понял, покосился умными глазами. Хорошо ему, он не боится одиночества. А я даже боялась додумать до конца мысль о том, что Ганс погиб и никогда не вернется. Мне очень хотелось броситься назад, туда где он остался и искать моего Громилу, но я знала, что будь он здесь, Ганс отчитал бы меня за бестолковые мысли. Он же

велел мне скакать совсем в другую сторону. Я не знала, что делать. От страха и отчаяния кружилась голова, мир казался зыбким. Мне вдруг стало холодно.

–Как жаль, что мой теплый шерстяной плащ так и остался в баронском замке, – вздохнула я, – Ганс бы обязательно что-нибудь придумал, может костер развел бы.

Мне стало стыдно за то, что я так привыкла во всем надеяться на Громилу, что мне даже в голову не пришло развести самой. Я потянула коня за повод.

–Давай-ка уйдем с дороги, здесь нас слишком хорошо видно. Устроимся вон под тем старым дубом.

Конь, само собой спорить не стал. Привязав его к толстой ветви дуба, я принялась собирать хворост. Но большая куча сухих веток, еще не костер. В моем нарядном платье не было и быть не могло сумки для огнива. У меня оставалось единственная надежда на то, что в седельной суме найдется столь необходимый мне предмет. Я тщательно обшарила все что барон считал нужным брать в дорогу. Там было много бесполезных вещей: флакончик с ароматной водой, крохотный веер, тупой уже тронутый ржавчиной кинжал с украшенной дорогой резьбой рукоятью и большой кусок беленой льняной ткани с вышитым баронским вензелем, видимо служивший в дороге полотенцем. Но и вожденная огнива тоже нашлось в седельной сумке. Осторожно развязав кожаный мешочек, я вытряхнула на ладонь все что мне было нужно, для того, чтобы согреться у костра.

–Просто удивительно, что хотя бы здесь все хранится в полном порядке, – улыбнулась я, – ни ржавчины, ни плесени и трут сухой.

Находка меня порадовала и взбодрила, однако разговаривать самой с собой было очень грустно. Я ловко высекла яркую искорку. Трут занялся огоньком, но тут же погас. Я повторила попытку снова и снова. Но вместо веселого огонька, передо мной плясал только сизый дымок.

–Да что ж это такое?! Даже костра не могу сама разжечь, – расплакалась я.

Сидела растирала слезы по щекам, всхлипывала, мерзла. Будто пожалев меня над моей кучей хвороста поднялся одинокий синенький язычок пламени. Полизал тонкую веточку, пробежался по ней, пропал и поднялся вновь веселым рывком костерком. Как замороженная я следила за его движениями, протянула к костру замерзшие пальцы, почувствовала ласковое тепло.

–Хорошо устроилась, зеленый заморыш.

Я повернулась на голос, протерла заплаканные глаза.

–Ганс! Как хорошо!

Я хотела броситься к нему на шею, но он устало отстранился.

–Подожди, – вздохнул Громила, – я только посижу отдохну...

Он опустил на сухую корягу, я не могла сдержать испуганного крика.

–Ты весь в крови!

–Это не моя, в основном...

Вся его одежда была в бурых, уже засохших пятнах, но одно темное мокрое неумолимо расплзлось по его боку.

–Ты тяжело ранен?!

–Ерунда.

Он сполз с коряги, разлегся на голой земле, прикрыл глаза.

–Я щас, я мигом... я соберусь...

Я бросилась к нему.

–Ганс! Ганс!

Он меня не слышал. Я сразу вспомнила все чему учила меня мать. Что любую рану нужно промыть и туго перевязать. Я беспомощно оглянулась вокруг. Чем промыть? Чем перевязать? Я подбежала к коню, снова стала шарить в седельной сумке. Большое полотенце, пахучая бутылочка. Вернулась к Гансу. Под изорванной курткой все в крови. «Я боюсь крови» вспомнила я и сразу забыла. «Некогда бояться!» в заветной баронской бутылочке жидкости всего ничего, хотела плеснуть на полотенце и передумала. Наклонилась, оторвала край от своей нижней рубахи. Намочила, протерла рану. Прижала к ней сложенное полотенце с вензелем, поискала глазами чем бы завязать. Опять в дело пошла длинная полоса оторванная все от той же нижней рубахи.

Закончила, перевела дух, а Ганс так не приходил в себя. Я расседлала коня, тот уже шарахался, когда я приближалась

к нему, наверное, вид у меня был очень дикий. На красивую бархатную попону с огромным трудом, но все же смогла уложить Громилу, а седло положила ему под голову.

Пока я была занята хлопотами вокруг раненного, думать о будущем было некогда. Но когда я поняла, что больше ничем не смогу помочь Гансу и мне осталось только поддерживать огонь, страх снова подступил ко мне и забрался в душу. Я сидела на корточках возле костра, подбрасывала тонкие прутики, смотрела как они чернеют, гнутся и исчезают в пламени. Искала, но не находила ответа на вопрос: «Что же делать дальше?». Я чувствовала себя такой одинокой и беспомощной. Оставалось только молиться. Грустно шептала я латинские молитвы выученные еще в детстве.

– Нашла время и место, – прервал мою набожность хриплый голос.

Я вскинула глаза. Надо мной, как гора возвышался незнакомый бородатый человек. Вся его одежда была сшита из кусков грубо выделанной вытершейся от времени, кожи. Он показался мне огромным, даже больше и выше Громилы.

– Кто вы такой? – испуганно выдохнула я.

– Не бойтесь, госпожа, я местный лесоруб, просто лесоруб.

– Госпожа? – глупо переспросила я, не сразу сообразив, что на мне дорогое платье.

– Проводить вас в замок?

– Ни за что! – возмутилась я. – мне нужна совсем другая помощь.

–Все что госпожа прикажет, – с тупой готовностью произнес лесоруб.

Я совсем растерялась, первый раз в жизни оказавшись в такой роли. Отдавать распоряжения я совсем не умела. Куда проще было задавать вопросы:

–Что ты здесь делаешь?

–Ищу подходящие деревья для баронских каминов. Потом их срубаю, грузу на телегу и отвожу в замок. – подробно объяснил хриплый бородач.

–А живешь ты далеко?

–Нет, госпожа, совсем рядом отсюда. Барон разрешил мне построить хижину в его лесу.

–И телега у тебя есть, – в слух рассуждала я.

–Есть... – подтвердил здоровяк.

Я воспряла духом, Бог услышал мои молитвы. Наконец-то я знала, что делать. Решительно поднялась и распорядилась:

–Видишь раненого? Его обязательно надо отвести в твою хижину и вылечить.

–Это я легко, – обрадовался лесоруб. – хворых выхаживать меня бабка учила, все повторяла, что в жизни пригодится. Вот и пригодилось!

–Вези сюда быстрее свою телегу.

–Слушаюсь госпожа! Вы только подождите чуток, – заторопился бородач.

Я милостиво кивнула. Теперь я могла спокойно ждать, уверенная, что все будет хорошо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. ХИЖИНА В ЛЕСУ.

Хижина дровосека пряталась в самой чаще. Но узкая грязная, вся в ямах и выбоинах дорога, долго петлявшая по лесу вела к самому порогу.

–Ох, и долго я возился с тем, чтобы здесь проходила телега, – охотно рассказывал бородач. – Но мне обязательно нужна дорога, а то где ж я буду оставлять коня и телегу?!

–Что-то я не вижу конюшни.

–Вон в том сарае, – пальцем показал дровосек, – я держу своего тяжеловоза и телегу. Туда и вашего красавчика пока поставим.

Как ни мало меня интересовала судьба баронского скакуна, но даже мне стало его жаль, когда я увидела, где ему предстоит провести ближайшую неделю. Сколоченный из толстых досок сарай, через широкие щели продувался всеми осенними ветрами, и казалось, вот-вот был готов завалиться набок. Впрочем и жилище самого дровосека не слишком отличалось от него. Это была небольшая землянка, верхняя часть которой, так же как сарай, кренилась в сторону.

–Ты здесь живешь весь год? – усомнилась я.

–А что?! Жилище, конечно, плоховато, но для одного пойдет. А надумаю жениться, тогда и дом буду строить.

–Так же ты еще не женат, ведь уже не молодой?

Бородач почесал лохматую голову, крикнул досадливо:

–Дык, кто ж за меня пойдет, кому ж охота в лесу жить?!

Спустившись на три земляные ступени вниз и оказавшись внутри землянки, я поразилась.

–Такой потолок низкий, как же ты здесь живешь, если даже разогнуться в полный рост не можешь?

–Да я привык.

Мне под этим потолком, казалось, даже дышать было тяжело. Приходилось постоянно нагибать голову. Я сразу стала искать, на что присесть. Скамьи дровосеку заменяли деревянные чурбаки, я очень обрадовалась, когда увидела в углу большой, удобный топчан, застеленный старой медвежьей шкурой.

–Вот здесь мы и положим Ганса.

–Как скажете госпожа.

Бородатый великан не без труда смог доставить моего «Кроху», так и не пришедшего в себя, до своего большого широкого лежака. Быстро развел огонь в очаге, и повесил над ним старый котел с помятым боком, чтобы согреть воды. К моему немалому удивлению, в убогой землянке был аккуратно сложенный удобный очаг. Сделанный капитально и красиво, как в большом добротном доме.

Укладывая Громилу, дровосек зацепил обо что-то привязанный на его поясе кошель, тесемки порвались, по полу покатались золотые монеты. Гигант присвистнул, я поспешно собрала деньги, но главное приютивший нас бородач, понял,

что нам есть чем оплатить его доброту. Внук знахарки стал осматривать раненого. Убрал сооруженную мною перевязку, полотенце все пропиталось кровью, но дровосек заметил баронский вензель. Крякнул удивленно. Мне показалось, что он стал относиться к нам еще с большим уважением. Объяснял мне:

–Колотая рана, как у благородного человека, внутренности вроде не задеты. А кровь мы сейчас остановим.

Он потянулся, снял со стены пучок сушеных трав. Выбрал листочек, приложил к ране, пошептал что-то странное.

–...а ты кровь не кань. – только смогла разобрать я.

–Пока вода закипает, – сказал он, закончив обряд, и перевязав рану чистой тканью, – пойду состирну полотенце. Нельзя, чтоб пропала такая дорогая вещь. Позвольте госпожа, я вам буду прислуживать, вас ваш слуга ранен.

Он вышел из хижины, я задумалась о превратностях судьбы. Еще утром, я сама была в роли служанки герцога, а теперь этот бородач называет Громилу моим слугой. А неделю назад я и представить ничего подобного не могла. Холодок страха пробежал по спине, когда я подумала о том, что еще может нас ждать в будущем. Прежняя размеренная, легко предсказуемая моя жизнь, показалась мне сказкой из далекого детства.

Вернулся дровосек, согнувшись чуть ли не вдвое, вошел в свою низкую дверь. Обратился ко мне с непривычным вопросом:

–Госпожа, что-нибудь изволит?

–Нет, нет, – торопливо отмахнулась я, – занимайтесь ра-
неным.

Он стал готовить отвар: крошил в воду сухие травы, перемешивал, сунул туда како-то желтый корешок, снял котел с огня, накрыл крышкой, и для тепла положил сверху кусок холстины.

–Сейчас настоится, – пояснил он, – надо будет остудить и понемногу давать больному, чтобы не было лихорадки. Ваш слуга сильный, быстро поднимется на ноги. Только и он бы не справился, если бы кто-то его сразу так хорошо не перевязал.

Я порадовалась, что и мои старания были не напрасны. Только в роли госпожи мне было очень неудобно. Я не знала как мне сесть, куда деть руки, и все время боялась, что бородач догадается, что я не настоящая.

Наступила ночь и с нею пришли другие волнения. Бородач предложил мне разделить с ним его небогатый ужин:

–Не побрезгуйте, госпожа. Еда у меня простая, крестьянская, поужинайте, чем Бог послал.

Я охотно согласилась. Знал бы он, какой вкусной оказалась мне его холостяцкая гороховая похлебка. Только отхлебнув горячей жидкости из большой деревянной ложки, я вспомнила, что за весь сегодняшний день у меня во рту не было ни одной маковой росинки. Я так проголодалась, что уплетала похлебку быстрее, чем хозяин. Он поглядывал

удивленно, наверняка, раньше считал, что утонченные дворянки, должны питаться как-то иначе, чем обычные люди. Я и сама так думала, пока не примерила это зеленое с золотом платье. Справившись с своей похлебкой, бородач улекся спать прямо на полу у камина, завернувшись в свой широкий плащ.

А я поняла, что не зря так торопилась поесть, чуть позже мне было бы уже некогда этим заняться. Гансу стало хуже. Он метался на своем ложе в жуткой лихорадке и даже бредил.

—Это нормально, — заверил внук знахарки, даже не встав со своего места, только приподнявшись на локте, — к утру будет ясно, оклемается он или нет. Самая темная ночь перед рассветом, перед выздоровлением бывает хуже всего.

Его слова меня мало утешали. Меня обуревал страх. За последние дни, я так привыкла к тому, что Ганс всегда меня спасает, все может. А он лежал беспомощный, на грани жизни и смерти, волосы прилипли к потному лбу, губы потрескались. Я села рядом с ним, на краешек топчана, вслушалась в его невнятный бред.

—Нет! Нет! ...я не колдун!... я не портил лошадь епископа!...она и так старая...я только подковал... сама она сдохла....сдохла....Нет! Не знаю!...я верую... я молюсь... Идите вы к черту!!!

Я прикладывала мокрое полотенце к его горячему лбу. Он не видел, не слышал меня, был где-то очень далеко от меня.

Просил пить и тут же отталкивал миску с водой. Ночь тянулась медленно и тяжело, словно горячая смола. Когда первые лучи солнца пробрались через оконце в хижину дровосека. Я почувствовала такую усталость, что буквально не могла подняться разом отяжелевших век. Я не заметила как уснула, свернувшись калачиком на краешке широкого топчана.

Меня разбудил голос Ганса:

–Пить...пить...

Я подскочила, потянувшись к кувшину стоявшему на столе, стала наливать чистую воду в глиняный стакан. Услышала за спиной тихий удивленный голос:

–Госпожа, вы кто?

Я повернулась к Громиле, улыбаясь посмотрела на него:

–Надеюсь, ты шутишь.

–Для шуток, у меня пока слишком мало сил, – серьезно отозвался Ганс, внимательно, без тени улыбки разглядывая меня.

Совсем растерявшись, я хлопала глазами, не находила ответа. Мне хотелось крикнуть: «Ты что?! Я же Анхен! Заморыш! Неужели ты забыл, как мы сбежали от инквизиции?!». Но у очага возился дровосек и я не могла выложить это все при нем. Еще надумает вернуть нас братьям доминиканцам. А мне вовсе не хотелось снова оказаться на костре.

–Неужели ты ничего не помнишь? – осторожно спросила я.

–А что, было что-то интересное? – слабо улыбнулся «Кро-

ха».

– Было, – решительно произнесла я, и напустив на себя важности обратилась к бородачу:

– Милейший, мне неловко выгонять вас из вашего собственного дома, но не могли бы вы оставить нас ненадолго одних?!

Эту заковыристую фразу я только вчера подслушала в баронском замке. Дровосек, кажется, ее толком не понял, но низко поклонился.

– Как вам угодно, госпожа.

Он поспешно вышел за дверь, мой Громила проводил его взглядом, поднял бровь:

– Да вы важная шишка. Как это меня угораздило попасть в такую компанию?

Я стала в захлеб рассказывать события последних дней. Судя по выражению лица, Ганс не верил ни одному моему слову.

– Значит, герцог Ольденбургский? – уточнил он, когда я закончила свой рассказ. – Жаль, что я забыл такое замечательное приключение.

Мне захотелось его побить. Я так переживала за его здоровье, теперь, мне должно было бы стать легче, а Ганс, умудрился все испортить!

– Не может быть, чтоб я был таким хорошим. Бегал, спасал, – серьезно рассуждал Громила. – Нее, это на меня не похоже. Зачем вы рассказываете мне сказки, госпожа?

– Не притворяйся, – потребовала я, – так не бывает! Хоть что-то же ты должен помнить!

Ганс сосредоточенно нахмурился.

– Помню...

– Что? Что? – воодушевилась я.

– Подвал помню, инквизиторов помню, вас не помню.

– После, после инквизиции.

– Костер не помню, значит меня не сожгли? – осведомился он у меня.

– Нет! А надо было! – надулась я.

– А мне нравится, что не сожгли.

В этой фразе мне уже послышалось лукавство.

– Помню, коня украл, хороший был конь. Куда я его дел?

– Продал.

– Зря, коней я люблю.

– А меня? – вдруг решила спросить я.

Ганс лукаво сощурился, разулыбался.

– Не надо пользоваться моей слабостью.

– А-а-х! Ах ты... гад такой! Я переживала! А ты?!

Я все таки не удержалась и ударила его по руке.

– Так ты спасала меня, чтоб потом бить?

– Я и не думала тебя спасать! Это все дровосек! Он поил тебя всякими отварами.

– А ты выгнала моего спасителя?

– Могу позвать обратно.

– Зови.

–Только не забудь, что для него я твоя госпожа! – зло напомнила я.

–Слушаюсь и повинуюсь, – хохотнул Громила.

Разобиженная на него, я стремительно выскочила из хижины на улицу. Меня встретила резкая осенняя свежесть и дождь со снегом. Бородатого великана нигде не было.

–Куда он делся? – волновалась я, ежась от холода. – неужели, отправился доносить на нас, подслушав ночной бред Ганса.

Но мои сомнения улетучились, как только я обошла покосившуюся хижину. На заднем дворе, дровосек с невозмутимым видом рубил дрова. А что еще ему оставалось делать в такую погоду?! Возле него уже высилась изрядная куча аккуратных полешек.

–Возвращайтесь в дом, – прокричала я, боясь подходить близко к его высоко взлетающему громадному топору.

–Как прикажете, господа.

Бородач охотно оставил свое занятие и пошел вслед за мною в теплую хижину.

Положение мое стало еще труднее. С одной стороны, я старалась вести себя солидно и гордо перед дровосеком, с другой – я видела веселые глаза Ганса готового в любую минуту поднять меня на смех. Он быстро шел на поправку и его явно забавляла моя важность. Я отворачивалась от него в другую сторону, не знала как себя вести. А он развлекался веселыми стишками, как только я подходила близко:

–Ночью спит барон и видит,
Что витраж напрасно выбит!

Бог наделал герцогинь,
И заморышей. Аминь! – шепчет он.

–Замолчи! Бородатый услышит, – зашипела я на него. –
что на тебя нашло?

–У нас в поселке жил поэт и называл это вдохновением.
Он говорил, «вдохновению мешать грех»! мне раньше нико-
гда не хотелось сочинять стихи.

–А теперь что?

–Не знаю, это все бородатый виноват, наверное его травки
действуют.

Кажется, дровосек услышал его последние слова, возму-
тился:

–Трава у меня правильная! Никто не жаловался!

–Так и я не жалуясь, – продолжал веселиться Громила. –
Мне с роду так весело не было.

–Это от того, что болезнь уходит, вот тело и радуется!

–И долго оно будет радоваться? – опасливо спросила я.

–Поживем, увидим, – философски отозвался внук знахар-
ки. – Ему очень повезло, что вы, госпожа, такая заботливая.
Потеряй вы тогда время, не смог бы он сейчас радоваться.

–Так я обязан своим спасением моей госпоже?! – не без
иронии осведомился Ганс.

–А как же, – серьезно подтвердил дровосек. – Если б не
она, доедали бы тебя лесные звери.

– Да, в рай меня видно не возьмут, а в ад торопиться не стоит. – Стал серьезным «Кроха». – Лучше потоптать Землю еще немного, – и шепнул только мне, – спасибо, спасительница.

Снова наступал вечер, надвигалась ночь, но уже вроде бы не обещала ничего страшного. Бородач подал новый повод для беспокойства:

– Домишко, у меня, я смотрю, слишком мал для троих. По человечески и переночевать негде. Куда же я вас, госпожа, уложу? Сегодня нет нужды дежурить с раненым. Нынче, он должен спать как убитый.

– Ничего, разместимся как-нибудь. Я тоже могу лечь на полу.

– Да здесь и на полу то двоим не уместится. Стол мешает. Я вот что удумал, – дровосек для солидности поднял указательный палец, – устрою я вас по человечески, есть у меня большая холстина, набью ее свежей соломой, будет мягко как на перине. Стол сдвину, брошу у очага, чтоб, вам, ночью было теплее. Найдется у меня и плащ на заячьем меху вместо одеяла...

– А сам куда денешься? – насторожился Громила.

– А сам пойду ночевать в деревню, к сестре, а утром свежего хлеба принесу.

– Зачем такие сложности? – попыталась его отговорить я, – вовсе нам не нужен свежий хлеб. Здесь устроимся как-нибудь.

Но бородач оказался человеком упрямым и стоял на своем крепко, как осел на дороги. Я сразу ярко представила, как он проболтается сестре о нас, слухи дойдут до барона и он устроит новую облаву. Новые страхи сжали мне сердце.

–Что ж это такое? Ни дня нельзя пожить спокойно! – сокрушалась я.

–Да не беспокойтесь, госпожа, я буду нем как рыба! – заверил дровосек. – Я вообще болтать не люблю, а сестра и расспрашивать не станет, она уже привыкла. Я к ней каждую неделю навещаюсь.

Убедившись что переубедить его не удастся, я уступила. Бородач достал из сундука холстину и отправился в сарай за сеном. У меня буквально руки опустились от беспокойных предчувствий. Ганс тоже был мрачен.

–Подвел я тебя, – вздохнул он, – ни дровосека удержать не могу, ни баронских людей встретить как следует.

–А может все еще обойдется, и бородач вернется один?

–Что-то мне не верится в такие чудеса. Но нам остается только ждать.

Дровосек, как обещал, отодвинул стол и устроил мне удобное ложе, возле теплого очага. Я достала из кошелька пару серебряных монет, подала ему.

–Раздобудь в деревне какой-нибудь плащ для меня, мой остался в носилках, а слуг я отослала. Подойдет любой даже самый небогатый.

–Но здесь слишком много, – удивился бородач.

–Купишь плащ, а все что останется, пусть будет тебе оплатой.

–благодарю вас за щедрость, госпожа, – расплылся в улыбке великан дровосек.

Он зажал деньги в громадном кулаке и ушел по тропинке в лес. Тюфяк и правда был удивительно удобный, но мне не спалось. Я то и дело вскакивала подбросить дров в очаг, поправить огонь. Снова улеглась, закрыла глаза, но сон не шел.

–Ганс, ты спишь?

–Сплю.

–А я все думаю, сдаст нас дровосек или нет?

–Это зависит от времени.

–Как это?

–Он сказал, что до деревни пару часов хода, значит он уже там. Если расскажет про нас, еще через пару часов набегут с факелами колдунов ловить, – спокойно рассуждал Громила.

–Мне страшно, – прошептала я.

–Опять к отцам доминиканцам и мне совсем не хочется.

–А за что тебя хотели сжечь?

–Долго рассказывать. Спи лучше.

–Я спать все равно не могу! Расскажи пожалуйста, – жалобно попросила я.

–Ладно, слушай, если так хочется. Мой отец Вильгельм Кольман – знаменитый оружейник, у него большая мастерская, подмастерья, ученики, свое клеймо с изображением рыцарского шлема. Он важный стал, толстый. Я у него был

только молотобойцем, а всю ответственную работу доверял только моему старшему брату. Тот видишь ли не так широк в плечах, как будто это признак ума. Короче, разругался я с ними. С братом подрался, отцу нагрубил. Ушел куда глаза глядят и пристроился в соседней деревне у кузнеца в помощниках, коней подковывать. В один черный день проезжал мимо нашей кузни епископ. И потеряла его лошадь одну подкову. Я заново подковал, священник хорошо заплатил, а недели через две сдохла у него эта кляча. Невесть отчего, может овес был плохой, а может срок ей пришел. Или сам епископ в сердцах палкой побил, да перестарался. Как бы то ни было, а святой отец припомнил, где останавливался подкову менять, да и объявил меня колдуном, что лошадей портит. Ему, наверное, доминиканцы, за каждого нового колдуна приплачивает...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ЛЕСНОЙ ЗНАХАРЬ.

Холодные яркие утренние лучи пробились через щели ставень, разбудили меня. Я лежала закрытыми глазами, вспоминала, неприятно поразивший меня сон. Хорошо, что он исчез вместе с ночью. Мне снился страх, причины его я не знала. Это опять был сон из мира железных экипажей без коней, но во сне они быстро мчались где-то над моей головой. А вокруг меня было темно, холодно и очень душно.

Я вынырнула из сна, как из мутной воды. В хижине царила спокойная тишина. Только похрапывал Громила да тихонько шипели остывающие угли в очаге. Но из души рвался страх:

–Ганс! Ганс!

Он резко проснулся, попытался даже вскочить на ноги, но со стоном повалился обратно на топчан.

–Что случилось? Кто здесь?

–Ничего, мы одни, – признала я, устыдившись своего беспричинного испуга.

–Мне показалось, здесь полно народу, если ты так кричишь. Эх, такой сон перебила.

–Прости, – прошептала я. – Но мне тоже приснился сон, но очень страшный. А тебе что снилось?

–Я похоже наслушался твоих рассказов про кареты без лошадей. Вот мне и привиделось, будто я еду в такой карете. И сам решаю, куда ей ехать. Такой экипаж не чета какой-нибудь телеге, идет мягко, словно сыр по маслу катится. Ни ям, ни колдобин. Это была моя собственная карета... Вот бы мне наяву такую.

–Да, вернись пожалуйста к тому, что наяву. Уже утро, а может и день.

–Если уже день, то плохи наши дела. Дровосек обещал вернуться утром. Если он нарушил одно обещание, то грош цена и всему остальному, что он говорил.

–Сейчас открою окно и посмотрю по солнцу, который теперь час.

Я встала, оправила юбку, подложила дров в очаг. Налила воды нагреваться. Только найти ничего съестного мне так и не удалось. Хотя бы в одном, бородач точно сказал правду. Провизия кончилась. Осталось только открыть ставни и выпустить в хижину солнечный свет. Я подошла к двери, взялась за грубо вытесанную из коряги ручку... кто-то потянул дверь на себя с такой силой, что я едва не упала. Я отпрыгнула от двери, в домик, низко наклонившись ввалился бородач дровосек.

—Ох, простите меня, госпожа. Задержался. Все потому — что сестра плащ продавать не хотела, торговалась.

—Так ты принес плащ? — строго спросила я, чтобы скрыть свою растерянность.

—Конечно, госпожа.

Он потянул из-за спины большой мешок, достал оттуда добротный шерстяной плащ с удобным широким капюшоном. Стало понятно, почему его сестра не хотела расставаться с такой вещью. Я бы тоже долго торговалась, продавая свой новый, отличный плащ. А бородач рассказывал с гордостью:

—Я не стал заговаривать о деньгах с вечера, чтоб она не принялась расспрашивать. А уж перед самым отходом, когда уже и мешок с едой был собран, достал серебро, сказал, что и ей может перепасть, если продаст свою обнову. Сестра удивилась, само собой, только я ничего объяснять не стал. Она видно решила, что у меня завелась зазноба. Уж прости-

те, госпожа, но что еще думать деревенской дуре?

–Так ты о нас не проболтался? – уточнила я.

–Нет, как можно, госпожа. Я ведь вам слово дал.

–Сестра-то у тебя не все деньги забрала?

–Попробовала, да ничего не вышло. Обошлось одной монеткой. Я теперь богач.

–Будешь нам помогать – станешь еще богаче, – пообещал Ганс. – поднимешь меня на ноги, я в долгу не останусь.

–Здоровьем человечьим не я заведую, это в руках божьих, – философски заметил бородач.

–Я богу свечку поставлю, и не одну, – заверил Громила. – Только и богу помощники нужны.

–Не дано нам знать в чем божья воля, и кто ей помощник, а кто помеха.

–Да, знать бы сразу, что на роду тебе написано. Не переживали бы так из-за пустяков, а может и умнее были бы, – вздохнул Громила.

В эту ночь дровосек не собирался никуда уходить, и не заставил нас зря волноваться. Он покряхтел и устроился спать прямо под столом. Я твердо пообещала себе хорошо заплатить ему за все неудобства, которые мы ему доставили. Бородач сразу захрапел, а мне опять не спалось, я опять позвала Ганса:

–Эй, ты как там? – неопределенно спросила я темноту.

–Жрать хочется, – зло отозвался Громила.

–Хорошо, значит ты выздоравливаешь.

– Может кому и хорошо, а я спать не могу, только о еде и думаю. Посмотри на столе, может что осталось?

Действительно ко мне стол стоял ближе, я поднялась, долго всматривалась в крошечную мглу, но мне было нечем порадовать раненого.

– Только хлеб остался.

– Эх, как бы здесь пригодилось, припасенная мной жареная медвежати́на.

– А где она? – жалобно спросила я, сглотнув слюню.

– Там в лесу, я хорошо ее завернул в большой завядший, но крепкий лист, потом упрямо берег в баронском замке, хоть там другой еды были горы. Когда сбежали, я даже успел порадоваться, что вечером нам будет чем перекусить, но ты помнишь, нам пришлось разделиться?

– Еще бы не помнить! Я такого страха натерпелась!

– Пока ты его терпела, я отбивался от всей этой своры дворян и дворянчиков. Жаль не послушал я отца и не стал учиться фехтованию. Видно точно, сила есть ума не надо. Говорил он мне, что в наше время это непременно где-нибудь да пригодится. А я решил, что это дворянская забава меня не касается. А ведь коснулась, да еще как! Мерзкая шпажонка барона сразу сделала во мне эту дырку. И больше бы дыр было, да одна шпага угодила в кусок медвежатины да и застряла, а второму, я этот же кусок швырнул в лицо, пока он арбалет натягивал. Так и сбежал, только все равно мясо жалко.

–Да, – вздохнула я. – Но главное ты жив.

–Видно не судьба мне помереть от благородного оружия.

–Только бы на костре не сгореть.

–Да, не попасть на костер у нас сейчас с тобой главная задача. Но сначала давай, хоть хлеба пожуюем что ли.

Дни шли за днями, Ганс быстро поправлялся. Вскоре, внук знахарки разрешил ему даже по долгу сидеть и попробовать встать на ноги. Я смотрела, радовалась, но с каждым днем росла тревога. Мы ведь понятия не имели что нам делать дальше и куда направится. У меня бы оставалось гораздо меньше времени на беспокойство, если бы бородач не обратился со мной как с настоящей важной госпожой и позволял бы, хоть что-нибудь делать по дому. Никогда не думала, что буду так сильно рваться варить обеды и подметать полы. Дровосек всюду опережал меня. И мне приходилось целый день сидеть сложа руки. Я уже возненавидела свое зеленое платье с его дурацкими золотыми шнурами.

Хорошо хоть он днем по долгу уходил в лес заготавливать дрова для замковых каминов. Возвращался он усталый и довольный, рассказывал нам какую замечательную опушку он нашел, какие там высоченные засохшие деревья и как быстро он их нарубил; как мучился пока грузил их на телегу и пытался вывести на большую дорогу.

–Лошаденка у меня совсем слабая стала. Не тянет.

–Впряг бы моего коня, – предложил Ганс.

–Нельзя, ваш конь под седлом ходить обучен, зачем его портить и заставлять тянуть тяжелую телегу.

–Так купи себе нового, молодого, сильного.

Предложение это застало бородача врасплох. Он явно и подумать не мог о таком простом решении проблемы.

–Дык, конь денег стоит.

–Не переживай, дадим мы тебе денег, чтоб хватило на самого лучшего, – успокоил его Громила.

–Самый лучший это... где ж его взять-то?

–Ярмарка, говорят у вас тут недалеко, там любого коня можно и продать, и купить.

–Может кому и недалеко, а на самом деле за тридевять земель.

Последняя фраза заинтересовала «Кроху».

–Далеко, говоришь? Это за пределами баронских земель?

–Конечно, хотел бы наш барон чтоб такая даль тоже ему принадлежала, да куда там.

–Значит, господин барон там уже не хозяин? – Еще раз уточнил Ганс.

–Не-е, это земля принадлежит монастырю. Они все рынки к рукам прибрали.

–Монастырь, надеюсь, не доминиканский?

–Не-е, – опять протянул бородач. – братьев инквизиторов, уже давно не видно в наших местах. Они лютуют в городах. Говорят, там каждый воскресный день костры да казни.

Громила печально кивнул, но в его глазах уже святился

огонек новой идеей.

–«Ура! Он наконец-то, придумал как нам спастись от барона!», – подумала я счастливо.

–Мы поедem с тобой, – решительно заявил Ганс, – и поможem тебе выбрать стоящего коня. Я знаешь ли знаток лошадей.

–Тебе еще рано садится верхом, – нахмурился лекарь.

–А я в седло и не полезу. – Усмехнулся Громила, – я в твоей телеге на мяконьком сене полежу.

–Так можно, – согласился дровосек. – видно пора этим заняться, пока моя кобылка не околела.

–Вот и славно, ведь нам тоже надо на ярмарку, хочу своего коня продать.

–Чем же тебе жеребец не угодил? Верховой, породистый, холеный.

–Дурак, – поморщился Громила, – первый раз у меня такой неумный конь. Все равно ему, что свой, что чужой. Подарил его нам барон, видно только чтоб избавиться от дурной животины.

–Еще он прожорливый, – добавил хозяин лесной хибары. – овса сожрал вдвое больше чем моя лошаденка.

–Вот, вот, продавать его пора, – рассуждал «Кроха», с таким видом, словно владел злополучным баронским конем уже не один год.

Я диву давалась, как ловко он умудрялся превращаться из безродного беглеца в благородного сеньора, из надменного

герцога в опытного конюха. Мне превращения давались гораздо труднее, и я все хуже представляла себе, как должна поступать в роли знатной госпожи. Я забывалась и все норовила помочь дровосеку со сборами в дорогу. Он вежливо отстранял меня и сам собирал вещи, аккуратно укладывал запасы хлеба, горшок с кашей на вечер. Я сердилась, мешалась, пыталась занять себя, хоть чем-нибудь. Ганс поймал меня за руку:

—Успокойся, а то выдашь нас. Настоящие фрау так не суетятся.

Я сделала над собой усилие и величественно опустилась на скамью. Мало того, что мне уже несколько дней приходится держать спину гордо выпрямленной, словно я оглоблю проглотила; лениво складывать руки, как у глиняных статуэток святых; есть медленно маленькими ломтиками, пока Громила с дровосеком быстро уплетают лучшие куски; так мне еще грозит смерть от скуки из-за полного бездействия. Нет! Не хотела бы я быть знатной госпожой!

Когда мы ранним утром отправились в дальний путь, мне петь хотелось уже от того только, что я выбралась из кривой хибарки дровосека. На этот раз роль настоящей госпожи, мне была по душе. Бородач устроил мне удобное местечко на своей телеге. Я могла, наконец, двигаться вперед не боясь свалиться со спины громадного коня и не изнывая от усталости.

Дровосек правил лошадью, он так и святился от радости в

предвкушении будущей покупки. Бородач то и дело оборачивался, чтобы проверить все ли у нас в порядке. Баронского коня привязали за телегой. Дорогое седло и попону, украшенную баронским гербом тщательно спрятали под сеном. И благородное животное лишившись отличительных знаков, сразу стала одним из многих. Громила развалился на сене, закинул руки за голову и улыбался как сытый кот:

–Никогда так приятно не передвигался. Отец всегда говорил, что лень – это грех и заставлял нас ходить пешком.

–Рана уже тебя не беспокоит? – тревожилась я.

–Какая рана? – легкомысленно переспросил он. – Я и забыл о ней. Хорошо, что напомнила, будет повод покапризничать.

–Смотри, никто не поверит твоим жалобам, если ты будешь валяться с таким довольным видом.

Громила натянул на лицо скорбную мину. Выдержал одно мгновение и расхохотался:

–Не могу, уволь. Хватит того, что у герцога Ольденбургского вечно была постная рожа.

–Я знаю как избавить тебя от излишнего самодовольствия, – заявила я. – Вспомни, что инквизиция еще разыскивает, да и барон будет очень рад с нами расквитаться. Тем более, мы еще на его земле.

–Вот уж не собираюсь из-за всего этого впадать в уныние. Тем более, если радоваться осталось недолго. Вообще-то, никто нас не узнает, и те и другие разыскивают двоих, а ес-

ли мы встретим хоть кого-нибудь я просто зарююсь в сено. В телеге останешься только ты – одинокая грустная фрау и дровосек на козлах, которого в округе все знают. К тому, что он мотается со своей телегой по дорогам, здесь давно привыкли. Нет, не судьба тебе сегодня вогнать меня в тоску.

– Да я и не пытаюсь. Просто, мне тревожно, сама не знаю от чего.

– Брось, посмотри какой день хороший. Любому заморышу должно быть радостно греться под прощальными солнечными лучами.

– День сегодня удивительный, осень будто уступила его ласковому и теплomu лету.

Какое-то время мы молча грелись в желтых веселых солнечных лучах. Весь лес словно ожил, тоже наслаждался внезапно вернувшимся теплом. Счастливый птичий гомон переполнял придорожные кусты. Голые ветви деревьев шумели мощно и жизнеутверждающе, словно покрытые богатой зеленой листвой. Теплый ветер, как ранней весной пах свежестью. Хотелось думать только о хорошем, и верить в самые смелые мечты.

– А что мы будем делать добравшись до ярмарки? – тихонько спросила я.

– Уедем куда-нибудь подальше от вредины барона и озверелых доминиканцев. Поселимся там, где нас никто не знает.

– Вместе? – выдохнула я и с замиранием сердца ждала ответа.

Грубый Громила опять отшутился:

–Как госпоже будет угодно.

–А чего хотел бы герцог Ольденбургский? – поддержала я его игру.

К моему немалому удивлению, я увидела что мой Громила покраснел и смутился. Он даже отвернулся в другую сторону от меня. Наш увлекательный разговор прервало неожиданное вмешательство дровосека.

–Впереди на дороге какие-то люди.

–Тогда я прячусь, – обрадовался Ганс.

–А мне что делать? – растерялась я.

–Как всегда, ничего, ты же настоящая госпожа, – съязвил «Кроха», исчезая под кучей соломы.

Я приняла серьезный вид и во все глаза смотрела вперед, боясь среди незнакомых мне людей узнать кого-нибудь из слуг барона. Мои волнения были напрасны. Нам на встречу о чем-то жарко споря и размахивая руками двигалось человек семь крестьян, судя по их нарядной одежде, возвращавшихся с какого-то праздника. Мужчины были явно навеселе, один едва держался на ногах, и единственная среди них женщина громко его отчитывала:

–Не возьму тебя больше на ярмарку!

–Эт-о-о я те-ебя не возьму. О-один пое-е-еду! – грозился пьяный, беспомощно повиснув на ее руке.

–Да ты братец, один и шага не сделаешь! – смеялся над ним шедший рядом высокий парень. – давай-ка, лучше я те-

бе помогу.

Он отцепил пьяницу от жены, и они с приятелем подхватили его под руки. Поравнявшись с нами, крестьяне стали кланяться, а я и понятия не могла, что поклоны адресованы мне. Спихватилась в последний момент, милостиво кивнула. Очень неудобно, я чувствовала себя в роли знатной особы. А бородач еще придержал коней и принялся расспрашивать встречаемых:

–Вы не стой ли ярмарки возвращаетесь, куда только мы едем?

–Да она одна тут на всю округу, – откликнулся высокий парень. – У вас какой товар? Продаете или покупаете?

–Всего понемногу, – стал рассказывать ему дровосек. – Госпожа хочет продать одного коня, а я купить другого.

–На ярмарке коней много и продают, и покупают. Только поторопитесь, сейчас торговля в самом разгаре.

Когда возвращавшиеся с ярмарки пошли дальше, и старая лошадь дровосека резко дернув скрипучую телегу, двинулась вперед. Я вздохнула с облегчением.

–Слава богу, что они ничего не заподозрили.

–А с чего бы им нас подозревать? – пожал плечами дровосек.

–Да, да, не в чем нас подозревать, – поспешно согласилась я, боясь опасений бородача больше, чем любого недоверия других людей.

–Помогите же мне выбраться отсюда! – потребовал Гро-

мила, напрасно пытаюсь самостоятельно выбраться из-под сена.

Я помогла ему выбраться на поверхность, он хотел сесть, но не усидел на нещадно трясащейся, на неровной дороге, телеге и повалился на спину.

–Я уж лучше полежу, пока. Мне силы еще пригодятся. А то я такой слабенький, как цыпленок, – рассмеялся он.

–Фу, заморыш! – фыркнула я с наслаждением.

Трястись до ярмарки пришлось еще долго, однако, солнечная погода сделала путь легким и приятным. Я вертела головой, разглядывала пустые поляны, на которых совсем недавно золотилась пшеница, красивую аккуратную деревеньку в долинах холма, потемневшую, холодно серую воду в излучине реки. Солнышко даже припекало и я распахнула свой новый плащ. Желтые лучики играли на золотых шнурах моего платья и я чувствовала себя настоящей королевой. Ганс проспал весь оставшийся путь, честно решив набраться побольше сил. Я сразу разбудила его, как только мы подъехали к цели нашего путешествия.

Впереди дорога упиралась в крепостные ворота большого торгового города. я даже не стала спрашивать у бородача его названия. Ведь я прекрасно знала, что нам с Гансом заказана дорога в любой из городов, где нас обязательно найдут монахи-инквизиторы. Да нам и не надо было пересекать крепостной ров и вступать на городскую территорию. Богатые торги, конечно, заняли все его площади, но каждому то-

вару свое место, и скотом всегда торговали на большом поле за пределами крепости. Сюда пригнали сотни голов разной живности: и коров, и волов, и коз, и овец, и ушастых осликов и конечно, коней.

Дровосек свернул туда, где был веден загон для лошадей...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА.

...Я резко прихожу в себя то ли от холода, то ли от боли. Болят руки, ноги, спина... Нет, лучше об этом даже не думать! Вокруг кремешная тьма, но кажется со всех сторон пугающе близко поднимается стена. Вроде бы кирпичная. Вытянуть руку, пощупать, проверить – боюсь. Медленно, осторожно наклоняю голову, смотрю вниз. В темноте различаю светлую бетонную балку, на которой сижу, ниже только душная вонь, шум воды в трубах и омерзительный крысиный писк. Откуда-то сверху льется слабый свет и падают снежинки. Задрав голову вижу высоко над собой вижу небольшое, как серпик луны, светлое отверстие. Прислушиваюсь, где-то надо мной далеко, приглушенно звучат человеческие голоса:

–Вы не видели здесь девушку?

–Нет.

–А она здесь была?

–Была, точно была. – убежденно произносит первый го-

лос. – я же просил ее никуда не уходить. Куда же она могла деться? Лиза! Лиза!

Я слушаю равнодушно, как сквозь вату. Не сразу узнаю Сашин голос.

–Лиза! Лизонька! Где ты?

–Я здесь! Помогите! – кричу я, и сама удивляюсь насколько глухо звучит мой голос.

Набираю в легкие побольше неприятно-теплого воздуха, кричу что есть сил:

–Помогите! Я внизу!

Серпик света совсем темнеет, потом становится шире и мерзко лязгнув превращается в полную круглую луну. Я понимаю, что сижу в колодце. В круге «луны» появляется силуэт:

–Лиза?!

–Я... это я... – всхлипываю жалобно.

–Потерпи чуть-чуть, сейчас что-нибудь придумаем. – утешает меня Саша.

А мне, вдруг, становится так нестерпимо себя жалко.

–Спасайте же меня скорее!

–Но как ты туда попала? – голос Александра звучит ошарашено.

–Не знаю! Ничего не знаю!

–Ты сильно покалечилась? Руки, ноги целы?

–Спина болит!

–Шевелиться можешь?

–Если я пошевелюсь, то свалюсь вниз. Что ты спрашиваешь?! Доставай, доставай меня быстрее!

Сашин силуэт исчезает из светлого отверстия, сверху медленно падают крупинки снега, тают не долетев до меня. Зато до меня добирается холодный ветер и лезет под куртку. От холода и страха, хочется стучать зубами. Долгую минуту, мне кажется, что меня все бросили. И одиночество становится нестерпимым.

–Саша!

–Я здесь, здесь... – отзывается он совсем еле слышно издалека.

Когда его силуэт опять появляется над моей головой, я спрашиваю обиженно:

–Куда ты девался? Не бросай меня одну!

–Я никуда не делся, – оправдывается Александр. – я ищу способы достать тебя из колодца.

–И как?

–Жалко у нас в городе нет специальной службы спасения, я пробовал звонить в другие места, но все посылают меня очень далеко.

–А пожарные?

–О, эти указали мне особенно конкретный адрес. Пока ты не загорись, от них помощи ждать нечего.

–Мне только гореть не хватало. – скулю дрожащим голосом.

–В общем, спасение утопающих, предоставили самим уто-

пающим. Но у меня есть идея.

–Представляю себе эту идею.

Ежусь от холода, жду, пока мою голову не задевает что-то повисшее сверху.

–Что это? – в брезгливом ужасе спрашиваю я.

–Парашютные стропы, – весело объясняет Саша, – хорошо что я так и не вытащил из багажника свой парашют.

–Хорошо, а что дальше? Забраться по ним вверх я не смогу! Не стоит и пробовать.

–Зачем забираться, ты только пристегнись. А я тебя сам вытяну.

Стропы спускаются ниже, я стараюсь, ругаюсь, боюсь потерять свое хрупкое равновесие и свалится со спасительной балки вниз, пыхчу, забываю о боли. Вожусь, как мне кажется, очень долго, но справляюсь таки со сложной задачей, защелкиваю крепление и радостно кричу вверх:

–Тяни! Я готова!

Я повисаю на стропях, медленно-медленно начинаю подниматься. «Неужели я такая тяжелая?!»

–Сюда бы Громилу! – вздыхаю я, – он бы легко с этим справился.

Раскачиваюсь от стены до стены, выставляю руки, ноги чтобы не стукнуться. Стенки холодные, влажные, пальцами прикосаться не приятно. Яркий круг над головой все ближе, ближе. Вокруг все светлее и холоднее. Я уже ясно различаю охристые выщербленные кирпичи из которых сложен

колодец, и ледяные звездочки снежинок, пролетающие возле лица и исчезающие в облачках пара изо рта. Самым трудным оказалось перебраться через край колодца. Мне пришлось перестать висеть спелой грушей на ветвях, и активно включиться в процесс собственного спасения. Моя прошлая встреча с парашютом показалась мне невыносимо опасно, но теперь я понимаю, что тогда все было легко и понятно. Зато в этот раз я оцениваю по достоинству это гениальное человеческое изобретение. На четвереньках отползаю от злополучной дырки в земле, Саша сгребает меня в объятьях, гладит по голове, утешает:

–Все, все кончилось! Все позади!

–Мне было так страшно, так холодно... Что ты так долго меня не доставал?

–Долго?! Я отсутствовал минут десять. Как ты успела за это время исчезнуть?!

–Я не нарочно. Я только несколько шагов сделала и ...

–Я же просил тебя стоять на месте, как знал, как чувствовал, что ты куда-нибудь провалишься.

–Я там так замерзла, – всхлипываю, уткнувшись носом в его куртку.

–Сейчас будет тепло, – обещает Саша. Отцепляет от меня парашютные стропы, подхватывает на руки и несет в машину. – Я же специально включил печку, чтоб тебе быстрее согреться.

Усаживает меня на мягком, большом сиденье джипа. В

машине действительно очень тепло, но я скукоживаюсь, и меня еще долго трясет то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Александр сворачивает парашют, убирает его в багажник, садиться за руль. Я сразу жалуясь ему:

–Я провела в этом колодце целую вечность! Кажется я даже теряла сознание и видела...

–Загробную жизнь?! – живо интересуется Саша, – и что там?

Я решаю, что для средневековых признаний момент более, чем не подходящий, и молчу о виденных мной новых приключениях Заморыша и Крохи. Но мне ужасно хочется задать вопрос, который мучил меня еще там: «Откуда Ганс знает что такое вилка?». А спрашиваю я совсем о другом:

–Кто придумал парашют?

–Зачем тебе? – удивляется мой спаситель, – ну, вообще-то первым был Леонардо да Винчи. Про современную модель я не помню.

–Буду знать, а то второй раз задаюсь этим вопросом болтаясь на стропах. А пока ты не появился, мне в голову и во все всякие ужасы лезли. Тебя не было целую вечность!

–Странно, – удивляется Александр, – разве что тебе так показалось из-за страха. Теперь бояться нечего, уже все позади. Ты больше никогда не бойся. Знай, что я всегда приду и спасу тебя.

–Лучше, ты просто всегда будь рядом.

–С превеликим удовольствием, – улыбается Саша. – Ну

что, куда тебя вести? В травму или домой?

–Нет, – решительно заявляю я, – никаких больниц! Сейчас я хочу только оказаться дома, напиться чаю с медом и почувствовать себя в безопасности.

–Я слышал, успокоению души гораздо больше способствует напиток погорячее, – Саша лукаво смотрит на меня.

–Можно и погорячее, – соглашаюсь охотно.

Только я прикрываю глаза представив, сколько тепла и удовольствия разольется по моему промерзшему телу, как Александр неожиданно грубо рвет мои мечты восклицанием:

–Сергеа! Черт!

Меня холодный пот прошиб. Не может быть чтобы Саша был знаком с моим бывшем сожителем?! На дорогу почти под колеса джипа выскакивает вихрастый парень. Он машет руками, старается обратить на себя наше внимание. Александр резко давит на тормоз.

–Так это и есть Сергеа? – спрашиваю я, еще не совсем успокоившись.

–Он и есть, мой давний дружок Сережка, – смеется Саша. – он отличный парень, хоть и чокнутый немножко.

«Хороший парень» забирается на заднее сиденье, сразу начинает болтать так быстро, что не остается даже надежды вставить в его монолог хоть слово.

–Я уверен Искандер меня уже представил. Все что мог вам наплести обо мне, сразу предупреждаю, все враки. Я на са-

мом деле белый и пушистый. Умею все или почти все, даже крестиком вышиваю. Искандер, подтверди!

–Точно вышивает, – кивает Саша.

–А почему он зовет тебя Искандер? – недоумеваю я.

–Мусульмане так называют Александра Македонского, – объясняет Саша.

Друг Серега тут же перехватывает инициативу:

–Мы все на курсе его так звали. Но какой он Саша, сами посудите.

–Нормальный, – только пожимаю плечами.

–Это вы еще плохо его знаете. Пообщаетесь годик другой и сами начнете называть его Искандером.

Ответа он не дожидается. Переключается совсем на другое: изображает руками, какого крупного щенка родила его собака.

–Тебя куда отвести собаковод? – прерывает его Саша.

Серега удивляется, словно этот вопрос ему задал ему экскурсовод в музее. Кажется, он и забыл, что находится внутри транспортного средства.

–Отвести? Дай подумать. Куда бишь я шел?! А знаешь, поехали к тебе, мне такое надо рассказать. Только не при дамах.

–Дама вовсе не желает слушать ваши секреты, – фыркаю я, – отвезите меня ко мне домой и секретничайте сколько угодно.

–Прекрасный план, – радуется Серега. – Ну что, Брусилов,

вперед!

Машина плавно и легко набирает ход, а я задаюсь новым вопросом:

–Теперь еще и Брусилов? Это еще кто такой?

–Генерал, герой первой мировой войны, – живо откликнется Серега.

–Брусилов – это моя фамилия, – терпеливо объясняет Саша.

–А как же генерал?

–А генерал его родственничек, – тараторит Серега. – У него вообще, полно знаменитых родственников. Куда не плюнь в учебнике по истории – везде его родственники. Страшное дело!

–Почему страшное?! – спору я. – Это же здорово.

–Вот посмотрите его родовое дерево, растущее, как я помню, из Адама Киселя, поймете что дело страшное. Его пра-пра-пра-...– дедушка еще против Богдана Хмельницкого воевал. Не может быть, чтоб Искандер до сих пор вам ничего не рассказал. Ну, хотя бы родовой герб-то демонстрировал?

–Нет, пока.

–Не может быть, чтоб мой друг так изменился! Раньше он всегда с этого начинал.

–Так ты из дворянской семьи? – поворачиваюсь я к Александру, сосредоточившемуся на дороге.

–С одного боку.

–Ладно, не скромничай, – хлопает его по плечу Серега, и советует мне, – Вы следующий раз обязательно расспросите Искандера про его предков. Получите весьма увлекательное повествование.

–Непременно так и сделаю.

–А пока нам с вами срочно нужно перейти на ты, – восклицает Серега, опять мгновенно переключившись.

Я охотно соглашаюсь, но пообщаться «на новом уровне», как выразился Сашин друг, мы не успеваем. Джип останавливается возле моего подъезда. Я прекрасно вижу, что Серега ждет приглашения, но мне сейчас не до гостей. Торопливо прощаюсь и убегаю. Хорошо что Саша прекрасно понимает мое желание оказаться в горячей ванной.

Только забравшись в теплую, почти горячую воду, я чувствую, как сильно успела промерзнуть. Долго выгоняю холод из своего тела. Согревшись, блаженствую вытираясь и надевая большущий махровый халат. Сушу волосы, в тапочках, как на лыжах двигаюсь через зал. Вот, она прекрасная, мягкая, теплая, уютная, родная кровать!

–Кого еще черти принесли?!

Никогда звонок в дверь не вызывал у меня такого раздражения. Я вообще люблю, когда ко мне приходят в гости. Но только не сейчас! Однако, я не могу даже представить себя такой хамкой, чтоб не открыть человеку дверь. Делать вид, будто меня нет дома не мой стиль. Тем более, пришедший был твердо уверен, в том что его немедленно впустят, и на-

легал на звонок.

Распахиваю двери, Ленка сразу обрушивает на меня свой восторг:

–Все отлично складывается! Нам очень повезло!

–В чем повезло? – подозрительно хмурюсь я.

–Ты, помнится, заикалась что хотела бы сама послушать моего Пашу.

–Разве я это тебе говорила?

–Кому еще ты могла такое сказать?!

–Ну, многим...

Но Лена не слышит моих признаний. Она твердо уверена, что весь белый свет спит и видит возможность услышать песни ее любимого рокера. Глупость какая! Я бы вообще предпочла больше никогда о нем не слышать. Будто у меня других дел нет?!

–Нет, Лиза, даже не пытайся возражать! Ты сейчас же одевайся и мы пойдем в ангары.

–Куда, куда?

–Паша снял для своей группы небольшое помещение за городом. Там обычно тренируются всякие борцы и каратисты. Они и прозвали их ангарами.

–А твой Паша с кем там борется?

–Они там репетируют. Паша говорит, что в ангарах отличная акустика. Идем, идем быстрее!

–А может быть...

–Никаких может быть! Бегом одевайся! – требует Лена.

– Да я только что с улицы, – отчаянно сопротивляюсь я. – Я только что из колодца! Из-под земли, понимаешь?!

Ничего она не понимает! Я пробую даже рассказать о своем недавнем ужасном приключении. Влюбленная Лена хлопает глазами повторяет:

– Пошли, тебе нужно развеяться! Пошли, пошли быстрее! Ты потом сама скажешь, что я была права, и ты зря отказывалась.

Убедившись, в бесполезности любых возражений, с великой неохотой все же уступаю. Тем более, что бурный спор окончательно разрушил мою сладкую сонную истому.

– Ладно, пошли. Только прекрати меня торопить. Я физически не способна двигаться быстро.

– Обещаю тебя не подгонять, если ты не будешь спать на ходу.

Даже если бы я захотела вздремнуть между делом, шумное Ленкино волнение, мне бы сильно мешало. Все дорогу она захлеб рассказывает мне что-то очень увлекательное, но абсолютно непонятное из жизни музыкантов и их поклонников.

Пресловутые ангары, действительно, больше всего напоминают помещения для стоянки самолетов. И всевозможных борцов, внутри видимо – не видимо. В самом дальнем углу за не доходящей до потолка, фанерной перегородкой, внутри сплошь заклеенной большими плакатами групп, вроде «Нерваны», мы и находим Ленкиных музыкантов. Я придиричиво

разглядываю солиста брэнчащего на гитаре и поддвигающего себе под нос:

—...Сомнения не для нас,
Мы поняли жизни суть,
Все, что прошло забудь...

Он худой, щуплый, с длинными руками. Рваные джинсы, кожаный жилет, татуировка на плече. Каштановые давно не мытые волосы, собраны в жидкий засаленный хвостик. Четверо остальных участников группы выглядят не лучше. Больше всего они похожи на кучку бомжей, а сами себя наверняка называют «Великолепным квартетом» или «Мушкетерами». Небось, кричат перед началом репетиции: «Один за всех, и все за одного!». Не хотела бы я видеть эту жалкую пародию на киношных красавцев.

Я не успеваю додумать мысль о крайне странном вкусе моих подруг. Заметив Лену, Паша резко обрывает завывание, и довольно приятным голосом поет выразительно глядя на нее:

—...Всю вселенную подарю,
Только той, кого полюблю,
Лишь она одна на земле,
Будет тайны знать обо мне,
Она прошлое мне простит,
И от памяти защитит...

Смотрю на певца, не могу отделаться от мысли, что где-то с ним уже сталкивалась. Нет, не в прошлом. Где-то здесь со-

всем недавно, мельком, не заострив на нем внимания. Припомнить не получается и я бросаю это бесполезное занятие. Со стен грозно смотрят размалеванные лохматые рокеры, какое творчество, под прицелом таких взглядов?! Слушаю песню и не могу не отметить, что текст очень не плохой, мне даже нравится. Но вот музыка сильно подкачала. Избитые дворовые аккорды мало походят на настоящую мелодию для песни. Припев так и вовсе не звучит.

Мое крайне критичное отношение по всей видимости отражается на лице. Музыканты хотят понравиться, может быть только из гордости стараются доказать, что имеют право называться профессионалами. Выходит все хуже. Барабанщик так усердствует, что жонглируя то и дело роняет палочки, а в конце звонким ударом пробивает в мембране дыру.

-Они наркоманы? – спрашиваю я в Маринкином резком стиле, когда мы с Леной идем домой.

-С чего ты взяла?! – возмущается моя влюбленная подруга.

-Рок музыканты все наркоманы.

-Ты судишь слишком поверхностно.

-Короче говоря, ты не знаешь.

-Мне это неважно.

-Действительно, какие мелочи, – меня тянет ерничать, – таланту прощается все: наркотики, алкоголь, воровство,

убийство.

– Не утрируй. Но талантливому человеку много прощается.

– Талантам даже мыться не надо, – не теряю игривого настроения я.

– Ну тебя! Я хотела чтоб ты слышала классные песни, а ты... Каждый видит то, что хочет.

– Хорошо, – благодушно соглашаюсь я. – Будем считать тебя поклонницей современного рока, а меня фанаткой шампуня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. КОНЕЦ ЯРМАРКИ.

Как хорошо лечь спать не в вонючем колодце, а у себя дома, в собственной постели. Правда сны мне снятся все равно про то же:

... Сколько же здесь было животных! Бестолковые овцы толкались в своем загоне, коровы флегматично жевали сено, кони беспокоились, вставали на дыбы, трясли головами, ржали. Я смотрела на этих мощных красавцев: ярко-рыжих, дымчато-серых, бархатно-черных и молочно-белых; длинноногих и тонкошеих, пузатых и приземистых, жеребцов и кобылиц с жеребятами. Смотрела и сомневалась, что в таком разнообразии можно найти именно того коня, который сей-

час нужен. Как только мужчины это делают?!

Дровосеку такие сомнения были не знакомы. Мне показалось, он еще издавлекa увидел ту свою будущую лошадь. Телегу мы оставили довольно далеко от ярмарки, там где толпились другие повозки, и пешком направились к большим загонам с лошадьми. Дровосек отвязал бывшего копытом верхового, сам повел в поводу. Ганс шел медленно, тяжело, но не подавал виду, силился улыбаться. Но я-то видела как трудно это ему давалось.

– Может отдохнем? Я уже устала.

– Какие же вы, девушки, нежные да слабые, – усмехнулся Громила поняв мою хитрость.

– Как прикажете госпожа, – серьезно кивнул бородач.

Отдохнуть мы присели на громадное бревно, заменявшее пришедшим на торги и лавку, и стол. Рассевшись на нем, целыми семьями, крестьяне расстилали чистые салфетки и платки, раскладывали привезенные из дому продукты. Люди обедали, обсуждали торговлю:

– Не удалась ярмарка в этот год. Прошлый раз куда богаче была, – рассуждал пожилой пузатый здоровяк, всем своим видом говорящий о том, что он зажиточный мельник.

– Зря бранишь торги, только потому что у тебя дело не задалось, – насмешливо гнусавил носатый сутулый мужик, сидевший рядом.

– Не при чем тут мои дела, товаров мало, все одно и то же, – упорствовал первый.

–А я тебе говорю, богатая ярмарка! – стоял на своем второй.

Они достали из дорожных сумок по вареному яйцу и разом ударили ими об бревно.

–Славная погодка сегодня, – довольно заметил сутулый, очищай свое яйцо от скорлупы.

–Да, хорошая. Главное, что дождя нет, – буркнул мельник.

Ганс весело подмигнул мне:

–Хоть в чем-то они согласились друг с другом. Представляю, как они спорят каждый раз из-за цены на муку.

Но крестьяне сошлись не только в обсуждении погоды. Тщательно прожевав яйцо, закусив его большой луковицей мельник подал новую тему:

–Что-то давно у нас не было публичных казней.

–С тех пор, как в соседнем городе прямо с костра улизнула молоденькая ведьма со своим помощником, монахи – доминиканцы видно опасаются, что опять все сорвется.

–А вдруг эта ловкая ведьмочка станет и другим помогать избежать божьей кары?

–Ох, расплодилось нечистая сила! Кругом ведьмы да колдуны. И ведь и не определишь сразу, кто есть кто. Можно и ошибиться, прости господи! – набожно перекрестился сутулый.

–Скорей бы эту ведьму изловили с божьей помощью!

Мне страшно захотелось убежать как можно дальше от этих людей, искренне желающих истребить всех «ведьм». Я

потянула Ганса за рукав, шепнула тихонько:

–Пошли отсюда! Не нравятся мне эти двое.

–Чем тебе не угодили эти милые ребята? – хохотнул он. – они видно подмерзли, хотят погреться у доминиканского костерка. Только и всего.

–Идем дальше. Я достаточно отдохнула, – сказала я нарочито громко.

–Конечно, госпожа! – обрадовался дровосек. – нам надо поторопиться, а то всех стоящих лошадей раскупят.

–Да и покупатели с деньгами разойдутся, кому я тогда своего коня сбуду?! – поддержал его Громила.

Когда Ганс и дровосек стали прицениваться к лошадям, торговаться, обсуждать их достоинства и недостатки, я словно попала в страну, где все говорят на непонятном мне языке. Мама научила меня разбираться в молочных козах. Я легко отличила бы хорошую корову от больной, но кони для меня отличались только мастью. Я делила их на красивых и некрасивых. Дровосек по не понятной причине выбрал удивительно нескладную лошадь, какой-то линяло желтой масти, с короткими ногами и драным хвостом. Он твердил что-то о ее выносливости, сразу бросающейся в глаза, о молодости и здоровье кобылки. Но мне она все равно не нравилась, она скалила ровные, здоровые зубы, так и норовила меня укусить. Такая игривость сразу была признана еще одним достоинством.

А «Кроха» расхваливал баронского коня, так словно всю

жизнь торговал лошадьми. Покупатель вытягивал губы, причмокивал:

–Что-то спина у него слабовата.

–Слабая спина?! Это у моего-то коня слабая спина! – взвился Громила. – Да как бы он меня на себе носил все это время, сам видишь, я вешу немало.

–А хорош ли он на ходу?

–Галопирует легко, залюбуешься. Или ты рысь предпочитаешь?

–Мой хозяин предпочитает, ему спешить некуда, а я только конюх.

–Прекрасно, – расплылся в улыбке хитрый Ганс. – Рысь лучший аллюр этого коня. Он же рысак, как ты не видишь?!

Мне показалось, покупатель немало удивился. Ганс все говорил, говорил не давая несговорчивому конюху вставить ни слова. На любое возражение он находил массу доводов в свою пользу. Даже я заслушалась, какого золотого коня он вынужден был продать. Мне стало искренне жаль, что мы не можем его оставить себе. Но видно конюх был калач тертый и не очень-то верил рассказням Громилы. За жеребца он предложил такие смешные деньги, что я готова была возмутиться и проболтаться, о том что в баронской конюшне, не стали бы держать такую дешевку. Дело неожиданно спас толстый мельник, который недавно рассуждал о ведьмах. Он заявил, что готов купить жеребца вдвое дороже. Ума не приложу, зачем ему понадобился дорогуший верховой скакун.

Скорее всего, дядьке просто нравилось торговаться, а может со съеденным им яйцом было что-то не так. Конюх встрепнулся, как бойцовский петух, и перебил цену.

– Вот молодец! – похвалил его Громила.

У конюха вид был несколько озадаченный. Он и сам себя удивил своей щедростью. Но слово не воробей, пришлось ему платить. Кошелек он доставал долго, монеты отсчитывал еще дольше, а уж когда передавал их в огромную лапищу Ганса, он весь посерел, и готов был свалиться без чувств.

– Что с тобой, приятель? – как ни чем не бывало весело хлопнул его по спине «Кроха».

– Все нормально, нормально пока, – вздохнул щедрый конюх.

– Хозяин его прибьет, – шепнул мне Ганс.

Он не считая сгрел деньги. Теперь пришла наша очередь платить за новую, некрасивую кобылку Дровосек. Ганс вовсе не собирался быть таким же щедрым, как незадачливый конюх, но и торговаться он не стал. Отчитал столько серебра, сколько просил продавец. И мы все вместе двинулись в обратный путь к телеге. Бородач шагал такой гордый и довольный, словно вел в поводу самого дорогого Андалузского жеребца или по крайней мере арабского скакуна.

Совсем неожиданно для меня, Громила вдруг помрачнел, увидев кого-то в ярмарочной толпе. В следующее мгновение он грубо толкнул меня в сторону и буквально затолкал под стоявшую там старую грязную телегу. Следом он швырнул

кошелек с деньгами, который свалился у самого моего носа. Я даже возмутиться не успела. К счастью, я привыкла доверять своему вечному спасителю и не стала шуметь, только испуганно уставилась на Ганса. Он тоже искал, куда спрятаться. И вскоре я увидела от кого. Прямо к нему решительно направлялись наши старые знакомые: палач со своим помощником! Они узнали своего бывшего подопечного и орали дружно:

–Стража! Стража! Держите его, он колдун!

Громила бросился бежать, расталкивая зевак. Палачи припустились за ним. Раненый Ганс, конечно, понимал что его легко догнать. Он устремился к коновязи, надеясь верхом уйти от погони. Он уже протянул руку к ближайшей оседланной лошади, когда наткнулся на подбоченившегося, гнусно смеющегося барона:

–Герцог, какая встреча! Эй, все сюда. – кликнул он своих людей. – окажите достойный прием обманщику и вору!

Ганс резко остановился, повернул в другую сторону. Но опять не успел убежать далеко, его окружила вооруженная алебардами* городская стража, следившая за порядком на торжище. Беглец попытался уйти и от них, он бросился назад, надеясь проскочить мимо толстого помощника палача. Когда он оказался возле великана дровосека, тот неожиданно подставил ему подножку и навалился сзади на упавшего «Кроху». И что вдруг нашло на бородатого?! Ведь только что стоял с тупым видом, глазел вокруг. На помощь дровосеку

подросли палач с помощником, и люди барона. Ганса быстро скрутили и куда-то увели.

Я осталась одна, под старой телегой, лежать на промерзшей земле. У меня было много денег и мало надежды. Я страшно боялась, что меня найдут и узнают. Поэтому я как мышь сидела в своем убежище и решила выйти, только когда темнота разогнала торговцев и покупателей. Я осторожно поднялась на ноги, отряхнула плащ и платье, привязала на пояс кошелек полный звонких монет и остановилась в нерешительности.

–Куда мне теперь идти? – спросила я пустую телегу, брошенную хозяевами под открытым небом до следующего торгового дня.

Само собой, телега хранила молчание.

–Как хорошо было раньше, – продолжала тихонько рассуждать я, – Ганс всегда знал, что делать дальше. У него, наверное, всегда был план, куда мы должны придти в конце концов. Вот бы мне его узнать! Хотя... зачем мне теперь куда-то идти?!

Я совсем загрустила, вспомнив, что теперь моего Громилу, неминуемо ждет костер, и горько вздохнув, поплелась к стенам города, в который стража утащила Ганса.

–Бывает же такое невезенье! – продолжала жаловаться я. – Все недруги собрались в одном месте! Толстяк палач, притащился продавать коня, которого оставил его родителям Ганс, а барон, наверняка, приехал на ярмарку прикупить жереб-

ца, взамен украденного. С ними все понятно. Но бородатому чего понадобилось? Неужели тоже боится колдунов? Или сильно опасается, что за травы и заговоры сам отправиться на костер, вот и старается прослыть борцом с ересью.

Я шла к городу, даже не надеясь, что его ворота, могут быть еще открыты. К моему немалому удивлению, жители городка были столь беспечны, что оставляли ворота открытыми на всю ночь. Долговязый стражник прислонил свое копье к стене, устроился на перевернутом бочонке, и мирно спал. Даже храпел во сне. Звук этот мог бы отпугнуть диких зверей, но врятели был способен остановить разбойников. Я уверенно, не прибавляя шага прошла мимо стражника, вступила в грязный лабиринт тесных улочек.

— Не хотела бы я жить в этом городе!

Каменные дома сиротливо жались друг к другу. Темные как норы улицы не освещало ни одно окно, ни один факел. Даже в ночной морозной свежести поздней осени, здесь стояла духота и вонь. Я боялась в темноте наступить в сточную канаву. Старалась идти быстрее, чтоб выбраться на какую-нибудь площадь. Куда?! Зачем?!

Я никого не знала в этом чужом городке, даже название его мне было не известно. Мама любила повторять, что мир полон хороших людей. Оставалось надеяться, что и здесь они найдутся!

Темнота и теснота расступились на небольшой площади, зажатой плотной стеной домов. Всю ее перегораживали сто-

лы и лотки, недавно отшумевших торгов. Ветер гонял между ними обрывки соломы и другой мусор. Мои глаза уже привыкли к крошечной тьме улочки, и при бледном свете луны, я могла различить даже мелочи. Мир утративший теплые краски стал особенно враждебным. На другом конце площади я увидела в окне крохотный желтый огонек свечи.

– Удивительно, в такое время кто-то не закрыл ставни.

Я зябко поежилась под плащом и неуверенно пошла на огонек, не зная чего ждать впереди. Я решилась даже постучать в освященное окно. Свет погас, но я не успела расстроиться, как на меня внимательно уставилось лицо немолодой полной женщины, резко приблизившееся к стеклу.

– Кто здесь?

– ... не подумайте ничего плохого... – я лихорадочно подбираю слова, – простите, я слишком задержалась на ярмарке, все мои родные уже успели уехать...

– Так заходи! На то у меня и трактир, чтоб путникам было где отдохнуть, – заулыбалась женщина.

Она радушно распахнула передо мной дверь и я опять подивилась, бесстрашию жителей этого городка. Трактирчик был совсем маленький: всего три стола да закопченный очаг.

– Последнее время, дела идут совсем плохо, – пожаловалась хозяйка. Вроде бы и город торговый, заезжих купцов ремесленников, всегда полно. Да только не торопятся они оставлять здесь деньги. Каждый старается сэкономить.

– Я сейчас богатая и экономить мне не к чему.

Эти мои слова сразу расположили ко мне хозяйку трактира. Она взяла меня за руку, усадила за стол, стала расспрашивать, заглядывая в глаза:

– Устали, наверное? Хотите, я вам принесу чего-нибудь поесть? Только боюсь, все уже давно остыло. Подождете пока разогреют?

– Не надо, я очень голодная, – призналась я, – сил нет ждать.

– Тогда я быстро, очень быстро.

Я сняла тяжелый плащ и села за стол, уже скоро я блаженствовала над тарелкой с горячей похлебкой, напрасно хозяйка переживала, видно в ее трактирчике всегда ждали гостей. Особенно был хорош, большой прекрасно пахнущий ломоть хлеба. Пока я торопливо наедалась, улыбчивая женщина занимала меня разговорами:

– Меня зовут Гретта. Я жена хозяина этого трактира. А вы наверное, первый раз в нашем городе? Я вот тоже, как-то приехала сюда на ярмарку с родителями, да так и осталась здесь на всю жизнь.

– Как же это? – успела спросить я, на мгновение перестав жевать.

– Ко мне посватался молодой сын трактирщика. Отец не долго думая выдал меня замуж. с тех пор и живу в этом доме над трактиром. Уж и дочери выросли, а моя жизнь все не меняется. Разве что постарела. Да трактир наш захирел совсем.

– Как же так, он ведь выходит на рыночную площадь?

–Так-то оно так, да народ здесь торгует небогатый, обещать норвят дома.

–Дома всегда вкуснее, – кивнула я.

–Как бы я ни старалась, или готовлю я плохо, или пиво у нас плохое. Муж говорит, другие уже давно взялись виноградным вином торговать, мол, пьяные больше платят. А мне эта идея не нравится. Да что ж я все болтаю, глупая! У тебя я смотрю глаза слипаются. У нас нет комнат для постояльцев, но пойдем я тебя в прежней дочкиной комнате постелю.

Я охотно согласилась. Текла моя жизнь светло и спокойно, вовсе не было в ней никаких приключений. Только и случалось иногда, что моя козочка убегала. И дни шли чередой, похожие как две капли воды. А теперь, вдруг, все сорвалось как лавина и каждое новое мгновение совсем не похоже на предыдущее. Еще и месяца не прошло, с тех пор как доминиканцы увезли меня из родной деревни. А я уже успела привыкнуть не ночевать два раза на одном месте. Я лежала, смотрела в низкий потолок чужой спальни и даже боялась представить, что может ждать меня дальше.

Но гораздо сильнее опасений за свою жизнь, меня мучила мысль о Гансе. Где он? Что с ним сейчас? Неужели стража передала его в руки инквизиции? Боже мой, а если его сейчас пытаются! Мне осталось только помолиться за него.

Не суждено мне было заснуть в эту ночь. Когда мои веки уже смыкались от усталости, скрипнув отворилась дверь в маленькую комнатку, где я спала на широкой лавке. С огар-

ком свечи в руке, в комнату осторожно вошла хозяйка трактира. Я сразу же села на постели.

–Что случилось?

–Вы простите меня, – быстро зашептала Гретта, – я не хотела вас разбудить... надеялась что вы не спите... нам надо поговорить. Меня совсем совесть замучила, когда молилась перед сном, жалко мне вас стало. Ведь не знаете ничего, а я и пользуюсь...

–Не знаю чего? – так же шепотом спросила я.

–К нам в трактир не случайно никто не ходит. Боятся люди. Мать моего мужа забрала инквизиция. Казнь назначили на завтра. Сожгут как ведьму. А она только добрая старая женщина.

Гретта умолкла, я тоже молчала, придумывая как лучше признаться ей, что я и сама чудом избежала такого костра. Но она неверно истолковала мое молчание:

–Теперь вы знаете все и можете уйти в любой момент. Ночь на дворе, вас никто не видел. Платить за ужин не надо. Для меня уже то подарок, что в этот страшный вечер не осталась одна.

–Я никуда не уйду, – решительно сказала я, – доминиканцы и меня считают ведьмой, так что здесь мне терять нечего. Женщина только ахнула.

–Такую молоденькую. Я когда увидела твое зеленое дорогое платье, подумала, что ты из знатной семьи, что не поймешь меня.

– Меня саму едва не сожги, а я и не знаю толком за что.

– Как же тебе удалось спастись, девонька?

– Пропала бы я, если б не встретила одного очень хорошего человека. Он меня и спас.

– Где ж он теперь?

– Боюсь, и его завтра ждет костер, – всхлипнула я.

– Ах ты, горе какое! Раньше, я бы и не поверила, что святая инквизиция может ошибаться, а теперь и сама вижу как не правы бывают отцы-доминиканцы.

– Самое ужасное, что мы ничего не можем поделать!

– Но ведь вы один раз уже сбегали!

– Вот и Ганс так бы сказал, наверное.

– Ганс – это кто?

– Это мой спаситель и..., – потупилась я.

– Твой возлюбленный, – подсказала Гретта.

– Да... – выдохнула я совсем тихо. – Я совсем не могу без него! А как он ко мне относится, я даже не знаю. Он все шутит! Зовет меня Заморышом, значит я совсем ему не нравлюсь.

– Ты не слушай его шутки, ты по делам смотри, – стала наставлять меня мудрая женщина. – сама говоришь, он тебя спас от костра.

– И потом заботился, как о маленькой.

– Вот видишь, значит любит, точно любит.

– Ганс меня любит! – повторила я, – а его завтра сожгут.

– Значит, теперь твоя очередь его спасти от казни...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ОГОНЬ.

– Единственное, что нам осталось, – в слух рассуждала трактирщица, – попытаться выкрасть наших колдунов у доминиканцев.

– Боюсь такое нам не под силу, – горько вздохнула я. – Жаль что я не настоящая ведьма, а только слабая девушка.

– Не знаю как ведьмы, а мужчине такое дело совершить было бы гораздо проще. Жаль, мы с тобой одни.

– А где сейчас твой муж?

– Он далеко, я даже не знаю где именно. Мы решили, что самое главное спасти детей, ему гораздо проще устроиться на новом месте. Я приеду к ним потом, когда все уляжется, может и трактир продать удастся.

– Но как же ты узнаешь куда ехать? – недоумевала я.

– Специально, чтобы сообщить мне где они поселятся, муж купил на рынке пару почтовых голубей. Голубя взял с собой, а голубку оставил мне. Когда придет время, он отовсюду вернется к своей любимой и принесет мне письмо от мужа.

– У меня раньше тоже была парочка белых голубей, только не почтовых, обыкновенных. Я только любовалась на них, и подумать не могла, что они такие верные.

– Чем ты хуже голубя? Ну что, идем спасать твоего Ганса?!

Потом будет поздно.

Решительно настроенные, мы вышли из дома, шли в полной темноте, не зажигая факела, завернувшись в плащ, набросив на головы капюшоны.

—А мы не заблудимся без света? — опасалась я.

—Я здесь каждый шаг знаю. Дорогу наизусть выучила. И план придумала. Только мне одной его воплощать было бо-язно, да и денег у меня мало.

—Зато я сегодня удивительно богата.

Я погладила кошелек Ганса, так заботливо им наполнен-ный золотыми монетами.

—Тогда у нас все получится!

Я шла за трактирщицей, с трудом различая даже ее силуэт в кромешной темноте. Где мы шли, куда, Бог его знал! Только через некоторое время мы благополучно вышли к мрач-ному зданию, стены которого зловещими отсветами озарили многочисленные факелы.

—Доминиканцы не скупятся на огонь, — заметила моя но-вая подруга. — жгут, гонят ночную мглу. Словно боятся чего.

Я задрала голову, разглядывая тяжеловесное старинное здание. Так не похожее на новенькие соборы со стрельчаты-ми окнами и высокими шпилями. Маленькие, узкие окна — бойницы живо напомнили мне, негостеприимный замок ба-рона.

—Станный дом, у слуг божьих.

—Ох, говорят они творят там такое, — вздохнула трактир-

щица. – что уж многие сомневаются, бога ли служат инквизиторы.

–Как же мы попадем внутрь?

–О, это как раз не трудно. Гораздо сложнее выйти отсюда. А нам только нужно постучать вот в эту дверь.

Она указала на низкую неприметную дубовую дверцу, и на вход-то не похожую. Скорее какая-то заплатка на каменной стене. На ее негромкий стук ответил неприятный мужской голос:

–Чего надо? Кого еще черти принесли в такое время?

–Открой, мы заплатим.

Эти волшебные слова сразу отворили загадочную дверцу. На свет показалась абсолютно лысая голова монаха. Трактирщица показала ему золотую монету.

–Мы заплатим гораздо больше.

Лысый натянул на голову капюшон, хмыкнул гнусаво:

–Это за что?

–Если ты приведешь сюда старую колдунью, которую должны сжечь завтра.

–Не могу, – замотал головой лысый монах.

–Не сомневайся, мы хорошо заплатим! Никто не узнает. Только решишь!

–Да не могу я. Деньжат бы подзаработать – это хорошо, только... померла она.

–Так мы опоздали? – ужаснулась Гретта.

–Вы бы все равно не успели. Сразу как ее привели, она

улыбнулась главному инквизитору так ласково и говорит: «— Глупый ты, в ад же пойдешь». Перекрестилась и померла вот так с этой улыбкой, словно уснула. Наш главный забоялся, говорит: «—По всему видно, бог ее к себе забрал». Велел снести ее на городское кладбище, и похоронить у самой кирхи. Даже надгробие ей приказал сделать. Днем ты могилку легко найдешь.

Гретта страшно побледнела, прижала руки к сердцу, ни слова не могла вымолвить. Я схватила доминиканца за руку:

—А Ганс? Рослый парень, которого вчера стража привела. Он жив?

—Жив, еще как! — усмехнулся лысый. — стража отвела его в камеру, а едва наши братья-доминиканцы сунулись к нему, он будто озверел. Накостылял троим нашим здоровякам, монахи отступились. Дрыхнет теперь бычара. Инквизиторы отложили допрос до завтра.

—Приведи его!

—Что ж, мне жить надоело?! Он же прибьет и кто такой не спросит.

—А ты ему сразу скажи, что Заморыш прислал. Скажи еще, что Кроху очень ждут.

—Это он-то «кроха»? — усмехнулся монах. — Ладно, попробую, только стоит это будет очень дорого.

Я потрясла перед его носом увесистым кошельком, золотые монеты приятно звякнули. Лысый остался доволен, но буркнул еще, набивая себе цену:

–Если, ваш «Кроха» не зашибет, так свои со свету сживут.

–Свои пусть думают, что колдун сам освободился, улетел через замочную скважину.

Лысый хихикнул, потер костлявые пальцы и ничего больше не сказав юркнул обратно в свою темную «нору», хлопнув дубовой дверцей. Мы остались ждать. Приютившая меня трактирщица молча вытирала слезы. Я не знала что сказать ей в утешенье.

–Не плачь, даже великий инквизитор признал, что она ушла в лучший мир...

–Я любила ее как родную мать... если не таким как она, то кому же вообще быть в раю?! А доминиканцы назвали ее ведьмой! Ведьмой!

Я гладила Гретту по спине, шептала глупые, бесполезные слова. Как страшные горести быстро роднят людей.

Время шло, луна стремительно прокатившись по небу, спряталась в низкие рваные тучи. Мы все ждали у низкой дверцы. Тьма вокруг была непроглядная, потом я заметила, что как будто стало гораздо светлее. От окрестных домов, в сторону протянулись четкие черные тени.

–Неужели уже солнце всходит? – подивилась я.

–Рано, слишком рано. Да и свет совсем другой, какой-то красный, неверный. Смотри как тени заметались из стороны в сторону. Что-то стряслось в доминиканской крепости.

Я задрала голову, чтобы посмотреть на верхние зубцы крепостной стены и отпрянула.

–Пожар! Там же пожар!

–Видно много богатств накопили святые отцы, раз горит так ярко.

Над краем крепостной стены метались длинные рыжие языки пламени, поднимался густой черный дым.

–Там же Ганс! – в ужасе воскликнула я.

Я бросилась к дубовой дверце, стала стучать в нее кулаками, бить ногами.

–Откройте!

Ответа не последовало, но от очередного удара дверь сама отошла и открылась. Я рывком распахнула ее, заглянула внутрь. И сразу закашлялась. Из открывшегося отверстия в стене, валил едкий, серо-желтый дым.

–Что это?

–Видно, правду говорят, что отцы доминиканцы алхимики, – откликнулась Гретта.

Я не дослушав ее, ринулась внутрь горящей крепости. Темный коридор был узким и очень низким, мне пришлось двигаться согнувшись в три погибели и закрывать лицо краем плаща, чтобы мерзкий дым не лег в глаза и рот. Когда «крысиная нора» кончилась, узкая винтовая лестница повела меня куда-то вниз. Я торопилась, спускалась туда, где еще не было дыма, но спертым тяжелым сырым воздухом дышать было еще труднее. Когда мне уже показалось, что я бегу совсем не туда, я услышала впереди человеческие голоса:

–Эй, что там наверху? – спросил меня, скрипучий стари-

ковский голос.

–Пожар, – выдохнула я.

–Вот черти! Решили нас спалить не дожидаясь публичной казни.

–Пусть палят! Лишь бы сами монахи погорели! – донесся с другой стороны злой женский голос.

–А я им компанию составлять не желаю! Пусть дышат сами по себе!

Мне показалось, я услышала рассерженный голос Ганса, но ничего не могла различить в полной непроглядной темноте подземелья.

–Что это за место? – в отчаянии воскликнула я.

–Тюрьма, конечно! – хрипло рассмеялся старик. – тюрьма отцов-инквизиторов.

–А ты чаго тут делаешь? – спросила женщина. – еду принесла, иль сама костра ждешь?

–Да это ко мне, – услышала я хохот Громилы. – Заморыш, ты ли это?!

–Я пришла тебя забрать, – громко объявила я.

–Вот это заявление, – восхитился «Кроха», – Анхен, ты прелесть!

–Только я не знаю, как это сделать, – призналась я.

–Это как раз, очень просто, монахи долго не думали, и заперли все двери снаружи на обычный засов. Они же не знали, что найдется наглец вроде тебя.

–Но я совсем ничего не вижу! – пожаловалась я.

–Вчера у монахов был факел, пошарь там, у самого входа.

Я стала шарить руками вокруг себя, но везде натыкалась только на пустоту, или на шершавые сырые камни стен. Я сделала шаг назад и почувствовала под ногой что-то твердое. Наклонившись, подняла с грязного пола настоящее огниво. Пошарила еще, нащупала все необходимое и сама удивилась, как быстро мне удалось зажечь факел, прикрепленный высоко на стене. Когда его охватило пламя, я увидела коридор с потемневшими дверями по обеим сторонам. Каждая была задвинута тяжелым засовом.

–Неужели за каждой из них люди?! – ужаснулась я.

С лихорадочной поспешностью я бросилась отодвигать первый засов. Он был тяжелый, старый, неподатливый. Я почувствовала себя слабой и беспомощной. Но мне удалось так справиться с преградой, дверь открылась... Громилы там не было! Справиться со следующим засовом мне помогала только что освобожденная мной женщина. Вместе мы сумели открыть камеру и выпустить высокого старика, нескладного подростка, и совсем уж изможденную старушку, запертыми остались только две камеры.

–Боже, где мой Ганс?!

–Да здесь я, здесь!

Я так торопилась отодвинуть последний толстенный засов. Мы тянули все вместе. Инквизиторы особенно постарались, чтобы никто не смог освободить бунтаря. Ядовитый дым уже добрался и до тюремного коридора.

–Быстрее! Быстрее!

–Что вы там так возитесь?! – громыхал из-за двери Ганс.

Наконец, разбухшее дерево поддалось, и мой Громила смог выйти из камеры! Но нам еще нужно было миновать заполненные дымом коридоры доминиканской крепости.

Воздуха не хватало, у меня кружилась голова, в глазах было темно. Помню только, каким ослепительно-высоким было рассветное небо, когда кошмар кончился и мы выбрались на улицу...

...я просыпаюсь в прекрасном настроении. Хотя бы во сне, мне удалось замечательное благое деяние. Долго тянущь в постели, улыбаюсь сама себе. Все-таки я молодец!

–Интересно, а Саша в курсе, как я его героически спасала?! – спрашиваю я, у своего довольного отражения в зеркале.

Чудное утречко! Я даже своим внешним видом вполне довольна! Так я по натуре спасатель! Пока спасали меня, я почему-то не была такой счастливой как теперь.

Проказница Пальма просыпается на моем одеяле, картинно потягивается, крутит своим лысым хвостиком, громко требует рыбу. Вопреки обыкновению, ее крайне истеричный вопль, не нарушает моего ленивого спокойствия. Надеваю уютный халат, сую ноги в тапочки. Подхожу к окну, возникает странное для этого времени года желание выйти на балкон, глотнуть свежего, холодного воздуха. Словно подслу-

шав эту мою мысль, мерзляка Пальмира убегает из комнаты. Я открываю балконную дверь, запахи становятся поплотнее, шагаю через высокий порог. Сама не ожидала, что банальное стояние здесь, навалившись на перила, окажется таким приятным занятием.

Мой балкон выходит на широкую улицу. Бабушка вечно жаловалась на шум от дороги, а мне ее квартира именно этим и понравилась, вид замечательный: дома далеко, вдоль тротуара деревья, машины шуршат туда сюда. Хоть не скучно. Смотрю вниз, разглядываю проезжающих мимо. Облезлый жигулек тащится потихоньку, его легко обгоняет ярко-красная, почти гоночная, иномарка. Стою, вспоминаю, как Серега учил меня различать модели. Все таки они слишком уж похожи. Не найдя десяти отличий между двумя зелеными как майские жуки машинками, радуюсь когда вижу автомобиль, название которого точно знаю.

–Джип!

Присматриваюсь, к четырехколесному силачу, и понимаю, что не зря он кажется мне знакомым. Это же Сашина машина! Я люблюсь джипом, со своего высокого наблюдательного пункта. Он движется с громадной скоростью, обгоняет остальные автомобили. На встречной полосе, мое внимание привлекает длиннющий, желтый бензовоз.

–Кто пустил его в центр города?! – успеваю возмутиться я.

Напрасно, разогнавшись бензовоз, пытается притормозить, его тяжелая длинная бочка норовит обогнать кабину.

Машину разворачивает боком, поперек дороги. Он такой громадный, что перегораживает свою сторону дороги, разделительные полосы и даже встречное направление. Несущийся вперед джип со всей скорости врывается в бочку бензовоза. От мощного взрыва разбиваются стекла за моей спиной. В то же мгновение страшное пламя поднимается на несколько метров и поглощает обе машины...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ЛЮБОВЬ.

-Саша!

Не могу дышать, не могу думать, я вся превращаюсь в один отчаянный крик:

-Только не это!

В это время Саша всегда мотается по делам отцовской фирмы. Он сколько раз мне жаловался, что как ни торопиться, всегда что-нибудь не успевает. Зачем, зачем он так спешит!

Ноги меня не держат, поворачиваюсь, опускаюсь на корточки, тупо смотрю на разбитые стекла. Ко мне осторожно подходит мой лысый тигр. Я сгребая Пальму, прижимаю к груди:

-Одни мы с тобой остались.

Ярко, словно это происходит сейчас, я вижу, как Саша опускает на пол малюсенького серого зверька, смотрит ви-

новато. Больше никогда! Вспоминаю, как мы встретились в первый раз между двумя лужами, как он ласково улыбался мне... Больше никогда! Как сладко мы целовались тогда на «Чертовом колесе»... Больше никогда! Никогда! Мне хочется громко плакать навзрыд, но комок застревают в горле и слезы не льются! Так еще хуже, еще страшней. Душа мечется в отчаянии, ищет мысль, за которую зацепиться, в напрасных поисках надежды и утешения.

—Я ведь так и не сказала ему, что я и есть Анхен! Что я все видела, все знаю! Господи! Мы так похожи... были!

От одного этого слова, становится темно, как в подземелье из сна. Пальме тоже страшно, она дрожит, прижимается, лижет мне руку шершавым язычком. Я жалуясь ей:

—Вот, даже расплакаться не могу по-человечески.

Кошка поднимает ко мне несчастную мордочку. Мне кажется, она все понимает. Морщинистый носик становится сопливым, как у младенца. Я вытираю расстроенную кошку, чувствую, что и по моему лицу текут слезы.

—Везет этой Анхен, она спасла своего Ганса, — всхлипываю я. — Но он был жив, а что поделаешь с этими машинами?!

И вдруг вспоминаю собачку возле библиотеки. Там нас было много, а я одна...

Я решительно вскакиваю на ноги, заставляю себя взглянуть на бушующее пламя.

—Я все могу! — повторяю я, как в бреду.

Я и сама верю в то, что смогу абсолютно все. В мозгу бе-

шным хороводом кружатся слава ученых физиков, про наше необыкновенное время, им вторит цыганский барон, знающий обо мне что-то удивительное. Голова кружится, я чувствую себя странно, почти нереально, как во время драки у банка. Я ничего не понимаю, да и не пытаюсь объяснить. Кажется, весь мир пропадает, тает, растворяется в воздухе. Отчетливо реальным остается только пламя, поглотившее обе машины.

Я смотрю на огонь и всей своей волей уменьшаю, гашу его.
–Его не было! Не было! И быть не должно! В отчаянном оцепенении я превращаюсь в одну единственную мысль: исправить, все исправить, Саша должен жить! От невероятного напряжения закладывает уши, как тогда когда она маленькой девочкой упала в воду, и как тогда она немым отчаянием кричит, зовет на помощь. Кто, кто может мне помочь? О, Боже, ну хоть кто-нибудь!!! Огонь, огонь он все уничтожил, бушующее кроваво красное гудящее пламя оно захватывает меня и поглощает все вокруг, весь мир. Только страшным усилием воли удерживаю себя на краю полыхающей стихии, захлестывающего отчаяния, хаоса. Гул и рокот жарящей бездны всё нарастал, от него дрожал воздух, и всё вокруг вибрировало, казалось я и дышать забыла, время тоже растворилось в нем... и... Вдруг тишина, звенящая и торжественная, как в большом и светлом храме, где идет золотой прохладный дождь...

– Идет дождь!?! – я поражаюсь внезапно наступившему

спокойствию.

– Да, так всегда происходит во время службы, – слышу я толи ответ на свой немой вопрос, толи нежный перезвон колокольцев.

– Какой ещё службы? – удивляюсь я.

– Ты звала на помощь, мы пришли. Ведь ты одна из нас...

– Кто я?

– Столько веков знала, а теперь не помнишь? Все мы созданы, чтобы беречь любовь, добро, справедливость... Каждый сам выбирает свой путь, и чему служить.

– Вы ангелы?

– Если тебе от этого легче... Мы люди живущие на грани времен, нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего... все зависит от воли и выбора каждого в отдельности. Испокон веков люди это знали, а сейчас... забегались что-ли. Ты любишь его? Ну, давай, милая, ещё раз...

Словно на пленке пущенной назад, бушующее пламя собирается, сворачивается в одну точку и исчезает... внутри что-то екает, словно бьются миллиарды тонких льдинок...

Я стою на своем балконе, смотрю вниз на бегущие мимо машины, на дороге свободно, нет никакой аварии, бензовоз не спеша катится по своей стороне дороги. По встречной полосе ветром проносится знакомый мне джип. Они так же далеки от столкновения, как земля от луны. Я невольно оборачиваюсь к окну, острые осколки которого, я только что разглядывала. Прозрачное, отлично вымытое стекло, абсолют-

но целое красуется на своем месте. В открытую балконную дверь, с ленивой важностью, входит Пальма.

–Стоп! Ты ведь была уже здесь!

Кошка удивленно смотрит на меня, усаживается вылизывать свою серую шкурку. Я снова резко поворачиваюсь к улице. Бензовоз уже проехал довольно далеко, стал медленно осторожно готовиться к повороту на объездную, и вовсе пропал из виду.

–Что, ничего не было?! – растерянно спрашиваю я, толи у самой себя, толи у хмурого серого неба. – Мне все привиделось?!

К другим чудесам я уже стала привыкать, но чтобы так... Как бы выяснить, в чем тут подвох? У меня глюки или время вернулось вспять? Разумеется, мне больше по вкусу версия, что я не спятила, а научилась управлять временем. В голову пришла спасительная мысль:

–Нужно просто позвонить кому-нибудь, Сашиним родителям, например.

Я тороплюсь исполнить прекрасную идею. В волнении набираю номер, очень боюсь разочароваться в своих надеждах, услышать страшную новость. Трубку берет его мать, спокойная, веселая. Само собой, говорит, что сейчас Саши дома нет...

–...Он только что звонил из офиса, – услышав эти слова, я готова прыгать от радости.

Ура! Если мне и примерещилось, то только плохое, а на

самом деле, все вполне благополучно.

– Можно я сейчас к вам приеду? – на всякий случай спрашиваю я.

– Конечно, конечно, в любое время. Приезжайте, Лизонька, мы всегда вам рады. А через полчаса и Александр должен вернуться.

Я быстро, быстро собираюсь, впопыхах кормлю кошку. Бедный мой многострадальный институт! Он окончательно позабыт, заброшен. Ну, какие могут быть занятия, когда со мной творится такое?!

Надеваю старые удобные сапоги, и бегу, никого не замечая.

– Лиза! Пойдите! – слышу я за спиной.

Оборачиваюсь раздраженно. Кто еще смеет меня задерживать?! Мне весело улыбается Сашин приятель – Серега.

– Еле вас догнал! Куда вы так спешите, если не секрет?

– Да, я собственно не спешу...

– Не спешите с такой –то скоростью?! – сомневается Серега. – Мне тоже спешить некуда, пойдете вместе, Лиза.

Охотно соглашаюсь, иду медленно.

– Я человек современный, – заявляет Серега, – решительно перестаю выкать, как сухарь из лондонской галереи. Знаешь, еще прошлый раз хотел тебе сказать. Имя Лиза тебе не подходит.

– А какое подходит? – спрашиваю с интересом.

– Что-нибудь европейское...

–Елизавета очень даже европейское имя.

–Нет, что-то другое... Анна... Анабель... может быть на немецкий манер – Анхен. Да Анхен тебе подошло бы лучше всего.

Я прячу улыбку. Не может же и он все знать. А Серега стремительно перескакивает на другое:

–Я вообще материалист. И привык на вещи смотреть трезво и критично, но то что со мной произошло только что не укладывается в рамки разумного.

–Расскажи, что случилось? – прошу я.

–Только не смейся. Я сегодня ничего не пил, даже покурить не успел. Искандер взялся меня подвести, я и рад, лишний раз покататься. Проезжаем мимо твоего дома, Брусиллов мне его как раз показывал, а я смотрю на дорогу и ясно вижу здоровенный желтый бензовоз, не с того ни сего на всей скорости начинает тормозить, его разворачивает, и его длинная бочка перегораживает обе полосы. Мы несемся к ней и через мгновение, я ярко и отчетливо вижу как мы врезаемся в бок бензовозу. Клянусь, я чувствовал страшный взрыв, видел ослепительную вспышку. Бензиновую вонь я до сих пор выдыхаю... А мгновение спустя, я понимаю, что ничего не было, ничего! Небо серое, осеннее, дорога чистая, бензовоз мирно себе проехал мимо по встречной полосе... самое обидное, что Искандер так ничего и не заметил. Знай себе, давил на газ. А меняхватило еще только метров на пятьсот, запросился, чтоб он меня выпустил на свободу. Стою на

твердой земле, а у самого поджилки трясутся...

Я слушаю его рассказ и ликую. Вот оно, подтверждение того, что я на самом деле волшебница! Прячу гордую улыбку, Сереге не понять, чему я радуюсь, он уверен, что напрасно признался малознакомому человеку в своих страхах. Стараются скрыть за шуткой свое серьезное отношение к произошедшему:

–Впрочем, вполне понятно, отчего Брусилов ничего не почувствовал, он логик, далек от всего необъяснимого, а я натура творческая, легко ранимая, впечатлительная. С Сашкой и не могло случиться ничего этакого.

–Да неужели?! – сомневаюсь я.

–Однозначно! Ему куда ближе проблемы конкретные, материальные. Вот заявиться сейчас домой с очередным конкретным таким синяком. Взял моду негров защищать.

–Неужели ты сам не помог бы маленькой девочке?! – я возмущенно смотрю на Серегу. – Какая разница черная она или белая?

Он засмеялся, принялся комично ставить блоки, как во время боя:

–Ой –ой – ой! Не записывай меня в злобные расисты! Я хороший! Только мне кажется, в этой истории дело не в цвете кожи, и даже не в маленькой девочке.

–Тогда в чем же?

–Есть один отвратный парень, Искандер почему-то завет его Бароном, у Сашки прямо руки чешутся ему наподдавать!

Да, ты его должна знать, этого Барона, Брусилов говорил, вы в одном институте учитесь. Он фотографирует все подряд, мнит себя великим фотографом.

Я очень ярко вспоминаю небритого папараци из парка и морщусь.

–Тебе он тоже чем-то насолил? – задаю я вопрос Сереге, специально, чтоб он не успел о том же спросить меня.

–Гад у меня девушку увел. Не понимаю, чем вам так нравятся типы с замусоленными хвостиками?

–Последнее время, я тоже об этом думаю. Мои подруги сходят с ума от такой гнусенькой прически. Скорее всего дело в том, что такие хвостики отпускают творческие личности.

–Все! Решено, отращиваю себе хвостик, пусть меня девушки любят!

–Решительное заявление, – смеется услышавший нас Саша.

За разговорами, мы и не замечаем, как подходим к его дому. Не обращаем внимание даже на громадный джип, осторожно крадущийся следом за нами.

–Я смотрю, вы совсем спелись. Впрочем неудивительно, внимание и наблюдательность у вас точно на одном уровне.

–У нас вообще много общего, – заносчиво произносит Серега. – Например, мы терпеть не можем молодых людей с крысиными хвостиками. Третьим будешь?

–С удовольствием. Организуем партию хвостоненавист-

ников, – смеется Александр.

Весело бежим вверх прыгаем через ступени, уже на втором пролете, у меня рождается хитрый план дальнейших действий. Теперь я точно знаю, чего мне больше всего хочется. Едва переступив порог квартиры, я резко поворачиваюсь к Саше и командую:

–Иди собирай вещи, сегодня ты переезжаешь ко мне! Можешь взять с собой всю флотилию.

Сергея так и покатывается со смеху:

–Не удалось тебе избавиться от лысого сфинкса! Все равно будешь жить вместе с этим чудовищем!

–Не обижай мою чебурашку! – возмущаюсь я. – Лучше иди помогай собираться.

–Вот нас и построили! – радостно констатирует основатель новой партии.

Пока Саша сообщает маме новости о своем переезде, Сергей берет дело сборов в свои руки.

–Так, я знаю, где в этом доме есть большие коробки. Погоди минуточку.

Он убегает из Сашиной комнаты, возвращается с ворохом картонных коробок из-под разной техники. Я еще не успеваю спросить, а Сергей уже отвечает:

–Да, тебе самое лучшее, заняться моделями. Уложи их аккуратненько в эту тару, кажется сюда войдут все. Только имей в виду, если пострадает его славный флот, Искандер страшно расстроится.

Мы приступаем к делу, я сдуваю пыль с парусников, не дыша опускаю их на дно коробки, Серега решительно распахивает шкаф, сгребает все подряд, запикивает в большую упаковку из-под телевизора. Вскоре, к нам присоединяется Саша и я слышу то и дело:

–Серж, куда ты это потащил? Это-то мне зачем?

–Вдруг пригодиться.

–Не дури, поставь на место.

–Вотхватишься и вспомнишь еще, что я предупреждал.

–Отстань, я сам положу!

–Брусилов! Не мешай мне тебе помогать!

В комнату заглядывает Сашина мама:

–Справляетесь? Помощь не нужна?

–У меня впечатление, что нас здесь даже слишком много, – бурчит Саша.

–И не надейся, что я застесняюсь, почувствую себя третьим лишним и уйду, – парирует Серега. – Не дождешься! До пятницы я совершенно свободен.

Анна Валерьевна улыбаясь закрыла дверь. Ей наверное, были привычны такие придирки двух друзей. А мы довольно быстро заполняем все приготовленные коробки. Саша критично осматривает пустые полки.

–Кажется, все уложили. Можно отправляться.

–А как же ритуал прощания с комнатой? – восклицает Серега, и вопрошает с комичным трагизмом, – Хочешь, мы оставим тебя здесь одного? Мы не будем подглядывать!

–Да ну тебя!

Александрогревает друга подушкой с дивана, тот отмаживается. И начинается настоящее сражение не на страх, а на совесть. Одинокое перышко кружится в воздухе. Я подставляю ладонь, ловлю его, сжимаю пальцы и кричу как можно громче, чтоб драчуны меня услышали:

–Все! Едем!

Сражениеостанавливается, и соперники дружно вооружившись коробками, отправляются грузить их в машину. Вот когда мы жалеем, что в таких сталинских домах нет лифтов. Пока я торжественно отсчитываю ступеньку за ступенькой бережно неся легкую коробку полную корабельных моделей, друзья – воители, пробегают мимо меня туда – обратно несколько раз. К тому времени, когда я ставлю свою ношу на сиденье джипа, Сереге остается только подытожить:

–Мы готовы отправляться в путь. Погружено все до последней мелочи.

–Тогда поехали, – соглашаюсь я.

Процедура перетаскивания вещей из машины в мою квартиру, как ни странно занимает гораздо больше времени. Возможность пользоваться лифтом, только затягивает процесс. Но Сереге не хочется уходить, даже когда последняя коробка опускается на ковер зала.

–Неужели даже чаем не напоите?! – возмущается он. – Вам что жалко?

–Не жалко, только у меня складывается впечатление, –

хитро сощурился Александр, – что ты нарочно тянешь время, чего-то выжидаешь.

Лицо нашего первого гостя становится озадаченным, даже глуповатым. Он демонстративно чешет затылок.

–Хотел бы я сам знать, чего мне ждать от жизни...

–Хватит философствовать! – смеется Саша, – сказал чаю, значит пошли пить чай.

–А чего покрепче, за новоселье?

–Так вот чего ты ждал, алкоголик!

–Вот еще, – притворно обижается Серега, – уйду от вас, вы злые.

Он решительно направляется в коридор, не на секунду не забывая строить разобиженные и просто надутые рожи. Натягивает куртку, обувается, мы стоим, смотрим на него, не зная толком как себя повести. И по-настоящему обидеть помощника не хочется, и так сильно хочется остаться одним. Серега берется за ручку двери и отпрыгивает как ошпаренный, испуганный, неожиданно громким звонком.

–Это кто? – успевает спросить он, уже открывая пришедшему.

На пороге появляется Марина. Они с Серегой смотрят друг на друга и требуют хором:

–Познакомь нас.

Мы с Сашей, торопимся исполнить настойчивую просьбу. А я смотрю на подругу и поражаюсь случившийся в ней кардинальной перемене. Она жеманно улыбается, томно опус-

кает длинные ресницы. Когда я произношу, привычно игривое:

–Марина – умница и красавица.

Младший лейтенант милиции царственным жестом подает руку для поцелуя. Никогда я не видела ее такой женственной. А Серега теряется, смущается, краснеет. Кажется, Александр тоже впервые видит своего друга таким. Не помню ни одного раза, чтоб Марина зашла ко мне без кого-нибудь серьезного дела. А сейчас она забывает, зачем добиралась в такую даль, едва войдя в мою квартиру, просит Серегу проводить ее до дому. Потерявший дар речи, балагур только кивает в знак согласия. Они хором прощаются и уходят, оставив нас в полной растерянности.

–Что это было? – тихо спрашивает Александр.

–Любовь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

КРИМИНАЛЬНАЯ.

Лежу на Сашинном плече, не спешу открывать глаза, растягиваю сладкую полудрему. Лениво размышляю о том, как я только могла всерьез считать, что мне понравится жить одной. Остро понимаю, что я наконец-то, счастлива и довольна. Осталась одна единственная загвоздка, ведь я пообещала Саше рассказать обо всех своих приключениях. С чего начать? С шапки с помпоном, с падения в ванной, или с пси-

хушки? Пытаюсь сформулировать, хотя бы более или менее, складный рассказ обо всех чудесах произошедших со мной за последнее время. Сколько всего было! Я и сама не заметила, как привыкла к тому, что моя жизнь окончательно перестала быть скучной. Вот сейчас проснемся, позавтракаем, и начну излагать свою странную историю...

Но у жизни, оказывается, совсем другие планы. Дверной звонок надрывается, словно в агонии. Странная история все продолжается. Саша тянется за джинсами.

–Лежи, я сам разберусь.

Лежу, прислушиваюсь, до меня долетают обрывки напряженного мужского разговора. Слов разобрать не могу, но слышу, что голоса абсолютно не знакомые. Умираю от любопытства. В воздухе назревает что-то тревожное. Когда же Александр вернется и все объяснит?!

–Странные ребята, – сообщает он, входя в комнату, – угрожают, пальцы растопыривают. А по-человечески, ничего объяснить не могут. В юриспруденции не ноль, а минус два.

–Почему минус два? – глупо переспрашиваю я.

–Потому что их двое.

–И что они хотят?

–Понять было трудно, но в конце концов я разобрался...

–И-и-и?

–В общем, они хотят твою квартиру.

–Еще чего?!

Я резко сажусь на кровати, даже ударяю кулаком по мягкому одеялу.

— Они имеют на это полное право, — как-то растерянно признает Саша. — Дело в том, что они ее практически купили...

— Купили?! У кого?

— У твоего Сереги.

— Да он к этой квартире никакого отношения не имеет! — громко возмущаюсь я. — Это квартира моей бабушки, мне досталась по наследству.

— Но ведь он твой брат, значит тоже наследник.

— Он мне не брат! И бабушки у нас разные! Он мне никто, бывший сожитель, бывший любовник... как тебе больше нравится.

— Честно говоря, — помолчав, произносит Александр, — мне никак не нравится. А еще я должен сказать, что этот твой бывший, просто сволочь!

— Сволочь! — охотно соглашаюсь я. — Только я не понимаю, каким образом он мог продать мою квартиру.

— Ты недавно уезжала из дома надолго?

— Уезжала, — морщусь я. — Можно я тебе потом расскажу куда.

— Это сейчас не важно, важно то, что Серега за это время сумел заполучить документы на твою квартиру, что он не только живет здесь, давно и капитально, но и является владельцем.

–Зачем? Для чего ему такая бумага?

–С этим документом, он отправился к очень серьезным ребятам.

–В банк?

–Не совсем. Вернее, совсем нет. Он решил занять денег у местного авторитета под залог твоей квартиры.

–Гад! Гад! Гад! Да как он мог! А я-то думала, он просто дурак и бабник!

Я вскакиваю на ноги, в бешенстве швыряю подушку в дальний угол. Задыхаюсь от гнева. Вдруг спохватываюсь.

–А что же мне теперь делать?

–Само собой, твой дружок долга не вернул, а сам сбежал. Так что все проблемы он оставил нам. Об этом и приходили сообщить эти минус два юриста.

–Господи! Я пропала! Меня убьют! Тебя убьют! Все ужасно!

Саша обнимает меня, останавливает мой порыв, все перебить и разорвать.

–Не паникуй. Теперь мы вместе, а этим ребятам нужно просто заплатить.

–Просто заплатить?! Мне нечем платить не этим ребятам, ни любым другим! – в отчаянии кричу я.

–Не шуми, – пытается успокаивать меня Александр. – Поверь, я что-нибудь придумаю. Только дай мне время. Посиди дома, спокойно подожди меня.

–Ждать?! Я ненавижу... я не люблю...я, я ... да я боюсь

сидеть и ждать! Хотя бы скажи, что ты собираешься делать?

–Если тебе это так важно... для начала я собираюсь посоветоваться с отцом. Он уж точно лучше нас знает, что предпринять в такой ситуации.

На такое разумное предложение мне, конечно, возразить нечего. Я соглашаюсь ждать, однако, взяв с Саши обещание вернуться не позже чем к вечеру. Оставшись одна, я стараюсь осмыслить произошедшее. Хотя соображается с превеликим трудом, меня всю так и потряхивает от пережитого. В памяти сразу всплывает тот странный временной парадокс, когда я наблюдала за визитом Сереги в мой дом. Он ведь явно меня тогда не видел и был уверен, что действовал тайно. Жаль, я тогда не рассмотрела, что за бумагу, он так тщательно скрывал от меня. Интересно, помогло бы мне сейчас, если бы тогда я смогла забрать ее.

–Ну, кто бы мог подумать, что мой тюфяк Серега затеет предательство, да еще разовьет такую активность?! – громко возмущаюсь я, расхаживая по комнате.

Абсолютно не знакомая с моим бывшим сожителем Пальма, ничего не понимая, бродит за мной. Я слоняюсь без дела. Не умею ждать. Жду стоя, жду сидя, жду уставившись в телевизор, понимаю, что чувствую себя так же, как Анхен из снов, сжимавшаяся от страха, в ожидании пока Ганс вернется и ее спасет. Нужно срочно чем-то заняться... От нечего делать в голову лезут всякие страсти. Вроде той: что приходившие утром бандиты, встретили моего Сашу и отомсти-

ли... пока я придумываю за что, моя кошка принимается истерично орать, требуя рыбы. Я вспоминаю, что сейчас раннее утро, и накормив Пальму, сама засовываю в рот пару бутербродов.

– Может в институт сходить?

Вопросом этим, я сама себя удивляю и озадачиваю. В самом деле, глупо сидеть дома, когда преподаватели, наверняка, уже подумывают о моем отчислении. Не имея ни малейшего понятия о сегодняшнем расписании, сую в сумку, первые попавшиеся тетради, одеваюсь и топаю в институт...

Я-то, лентяйка надеялась, что опоздала на первую пару и учиться придется, все хоть чуть-чуть меньше. Не тут-то было! Лена появляется еще позже меня, радостно сообщает:

– Ты молодец! Откуда узнала, что первой пары все равно нет? Многие приперлись к восьми, сами виноваты, будут сидеть здесь до конца четвертой пары.

– Так у нас четыре пары? – Вырывается у меня жалобный стон.

– Без первой только три. А ты, я смотрю, совсем отвыкла учиться. Безделье плохо сказывается.

– Ох, плохо! У меня все очень плохо!

– Так уж прямо и все?! – сомневается моя подруга. – выглядишь прекрасно, значит, кое-что все же хорошо. Как, например, на любовном поприще?

– Прекрасно...

– Тогда что может быть плохо?! – поражается Ленка.

–Мою квартиру практически продали!

–Что за времена! Когда в стране кончиться этот бардак?!

–Может быть в новом тысячелетии.

–Сомневаюсь. Звонок! Пошли уже, на паре расскажешь подробности.

В результате, вместо сосредоточенного карпения над физическими формулами, я снова занята только мыслями об утреннем происшествии. Мне приходит в голову даже воспользоваться тем же приёмом, который так хорошо мне помог в истории с бензовозом. Но, честно говоря, я и придумать не могу, какое именно нужно вернуть время, чтобы все исправить, и как сотворить такой фокус. Пока я размышляю об этом, мирно и незаметно проходит еще две пары. Честно пишу в тетрадь столбики цифр, черчу графики, но даже не пытаюсь вникнуть в суть, поглощенная мыслями совсем о другом. Моей эмоциональной подруге совсем не нравится такая отрешенность. Она по-своему пытается с нею бороться:

–Хватит прибывать в своем унынии! Тебе что велено?

–Ждать...

–А ждать не обязательно в унынии! Поэтому поводу у меня предложение: после лекции сразу идем ко мне, я показываю тебе свои новые наряды, последние фотографии и ставлю кассету с лучшими Пашиными песнями. Я даже не сомневаюсь, что от твоей хандры и следа не останется!

Мне не особенно нравится ее план, но спорить с Ленкой

сейчас у меня нет ни сил, ни желания. Только представлю, как она кипятиться, повышает голос до веселого визга, сразу хочется зажмуриться и зажать уши. Мы идем к Ленке, развлекаться, чем Бог послал.

До ее дома – целое путешествие. Не представляю, как она каждый день ездит в институт. Даже не каждый, а так редко, как она это делает. Мне бы не хватило героизма регулярно пересаживаться с одного транспорта на другой. И ехать, ехать, ехать... К концу пути, мне уже отчаянно хочется оказаться в уютной Ленкиной комнате.

Я прибавляю шаг и первой влетаю в ее подъезд. В лифте хочется подпрыгивать от нетерпения, но у меня хватает благоразумия этого не делать. Благополучно вливаем на благословенный девятый этаж. Лена вставляет ключ в замок:

–Странно, не заперто. Родители еще должны быть на работе.

Она толкает дверь, смело шагает через порог, манит меня:

–Пошли, пошли, сейчас мамино борща навернем.

Слово «борщ» вызывает у меня прилив горячего счастья. Ленка шмыгает в комнату. Остаюсь разглядывать чужую прихожую. Тесная, коричневая, похожая на узкий шкафчик. Большое зеркало, как окно в светлый мир, не успеваю полюбоваться своим отражением, подруга поспешно возвращается. На ее лице выражение прямо противоположное счастью.

–Что-то случилось? – осторожно спрашиваю я.

–Кажется...

Голос подружки глухой, какой-то незнакомый.

–Что там, Лена? – пугаюсь я.

–Кажется... кажется нас обокрали.

–И вас тоже?! – вырывается у меня.

–Почему тоже? – вяло спрашивает Лена.

–В Марининой квартире устроили погром.

–Кто? – бесцветно спрашивает она.

–Еще не нашли. Везет мне последнее время, то и дело прихожу в ограбленные квартиры.

–Ограбленные квартиры... – повторяет подруга.

Эти слова ее резко меняют. Лена нервно хватает с тумбочки газету, мнет ее в руках, расправляет, начинает обмахиваться, как в жаркий день.

–Родители, наверное, еще не знают. Надо им позвонить.

–Много чего пропало?

–Нет, только, самое ценное. Можно подумать, вору знали где искать...

Она снова мнет газету, бросает в угол, затравленно оглядывается, кажется, ищет, что еще бросить. Я болтаю первое, что приходит в голову:

–Знаешь, по телеку слышала, что все люди хранят ценности в одних и тех же местах. Любой вор, уже знает такие места наперечет. Только приходят в квартиру и сразу проверяют одни и те же шкафы, находят, что им надо и быстро лишают.

Лена меня не слушает, смотрит не понимающе. Отвечает

не впопад:

–Да, я сейчас позвоню отцу и мы пойдем отсюда. Пусть все остается как есть...

–Конечно, конечно, ничего не трогай, и вообще, лучше сразу вызвать милицию.

–Нет, я этим заниматься не буду! – категорично заявляет моя подруга. – Пусть разбирается отец. Он знает что делать. А я... все перепутаю... мне так страшно!

–Куда же мы денемся, до прихода твоего отца?

–Мы сейчас же уходим, нам нужно отвлечься, переключиться. Я не могу в одиночку переживать такие стрессы.

–В одиночку?! – обижаюсь я.

–Ну, ты меня понимаешь... мне срочно требуется мужская поддержка.

–И где же ты ее собираешься искать?

–Как раз это очень просто, – воодушевляется Ленка. – Нам только нужно найти Пашу.

–Тоже мне мужское плечо, – фыркаю я.

–Ты ничего не понимаешь, его творчество способно творить чудеса. Мне сейчас так нужна его поддержка! Его уверенность.

Предпочтя оставить при себе свое нелесное мнение о новом объекте Ленкиной любви, и уж тем более о партии хвостоненавистников, я молча сопровождаю подругу до ангаров, где обитает ее рокер. По знакомому маршруту, мы проходим мимо лупцующих друг друга каратистов, дико шара-

хаемся от ребят с длинными палками и короткими, но злыми нунчаками, и добираемся до закутка музыкантов. Их подобие двери оказывается открытым, мы входим, по очереди запинаемся об микрофонные провода, аккуратно обходим барабанную установку, и резко останавливаемся. Шедшая впереди меня Ленка стоит как вкопанная, тычет перед собой пальцем и повторяет то тихо, то оглушительно визгливо:

– Это наше... наше... наше... это наши вещи!

Я выглядываю из-за нее, и вижу в углу каморки сваленные в кучу телевизор, видик, шкатулки, коробки, пару норковых шапок и рыжую Ленкину шубу. Оглядываюсь по сторонам, хорошо что мы еще здесь одни.

– Надо убираться отсюда, пока нас никто не видел! – я тороплюсь, командуя как Маринка.

– Уже увидел... – хрипит Лена.

Теперь и я вижу, замерших в дверях хвостатого Пашу и его приятелей.

– Тю-ю, девочки! Мы вас не ждали!

Паша старается смотреть сурово, но я замечаю, как трудно ему остановить блуждающий взгляд. Я понятия не имела, как отличить наркомана под кайфом. А теперь ясно понимаю, что перед нами стоят сразу пятеро наркоманов.

– Мы зашли на минуточку, – перепугано щебечет Лена. – мы уже уходим.

– Никуда вы не пойдете! Я против! – развязно заявляет Паша.

Он вваливается в каморку, придвигает к себе табурет, падает на него, растекается жидкой квашней. Остальные музыканты следуют его примеру. Мы оказываемся напрочь отрезанными от выхода, окон в каморке нет!

–Сейчас начнете ныть, что никому не скажите, – гнусавит Паша, – или того лучше примитесь вопрошать: «Пашенька, зачем тебе это надо?! У тебя же талант!». Терпеть не могу! Я сам разберусь, что моему таланту нужно. Таланту нужно есть! И еще кое-что... таланту позарез нужны впечатления, а какие здесь впечатления? Скучно мне!

Пока он куражится, я лихорадочно ищу выход. Напрягаю все душевные силы, пытаюсь вернуть время вспять, туда, где мы еще можем не заходить в проклятую комнатушку. Но видно, жуткий страх лишает меня сил. Только и остается молиться: «Господи! Сделай хоть что-нибудь!».

Один из воров достает пистолет, наставляет на нас.

–Безопаснее всего, – рассуждает он, – нам будет вас пристрелить и бросить в каком-нибудь лесочке. Вокруг такого добра полно! И трупов там всяких разных видимо-невидимо. Менты ищут, ищут и никого не находят.

–Прекрасная мысль! – поддерживает его Паша. – Только это все мы сделаем когда стемнеет, когда разбегутся дурочки-каратисты.

Вот, он сам подсказал! Я знаю что делать!

–По-мо-ги-те-е-е!! Сюда! Убива-ю-ю-ют!

Я ору что есть мощи! Ленка сразу подхватывает пискливо:

–Ма-ма-а-а! Лю-дии-и-и! Убиваю-ю-ю-ют!

Наркоманы бросаются на нас, Паша сбивает меня с ног, зажимает рот! Падаю, долблю пяткой по большому барабану. Оглушительный грохот будит во мне воительницу, что сражалась у банка. Отталкиваю Пашу, вскакиваю, хватаю его за длинные волосы, бью головой о злосчастный барабан. Разбрасываю пару нападающих, смотрю сверху вниз, на их жалкие попытки подняться. Паша неподвижно валяется на полу. И вдруг, меня осеняет! Знаю, где я его видела! Это же он был вторым парнем, пытавшимся ограбить Серегу. Я его уже била!

Ошарашенная догадкой, почти спокойно смотрю, как распахивается хлипкая дверь, в каморку врываются разгоряченные ребята в белых кимоно, в мгновение ока, валят и скручивают разбушевавшихся наркоманов. Вижу, как Лена сидит на полу отряхивает, поправляет смятую одежду. Каратист подает ей руку, помогает встать, она счастливо и кокетливо улыбается ему. Парень смущается, говорит какие-то глупости.

–Теперь надо ментам звонить, – обращается ко мне каратист постарше. – Вы не беспокойтесь, я сам с ними поговорю.

На удивление, быстро приехавший серьезный, пожилой милиционер устало выслушивает наш сбивчивый рассказ, вздыхает:

–Наркоманов развелось немерено. Житья от них нет. Что не вызов, обязательно нарки. Вы девушка идите пока домой,

понадобится, вызовем.

Я радостно несусь подальше от ангаров и от криминальных разборов. А Лена наоборот, сама настаивает на том, чтобы задержаться.

—Я должна отомстить, чтобы жить спокойно! — театрально заявляет она.

Но у меня возникает сильное подозрение, что не только отмщение эксвозлюбленному заставляет ее задержаться, но и большие зеленые глаза обаятельного каратиста. Я слышала, как он предложил проводить ее, как только у него кончится тренировка. Счастливая! История с воровством проскочила для Ленки, между двумя влюбленностями. Умеют же люди!

Размышляю о превратностях судьбы, рассеянно глядя в пыльное окно автобуса, чувствую себя романтической книжной героиней, спешащей вернуться к своему единственному возлюбленному. Честно говоря, я не очень-то подхожу на такую роль. В отличии от литературных героинь, кроме пламенной любви, мои мысли занимают мечты о полной тарелке супа и котлетке с гарниром. Лишний раз убеждаюсь, что голод не тетка.

Моя Анхен точно плод воображения и снов, если может спокойно жить, питаясь так редко. Эх, что теперь с Гансом и Анхен? Давненько я их не видела!

Мысль прыгает от современности к средневековью и обратно, и дорога кажется мне гораздо короче. Я почти не замечаю, как возвращаюсь в родные пенаты. Перешагнув по-

рог квартиры, сразу бегу к холодильнику и только поглотив изрядное количество съестных припасов, осознаю, что благополучно выбралась из очень мерзкой ситуации. Из одной мерзкой ситуации, но я запасливая, у меня есть еще. Смотрю на часы, вот и прошел день, а Саши все еще нет. Неужели, еще что-то случилось?! От блаженного сытого спокойствия снова срываюсь в волну беспокойств и волнений. Тут уж главное не захлебнуться, но я готова пойти ко дну! Столько времени держалась вполне прилично, а теперь бегаю, как ненормальная, из комнаты в комнату в тщетных попытках убежать от своих страхов. Наблюдающая за мной ужасно породистая кошка, близка к тому, чтобы покрутить пальцем у виска. Она ленится проделать столь сложные маневры по квартире и просто громко пищит мне вслед, что-то очень похожее на людские ругательства. Я беру себя в руки, оказывается, быть круглой душой, так неприятно. Плавно опускаюсь на диван, включаю телевизор, даже стараюсь вникнуть в смысл начавшийся передачи. Все бесполезно! Могу только тискать кошку, чесать ей за ушком и слушать довольное урчание.

Из оцепенения меня выводит звонок в дверь. Лечу открывать, кошку на всякий случай не отпускаю, прижимаю к груди, несмотря на ее активное сопротивление. Саша заходит улыбающийся, очень довольный собой и объявляет:

–Кончились твои страдания! Ближайшие лет десять нас никто не потревожит. Только...

–Только? – настораживаюсь я, едва успев обрадоваться.

–Мелочи. Придется некоторое время побыть пешеходами.

–Пешеходами? О чем ты?

Недоумение останавливает мой порыв броситься ему на шею.

–Какая ты не ласковая! – смеется Александр, – я весь день крутился, как белка в колесе, а дома даже поесть не предложат.

Мне становится стыдно. Давно ли я сама мечтала о супчике?! Но, разогревая суп, не могу удержаться, пристаю с вопросами:

–Может быть, расскажешь все толком?

–Нечего рассказывать. Твой Серега в бегах, его скорее всего найдут, не бандиты, так органы, за подделку документов. В конце концов, достанется на орехи, и от тех и от других.

–А моя квартира?

–Честно говоря, я сам не очень представлял, что теперь делать, рассказал все отцу, он куда опытнее в таких делах. К сожалению, у нас, любой бизнес вынужден кланяться криминалу. Оказалось, он знаком с хозяином тех ребят, что страшили меня утром. На самом деле, отец все и устроил, а я только летал как связной воробей.

–Связной воробей, это что-то новенькое в орнитологии, – счастливо улыбаюсь я.

Подробности мне уже кажутся не особенно важными. Я

осознаю главное – все хорошо, когда хорошо кончается!

–Мне так и не удалось выяснить, зачем твоему Сереге понадобилась такая внушительная сумма денег. Но, судя по всему, первое время, он надеялся ее вернуть и никуда бежать не собирался.

–Еще бы, резвился тут с блондинкой, – вставляю я.

–Ура блондинкам! – хохочет Александр, – они помогли мне занять Серегино место.

–Оно всегда было твоим, – ласково мурлычу я, – а у меня сегодня тоже выдался жутко трудный день.

Я во всех ярких подробностях живописую Саше свои невероятные приключения, когда дохожу до сцены сражения с наркоманами, он возмущенно восклицает:

–Подумать только, из-за всех этих квартирных разборок, тебя спас не я, а мои приятели – каратисты! Вот чувствовал, надо было сегодня вырваться на тренировку.

–Да, было бы красиво, – соглашаюсь я, – но ты спасал меня в другом месте. Объясни мне все же шутку про пешеходов.

–Разве я еще не сказал?! В уплату долга предложил вместо квартиры – джип. Кредиторы не соглашались, твердили, что этого мало, пришлось отдать в довесок, и деньги которые откладывал на свою квартиру. Главное, что теперь всю историю с займом, можно считать законченной. Все вернулось на круги своя. Ничего и не было. Забудь...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ.

Александр, наконец-то, сосредотачивается на тарелке с супом. А меня переполняет чувство невысказанной нежности и любви. Я снова его отвлекаю, подхожу, обнимаю, усаживаюсь на колени.

–Как у тебя все просто, – восхищаюсь я, – А как же моя бесконечная благодарность? Я так не могу, буду чувствовать себя не в своей тарелке, пока не отдам долг.

–Тогда отдай его прямо сейчас! – легко предлагает Саша.

–Денег у меня все равно нет, признавайся, что ты задумал?

–Отдай мне, твой самый страшный секрет.

–Самый страшный, – я глубоко задумываюсь и признаюсь неохотно, – ты просто не мог меня запомнить в Петербурге, я была просто попутчицей в электричке, малолетней страшилкой в шапке с огромным помпоном.

–В красной, полосатой такой?

–Откуда ты знаешь? – млею я, – разве я уже рассказывала?

–Тоже мне страшная тайна! Я и сам тебя помню, уж больно хороша была шапка! Лучше расскажи еще что-нибудь.

Я собираюсь с духом, набираю в грудь побольше воздуха, наконец, выдыхаю горестно:

–Я... лежала в психушке... Только несколько дней... это случайно вышло... я скрывалась от милиции, по обвинению в убийстве...

Я с тревогой ожидаю Сашиной реакции, хочется даже зажмуриться. А он вместо того, чтобы ужаснуться, улыбается радостно:

– Слава Богу! А я уже думал, что мне и самому пора нервы лечить. Я-то думал, ты мне просто померещилась. Хорошо, что на самом деле там была ты.

– Ты и там меня заметил? – поражаюсь я. – А девчонки так старались.

– А что с убийством-то?

– Да, все обошлось, – отмахиваюсь легкомысленно. – Придунок уколотый, сам помер, и без моей помощи.

– Чем дальше, тем увлекательней, – смеется Александр. – А что еще ты скрываешь?

– Я и есть твоя Анхен! – решаюсь признаться ему.

– Это же мои сны, – хлопает глазами Александр.

– Но я тоже знаю все про Громилу и Заморыша.

– Потому что я тебе рассказал.

– Нет, потому что я там была. Откуда тебе знать, как мне было страшно и холодно, в тех проклятых развалинах, а Ганс – грубое животное, только и думал об удобстве для своего коня.

– Может быть, у тебя просто бурная фантазия? – робко предполагает Саша. – После моих рассказов, ты впечатлилась и...

– А про пожар в доминиканской крепости, я тоже выдумала?!

–Ты... об этом знаешь?!

Веселый и гордый, своей недавней победой, Александр становится тихим и скромным. Внимательно слушает, как я броню Ганса за вечную грубость и неотесанность.

–Ганс, это же не я... Я совсем – совсем им не управляю... он живет своей собственной независимой жизнью. У нас даже чувства разные. Там, где мне бы, наверное, стало страшно, он только веселится. Вот, схватили его инквизиторы, нет, чтобы серьезно подумать о своем положении, он отлупил монахов и завалился спать. У него дырка в боку, едва зажившая, а он ведет себя как медведь...

–Бешенный, – добавляю я. – Знаешь, Анхен тоже на меня совсем не похожа. Она такая несусветная трусиха. Всего боится, лошадей, одиночества, Ганса твоего. А еще она пить не умеет! Я даже в самый первый раз так не напивалась, как она. Она понятия не имела, что такое вино. Сроду не думала, что можно так удивляться опьянению. Ничего-то она не знает.

–Ганс не лучше. Чурбан неотесанный. Сила есть – ума не надо.

–Не утрируй, он много чего знает, вон, как убедительно притворялся герцогом. Анхен так и не спросила у Ганса, может ты в курсе. Откуда он знает, что такое вилка и как с ними обращаться.

–Это элементарно, отцу Ганса один вельможе заказал изготовить целую дюжину таких вилок. Он и объяснил деревенскому оружейнику, что делают с этой диковиной.

–Все-таки мы с тобой смотрим одни и те же сны, – мурлычу я, – чтобы это значило?

–Не иначе – это любовь, – нежно улыбается Саша. – И все-таки, мне не верится, что два разных человека могут во всех подробностях видеть одно и то же. И ладно бы только во сне, но мне часто кажется, что средневековые приключения случаются наяву.

–Как тогда, в кафе?

–Да, да помнишь лицо уборщицы? Она точно приняла нас за психов или пьяниц.

Мы еще долго обмениваемся впечатлениями от нашего двойного существования, там и здесь.

Я спохватываюсь, вспоминаю, что мой двуликий спаситель до сих пор голодный. Суп уже остыл, но он готов довольствоваться и таким. А я зачарованная люблюсь, как Саша жадно ест, вспоминаю, что у меня в холодильнике припасена колбаска, срываюсь доставать. Заныриваю в холодильник, как в холодную пещеру, прячу довольное лицо. До чего же хорошо, когда понимают и разделяют твои самые странные странности.

Но одну свою тайну я открыть так и не могу. Не смотря на все наши общие странности, я так и не могу признаться в своей роли в странной истории с аварией, пожаром и бензовозом. Ведь он ее и не заметил. Эти впечатления общие вовсе не для нас двоих. А может мне, и вовсе все поме-

решилось. Вообще это слишком похоже на манию величия. Здравствуйтесь, я управляю временем!

Пестрой чередой бегут дни, складываются в недели, месяцы. Двадцатый век, вполне благополучно сменяется двадцать первым. Глобальные катастрофы и резкие перемены, которые все пророки норовили приурочить к смене тысячелетий обошли нас стороной. Оставшись только на страницах книг и кадров фильмов. Жизнь идет себе, идет потихонечку. Не обращая ни малейшего внимания на наши страхи и предположения.

Мое собственное современное существование становится таким приятным и безоблачным, что на какое-то время, я и вспоминать перестаю свои бурные приключения, в неизвестных мирах, так похожих на европейское средневековье. Я уже начинаю сомневаться, что невероятные не поддающиеся логическому объяснению события, происходили именно со мной, не были подробностями из чужой, увлекательной истории. Надо же, пролетают года, столетия, а землю поливает такой же дождь, на нее смотрят всё те же звезды, становясь свидетелями бессмертной любви, именно той силы, которая отличает живое от мертвого, которая заставляет нас дышать, надеяться, верить.

Я снова вспоминаю худенькую, бледную Анхен, стоя возле большого институтского окна. Далеко внизу, по черному блестящему асфальту скользят туда – сюда машины, мимо

плывут зонты, через их однообразный черный поток пробирается одинокий веселый, ярко малиновый зонтик. По стеклу быстрыми змейками сбегает капли дождя. Я прослеживаю их путь пальцем. Настроение такое же серое и дождливое. Грустно! Саша далеко в командировке, я чувствую себя такой же одинокой, как этот малиновый островок. Хорошо бы встретиться с любимым, хоть как –нибудь, хоть где-нибудь! Идея увидеться со средневековым Гансом, поражает своей веселой шkodливостью. Ведь Саша где бы он ни был, увидит то же самое. Жаль, я не могу управлять тем, что там происходит. Сосредоточиваюсь, даже зажмуриваюсь. Получается!

Я оказалась под ярко-голубым небом, посреди огромного зеленого луга. Что-то неуловимо щемящее подсказало мне, что двадцать первый век, немыслимо далек.

–Вот мы почти добрались!

Услышав голос Ганса, я стремительно обернулась.

–Куда добрались?

–Надо же нам где-то начинать новую жизнь. Здесь мы ее и начнем, – довольный Ганс расплывается в улыбке.

–Прямо здесь? В чистом поле? – я стала удивленно оглядываться. – Здесь же ничего нет!

–Глупенький Заморыш, я же сказал, что мы почти добрались. Через четверть часа дойдем до деревни, где осел старый друг моего отца.

–Так мы к нему и шли?

–Не совсем, но надо же нам с чего-то начинать самостоятельную жизнь. Этот Витторе Кантони тоже оружейник, я надеюсь, первое время помогать ему в мастерской, а потом и свое дело открыть. Я все смогу, если...

Я впервые увидела Громилу таким смущенным. Он смолк, не договорив. Чтобы его подзадорить, я смотрю лукаво, переспрашиваю:

–Если?

–Если ты согласишься жить со мной... – бубнит Ганс, опустив голову, и глядя себе под ноги.

–Так Гретта была права! – я даже подпрыгнула от радости и сразу устыдилась проявлению излишней откровенности, напустила на себя строгий вид, и стала отчитывать Ганса, – Тебе следовало сначала спросить меня об этом, а уж потом тащить за тридевять земель. Я даже не знаю где мы!

–Почти на берегу Адриатического моря. Недалеко от города Венеции, – не поднимая головы, объяснил Ганс.

–Так далеко от...

Я хотела сказать от дома, от мамы, но ведь все равно не могла вернуться туда. К тому же за последнее время, я уже привыкла чувствовать себя дома там, где был мой Громила.

–Но пастырь говорил, что инквизиция есть везде, – только и смогла возразить я.

–Конечно, есть, у нас одна инквизиция, здесь другая. Постараемся ей не насолить, и все будет хорошо.

–А я что буду делать? – вдруг покраснев и тоже потупившись.

–Ну... Если ты не против... Ты будешь хозяйкой в нашем доме.

–Готовить обеды и рожать детей?

–Так ты против... – вздохнул он грустно.

–Нет... с чего ты взял? Я...согласна...

–Странно у нас все, – заметил повеселевший Ганс. – В чистом поле, под открытым небом, в чужой стране. Я должен был бы просить твоей руки у родителей, торжественно, по всем правилам. А теперь, они даже не узнают, что мы поженимся.

–Уже очень давно, мама сказала мне, что я должна сама выбрать себе мужа, и она одобрит любой мой выбор.

–А отец?

–Он добавил тогда, что мама абсолютно права. И он даст свое благословение сразу, как только я решу выйти замуж. Я думаю, теперь бы они за меня порадовались. Жаль, конечно, что они так далеко.

–А мы к ним съездим, когда-нибудь! – убежденно заверил Громила.

–Мы и Гретту навестим?

–Напрасно она осталась в своем дурацком городишке, – поморщился Ганс.

–У нее там дом и семья. Еще до нашего отъезда она послала мужу весточку, чтоб они все возвращались.

– Хорошо, что инквизиция прекратила искать ведьму в их семье. А вдруг, опять начнут? Лучше бы они ушли с нами.

– Один Бог знает, что на самом деле лучше, – вздохнула я.

– Вот съездим к ним и узнаем.

– Когда же это станет возможно? – горестно вздохнула я.

– Когда мы с тобой станем солидными венецианцами, я отпущу пышную бороду, а ты... – Ганс рассмеялся, – а ты станешь солидной, толстой фрау. Тогда нас никто не узнает и не сдаст доминиканцам. Только боюсь долго придется, нам этого ждать. Впрочем, кое-что можно сделать прямо сейчас.

– Что? – спросила я испуганно.

Продолжая смеяться «Кроха» полез в свою большую дорожную сумку, долго там рылся, делая вид, что не может найти того, что ему нужно. И рассуждал при этом:

– Я смотрю, твое когда-то красивое зеленое платье, совсем поистрепалось в дороге. Даже позолота стерлась и потускнела. Да тебе никогда не шел этот цвет.

Я собралась уже оскорбиться, ожидая от него только новых колкостей, парировала обиженно:

– Я бы с удовольствием переделалась, да нет у меня другого платья. И ты это отлично знаешь!

– Помнишь, я как-то пообещал тебе веселенький пурпурный наряд, чтоб улучшить цвет лица? Так я ведь не зря так долго шастал по разным лавкам, в том большом городе, пару недель назад... в общем... это тебе.

Он извлек из своей бездонной сумки большой сверток и

подал мне. Неожиданно разволновавшись, я медленно развернула грубую мешковину и ахнула! Ярким цветочным лепестком глянуло на меня алое пламя. Я даже не сразу сообразила, что это просто ткань, едва не выронила сверток.

–Чего ж ты испугалась? Разворачивай, разворачивай!

Я первый раз в жизни держала в руках такую красоту! Неужели простые женщины могут носить такие великолепные красные платья?! Я была уверена, что этого быть не может.

–Нет! Я не смогу это носить! Такие вещи нельзя надевать просто так!

–Еще как можно! – хохотнул Громила. – Южанки очень любят красный цвет! К тому же смотри, корсаж и вовсе черный. Очень даже скромное платьице. Не хмурься, мы же на юге.

–Все равно, оно слишком нарядное, – продолжала упорствовать я, но не могла скрыть счастливой улыбки.

–Так я не понял, тебе нравится? – уточнил Ганс.

–Очень, – призналась я.

–Тогда его и одень на нашу свадьбу.

Разговор о свадьбе, опять вогнал меня в краску. Вечно он так! Опять все решил сам. Хотя именно это, мне и нравилось. И все же я решила спросить:

–А почему Венеция?

–Я где-то слышал, что это самый прекрасный город на земле. Ты не поверишь, в Венеции, сами жители выбирают

себе дожа.

–Кого? – расхохоталась я. – Какое смешное слово.

–Здесь все слова смешные, нам придется выучить новый язык, я уже кое-что запомнил. Пока добирались, – похватался Ганс.

–А я ничегошеньки не понимаю, когда местные начинают тараторить быстро – быстро, кричать и бурно жестикулировать.

–Да, народ здесь горячий! Ты скоро привыкнешь. Мы с тобой поселимся где-нибудь в деревне, построим свой дом, мастерскую. Просто не представляю, как можно жить в городе! Но я обязательно свожу тебя в эту Венецию, поглазеть чего в ней такого необыкновенного...

-Вот ты где!

Ошарашено, не успеваю понять, где я и когда. Снова передо мной заплаканное дождем стекло, стою себе в длинном институтском коридоре. Итальянского солнечного луга как не бывало! Обидно! Зато в двадцать первом веке, рядом со мной стоит и улыбается Александр.

–Сашка!

Радуюсь, прыгаю, целую его, обнимаю, а он смеется.

–Ну, ты тормоз! Ты где была? Я здесь уже минут пять стою.

–Как где?! – удивляюсь я, – разве ты не знаешь?! Я опять была там! И Ганс, между прочим, наконец, сделал мне, то

есть Анхен предложение. В странной форме, но все-таки! И вообще, они решили...

—А я как раз хотел сказать, — перебивает меня Саша, — ты ничего не слышишь, а я хотел сказать, что я страшно соскучился, и решил послать все дела и поехать куда-нибудь вместе, например в Венецию...

THE END.

21.09.2007год. Содержание:

Черт знает что.

Хочу любви, высокой и чистой.

Час от часу не легче.

Чудеса, да и только.

Схожу с ума.

Второй день.

Машина история или Цыганское Счастье.

Цыганское счастье (продолжение).

Чем дальше, тем страшней.

Смена действующих лиц.

Знакомство с Крохой.

Живу «там» и здесь.

За любовь гончара.

Второе свидание.

Студенческая.

Из огня, да в полымя.

Приключения продолжаются.

План действий на выходной день.

Белый снег.

Плащ тамплиера или рассказ Кузьмича.

Плащ тамплиера или рассказ Кузьмича (продолжение).

Home sweet home.

Под куполом неба.

Взгляд со стороны.

Тяжелый день – понедельник.

Побег.

Бесконечный день.

В поисках дивана.

Вино и наряды.

Умные разговоры.

От отчаяния к надежде.

Хижина в лесу.

Лесной знахарь.

Свобода творчества.

Конец ярмарки.

Огонь.

Любовь.

Криминальная.

Заключительная.